Г99 6/55

В.Р. №6
Г99 6/55
I 2/16

Лев Жданов

КОНЕЦЪ ВОЙНЫ

(Послѣдніе дни міровой борьбы).

РОМАНЪ

Кн-во „ПОСѢВЫ“

Правс собственности внѣ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами. За разрѣшеніемъ на переводъ просятъ обращаться къ Николаю Николаевичу Михайлову, кн-во „Прометей", Петроградъ, Поварской, 10.

ЛЕВЪ ЖДАНОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ РОМАНЫ СЪ ПОРТРЕТ. И ИЛЛЮСТРАЦ.

Т. I.	Въ стѣнахъ Варшавы. Кн. I. Изд. 2-е	Ц.	1 р. 50 к.
Т. II.	Въ стѣнахъ Варшавы. Кн. II.	»	1 „ 50 „
Т. III.	Осажденная Варшава	»	1 „ 50 „
Т. IV.	„Сгибла Польша!"	»	1 „ 50 „
Т. V.	Послѣдній фаворитъ. Кн. I. Изд. 2-е	»	1 „ 25 „
Т. VI.	Послѣдній фаворитъ. Кн. II. Изд. 2-е.	»	1 „ 25 „
Т. VII.	Былые дни Сибири. Кн. I.	»	1 „ 25 „
Т. VIII.	Былые дни Сибири. Кн. II.	»	1 „ 25 „
Т. IX.	Третій Римъ. Изд. 2-е.	»	2 „ — „
Т. X.	Грозное время. Изд. 2-е.	»	2 „ — „
Т. XV.	Новая Русь	»	1 „ 50 „
Т. XVI.	Петръ и Софья	»	2 „ — „
	Въ сѣтяхъ интриги (Павелъ I)	»	1 „ 50 „
	Подъ властью фаворита. (Бироны)	»	2 „ 50 „
	Историческія поэмы (Гипатія.—Мирра)	»	1 „ 50 „
	Къ представленію дозволены безусловно. Изд. 2-е		
	Во дни смуты	Ц.	1 „ 50 „
	Закатъ (Царь-Звѣрь)	»	— „ 75 „
	Вѣнчанныя затворницы	»	— „ 60 „
	Наслѣдье Грознаго. (Дмитрій I-й)	»	— „ 60 к.

ИЗДАНІЯ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

(Съ иллюстраціями, въ тиснен. переплетахъ).

Царь Іоаннъ Грозный (Свѣтлые годы)	Ц.	4 р. 25 к.
Царь—Опричникъ	»	4 „ 25 „
Русь на переломѣ (Стрѣльцы у трона)	»	3 „ 25 „
Отрокъ—Властелинъ (Юный Петръ)	»	3 „ 75 „
На Малаховомъ Курганѣ	»	1 „ — „

Два милліона въ годъ. (Нищій милліонеръ). Фантастическій романъ, Изд. 4-е съ цвѣтными иллюстраціями. Ц. 2 р. 50 к.
Въ тиснен. переплетѣ . . . . . » 3 „ — „

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Петръ Императоръ.
Боярыня Морозова.
Протопопъ Аввакумъ.
Цесаревичъ Павелъ.
Павелъ Императоръ.
Убійство посла.
Царица изъ Царьграда.
Узникъ-Императоръ.
Дворцовая порча.

Выписывать можно: Петроградъ. Поварской пер. № 10; кн-во „ПРОМЕТЕЙ" и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ЛЕВЪ ЖДАНОВЪ.

Г99 6/55

КОНЕЦЪ ВОЙНЫ.

(Послѣдніе дни міровой борьбы).

РОМАНЪ.

Кн-во „ПОСѢВЫ".

ПЕТРОГРАДЪ.

Н миръ принесъ Я въ міръ, но—мечъ!:.

* * *

— Ты разрушишь великое царство!.,

Древнее предсказаніе.

,,Падающаго толкни!"

Ф. Ницше.

— Von Humanität,
Durch Nationalität—
Zu Bestialität!

A. Grillparzer.

ФАУСТЪ—(*творя заклинанія*).
Явись! тебѣ повелѣваю.
ДУХЪ ЗЕМЛИ—(*являясь*).
Зачѣмъ меня ты вызвалъ?
ФАУСТЪ—(*въ страхѣ лишается сознанія*).

В. Гете.

БИБЛИОТЕКА Г. И. Н.
№ 28382
3—XII 1930.

Тип. Акц. О-ва „Копѣйка"
Птрбр., Сайкинъ 6.

ЧАСТЬ I.

Пути гибели.

Глава I.

Во дни удачи.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Ликующіе, подмывающіе звуки, напѣвъ, издавна знакомый, близкій для польскаго слуха,—гдѣ-то вдали прорѣзалъ онъ воздухъ іюльскаго утра, пронизаннаго свѣтомъ и зноемъ.

На дальнемъ краю нарядной Варшавы, утонувшей въ зелени, накрытой прозрачно-синимъ куполомъ небесъ, съ легкими, бѣлоснѣжными пятнами облаковъ,—тамъ на Уяздовской аллеѣ, за Бельведерскимъ дворцомъ,—на дорогѣ, ведущей къ Пясечной,—родились знакомые звуки. Все ширясь и наростая, стали доноситься они до слуха варшавянъ, которые, въ ожиданіи новыхъ событій,—чуть ли не съ разсвѣта толпятся на главныхъ улицахъ Привислянской столицы.

Сказочные дни переживаютъ варшавяне.

Вчера еще весь день и этой ночью до разсвѣта грохотали грозные взрывы за Вислой, на Прагѣ, на южныхъ, и на западныхъ фортахъ. Съ тяжкимъ грохотомъ рушились, подорванные минами, воздушные и мощные, въ то же время, мосты на свѣтлой, широкой рѣкѣ... Послѣдніе русскіе отряды поспѣшно переходили на правый берегъ, къ Пражскому предмѣстью, по восьми понтоннымъ мостамъ, перекинутымъ въ разныхъ концахъ за чертою города.

А противъ улицы Каровой наведенъ былъ девятый, временный мостъ, по которому на ту сторону, на Волчьи луга, медленно тянулись отряды внутренней охраны, перевозя остатки воинскаго и госпитальнаго имущества, какое надо было убрать изъ города, оставленнаго врагу.

А нынче утромъ — этотъ врагъ уже входитъ въ древнюю столицу Рѣчи Посполитой... И не со своимъ обычнымъ напѣвомъ, вотъ уже цѣлый годъ гремящимъ въ ушахъ у потревоженнаго міра.

Не излюбленное: «Deutschland ueber Alles!»—выводятъ трубы многоголосаго военнаго оркестра. Чужая народная пѣснь, польскій свободный напѣвъ звучитъ надъ тяжелыми, стройными рядами германскихъ ратей, вступающихъ въ полоненный городъ по той же дорогѣ, по которой, въ свое время,—вступали Наполеоновскіе легіоны и батальоны Дибича...

Тевтонскія полчища—впервые идутъ этимъ широкимъ, проторенным путемъ,—разливаясь по путными руслами и по Ново-Александровскому шоссе, и по Іерусалимской аллеѣ, гдѣ нѣкогда ютилось Гэтто отверженныхъ пасынковъ Судьбы, сыновъ священнаго народа Израильскаго.

Конные отряды и артиллерія, грозно громыхая, гулко ударяя десятками тысячъ копытъ о камни мостовой,—льются по двумъ послѣднимъ путямъ. А по Уяздовской аллеѣ надвигаются пѣхотныя части. Словно на смотру, четкимъ, тяжелымъ шагомъ, параднымъ маршемъ входятъ войска. Развѣдка произведена была въ свое время. А нѣмцы-шпіоны, обыватели Варшавы,—еще раньше успѣли сообщить «своимъ» объ очищеніи города и всѣхъ укрѣпленій Праги.

Русскихъ нѣтъ въ Варшавѣ, кромѣ тяжело-раненыхъ и больныхъ, оставленныхъ кое-гдѣ въ лазаретахъ.

И съ распущенными знаменами, съ музыкой вступаютъ побѣдители въ Варшаву, въ этотъ обѣтованный край, гдѣ ждетъ сладкій отдыхъ и, даже, полный, почетный и выгодный для Германіи, миръ.

Такъ, въ приказахъ, объявленныхъ по войскамъ, и даже лично—обѣщалъ самъ императоръ Вильгельмъ тѣмъ частямъ своей арміи, которыя провожалъ на страшную бойню, на сраженіе передъ Варшавой, длившееся почти 14 дней!..

— Дѣти мои!—говорилъ онъ:—я знаю по донесеніямъ генераловъ, что мои доблестныя войска безмѣрно утомлены своимъ долгимъ побѣднымъ шествіемъ и нуждаются въ отдыхѣ. Отъ васъ зависитъ его получить разъ и навсегда! Еще одинъ могучій ударъ,—добейте полураздавленнаго врага,—и вы въ Варшавѣ. А тамъ врагъ пойметъ, что дальнѣйшее сопротивленіе напрасно,—и самъ запроситъ мира. И вы отдохнете со славою, вернувшись къ своимъ очагамъ, гдѣ ждетъ васъ любовь женъ и радость вашихъ малютокъ-дѣтей!.. Впередъ, мои друзья, солдаты! Богъ предаетъ враговъ въ руки наши!..

Такъ говорилъ Вильгельмъ...

И, вотъ, Варшава—взята.

Больше сорока тысячъ своихъ товарищей, не считая противниковъ, оставлено мертвыми тамъ, позади... Вдвое, втрое больше раненыхъ лежитъ по окрестнымъ городкамъ и селамъ, въ походныхъ госпиталяхъ, пока не отправятъ ихъ домой съ безчисленными, печальными поѣздами, или, ночью, безшумно ввезутъ въ стѣны той же красивой столицы польской, гдѣ такъ весело и привольно жилося людямъ даже во дни осады, въ грозные часы послѣднихъ аттакъ...

Но сейчасъ свѣжія части изъ резервовъ, бодрые батальоны, почти не тронутые бичемъ войны,—они пущены впередъ съ вѣющими знаменами, съ музыкой... Гирляндами цвѣтовъ украшено оружіе солдатъ и пики кавалеріи...

Части новой арміи, составленной изъ свѣжихъ баварскихъ полковъ, съ принцемъ Леопольдомъ во главѣ,—вступаютъ въ Варшаву.

Чтобы сразу очаровать варшавянъ и сдѣлать враговъ друзьями,—польскую, завѣтную пѣсню играютъ военные оркестры тевтоновъ.

А нѣмецкіе агенты давно пустили слухъ по городу, что завѣтная мечта польскихъ душъ свершится и очень скоро: воскреснетъ былая Польша и свой круль изъ саксонской династіи возродитъ силу и блескъ Рѣчи Посполитой!..

Гремящія гортани нѣмецкихъ трубъ не случайно такъ четко выводятъ ноту за нотой, словно выговариваютъ слова, чуждой имъ, пѣсни.

А вотъ, и людскіе, сильные голоса подхватили знакомый напѣвъ.

Солдаты-поляки изъ Познани, всего нѣсколько ротъ, уцѣлѣвшихъ изъ цѣлой 56 дивизіи,—которая была брошена въ первый огонь,—они шагаютъ сиротливымъ островкомъ въ морѣ упитанныхъ баварскихъ солдатъ, текущихъ густыми колоннами.

Заслышавъ родной напѣвъ,—позабыли поляки, что нѣмцы словно умышленно гнали ихъ на убой подъ стѣнами родного города... Что изъ 20-ти тысячъ человѣкъ не осталось и десятой части послѣ удара, нанесеннаго врагу желѣзною рукою Сибирскаго корпуса, на который бросилъ Познанцевъ фельдмаршалъ Гинденбургъ...

Услыхавъ народную пѣсню свою,—все позабыли познанцы и силезцы-поляки... Затрепетала грудь, подернулись влагою, впавшіе, усталые отъ пережитаго ужаса, глаза... Не выдержали ихъ, сжатыя отъ скорби, уста... Сильные голоса слилися въ одинъ широкій хоралъ. Тысячеустный хоръ стройно сталъ выводить подъ рокотъ и звонъ военныхъ трубъ:

. . . . . .

. . . . . .

Подъ эти напѣвы,—рота за ротою, полкъ за полкомъ, идутъ баварскіе и австрійскіе батальоны,—тянутся безъ конца, живою, пестрою лентою...

А впереди, рядомъ съ принцомъ Леопольдомъ Баварскимъ,—въ великолѣпномъ автомобилѣ—ѣдетъ другой коронованный вождь новыхъ Гунновъ, король Саксоніи со своимъ сыномъ,—крулемъ возрожденной Польши, въ грядущемъ, если позволитъ Судьба...

Король саксонскій можетъ считать, что въ этотъ мигъ онъ получилъ полное удовлетвореніе за тяжелыя минуты, пережитыя здѣсь же, подъ стѣнами Варшавы, минувшею зимою, когда счастливый случай только помогъ ему уйти отъ русскаго плѣна...

Побѣдителемъ вступаетъ онъ въ древнюю столицу Польши. А съ нимъ рядомъ—юноша, его сынъ, который, быть можетъ,—скоро возложитъ на себя сдвоенную корону Пястовъ и Ягеллоновъ, какъ надѣвали ее нѣкогда предки короля, саксонскіе государи и—герцоги варшавскіе, либо—Крули польскіе, подобно Августу Сильному.

Чудное іюльское утро удваиваетъ радостное ощущеніе побѣдной удачи. Надежда волнуетъ даже старую кровь короля. И онъ зорко вглядывается въ толпы, запрудившія улицы по пути торжественнаго шествія тевтонскихъ полчищъ.

Окна домовъ всѣ настежъ. Повсюду толпы людей. Больше—женщины. Только самая зеленая молодежь да старики,—главнымъ образомъ,—представляютъ теперь мужское населеніе Варшавы. Люди призывнаго возраста,—всѣ взяты въ россійскіе полки,—или сами ушли, уѣхали на востокъ слѣдомъ за русскими войсками, чтобы не попасть подъ ярмо врага.

Чаще всего—ксендзы съ ихъ бритыми лицами неопредѣленнаго возраста, въ черныхъ сутанахъ прорѣзаютъ народные ряды, такіе цвѣтистые и красивые въ лѣтнихъ веселыхъ нарядахъ.

Многочисленное нѣмецкое населеніе Варшавы, конечно, прежде всѣхъ, чуть ли не до свѣту,—высыпало на улицы. Группы варшавскихъ нѣмцевъ, занявъ лучшія мѣста, кликами восторга встрѣчаютъ и провожаютъ родные полки, побѣдоносно вступающіе въ гостепріимную столицу Польши.

Ихъ громкое: «Носѣ!»—порою покрываетъ рокотъ мѣдныхъ трубъ оркестра, грохотъ колесъ артиллеріи, топотъ тысячъ ногъ, марширующихъ по звонкой мостовой, среди широкихъ улицъ, залитыхъ свѣтомъ, напоенныхъ ароматами іюльскаго утра.

Коренные же варшавяне-поляки не проявляютъ той радости, какую ожидали видѣть съ ихъ стороны побѣдители.

Мущины и женщины, одѣтые нарядно, и простой народъ,—хлопы,—сбираются любопытными кучками, стоятъ, смотрятъ—и молчатъ.

Все сосредоточеннѣе становится лицо короля саксонскаго. Изрѣдка съ тревогою поглядываетъ онъ на своего юношу—сына. А тотъ, затянутый въ красивый кавалерійскій мундиръ,—окрыленный юными надеждами,—покручиваетъ усики, кидая частые, побѣдоносные взгляды на окна палацовъ, мимо которыхъ идутъ полки, посматриваетъ на балконы высокихъ, старинныхъ домовъ, гдѣ цвѣтистой, живою гирляндою расположены дѣвичьи и женскія головки полекъ, очаровательныхъ даже въ томъ случаѣ, если нельзя назвать ихъ красивыми.

И, не менѣе, чѣмъ дума о будущей коронѣ,—тревожатъ душу юноши мысли о чудесныхъ приключеніяхъ съ прелестными польками, какія ждутъ его, конечно, въ этомъ веселомъ городѣ, не даромъ носящемъ въ гербѣ изображеніе Сирены и прозванномъ—Парижемъ Сарматіи...

Головной отрядъ, миновавъ Новый Свѣтъ,—двинулся дальше, мимо богатыхъ зданій Краковскаго Предмѣстья, въ началѣ котораго темнѣется старинный костелъ Св. Креста, основанный еще князьями Мазовецкими.

Гремятъ-надрываются груди и зѣвы мѣдныхъ трубъ, какъ еще недавно надрывались стальныя пушки тевтоновъ и австрійскія, бронзовыя гаубицы-великаны. Словно сине-зеленоватыя волны, катятся, ряды за рядами, полки по Краковскому Предмѣстью, мимо старинныхъ палацовъ Потоцкихъ, Четвертиньскихъ, Огиньскихъ и другихъ стародавнихъ польскихъ вождей, которые со своимъ королемъ-героемъ, со Стефаномъ Баторіемъ, не разъ во всеоружіи являлись подъ стѣнами Вѣны и—брали ее на щитъ!

Къ Берлину—не рвалися еще тогда смѣлыя, соколинныя стаи привислянскихъ легіоновъ и дружинъ: слишкомъ мало онъ значилъ на міровыхъ вѣсахъ и таился смиренно, выжидая лучшей поры...

Пора эта настала. Пробилъ часъ, давно желанный и жданный на берегахъ мутной Шпрее, на широкомъ Балтійскомъ Поморьи, которое лукавые, сѣверные хищники-тевты постепено оттягали у мирныхъ Поморскихъ и Полабскихъ Славянъ.

За позоръ Гринвальда, за ударъ, нанесенный имъ 500 лѣтъ назадъ на поляхъ Дубровны и Остроды,—Тевтоны, умѣющіе долго выжидать, накопляя силы,—отплатили теперь сторицею!

Почти вся Привислинская Польша залита австро-германскими батальонами. Этого достигъ новый Мольтке и Вобанъ,—фельдмаршаллъ Гинденбургъ,—слуга и помощникъ кайзера Вильгельма Второго, новаго Наполеона, Тимура, или — Александра Македонскаго,—если не всѣхъ ихъ, взятыхъ вмѣстѣ. Прозорливый полководецъ геніальнаго и смѣлаго вождя, пробивая себѣ путь,—онъ сумѣлъ откинуть неисчислимыя полчища московскія, по старому многолюдныя, отважныя... но—плохо снаряженныя и неподготовленныя къ рѣшительной борьбѣ.

Отъ Нарева надвинулись прусско-германскіе полки Гальвица, отбрасывая правое русское крыло...

Отъ Люблина—катится мощный валъ австро-венгерскихъ ратей... Отъ Холма—медленно и неотразимо,—какъ Смерть, какъ Гибель,—надвигается «фаланга» Мекензена, дыша огнемъ изъ жерлъ пяти тысячъ орудій...

Все сметаетъ передъ собою это чудовищное дыханіе Смерти, этотъ вулканъ огня, брошеннаго не изъ нѣдръ земли въ далекое небо,—а вдоль, по лицу Всетерпящей Матери, Рождающей насъ всѣхъ!.. Десятки тысячъ тяжелыхъ снарядовъ,—они роютъ грудь Всерождающей Земли, губя тысячи и сотни тысячъ ея дѣтей... Потоками горячей крови наполняются глубокія ямы, вырытыя яростными разрывами стальныхъ метеоровъ, несущихся съ быстротою молній, что бы на своемъ гибельномъ пути убивать все живое, разрушать все, сотворенное человѣкомъ!..

И докатились огненныя волны до цѣли, опрокинувъ рати россіянъ въ ихъ геройскомъ, нечеловѣческомъ усиліи: противостать грудью противъ урагана стали и огня. Широкому потоку австро-германцевъ удалось прорваться ко всѣмъ путямъ, ведущимъ въ древнюю столицу польскую. И, торжествуя, наводняютъ они веселыя, нарядныя улицы, полныя зноя и свѣта, зелени и шума людскаго...

Правда, не удалось самое главное: захватить въ этихъ стѣнахъ живую силу врага, его войско.

Ведя нечеловѣческую борьбу,—одинъ противъ пяти,—отражая страшные удары тевтоновъ,—«москали»—успѣли прорвать, окружавшее ихъ постепенно, огненное и стальное кольцо; они ушли на тотъ берегъ Вислы, гдѣ съ юга гремятъ уже тевтонскія пушки, надвигаются безконечныя колонны австро-германской рати. Арьергарды ускользнувшей русской арміи порою до послѣдняго человѣка гибнутъ на мѣстахъ, сдерживая натискъ ликующаго врага. И этой жертвой даютъ возможность главнымъ русскимъ силамъ, въ порядкѣ—пройти свой страдной путь, путь временнаго пораженія, стать на новыхъ, сильныхъ мѣстахъ, и ждать минуты, когда боевое счастье повернется лицомъ къ Востоку, а не къ Западу!

Но и тѣмъ, чего удалось достигнуть теперь,—довольны Тевтоны.

Не германскія ли и австрійскія знамена вѣютъ на Замковой Площади, передъ старымъ дворцомъ гордыхъ польскихъ крулей, вокругъ гранитной колонны, на которой высится, литой изъ бронзы, Жигимонтъ III-й, наводившій трепетъ на прусскихъ маркграфовъ и бранденбургскихъ государей-хищниковъ?

Не германскіе ли кони топчутъ мостовую у входа въ древній косцелъ Св. Юзефа, гдѣ, со своего подножья,—кротко глядитъ на взволнованное море головъ изваяніе Богоматери, поставленное еще 230 лѣтъ тому назадъ, въ память взятія Вѣны—крулемъ Яномъ III-мъ?

Все теперь пошло на квитъ!

И могутъ Тевтоны вступать въ покоренную Варшаву подъ звуки польской пѣсни, желая не только покорить,—но и очаровать побѣжденный народъ. Нѣмецкія женщины и дѣвушки, много лѣтъ уже живущія въ Варшавѣ, имѣютъ право закидывать цвѣтами ряды собратьевъ-побѣдителей. Стоя живой стѣною вдоль ихъ пути, свѣшиваясь съ балконовъ, изъ оконъ своихъ домовъ, онѣ женскими, трепетно-звонкими голосами свое ликующее: «Hoch!» кидаютъ въ общій гулъ, наполняющій улицы города.

Правда: ни единаго цвѣтка, брошеннаго польскою рукою,—не упало на гулкую мостовую, которая, сдается, тяжко вздыхаетъ подъ ударами тяжелой, нѣмецкой пяты...

Но это мало занимаетъ побѣдителей!

Вотъ, у Старой Ратуши,—толпа польской знати, родовой и денежной, какая еще находится теперь въ Варшавѣ, съ княземъ Любомірскимъ во главѣ,—цвѣтъ Польши встрѣчаетъ вождей тевтонской арміи...

Новые «господа», если—не «милостію Божіей»,—то по праву меча,—принимаютъ городъ отъ представителей столицы польской.

Слегка отдаютъ маскарадомъ старинные кунтуши и конфедератки на нѣкоторыхъ, особенно-ретивыхъ, но мало разсудительныхъ патріотахъ, поторопившихся добыть старый скарбъ изъ дѣловскихъ, забытыхъ сундуковъ.

Рѣжетъ немного глазъ стройная, изящная постать князя Любомірскаго, выступающаго не только представителемъ родовой польской знати,—но и въ качествѣ вождя полувоенной, полугражданской охраны, «Столичной Милиціи», взявшей на себя заботу о порядкѣ въ городѣ, откуда только что ушла одна воюющая армія и вступаетъ другая...

На придворномъ балу, въ засѣданіи Сената, или на скачкахъ родовитый магнатъ ощущалъ бы себя болѣе въ своей тарелкѣ, чѣмъ тутъ, передъ моремъ полувраждебныхъ лицъ, предъ рядами тевтоновъ, заливающихъ Замковую площадь. Неловко чувствуютъ себя и два-три десяткъ депутатовъ отъ населенія, начиная съ арцибискупа Каковскаго и кончая сѣдобородымъ еврейскимъ раввиномъ, который со своимъ помощникомъ тоже явился для неизбѣжной парадной встрѣчи, со свертком Священной Торы въ рукахъ...

Но... дѣлать нечего!

Побѣжденные встрѣчаютъ побѣдителей съ вѣжливой улыбкой, съ полупривѣтомъ, полустрахомъ. Звучатъ заученныя, неизбѣжныя слова...

Съ одной стороны—выраженіе покорности, окрашенной румянами собственнаго достоинства... Съ другой—успокоеніе, застращиванье и лесть, выраженныя въ полуласкѣ, въ полуугрозѣ...

Все по порядку.

Нашлося, даже, что-то вродѣ «ключей» отъ воротъ крѣпости, взятой штурмомъ...

Два огромныхъ, поржавѣлыхъ ключа на бархатной подушкѣ,—напоминаютъ не то настоящіе, стародавніе ключи, какими запирались когда-то желѣзныя ворота Замка,—не то сняты они со старинныхъ вывѣсокъ какого-нибудь слесаря въ Старомъ Городѣ,—гдѣ еще много подобныхъ же ключей, взамѣнъ вывѣсокъ, свисаетъ надъ окнами узкихъ, высокихъ и темныхъ домовъ, выстроенныхъ два-три вѣка тому назадъ...

На самомъ дѣлѣ,—форты, оставленные прошлою ночью русскими,—они никогда не запирались подобными ключами... И входъ въ нихъ со стороны Варшавы—уничтоженъ на долго вмѣстѣ съ широкимъ красавцемъ-мостомъ черезъ Вислу, порушенные пролеты котораго послѣ взрыва—причудливо темнѣютъ надъ водою, свисая съ поколебленныхъ каменныхъ устоевъ змѣистыми, спутанными очертаніями толстыхъ полосъ и желѣзныхъ балокъ, исковерканныхъ, перекрученныхъ, силою динамита...

Но—это ничего не значитъ! Современные Тевтоны любятъ хранить преданія. Если «крѣпость и городъ—взяты»,—надо получить ключи отъ таковыхъ. И эта почетная добыча—займетъ надлежащее мѣсто въ берлинскомъ мрачномъ Арсеналѣ...

Наконецъ, исполнены всѣ необходимыя формальности. Король Саксонскій съ сыномъ и принцъ Людвигъ со штабомъ и свитою—скрылись на время въ стѣнахъ Замка, чтобы оттуда вернуться въ уютный, красивый Бельведеръ, гдѣ лѣтомъ гораздо лучше, чѣмъ подъ сводами стараго королевскаго жилища.

Тяжелыя колонны пѣхоты; гремящая колесами, артиллерія; конница, звонко, ритмично поражающая мостовую копытами коней,—все это разливается по разнымъ улицамъ, чтобы занять квартиры, заранѣе опредѣленныя, указанныя каждой части въ казармахъ и лагеряхъ, гдѣ еще не убраны слѣды пребыванія другихъ воиновъ и коней, не сгладились на землѣ слѣды колесъ русскихъ орудій...

И опять гремитъ разымчивый, знакомый варшавянамъ, напѣвъ:

. . . . . .

Но теперь людскіе, солдатскіе голоса, подхватывая пѣснь,—поютъ уже не прежнія, торжественныя строфы... Звучитъ полушутливый напѣвъ:

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Остатки полуизрубленной, Познанской 56-й дивизіи, вмѣстѣ съ баварцами и пруссаками-сорат никами направляются на отдыхъ и этимъ, полушутливымъ, полуугрожающимъ напѣвомъ вторятъ рокоту нѣмецкихъ звонкихъ трубъ...

Головной отрядъ Тевтоновъ только подходилъ еще къ послѣднимъ домамъ Новаго Свѣта,—когда уже лихорадочное оживленіе охватило палаты и всѣ закоулки госпиталя Св. Роха, старинное, высокое зданіе котораго подымаетъ свой фасадъ почти напротивъ статуи Коперника, отъ которой получила названіе широкая улица, сливающаяся здѣсь, подъ тупымъ угломъ съ ровною линіей красивыхъ домовъ и дворцовъ Краковскаго Предмѣстья.

Среди недужныхъ, переполняющихъ огромную больницу, большинство сейчасъ состояло изъ больныхъ и раненыхъ нѣмцевъ, попавшихъ въ русскій плѣнъ послѣ недавнихъ сраженій.

И всѣ они, даже самые слабые, еле способные двигаться,—кинулись во дворъ, къ рѣшеткамъ, или къ окнамъ палатъ, гдѣ приковали ихъ недуги, страданія и раны.

Всѣмъ хотѣлось увидѣть вступленіе родныхъ полковъ въ эту столицу, недавно еще чужую, вражескую,—теперь покоренную, ставшую добычею нѣмецкаго оружія, нѣмецкой доблести!

Въ крайнемъ окнѣ угловой палаты, выходящей на улицу,—тѣсно сгрудилась кучка любопытныхъ, неопредѣленными очертаніями тѣлъ, облаченныхъ въ больничные халаты,—напоминая плохія игрушки рѣзанныя изъ дерева, или каменныя изѣянія, поставленныя много-много вѣковъ назадъ первобытными мастерами на вершинкахъ могильныхъ кургановъ въ широкой степи.

Но тѣмъ рѣзче выдѣлялись въ темныхъ пролетахъ окна оживленныя, радостныя лица раненыхъ германцевъ, восторженное выраженіе глазъ, устремленныхъ впередъ, въ ожиданіи: когда же, наконецъ, родныя фаланги покажутся вдали?!

Пока доносится до нихъ только, чужая, слуху, польская мелодія, которую бойко выводятъ родныя, нѣмецкія трубы... Долетаютъ снизу возгласы нѣмецкой публики, обывателей Варшавы, своими восторженными: «Hoch!»—встрѣчающихъ побѣдителей-друзей...

И недужные въ палатѣ тоже напрягаютъ всю силу груди, чтобы ихъ кличъ, ихъ восторженный привѣтъ летѣлъ далеко на встрѣчу и былъ услышанъ подходящими соратниками, болѣе счастливыми, чѣмъ они! Иные—временно выведены изъ строя. Но есть вѣчные калѣки, раздавленные до срока колесницею Бога Войны...

Впереди другихъ, навалившись на подоконникъ, чтобы поскорѣе увидѣть войска, подходящія отъ Новаго Свѣта,—трое раненыхъ, въ одно и тоже время: старались сдержать натискъ задняго ряда оберегая пораженныя части тѣла, и, по возможности,—высовывались за окно, чтобы расширить кругозоръ.

Прислонясь плечомъ къ оконному косяку, крайній слѣва, младшій изъ трехъ, казавшійся еще гораздо моложе своихъ 27-ми лѣтъ,—выставя локоть правой руки назадъ, въ защиту отъ напирающихъ товарищей,—обѣими руками прикрывалъ на груди красный большой рубецъ, слѣдъ заживающей раны, которая обнаружилась подъ распахнутымъ воротомъ больничной рубахи, шитой ему не по росту. Тощій, заморышъ на видъ, онъ казался юношей лѣтъ 18-ти.

Вторымъ—сидѣлъ и тянулъ впередъ свою длинную шею костлявый, но крѣпкій, мускулистый саксонецъ, лѣтъ 35. Правою рукой онъ бережно поддерживалъ свою лѣвую, пальцы которой были отрѣзаны; вмѣсто кисти—бѣлѣла небольшая культя, обернутая тугою повязкой. Задней частью тѣла и ногами раненый осторожно, но упорно и умѣло осаживалъ тѣхъ, кто собирался слишкомъ навалиться ему на плечи, угрожая непріятнымъ толчкомъ искалѣченной рукѣ.

Третій, немолодой, лѣтъ 45-ти, грузный австріецъ, съ обвязанной головой, сидѣлъ на подоконникѣ, спиною къ двумъ первымъ. Опершись на локоть лѣвой руки, глядѣлъ онъ вправо, откуда шли батальоны. Толстыя его колѣни, выступая изъ подъ раскрытыхъ полъ халата,—служили надежною защитой отъ натиска сосѣдей, давая, въ то же время, послѣднимъ удобную, мягкую точку опоры.

Вотъ ужъ ближе гремятъ трубы, вспыхиваютъ привѣтственные клики тамъ, гдѣ, въ человѣческой стѣнѣ, темнѣющей по обѣ стороны широкаго проспекта,—островами скипѣлись нѣмцы Варшавы.

Раненые, сгрудясь у оконъ палаты, еще не видя своихъ, скрытыхъ за изгибомъ улицы, — присоединили ликующіе свои голоса къ общему крику.

— «Hoch!»—изо всѣхъ силъ попытался выкрикнуть юноша-заморышъ;—но легкія, еще не совсѣмъ зажившія отъ раны, ему измѣнили. Вмѣсто громкаго возгласа—получился сорвавшійся, визгливый звукъ, какъ у молодаго пѣтуха, пробующаго неокрѣпшій свой голосъ.

Сосѣдъ саксонецъ, видимо, не желающій присоединиться къ общему восторгу,—только молча, внимательно слѣдилъ за приближеніемъ полковъ, за настроеніями многоголовой толпы внизу, подъ окнами. Слегка повернулъ онъ голову въ сторону заморыша-воина; полуулыбка, не то насмѣшливая, не то—ласковая, скользнула по сжатымъ тонкимъ губамъ.

— Поберегли бы вы голосъ и легкія, товарищъ!—дружелюбно замѣтилъ онъ юношѣ.

Тотъ лишь досадливо отмахнулся, собрался съ силами и новое,—болѣе внушительное и долгое: «Hoch!»—удалось ему послать на встрѣчу роднымъ знаменамъ, только что показавшимся на Краковскомъ Предмѣстьи. Отъ налетовъ легкаго вѣтерка, освѣжающаго зной этого яснаго, ранняго утра,—колыхались складки знаменъ, сверкая шитьемъ.

Прошли ряды пѣхоты, протопотали кавалерійскіе эскадроны, загромыхала артиллерія. Часть раненыхъ, отхлынувъ отъ оконъ, разбрелась по мѣстамъ.

Только толстый австріецъ, тяжело дыша, какъ мѣхъ, кричалъ что-то вслѣдъ уходящимъ, посылая привѣты. Юноша—воспаленными, лихорадочно-сверкающими глазами слѣдилъ за уплывающей лентой полковъ, а саксонецъ, повернувшись спиною къ улицѣ,—сидя на подоконникѣ рядомъ съ австрійцемъ,—поддерживая на груди свою искалѣченную руку, задумался о чемъ-то.

Потомъ встряхнулъ головой, пересѣлъ на свою кровать, недалеко отъ окна, и, облокотясь на изголовье, залюбовался на клочекъ синяго неба, видный ему изъ окна, безотчетно покачивая головою въ ладъ музыкѣ, долетающей теперь совсѣмъ издалека...

Толстякъ-австріецъ, вдосталь накричавшись, умолкъ. Юноша, блѣдное лицо котораго стало совсѣмъ землистымъ,—тяжело снялся съ подоконника, сдѣлалъ два шага и у постели саксонца, по-

шатнувшись, вынужденъ былъ остановиться, опершись на столикъ, стоявшій въ изголовьи, между двумя смежными кроватями.

— Ого, товарищъ! Какъ васъ качаетъ безъ вѣтру!.. Присядьте-ка, присядьте... Глотните водички... Вотъ! Или, лучше, постойте...

Саксонецъ отставилъ уже протянутый имъ, стаканъ, раскрылъ нижній ящикъ стола, досталъ бутылку коньяку, влилъ немного въ рюмку и подалъ юношѣ.

Тотъ принялъ нерѣшительно, выпилъ жгучую влагу, какъ непривычный человѣкъ, слегка закашлялся, въ то же время скользнувъ взоромъ по доскѣ надъ кроватью саксонца. Когда жгучая, живительная влага прошла въ горло, онъ вздохнулъ глубоко, лицо быстро у него оживилось.

— Благодарю васъ, г. Оберстъ!—стараясь подняться съ табурета, проговорилъ онъ по военному.—Извиняюсь за безпокойство, г. Оберстъ... Свѣжій воздухъ сразу.!. Я отвыкъ, долго валялся въ постели, какъ чурбанъ, г. Оберстъ...

— Это вы величаете меня по чинамъ съ моей вывѣски? Не надо, юноша! Мы всѣ здѣсь товарищи по несчастью... А, вы? Я не видалъ васъ въ нашихъ палатахъ. Гдѣ вы лежаите?

— Тамъ, на солдатскомъ коридорѣ. Эти окна выходятъ на улицу. Всѣ кинулись... Потому я и рѣшился, г. Оберстъ. Только офицерскія палаты выходятъ окнами на проспектъ. Извините, г. Оберстъ.

— Ну, ужъ если вамъ такъ хочется величать, зовите меня докторомъ. Познакомимся: докторъ философіи, Отто Кнауэръ.

— Юліусъ Франке, 46 дивизіи, 13 полка...

— Того самаго,—который за 13 мѣсяцевъ войны побывалъ на всѣхъ флангахъ и былъ перекомплектованъ 13 разъ!.. Чертъ возьми! Можно стать фаталистомъ при такихъ числовыхъ совпаденіяхъ. Теперь я меньше удивляюсь, что вы вопреки своему, столь штатскому виду,—такъ воинственно встрѣчали наши войска!..

— Чему же тутъ удивляться, г. докторъ? Полагаю, и у васъ сердце готово выскочить изъ груди при мысли, что наши знамена развѣваются надъ варшавскимъ королевскимъ замкомъ, надъ Цитаделью, надъ фортами грозной Праги! Это—такой ударъ врагу! И вы же знаете, что обѣщалъ нашъ императоръ? Варшава—это предверіе мира... Это—достиженіе великой цѣли, ради которой пролиты рѣки крови нашей и вражеской... Сколько страданій вынесено нашими стариками, женами и дѣтьми?!. Не говоря о насъ самихъ!

— Гм, вотъ оно что!.. Долженъ васъ предупредить: сердце у меня—аппаратъ довольно солидный, къ тому же, выдержанный съ годами и такъ легко не «скачетъ», какъ у большинства двуногихъ. Какія знамена развѣваются надъ какими крышами?—по моему , тоже не особенно важно, если подъ этими же крышами не заперты арміи врага, какъ крысы въ ловушкѣ. Хорошими обѣщаніями, также, какъ и намѣреніями,—вымощены гладкія дороги въ нѣкоторыя, весьма неудобныя мѣста... вродѣ ада! А между военнымъ преддверіемъ и «мирными» покоями часто вдругъ выростаетъ самая неодолимая стѣна. Значитъ, если вашъ восторгъ вызванъ какими-либо сладкими ожиданіями, я, къ сожалѣнію, считаю долгомъ...

— О, нѣтъ! Даже не то!—торопливо перебилъ Франке:—Помимо всякихъ практическихъ, или отвлеченныхъ ожиданій... Просто: я обрадовался своимъ. Я горжусь ихъ побѣдой, хотя самъ, недужный, попался въ плѣнъ. Есть красота въ такомъ проявленіи силы, какое мы видѣли сейчасъ. Побѣдныя знамена, наши знамена—рѣютъ въ побѣжденномъ городѣ. Помните, у Гейне:

Бой внизу... Средь облаковъ
Три Валькиріи несутся
И поютъ, какъ звонъ щитовъ, —
Звуки пѣсни раздаются:
— «Князи въ спорѣ, міръ—въ бореньи...
Побѣждать—мужи хотятъ...
Власть даруетъ упоенье;
Силу—всѣ, какъ Бога, чтятъ!..»

— Помню... Какъ не помнить. Значитъ, васъ увлекаетъ самая красота войны. А помните, что тамъ дальше у поэта?

— «...Гей! Отъ смерти—шлемъ изъ стали
Не спасаетъ храбреца...
Вотъ ужъ всѣ герои пали....
Лавръ—вѣнчаетъ... наглеца...»

А то, порою,—и подлеца! И это случается, милый юноша!.. Вѣрьте мнѣ. Значитъ и красоты мало въ этой дикой бойнѣ, называемой современною войной... Вы хорошо узнали технику нынѣшнихъ сраженій, гдѣ люди гибнутъ десятками тысячъ, не видя передъ собою не только врага, но и не зная: откуда летитъ чудовище-снарядъ, который черезъ мигъ уничтожитъ цѣлый отрядъ товарищей съ тобою вмѣстѣ?!. Бойня, и больше ничего!..

— Странно, я тоже такъ думалъ раньше... Но, теперь?..

— Раньше? Когда это, извините за нескромный вопросъ? У кормилицы на рукахъ? Вы, конечно, студентъ, г. Франке? Доброволецъ... Вамъ лѣтъ 17?

— 27, г. докторъ. Служу по набору, какъ и моихъ два старшихъ брата. Только самый младшій, третій пошелъ охотою.. И—недавно убитъ... подъ Ипромъ, гдѣ сгибло столько храбрыхъ... И я не студентъ. Ужъ, если васъ интересуетъ...

— О, да, весьма, г. Франке. Что вы—не простой рабочій... это сразу видно; но, конечно, не нужно быть и книжнымъ ученымъ, чтобы интересоваться поэзіей и красотою жизни...

— Я— самый обыкновенный рабочій... И—«книжный», къ тому же. Владѣлецъ переплетной мастерской. Книгъ много перебывало у меня въ рукахъ... Я ихъ читалъ. Онѣ мнѣ открыли цѣлый міръ, новый и прекрасный, тамъ, гдѣ я раньше видѣлъ сумракъ и грязь. А идеи Лассаля, Маркса, великаго Бебеля... нашего Либкнехта и...

— Такъ, вы—«эсдэкъ?» Ну, тѣмъ удивительнѣе ваше увлеченіе полковою музыкой и безсмысленной бойней...

— Да, что вы говорите, г. докторъ! Раньше, правда, я слѣпо шелъ по указкѣ партіи. Темпераментъ у меня есть. Я умѣлъ говорить съ товарищами, передавая имъ то, что вычиталъ въ нашихъ книгахъ. Меня влекло двигаться съ мѣста на мѣсто, дѣлать что-то, вліять на товарищей-рабочихъ, пріобщать ихъ къ своей вѣрѣ, подготавливая лучшее будущее для рабочей семьи цѣлаго міра...

— Старая исторія. Но, если такъ, почему же вы теперь?..

— Сталъ любить войну? Не всякую, г. докторъ, а именно—эту, поднятую, какъ крестовый походъ, нашимъ императоромъ противъ темнаго Востока, ради возвеличенія святыхъ завѣтовъ Германизма, ради спасенія Европы отъ натиска московскихъ ордъ...

— О-о! Вы еще вотъ въ какомъ періодѣ находитесь, мой юный другъ? Да, вы знаете иностранные языки? Читаете что-нибудь, кромѣ нашихъ, правовѣрныхъ, германскихъ Вѣстниковъ, Указателей и прочихъ сплетниковъ, подхалимовъ власти?

— Польскій мнѣ знакомъ. Немного—французскій... Русскій теперь я началъ изучать. Но, развѣ стоитъ читать газеты враговъ? Онѣ, тамъ, конечно, все изображаютъ по своему. Особенно эти проклятые англичане!.. Да обрушитъ Господь всякія кары на ихъ землю и на весь народъ!

— Кхм!.. Теперь я начинаю понимать. Но, слушаю дальше, г, Франке. Ваша біографія меня интересуетъ. А я, въ свою очередь... Хотя, быть можетъ, встрѣчаться намъ въ жизни не придется?.. Тѣмъ лучше. Нѣтъ бесѣдъ, болѣе интимныхъ, какъ напримѣръ, на пути, въ вагонѣ, знаете? Я слушаю васъ.

— Да. ужъ немного осталось... Желая облегчить условія жизни, замѣтивъ въ себѣ нѣкоторыя способности, — я поступилъ было на сцену... Потомъ занимался журналистикой... Даже...

— Писали стихи? Угадалъ?

— Да, г. докторъ, Можетъ быть, вамъ попадались, за подписью: Юліусъ Штауфенъ?

— Такъ. это ваши?.. Читалъ, читалъ. Говорите, товарищъ, дальше...

— Ну, общественной своей работы я, все-таки, не оставлялъ. Теперь—явилось больше досуга для чтенія; не урывками, какъ раньше было, пока переплетаешь листы хорошей книги... Я началъ изучать теорію рабочаго движенія, въ которомъ до этихъ поръ принималъ, хотя и дѣятельное, но мало-продуманное участіе. Кругозоръ мой ширился и мои выступленія въ газетѣ нашей и на собраніяхъ пріобрѣтали все большій успѣхъ... Меня даже намѣтили однимъ изъ первыхъ кандидатовъ партіи въ рейхстагъ. Шли уже толки о войнѣ. Я, какъ и большинство моихъ товарищей,—не сочувствовалъ этой опасной «авантюрѣ», какъ мы ее называли... Но война грянула... И не съ Россіей только, не съ Франціей, на которую давно точили зубы наши аграріи и юнкера... Въ игру ввязалась Англія, до этихъ поръ безмолвная и тихая, какъ омутъ!.. Наши души и взгляды перемѣнились въ одинъ почти день, когда мы поняли: какая опасность грозитъ родинѣ при такомъ положеніи дѣлъ... Я и раньше знакомъ былъ съ нѣкоторыми сторонами англійской жизни, особенно—по рабочему вопросу... Моя книжка: «Рабочій въ Англіи»—даже переведена на нѣсколько чужихъ языковъ... Но, только, попавъ въ окопы, самъ переживъ потрясенія, которыхъ нельзя передать словами, видя, что творилось круго-

гомъ въ теченіе почти года, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, день за днемъ... О, тутъ только я понялъ: передъ какой пропастью стоитъ наша родина, весь германскій народъ до послѣдняго человѣка, гдѣ бы тотъ ни жилъ, какъ бы ни думалъ и поступалъ!.. И я сталъ углубляться въ вопросы, которые раньше мнѣ были чужды... За вѣчной тревогой, въ работѣ, хотя и не важной, но неустанной, — я просто, не имѣлъ времени заглянуть въ свою душу, и толкомъ разобраться, не только въ общихъ идеяхъ, какія почерпалъ изъ книгъ, но, даже и въ томъ, что зналъ на зубокъ!. какъ катехизисъ своей партіи; чему служилъ много лѣтъ, какъ преданный работникъ!.. И съ каждымъ днемъ я убѣждался яснѣе: какъ я мало зналъ. Какъ много надо еще вглядываться и вдумываться въ жизнь и въ грозныя событія. катящіяся кругомъ, чтобы сознательно помогать правому дѣлу, а не идти подъ вліяніемъ случайныхъ, внѣшнихъ толчковъ туда, куда, пожалуй, и не слѣдовало стремиться!,,. И, вообще: мыслить, мыслить больше надо, какъ понялъ я. А поспѣшныя дѣйствія?... О, какой, порою, ужасный вредъ несутъ они и самому дѣятелю, и цѣлому окружающему міру... Даже если, затѣя начата съ самой доброй цѣлью...

— Какъ эта война—нашимъ императоромъ? Вы это думаете, товарищъ?

— Хотя бы и такъ? Но—чаша передъ устами... Надо ее пить до конца!... Только я—къ сожалѣнію. сознаю, что могу быть лишь простымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ. Рядовымъ механизмомъ въ много-милліонной рати своего народа... Прежде—это было бы мнѣ противно. Я самъ хотѣлъ что-то сдѣлать!... Теперь-же каждый мигъ углубляюсь въ себя... Ищу путей и выходовъ изъ сѣти противорѣчій... И—не нахожу?!... Это ужасно, докторъ!

Франке затихъ. поникнувъ головой.

Началъ онъ говорить застѣнчиво, запинаясь. Но, постепенно,—рѣчь его крѣпла. голосъ пересталъ срываться, лицо покрылось яркимъ румянцемъ... И, вдругъ, съ концомъ рѣчи, онъ и самъ снова потухъ, щеки поблѣднѣли. Даже глаза, свѣтящіеся постоянно нездоровымъ. лихорадочнымъ блескомъ, какъ-то заволоклись тоскою. потускнѣли,

— Я понимаю васъ, мой юный другъ! — раздумчиво заговорилъ Кнауэръ. И тѣмъ ближе мнѣ ваши сомнѣнія и муки, что я пережилъ, какъ разъ, — обратное. Слишкомъ много думалъ, колебался и разсуждалъ всю свою жизнь!... Поглотилъ нѣсколько теченій науки и мысли человѣческой, былъ медикомъ, математикомъ?... Наконецъ,—остановился на философіи... И, подобно вамъ, пришелъ къ печальному выводу, но... совершенно обратному чѣмъ тотъ, который сдѣлали вы! Вся моя прежняя жизнь—толченіе воды въ ступѣ. Никакія мысли и теоріи—не помогаютъ настоящему поступательному ходу жизни... или помогаютъ въ самой малой степени... А—надо бороться и дѣлать что-нибудь!... Хотя бы самое несовершенное,,, самое дикое. на первый взглядъ,,, Только столкновеніе дѣйствій выводитъ на прямой путь Человѣчество... А теоріи, идеи, идеалы?... Они лишь запутываютъ.о тягчаютъ, ухудшаютъ человѣческую жизнь... Видите-ли: однимъ и тѣмъ же путемъ мы двое пришли къ совершенно-различнымъ выводамъ. И, васъ, можетъ быть, теперь не удивитъ, если я повторрю: «война—вообще, нелѣпая бойня!» А эта затѣянная такъ легкомысленно. это—огромное преступленіе... И я чувствую, что при первой возможности, всѣми силами ума и души,—буду бороться, чтобы остановить теченіе событій... На сколько, вообще, въ силахъ инфузорія-человѣкъ задержать паденіе лавины съ высотъ Монблана... Хотя... и лавина состоитъ изъ атомовъ. И если-бъ удалось каждый атомъ заразить мыслью о необходимости остановиться?.. Словомъ, ваши-же идеи, эс-дековъ...

— Забастовка противъ войны? О, нѣтъ! Ни одинъ настоящій нѣмецъ не пойдетъ теперь на это... Я увѣренъ,,,

— Къ сожалѣнію. и я почти увѣренъ. Хотя... и не совсѣмъ. Кое-что уже замѣчается и вы должны это знать. не хуже меня, какъ видный членъ партіи.

— Вы говорите о молчаливомъ протестѣ 30 членовъ нашей партіи, покинувшихъ мѣста передъ голосованіемъ бюджета въ Рейхстагѣ? Но, не забудьте, докторъ: когда это было?

— О, помню, г. Франке, Послѣ паденія Перемышля.. Когда русскіе владѣли половиной Галиціи, Когда ихъ батальоны стояли на склонахъ венгерскихъ Карпатъ, а казаки уже проникли и туда въ долину, въ житницу имперіи, Когда русская рука стучала въ ворота Будапешта, а посокъ русскаго сапога стоялъ на порогѣ Силезіи и Познани... Я помню... И не одинъ «молчаливый протестъ», какъ вы назвали, товарищъ. Въ рядѣ, статей, въ самыхъ точныхъ выраженіяхъ, вожди вашей партіи говорили о необходимости заключить миръ. Выдавали такія «военныя тайны», какъ истощеніе страны, не помѣрное увеличеніе безработныхъ въ обѣихъ нашихъ имперіяхъ: въ германской и въ двуединой, придунайской, еще недавно такой богатой и цвѣтущей. И, даже, органы высшей власти, отражая затаенные взгляды канцлера имперіи, толковали. это «пора остановить бойню. Миръ необходимъ цѣлому міру. И Россія—вовсе не такой ужъ врагъ, съ которымъ нельзя было-бы столковаться!» Я помню!. Увы, Россія толковать не за-

котѣла. И все рухнуло. Но слова, поступки.—они остались. Ихъ не вычеркнешь ни изъ партійныхъ лѣтописей, ни изъ формуляра сіятельнаго фонъ-Бетманна. Хотя, война не остановилась ни на мигъ.

— И слава Богу, г. докторъ! Что-же, сознаться надо откровенно. Мы, эс-деки, допустили ошибку, хотя и думали о спасеніи страны. Мигъ былъ страшный. Сердце дрогнуло. Намъ косвенно дали возможность выкрикнуть то, въ чемъ неловко было сознаться правительству. И мы проявили малодушіе...

— Малодушіе... А канцлеръ?...

— Сначала, вѣроятно, и тамъ растерялись. Но, когда узнали, что русскимъ не хватаетъ снарядовъ, когда нашъ геніальный кайзеръ съ великимъ Гинденбургомъ и непреклоннымъ, литымъ изъ стали, генераломъ Мекензеномъ выработали новый, божественный планъ спасенія Австріи, цѣлой Германіи, планъ, давшій возможность ворваться въ самое сердце Россіи... Когда вся сила родныхъ армій, собранная въ кулакъ, была брошена на русскихъ въ Галиціи.. гналась по ихъ пятамъ, ворвалась въ глубь вражеской зѣмли, отбирая кусокъ за кускомъ... Когда взятъ рядъ крѣпостей, столица Польши...затѣмъ возьмемъ остальную линію твердынь славянскихъ вплоть до Москвы, до столицы на Невѣ.. и Кіевъ. и южную полосу русскихъ владѣній!. О, теперь мы поняли: какъ мы были неправы когда случайная неудача въ такой гигантской борьбѣ заставила насъ раньше времени бить отбой!, А правительство?.. Оно, видя нашу ошибку. умышленно молчало. Мы ,вѣдь, вводили въ заблужденіе врага, усыпляли его напряженную волю. Даже нашъ грѣхъ-послужилъ на пользу дѣлу родины. Хвала Судьбѣ.

— О, браво! Я вижу: не даромъ васъ цѣнятъ въ партіи. Вы умѣете говорить. Но, будемъ хладнокровнѣе. Обсудимъ подробно, сказанное вами. Положимъ, вы и правы.. Неудача-была случайная, временная. Такъ же какъ и недостатокъ снарядовъ явился жестокой случайностью для арміи врага. Помните это. Но, будемъ послѣдовательны. Если мы не пали духомъ, справились съ бѣдою, такъ ярко обрисованной вами, вышли изъ тисковъ при помощи нечеловѣческихъ усилій. Бросивъ на врага неожиданно свыше двухъ милліоновъ штыковъ и 5000 орудій, если мы, когда пружина у насъ сжалась до отказа, сумѣли отбросить врага, превосходящаго насъ численностью и запасами природныхъ богатствъ, то, кто же посмѣетъ сказать что, въ этой страшной игрѣ не выпадетъ новый ходъ, что и врагъ не соберетъ силы, откуетъ новый мечъ, накопитъ горы снарядовъ и мы, въ свою очередь, будемъ отброшены, сдавлены! И не тамъ не посреди необозримыхъ степей и топей Россіи пойдетъ послѣдній бой, а здѣсь, у насъ въ Германіи гдѣ и безъ войны-тѣсно жить, гдѣ каждая пядь земли застроена, расчищена и даетъ жизнь намъ, нашимъ дѣтямъ и женамъ. Можете-ли вы рѣшить, что этого не будетъ?

— Богъ не допуститъ.. Что вы говорите, г. докторъ! Подумайте сами, какъ все шло до сихъ поръ? Пока мы застряли во Франціи и въ Бельгіи, русскіе готовились, и не сумѣли ничего сдѣлать. Это—не люди дѣла! Славяне больше спорятъ и ссорятся между собой. Что творится на Балканахъ?! Что намъ говорятъ сосѣди, успѣвшіе побывать въ Россіи? Что сообщаютъ наши агенты? Тамъ—развалъ и рознь!.. Народъ и власть вѣчно на сторожѣ другъ противъ друга... Войско не увѣрено за завтрашній день, А мы!.. Мы слиты воедино, какъ кусокъ стали. И мы пробьемъ эту толщу рыхлаго славянства, и сорганизовов ее, заставимъ служить нашимъ великимъ германскимъ идеаламъ порядка и справедливости. А ихъ степи и лѣса? Они дадутъ исходъ силамъ нашимъ, для которыхъ тѣсно стало въ старомъ гнѣздѣ. Мы создадимъ тамъ такіе же центры работы человѣческой, какіе созданы на пескахъ Помераніи, въ лѣсахъ и болотахъ Познани и Силезіи,.

— Хорошо, хорошо, да не совсѣмъ, молодой мой стратегъ и политикъ! Вспомните, что у насъ дома творится? Пока мы будемъ пробивать толщу славянства—голодъ, истощеніе подкрадываются къ нашимъ собственнымъ жилищамъ и крѣпостямъ? Вотъ, видите, этотъ хлѣбъ? Здѣсь остатки его, бѣлаго и темнаго, мы бросаемъ голубямъ, за окно. А тамъ, въ родной землѣ, и «военный», горькій хлѣбъ. И его мы имѣемъ не вволю! Даже въ австрійскихъ провинціяхъ.

— О, да!—вдругъ вмѣшался толстякъ. который уже давно и внимательно прислушивался къ оживленному спору, затѣянному такъ неожиданно,—У насъ очень плохо. Недавно я получилъ письмо отъ моей женушки. Послѣднее приходится ей закладывать. Помощи мало со стороны, Хлѣбъ вывозятъ въ Германію отъ насъ. А самимъ не хватаетъ... Все вдвое, втрое дороже стало! Женщины работаютъ вездѣ,гдѣ можно. Но, все таки, дѣтямъ не хватаетъ... кормить ихъ досыта. Моя маленькая. слабенькая Труди. Она такъ и умерла. Все отъ плохихъ кормовъ. Бѣда! А эта война? Когда она еще кончится!..

— Да, да, и у насъ, въ Баваріи, тоже плохо!—заговорилъ коренастый, угрюмый человѣкъ изъ толпы больныхъ, которые собрались понемногу у кровати Кнауэра, послушать занимательный раз-

говоръ.—Дернулъ насъ чортъ ради прусскихъ безумныхъ затѣй впутаться въ горшокъ со смолою!. Нашему Людвигу успѣли втереть очки прусскіе и австрійскіе болтуны... А теперь—ни пива, ни хлѣба вдоволь... Думали: лучше будетъ, а стало куда хуже... Хлѣба нѣтъ, подумайте! Когда раньше и своего хватало и везли намъ цѣлыя горы... Хлѣба не достаетъ!.. Въ Баваріи! Подумайте! Нѣтъ хлѣба!

Очевидно, не переваривая этой непріятной мысли, онъ долго еще повторялъ про себя эту фразу.

— Война его намъ дастъ. И даетъ уже!—указывая на остатки хлѣба на столикѣ, какъ раньше сдѣлалъ Кнауэръ,—горячо заговорилъ Франке.—Развѣ ваши, австрійскія арміи не сидятъ около году уже въ южныхъ округахъ Польши, богатыхъ и хлѣбомъ, и всѣмъ? Раньше мы покупали польское зерно, теперь беремъ его, какъ добычу боя! А сейчасъ, когда все царство польское занято нами...

— Надолго-ли—съ кривой улыбкой вставилъ Кнауэръ.—Русскіе тоже думали, что прочно сидятъ въ Галиціи. А, вышло...

— То—русскіе! Самъ народъ не хотѣлъ тамъ принять покорителей. Каждый шагъ враговъ былъ намъ извѣстенъ. А здѣсь, видѣли, съ какой радостью встрѣчаетъ Варшава нашихъ?

— Не Варшава, мой другъ, а наши сородичи, здѣсь живущіе. Я смотрѣлъ—ни одна польская глотка не крикнула нынче: «Hoch!»... Ни одна полька не кинула цвѣтка даже красавчику, принцу Саксонскому, котораго прочатъ имъ въ короли... Но, виноватъ, продолжайте. Я послѣ доскажу свое.

— Да, что говорить? Врагъ сдѣлалъ послѣднее усиліе-и, все-таки, опрокинутъ, мы идемъ съ побѣдой, отхватили у него всѣ окраины... И приморскія земли Балтики, гдѣ давно наши братья томились подъ русскимъ ярмомъ, и Польшу!.. Кіевъ и Украйна пойдутъ за этими землями... Мы-всюду продвигаемся впередъ, а русскіе должны отступать, теряя. крѣпости и людей... Всюду отступаютъ, да!

— Правда ваша, юноша, но какъ они отходятъ? Вы это видѣли!.. А мнѣ, вотъ, припомнился одинъ случай... Я, кромѣ философскихъ системъ, любилъ въ молодости и охоту... Вотъ, разъ, съ молодымъ фонъ-Тирпицемъ, племянникомъ нашего адмирала,--охотился я на львовъ въ Сахарѣ. Это было въ модѣ у людей хорошаго круга. Выскочилъ левъ, грянули выстрѣлы... Онъ свалился, но и нашъ знаасъ разрывныхъ пуль былъ почти весь истраченъ. Вдругъ львица съ двумя дѣтенышами подняли черномазые загонщики изъ ея тайнаго убѣжища... Мы ужъ устали всѣ... Выстрѣлы были не такъ мѣтки. Тяжело раненый, старшій львенокъ, годовалый, должно быть,—упалъ, Мать его подхватила и понесла, сама обливаясь кровью изъ раны, серьезной. но не смертельной... А второй львенокъ, совсѣмъ маленькій,--путался у нея подъ ногами, мѣшая уходить... Мы ихъ настигли...Громадные псы, натасканные для такой охоты, смѣло кидались впередъ, стараясь задержать добычу... Негры тоже осмѣлились и съ копьями бѣжали на звѣря, чтобы живьемъ взять львенка. Ударъ лапы—и нѣсколько самыхъ лучшихъ псовъ полетѣли во всѣ стороны, съ визгомъ, съ распоротыми брюхами... Прыжокъ-другой—и та-же участь постигла трехъ негровъ, слишкомъ близко подошедшихъ. Мы кричимъ, велимъ уйти неграмъ. Гремятъ снова выстрѣлы, безъ разрывныхъ пуль, къ сожалѣнію. Львица ранена вторично, но отходитъ также отважно, переходя порою въ наступленіе, какъ и раньше... Все съ одною цѣлью: унести раненаго дѣтеныша, не отдать въ руки врагамъ младшаго львенка, какъ хотѣли этого мы... И она ушла, скрылась въ густой чащѣ тростниковъ. Тамъ укрыла дѣтенышей... А сама...

— Что она сдѣлала?—невольно вырвался вопросъ у захваченныхъ слушателей, когда Кнауэръ, случайно, или умышленно, не досказалъ фразы.

— Она, желая насъ отвести отъ львятъ, вдругъ выскочила изъ чащи, кинулась въ самую гущу людей и собакъ. Стрѣлять нельзя было, что бы не переранить своихъ. И тутъ-то негры, да и нѣкоторые изъ насъ узнали, что значитъ разъяренная львица-мать!

Помолчавъ, окинувъ взглядомъ слушателей, онъ докончилъ:

— Мы всѣ видѣли: какъ отступаютъ русскіе?! Горе, если они кинутся снова впередъ, передохнувъ и обезпечивъ снарядами свои пушки...

— Этого бояться нечего! Мы 30 лѣтъ почти готовились... Вся наша страна—одинъ боевой лагерь, одна военная мастерская... Цѣлому міру доставляли мы оружіе и снаряды. А теперь, пока гдѣ-то тамъ еще наладятъ враги свои заводы, мы снарядимъ горы припасовъ, отольемъ десятки тысячъ жерлъ и заставимъ цѣлый міръ признать нашу правоту и силу...

— Силу, пожалуй! Но правоту—едва-ли... Не забудьте: у насъ души и головы работаютъ по-нѣмецки. А у каждаго другого народа — своя точка зрѣнія, свое сердце стучитъ въ груди... И то, что намъ кажется правотою, они клеймятъ. Вы сами знаете какъ! Правы они, или нѣтъ, но борьбы не кинутъ до конца... И каковъ будетъ конецъ, кто знаетъ?.. Вотъ, хотя бы, эта «удача

наша въ Галиціи... Это оставленіи Польши врагами... Вы сказали: у нихъ не хватаетъ снарядовъ. А я и въ этомъ не увѣренъ. Первое время, пожалуй, такъ оно и было, на галиційскомъ фронтѣ, конечно, а не по всей линіи отъ Карпатъ до моря... Имъ пришлось бросить куски, захваченные дорогой цѣною... А потомъ...

— Что потомъ? Что вы хотите сказать?

— Да, вспоминаю дни Прасныша... Тогда я шелъ со своимъ батальономъ, гоня передъ собою русскихъ... Они гибли героями, медленно отступая... Самыя тщательныя развѣдки не давали основаній опасаться чего нибудь. Даже сами русскіе, завлекавшіе насъ въ мѣшокъ, не знали, что именно задумано ихъ хитрымъ штабомъ, какую ловушку готовитъ намъ ихъ Вождь... И, вдругъ, какъ по волшебству, все перемѣнилось... Стѣна штыковъ, огненная цѣпь орудій выросла передъ нами и остановила нашъ натискъ. А съ боковъ, сзади, отовсюду-шли ряды враговъ, спѣшно стянутыхъ тамъ, у выхода изъ мѣшка. И... одинъ Богъ вѣдаетъ, какою мукой, какими жертвами наша армія получила возможность уйти изъ плѣна!.. Что, если и теперь?! Подумайте: слишкомъ медленно двигалась наша грозная фаланга, и колонны Гинденбурга, и арміи Гальвица. 3-4 версты въ день только можетъ одолѣвать трехмилліонная лавина людей... Неужели русскіе не могли со всѣхъ концовъ, изо всѣхъ складовъ собрать снаряды, согнать глубокіе резервы и остановить нашъ натискъ передъ тою-же Варшавой, о валы которой три раза разбивались волны нашихъ войскъ! Или у другихъ крѣпостей на Вислѣ!? А русскіе все отходятъ. словно опять заманиваютъ насъ, туда, на старый, гибельный путь, которымъ шелъ сто лѣтъ назадъ корсиканскій вождь, такой-же геніальный, какъ и нашъ Вильгельмъ. Но болѣе опытный въ дѣлѣ войны, успѣвшій разбить лучшія арміи Европы... Тогда три союзника: хитрость славянъ необозримый просторъ ихъ отчизны и безконечно-долгіе тяжкіе переходы побѣдили первую армію міра съ великимъ Наполеономъ во главѣ... Что если?.. и тутъ-ловушка?

— Вы полагаете, докторъ: русскіе нарочно разгласили о недостаткѣ орудій и снарядовъ, что бы объяснить получше свой отходъ и затянуть насъ въ топи за Вислой и Припетью?..

— Все можетъ быть, милый Франке!

— Нѣтъ! Исторія учитъ чему нибудь. Наши вожди такъ умѣли все обдумать... Конечно, и это предвидѣли они... Самъ императоръ, наконецъ. Онъ знаетъ: эта война-его послѣдняя ставка... На картѣ участь его самого и цѣлой династіи Гогенцоллерновъ. Онъ не кинется очертя голову въ петлю... А если мы даже и вынуждены будемъ сыграть въ ничью?.. Если не повалимъ этого дикаго великана, Россію... Все-же дѣло ведется умно... Раззореніе, гибель и смерть воютъ на поляхъ врага, а не ломаютъ деревья, не рвутъ крышъ съ домовъ нашей родины... Такъ или иначе: мы не остаемся въ накладѣ!.. Если-бы даже... Если ваши печальныя предсказанія сбудутся и мы разойдемся съ врагами, не осиливъ ихъ. Если вернемся послѣ войны къ тому, какъ было раньше?.. Все-же, болѣе тяжкая участь постигнетъ врага: на его поляхъ взрыта земля до самыхъ пѣдръ ея... Его народъ, и мирный, и воюющій, несетъ въ своемъ дому тяжесть боя... Иного выхода не было: надо было воевать!.. Не напади мы,- напали-бы на насъ. Не теперь, такъ позже, когда эта проклятая Англія успѣла-бы подготовиться и снарядить Россію и Францію для нашего униженія... Такъ, лучше-же воевать во вражескомъ краю, чѣмъ дома... Я себѣ это такъ представляю: организму неизбѣжно надо переболѣть... Зараза вошла въ кровь... И охраняющія бѣлыя тѣльца-кидаются впередъ, туда, гдѣ самый очагъ болѣзни... Тамъ образуется воспаленіе... фагоциты-гибнутъ, течетъ гной... Но зараза не пошла дальше мѣста, гдѣ залегли, чуждыя тѣлу, вредныя начала. Тѣло остается цѣлымъ, здоровье возвращается къ нему и силы даже крѣпнутъ, какъ бываетъ нерѣдко послѣ хвори...

— Удачное сравненіе...съ вашей точки зрѣнія. Позвольте мнѣ сдѣлать другое. Жало пчелы-хорошо защищаетъ ее отъ враговъ. Ядъ его-смертеленъ для большинства изъ нихъ; но она оставляетъ въ тѣлѣ врага свое зазубренное жало вмѣстѣ со своими внутренностями...и гибнетъ, даже побѣждая! Того-же исхода съ тревогой жду я для Германіи...даже...даже если она побѣдитъ!

— Это совсѣмъ ново... Почему? Поясните... Я сразу не могу схватить...

— Да, да, г. Оберстъ? Почему вы такъ думаете?—раздались тревожные вопросы изъ толпы слушателей, стоящихъ и сидящихъ кругомъ.

— Полагаю, кое-что и вамъ бросалось въ глаза... приходило на умъ за эти 12 долгихъ, грозныхъ мѣсяцевъ, за дни испытаній и мукъ?.. Начну съ русскихъ. Правда, они ушли изъ предѣловъ Австріи... Оставили намъ и Прибалтійскія провинціи, и Польшу... Быть-можетъ, сдадутъ и крѣпости, еще стоящіе на пути до Кіева, до Москвы и Петрограда, какъ они зовутъ теперь свою столицу... Но—они идутъ домой... Они—собираютъ силы. У нихъ за спиной и свои богатыя нивы и лѣса, и горы, полныя металовъ? И рѣки Сибири, и моря, открытыя для союзныхъ кораблей, замкнутыя для нашего флота...

— Да, это печальная штука!—проворчалъ кто-то изъ окружающихъ. Но остальные молча слушали, ожидая, что скажетъ дальше «г. Оберстъ».

— Трагическая, не не печальная!.. Но, объ этомъ послѣ. И такъ, Россія, даже побѣжденная на окраинахъ,—еще полна мощи и собирается въ своихъ нѣдрахъ. Для чего?—не на до вамъ объяснять.., Кто хотя немного читалъ про минувшіе годы, знаетъ, какъ упорно отстаиваютъ славяне свою землю...

— А мы... развѣ мы?—запальчиво началъ Франке.

— Погодите, юноша! Я не думаю сомнѣваться въ доблести нашего народа... Даже австрійцы, такіе миролюбивые, доказали, что умѣютъ хорошо драться, когда врагъ хотѣлъ ограбить ихъ житницу, Венгрію...

— Еще бы не драться! А при этомъ еще сзади стояли пулеметы и начальство съ револьверами... Назадъ идти было некуда!..—подалъ голосъ толстякъ-австріецъ.

— Слышите, Франке: назадъ идти было *некуда*! А русскимъ есть куда идти и назадъ, и впередъ. И они, отступая, тянутъ насъ въ *пустоту*!.. Выматываютъ изъ насъ не только жилы,—душу выматываютъ они изъ цѣлаго народа... Изъ 80-ти милліоновъ нѣмцевъ! Этихъ тамъ, полупредателей нашихъ, чеховъ, словаковъ, познанцевъ я даже не беру въ расчетъ... И мадьяре измѣнятъ общему дѣлу при первомъ удобномъ случаѣ, если найдетъ выгоднымъ. А вопросъ о ставкѣ на жизнь и смерть—идетъ только у насъ, у германцевъ, южныхъ и сѣверныхъ, баварцевъ и саксонцевъ, все равно!.. Или мы господа, а славяне—слуги... Или—наоборотъ. Сначала мы достигали цѣли труднымъ, мудрымъ, долгимъ путемъ. Забрали въ руки ихъ торговлю, промышленность, ихъ повелителей окружили своими друзьями. Теперь—свершена огромная ошибка: мирное покореніе захотѣли ускорить силой оружія... И все вложилъ нашъ императоръ въ этотъ порывъ. Всѣ силы народныя ушли на этотъ подвигъ. Но, думается мнѣ: онъ намъ не по силамъ! 20 милліоновъ мужчинъ стоятъ подъ ружьемъ на всѣхъ границахъ и въ глубинѣ германской земли... Женщины работаютъ, какъ работали встарину жены воиновъ въ лѣсахъ Тевтобурга... Только, что волосъ своихъ не отдаютъ на тетиву луковъ, какъ дѣлали жены Карфагена... Дѣти,—вотъ ужъ годъ, ростутъ на плохомъ хлѣбѣ, да и того получаютъ не вволю... А впереди—еще не одинъ годъ, быть-можетъ, такой войны!

— Господи помилуй... Вы думаете?—раздался опасливый возгласъ австрійца.

— Не я одинъ. Каждый, кто умѣетъ разобраться въ вещахъ, такъ думаетъ. И, вотъ, допустимъ: мы переломимъ упорство славянъ, мощь морскую и сухопутную хитрыхъ островитянъ-британцевъ. Вернемъ съ лихвой свои колоніи. Снова будемъ господа въ земляхъ, отнятыхъ раньше и теперь у Франціи. Но—противъ насъ останется цѣлый міръ, какъ притихшій лагерь смертельныхъ враговъ! Какъ тигръ, согнувшійся въ темнотѣ, припавшій къ землѣ въ ожиданіи: когда можно прыгнуть на добычу?.. Горы ядеръ, сотни тысячъ пушекъ враги отольютъ въ тишинѣ... и въ удобный мигъ, напавъ на насъ, истощенныхъ, обезкровленныхъ,—сотрутъ съ лица земли!.. Поработятъ, какъ поработили мавровъ испанцы, долго терпѣвшіе гнетъ побѣдителей-мусульманъ?.. Какъ русское царство поглотило татаръ Казани и Астрахани, татаръ Орды, сотни лѣтъ владѣвшей страною... И это—въ лучшемъ случаѣ...

— Какъ еще не все?!—вырвалось съ тревогой у Франка.

— О, далеко не все... Есть кое что поближе... и пострашнѣе... Пушки союзниковъ уже чертятъ на стѣнахъ Стамбула роковое: «Мани, Фэкель, Фаресъ!»!.. Милліонъ французскихъ штыковъ давно тускнѣетъ и тупится въ окопахъ, ожидая момента... Англичане, собравъ два милліона солдатъ въ одинъ годъ, вмѣсто арміи въ 300 тысячъ, которая у нихъ благодушно ничего не дѣлала сотни двѣ лѣтъ; англичане скоро сумѣютъ придать зубы своему грозному дракону... И, кромѣ моря, начнутъ съ суши давить насъ, тѣснить наши ряды... Это вопросъ времени. Италія тоже не будетъ сидѣть на Изонцо безъ конца! Я знаю, наши вожди кое-что дѣлаютъ, чтобы оттянуть страшные удары... Балканскіе народы—кипятъ взаимной враждой... Это—вода на наши колеса... Но... сущность остается одна и таже... Мы—послѣднія силы напрягаемъ, чтобы бить по ногамъ Колосса,—Вражду къ намъ цѣлаго Міра!.. А Міръ нагнется... и раздавитъ насъ... Вотъ такъ!..

Кнауеръ умолкъ, сдѣлавъ довольно грубый жестъ.

Никто не сталъ возражать, или спрашивать больше. Иные,—опечаленные, отошли. Другіе сидѣли, погрузясь въ задумчивость...

Франке быстро поднялся съ мѣста, буркнулъ:

— Вашъ слуга... г. Оберстъ...

И вышелъ изъ палаты.

На улицахъ Варшавы, послѣ криковъ, гомона и говора, необычайнаго даже за послѣдніе шумные мѣсяцы военной суматохи,—сразу какъ-то воцарилась почти мертвая ,гнетущая тишина, едва только прошли въ казармы баталіоны побѣдителей, едва закрылись ворота артиллерійскихъ парковъ за громыхающими нѣмецкими пушками; чуть только слѣзли со своихъ крупныхъ, поджарыхъ, замученныхъ походами, коней такіе же крупные, но еще не заморенные всадники и потянулись на отдыхъ въ отведенные имъ бараки...

Нѣмцы-штатскіе, обыватели Варшавы, встрѣчавшіе «своихъ»,—подхвативъ кого было можно изъ гостей наполнили уютные садики при кофейныхъ и пивныхъ, которыя, послѣ долгаго перерыва,—вдругъ сегодня открыли свои двери и заторговали сразу во всю.

А польское населеніе и евреи, хотя и наполняли до поздняго вечера улицы, но ходили съ какой-то необычной осторожностью, оживленно, но сдержанно толкуя между собой.

Большой ,многолюдный городъ весь притихъ, насторожился, словно выжидалъ чего-то, не умѣя рѣшить: добро или худо принесетъ имъ появленіе такихъ незванныхъ и нежеланныхъ гостей?... Только съ рѣки, отъ Вислы доносились рѣзкіе свистки пароходовъ, громкіе голоса сплавщиковъ, пѣсни рабочихъ, выгружающихъ суда...

Но, вотъ, пробило 9 часовъ. Нѣмецкіе патрули тяжелымъ шагомъ стали обходить улицы и всякая жизнь сразу замерла.

* * *

Прошло два дня.

Послѣ томящаго зноя и духоты іюльскій, тихій вечеръ наполнилъ улицы Варшавы прозрачными тѣнями, отрадной свѣжестью, налетающей отъ рѣки вмѣстѣ съ порывами легкаго вѣтерка предзакатнаго.

Сидя у раскрытаго окна своей палаты, Отто Кнауеръ быстро, съ навыкомъ стараго газетнаго работника, проглядывалъ одну за другой, нѣмецкія и польскія газеты, лежащія грудой на подоконникѣ. Часть этихъ мягкихъ, измятыхъ при чтеніи, листовъ свалилась и на полъ, закрывая ноги офицера-философа, обутыя въ неуклюжія, большія не по ногѣ, больничныя туфли.

Синимъ и краснымъ карандашомъ онъ, то и дѣло, обводилъ иныя строки, подчеркивалъ отдѣльныя фразы, писалъ какія-то замѣтки на поляхъ, а то и вдоль, по тексту нѣкоторыхъ газетныхъ столбцовъ. Лицо его живо отражало мысли, вызванныя чтеніемъ. Но, чаще всего, —глумливо-презрительная усмѣшка скользила по сжатымъ губамъ, которыя на мигъ пріоткрывались, обнажая желтый большой клыкъ съ правой стороны, выдающійся немного впередъ изъ верхняго ряда зубовъ.

Окинувъ взглядомъ палату, сейчасъ на половину опустѣлую, убѣдившись, что его сосѣдъ по койкѣ, по своему обычаю,—погруженъ въ чтеніе Ветхаго Завѣта, Отто Кнауэръ досталъ изъ-за пазухи тщательно сложенный номеръ французской газеты, и, пробѣжавъ ее быстро, сдѣлавъ также нѣсколько отмѣтокъ,—сложилъ снова, спряталъ и досталъ другую, русскую газету, еще разъ зорко оглядѣвшись :не слѣдитъ ли кто за нимъ?

Не успѣлъ онъ пробѣжать и первыхъ полосъ, какъ за дверью палаты послышались быстрые, нервные шаги.

Шелъ больной, потому что по корридору шлепали и щелкали задки больничныхъ туфель. Но Кнауеръ на всякій случай прикрылъ листомъ «Берлинскаго Ежедневника» русскую контрабанду и снова сталъ пробѣгать взглядомъ уже пройденные, нѣмецкіе листки.

Франке появился на порогѣ, на мигъ задержался, потомъ рѣшительно направился къ окну, у котораго сидѣлъ Кнауеръ, по пути кланяясь больнымъ, сидящимъ на своихъ койкахъ или у раскрытыхъ оконъ душной палаты, почти опустѣлой, потому что большинство больныхъ, кто пободрѣе,—выбрались на волю. въ больничный садъ, или сидѣли во дворѣ, на скамьяхъ, подъ зелеными навѣсами деревьевъ и кустовъ, такихъ щеголоватыхъ въ ясный іюльскій вечеръ.

— Добрый вечеръ, г. об... Г. докторъ!—по военному вытягивая худой, тонкій станъ, отчеканилъ юноша.

— Вечеръ добрый, г. Франке. Садитесь. Хорошо, что заглянули. Я и то поджидалъ васъ. Что скажете? Что новенькаго у насъ?

— У меня—ничего, г. докторъ. Но... вы, вѣроятно, уже слышали?.. Ходятъ упорные толки что императоръ... Что съ нашей стороны сдѣланы черезъ Данію нѣкоторыя предложенія русскому двору... И—довольно серьезныя, какихъ тамъ и ожидать не могли... Будто бы?..

— Его величество, императоръ германскій и король прусскій готовъ, взамѣнъ мира,—отдать русскимъ хорошій кусокъ земли... австрійской, конечно, въ видѣ Галиціи? А для соблюденія приличій,—

мы должны получить клочекъ Польши вдоль берега Варты со священнымъ градомъ Ченстоховымъ, съ его святыней, образомъ Матери Божьей, которую чтутъ всѣ католики польскіе и наши?.. Что же, фокусъ былъ бы недурной... Согласись Россія,—у насъ сразу руки будутъ развязаны, чтобы покончить сперва съ Франціей, а тамъ и съ Англіей... Объ Италіи тогда нечего и говорить!..

— Да, да... конечно! Это было бы превосходно... И если даже вы, г. докторъ, были правы, что мы... что императоръ зарвался въ этомъ походѣ на Востокъ?.. Такая комбинація все можетъ поправить.

— Чего лучше и желать! Превосходная комбинація... Хотя, если вы спросите императора, Франца-Іосифа?.. Или, даже, любого изъ его подданныхъ,—они отзовутся объ этомъ предложеніи нашего Вильгельма совсѣмъ недвусмысленно. Но, это пустое... Бѣда не въ томъ. Поругаютъ насъ и перестанутъ... Есть русская поговорка: «брань на вороту не виснетъ!»... Плохо другое...

— Что? Въ чемъ дѣло, г. докторъ?

— А вы, юноша, развѣ не слыхали? Только половина новости дошла до васъ? О томъ, что Россія рѣшительно отвергла сдѣланныя предложенія,—объ этомъ вы не знаете?

— Да... быть не можетъ!?.

— А я убѣжденъ, что такъ оно и есть... И быть не можетъ иначе!

— Чтобы Россія рѣшилась теперь, когда ея карты почти всѣ биты?.. Когда наши вошли въ Варшаву?!.

— Когда Ивангородъ взятъ. Да, да, не удивляйтесь... Я и объ этомъ имѣю свѣдѣнія... Знаю, что со-дня-на-день будетъ взятъ и Новогеоргіевскъ; Гродна, Ковна, Вильна—всѣ пойдутъ скорымъ маршемъ вслѣдъ за Варшавой,—на сдачу. А тамъ—Рига и Двинскъ на череду... Всѣ будутъ у насъ въ рукахъ!

— Вы думаете?! Это же превосходно...

— Не думаю, а увѣренъ. Но—превосходнаго не вижу ничего! Только дальше и дальше будемъ мы затягиваться въ эту бездонную трясину Бѣлоруссіи и Литвы, пока не завязнемъ окончательно, не задохнемся въ вонючей грязи, захлебнемся своими слезами и кровью...

— Какой ужасъ! Да, нѣтъ! Вы преувеличиваете, г. докторъ. .. Я не хочу васъ оскорбить... Но если бы больше мужества было у человѣка въ душѣ... онъ бы никогда...

— Мужества?! Вы полагаете: я трусъ? Не обижаюсь. Мое начальство—иного мнѣнія. Не смотря на мой непріятный языкъ и неуживчивый характеръ, многія награды, очень высокія,—выпали мнѣ на долю... не за трусливыя, либо за необдуманныя дѣйствія, повѣрьте, юноша...

— О, я не сомнѣваюсь... простите... Я только... Вы понимаете?..

— Понимаю отлично, и не сержусь! Вы любите родину. И я люблю ее. Вы ненавидите врага. И я не питаю къ нему нѣжныхъ чувствъ. Но, только, съ одной разницей; вы его оцѣниваете, какъ сами хотите... Видите его такимъ, какимъ желали бы видѣть: ничтожнымъ, грубымъ и недалекимъ. А я знаю славянство уже тысячу лѣтъ. Не дѣлайте большихъ глазъ. Я—не шарлатанъ-Каліостро. Я говорю о своемъ знакомствѣ съ исторіей враговъ. Да, вотъ, всего лѣтъ 90 назадъ, въ тѣхъ же озерахъ и болотахъ, гдѣ идетъ сейчасъ у насъ бой съ русскими,—тамъ по тропамъ и проселкамъ прошелъ большой отрядъ польскихъ повстанцевъ, почти изловленный русскими у Полангена... И хотя три русскихъ арміи ловили храбреца-Дембинскаго, онъ миновалъ всѣ ловушки, отбивая еще обозы у москвитянъ. 40—50 тысячъ враговъ его окружали, а онъ привелъ свой отрядъ, 4000 людей, цѣлымъ въ Варшаву... А теперь—все населеніе этихъ топей—противъ насъ! Мы будемъ тамъ путаться, насъ станутъ предавать и разобьютъ по частямъ, потому что двигаться стройными арміями нельзя въ этихъ дебряхъ. Вотъ что насъ ждетъ!..

— Боже мой!.. Пожалуй, вы и правы... Вѣдь, я пришелъ. Я хотѣлъ... Послѣ нашего разговора тогда... я двѣ эти ночи почти не спалъ. Все думалъ о вашихъ словахъ! И такіе нехорошіе слухи были... Генералъ Безлеръ, оставленный управлять краемъ,—онъ, правда ваша, не умѣетъ привлечь поляковъ на нашу сторону... Они заволновались, когда въ лавки и дома стали приходить наши солдаты и офицеры, чтобы обирать мѣдныя вещи, и провіантъ, и фуражъ. А тутъ еще послали къ варшавскому архіепископу, чтобы онъ приказалъ выдать всѣ мѣдные колокола. Поляки возмутились. Говорятъ: народъ готовится съ оружіемъ въ рукахъ защищать свои храмы... Это же разойдется по цѣлой Польшѣ!. Зачѣмъ такъ поступать неосторожно?

— Неосторожность—не бѣда. Кто по настоящему силенъ, тотъ имѣетъ право быть и неосторожнымъ, даже наглымъ. Не такъ ли?.. Плохо одно, что мы только кажемся сейчасъ очень страшными и сильными... Я ужъ толковалъ вамъ. Радъ, что вы начинаете убѣждаться. Человѣкъ вы не глупый...

молоды еще. Но—это скоро-проходящая болѣзнь... И если вы прибавите къ своему практическому негодованію нѣсколько моральныхъ нотъ...

— Вы думаете, докторъ, кромѣ неосторожности, Безлера можно упрекнуть и въ чемъ-нибудь худшемъ?

— Смѣю думать... Этакъ, вродѣ глупости, бездушія... и хамства. Не будь онъ слѣпъ духовно, онъ бы понялъ, что стыдно, опасно и грѣшно задѣвать тончайшія струны души народной, связанныя съ его вѣрованіями...

— Католическія, нелѣпыя бредни и суевѣрія?!. Помилуйте, г. докторъ. Вы философъ?.. И, вдругъ...

— Я—родился просто—человѣкомъ, былъ ребенкомъ, членомъ семьи, а потомъ сталъ философомъ. Я, лично—позналъ высшія откровенія человѣческаго ума. Но я помню, что у милліоновъ людей—много завѣтнаго хранится въ глубочайшихъ, темныхъ изгибахъ ихъ душъ. И—умѣю чтить эти фетиши... или, по крайней мѣрѣ,—не раздражать тѣхъ, кто за дорогой фетишъ—готовъ отдать всю кровь до капли и пролить море чужой крови. А католики, именно, таковы... И Безелеръ... милѣйшій нашъ генералъ,—онъ бездушный, ограниченный человѣкъ и наглый солдатъ. Если его скоро не уберутъ, тутъ заварится каша, вѣрьте мнѣ, юноша...

— Пустое... Слишкомъ много нашихъ штыковъ и пушекъ въ городѣ, чтобы кто-нибудь смѣлъ пикнуть. Пусть соберется шайка этихъ поляковъ... Наши дадутъ два-три залпа... и...

— Браво! Это—говоритъ соціалъ-демократъ! Положительно, мы помѣнялись съ вами шапками, мой молодой другъ! До этой войны—я такъ думалъ и говорилъ, я,—отпрыскъ старой дворянской семьи... Я думалъ: если мы, господа, приказываемъ и рѣшаемъ что-нибудь,—народъ, чернь,—своя, нѣмецкая, и всемірная—должна покорно исполнять наши велѣнія. Теперь же я узналъ, что страданія каждаго, самаго жалкаго солдата изъ обѣихъ армій—равноцѣнны страданіямъ цѣлаго міра... потому что эти міровыя страданія—и слагаются изъ мелкихъ отдѣльныхъ трепетовъ и мукъ!.. А вы... дитя народа, другъ черни, трибунъ плебса, вы, эс-декъ, гражданинъ міровой рабочей республики,—вы теперь стоите на точкѣ зрѣнія «конквистадоровъ», покорителей прошлыхъ вѣковъ! Какія чудеса творитъ эта война!..

— Простите, г. докторъ... Я совсѣмъ не то хотѣлъ сказать... Хотя и не стыжусь своего патріотизма... Возражу вамъ вашими же словами. Я—родился нѣмцемъ!.. Меня вскормила мать-германка своимъ молокомъ. Я питался хлѣбомъ, взрощеннымъ на нашихъ нивахъ И величіе Германіи, мощь родного народа—для меня превыше всего! Это высшая справедливость для моего сознанія, въ этомъ—моя вѣра и святыня... Неужели вы не такъ думаете, г. докторъ?

— Великолѣпно! Вопросъ ребромъ. Знаете, если бы я не читалъ въ вашей душѣ, не видѣлъ вашего волненія,—этотъ вопросъ—прозвучалъ бы... провокаторской музыкой среди общаго тона нашихъ бесѣдъ. Но—успокойтесь... Я знаю, какъ вы далеки отъ подобной... мерзости. И успокою васъ вторичнымъ увѣреніемъ: ненавижу я нашихъ враговъ, пожалуй, больше вашего! Я понимаю, что, только, наполнивъ душу ненавистью,—можно найти въ себѣ силы побѣдить цѣлый міръ, возставшій на Германію... И я—ненавижу, слышите ли!.. Но это чувство у меня обдуманное, холодное, не темнящее разсудка. Хладнокровіе необходимо, чтобы улучить время, выбрать мѣсто и твердою рукою нанести врагамъ смертельный ударъ. Сразу всѣмъ, или каждому по одиночкѣ... Вы—человѣкъ начитанный. Помните, какъ нашъ народный герой, Райнеке-Фуксъ, Лисъ-Хитродумъ,—справился съ Волкомъ-Изегриммомъ, такимъ могучимъ и озлобленнымъ противъ слабѣйшаго противника, противъ вѣчнаго обидчика своего?

— Помню!—невольно улыбнувшись, откликнулся Францъ.—Великій Гете! Какъ зналъ онъ душу не только людскую, но и звѣриную, если такъ ловко сумѣлъ повернуть дѣло. Волкъ уже опрокинулъ Лиса... Ухватилъ его зубами за горло... Но тогда... Лисъ ухватилъ врага за... за самое чувствительное мѣсто, разорвалъ его когтями... И сильный врагъ—былъ побѣжденъ слабѣйшимъ, но болѣе сообразительнымъ и не теряющимъ самообладанія въ самыя опасныя минуты... Лисъ—побѣдилъ!.. Значитъ, вы полагаете?..

— Я твердо вѣрю, что и мы сможемъ побѣдить цѣлый міръ, но—постепенно, если сумѣемъ использовать всѣ случайности... Объ этомъ рѣчь впереди. Кончимъ начатое. Наши вожди, высшіе и подчиненные,—дѣлаютъ ошибку за ошибкой... Напримѣръ: зачѣмъ они лгутъ, народу, міру, нашимъ арміямъ? Эти вѣчныя реляціи о побѣдахъ! И читаютъ ихъ тѣ же разбитые, дорою—бѣгущіе полки, которымъ присвоено въ донесеніяхъ названіе «побѣдоносныхъ!».. Исчезаетъ вѣра въ начальниковъ,

въ себя... Самъ императоръ много потерялъ послѣ нѣсколькихъ, слишкомъ явныхъ обмановъ, брошенныхъ войску и чужимъ народамъ.

— Ахъ, докторъ, не всегда же можно говорить правду... Надо подымать духъ толпы... Люди не всѣ способны одинаково разобраться въ событіяхъ и сохранять твердость духа въ бѣдѣ... Толпа, сѣрая масса...

— Слышалъ, слышалъ, г. аристократъ изъ эс-дековъ! Повторяю: если вы умны, вы не станете и не должны никого считать глупѣе себя... чтобы жестоко не ошибиться?. А за такими ошибками слѣдуетъ и тяжелая расплата. Вѣрьте мнѣ, г. Франке... И текущія событія, и весь переплетъ исторіи учитъ этому... Нашъ врагъ, особенно—русскіе,—сильны именно тѣмъ, что вожди говорятъ имъ правду. Читали же вы хотя бы польскія газеты въ Россіи, здѣсь, въ Варшавѣ? А я читалъ всѣ русскія. Пораженія были также оповѣщены народу, какъ и успѣхи ихняго оружія... И народъ вѣритъ вождямъ, стоитъ въ бою сплоченной стѣнойю... И будетъ стоять, не смотря на нѣкоторые непорядки во внутреннемъ строѣ жизни... Страшная, вѣковая рознь между поляками и русскими—пала, не столько благодаря этой правдивости, сколько и ради страха передъ нами... И, побратавшись искренно,—эти два народа стоятъ передъ нами съ утроенной силой... А мы?.. Въ Берлинѣ и Вѣнѣ—только выдумываютъ новыя петли и крючки, чтобы обмануть, усыпить, или запугать поляковъ, и своихъ, и покоренныхъ. Плохая работа. Цѣлый народъ нельзя такъ обманывать, какъ это дѣлаютъ дипломаты другъ съ другомъ. У народовъ какъ у гончихъ псовъ,—есть верхнее чутье. Оно подсказываетъ, что воззваніе Великаго князя—сулитъ полякамъ больше свободы, чѣмъ всѣ планы и контръ-проэкты имперскихъ канцелярій при министрахъ иностранныхъ дѣлъ.

— Пожалуй, это и вѣрно...

— Да, ужъ, не сомнѣвайтесь, мой другъ! Старая поговорка вѣрна: «лучшая ложь—это правда!» Правда даетъ успѣхъ скорѣе всего. А мы—погрязли во лжи, какъ завязнемъ скоро въ пинскихъ болотахъ. Какъ потонемъ въ собственной крови, подъ конецъ!

— Но... что же дѣлать? Что же дѣлать тогда!—совсѣмъ по-дѣтски выкрикнулъ Франкъ, глядя въ глаза Кнауеру, словно тотъ могъ сейчасъ же спасти положеніе, дать рѣшающій событія, отвѣтъ.

— Милый юноша!.. Я часто задумываюсь надъ этимъ вопросомъ. Рѣшить его—мнѣ не по силамъ! Но... кое что намѣчается въ мозгу... Могу подѣлиться съ вами, если это васъ утѣшитъ... или, хотя бы... потѣшитъ немного... Юноша вы мой!..

— Говорите, прошу васъ!..

— Да, я полагаю, если вы сами подобьете итоги тому: что далъ намъ этотъ годъ войны, и что, мы потеряли?.. Германія и Австрія, конечно. Не считая «осла съ полумѣсяцемъ», дряхлой Турціи которая возитъ наши мѣшки на мельницу. Подочтите—и вы получите неизбѣжный отвѣтъ.

— Я готовъ. И, мнѣ сдается: отвѣтъ будетъ ужъ не такъ мраченъ, какъ вы рисовали сейчасъ, г. докторъ. Начнемъ отсюда, съ Востока. Мы отхватили у врага почти всю Польшу... Двигаемся успѣшно дальше, какъ вы сами говорите. Готовы овладѣть Литвою, какъ владѣемъ частью ихъ Балтійскихъ Земель... Бельгія?.. Эта маленькая, упорная страна, испортившая намъ всѣ планы... Она въ нашихъ рукахъ и несетъ милліонную дань... Сѣверъ Франціи прочно занятъ нашей сильной арміей. Англичане потеряли не одну сотню милліоновъ марокъ вмѣстѣ съ ихъ кораблями, которые пущены на дно нашими отважными моряками, нашимъ подводнымъ флотомъ; этому флоту—нѣтъ равнаго въ мірѣ!..

— Да, нападать на купцовъ они умѣютъ хорошо. Считайте дальше.

— Потери непріятеля—та же прибыль для насъ. А за годъ войны мы совершенно вывели изъ строя у русскихъ—до милліона людей, не считая того милліона, который сидитъ у насъ въ плѣну; французы и англичане вмѣстѣ—потеряли еще милліона полтора убитыми, калѣками и плѣнными... Итальянцы и сербы—дадутъ еще полмилліона. Итого—4,000,000 бойцовъ ушло изъ рядовъ у врага...

— Дальше.

— Вамъ мало? Чего же надо еще? Вотъ, наши газеты пишутъ,—менѣе увѣренно проговорилъ Франке: въ Россіи назрѣваютъ безпорядки въ силу внутренней неурядицы. Во многихъ центрахъ люди голодаютъ. Нѣтъ работы... И, вообще, враги устали... И французы, и, даже, англичане... Эти, упорные, проклятые морскіе моржи... Если бы не они...

— Да, не мало крови испортили островитяне не только вамъ, но и нашимъ верховнымъ руководителямъ. Что же, вы кончили? Я могу немного прибавить за васъ. Мы обобрали урожаи Франціи, Польши и Курляндіи, гдѣ могли. И соберемъ еще урожай этого года. Въ нашей власти—около 100,000 кв. километровъ земель, раньше принадлежавшихъ врагамъ. Ни одинъ непріятельскій солдатъ не

ночуетъ въ нѣмецкихъ стѣнахъ, если не считать клочка Эльзасса-Лотарингіи... Да, вѣдь, это—меньше всего—нѣмецкая земля, если говорить по правдѣ... Пожалуй, въ милліардъ марокъ можно оцѣнить то, что мы взяли деньгами и натурой въ покоренныхъ земляхъ. Довольны итогомъ?

— Чего же еще вы хотите, г. докторъ?

— Чего я хочу? Ничего! Чего должны бы мы всѣ желать? Очень многаго!.. И еще больше есть такого, чего мы совсѣмъ не желаемъ, ни одинъ нѣмецъ, хотя бы и такой... «не патріотъ», какимъ, я вижу, вы въ душѣ меня признаете...

— Нѣтъ, помилуйте, докторъ...

— Милую! Но, давайте, ужъ кончимъ подсчетъ. Прибыль враговъ—наша убыль. Не такъ ли? Что же взяли враги? Пустое, г. Франке!.. Они лишили насъ всѣхъ колоній, на которыя затраченъ не одинъ милліардъ нѣмецкихъ денегъ. Не говоря о крови, пролитой нашими братьями при завоеваніи этихъ далекихъ дикихъ странъ. Почти 300,000 кв. километровъ отошло отъ имперіи, захвачено врагами. Три километра—за каждый одинъ... И, при томъ, не забывайте, что Бельгію намъ врядъ ли удастся оставить за собою, даже въ случаѣ побѣды. Польшу?.. Этотъ ящикъ Пандорры—лучше и не трогать, не ворошить это осинное гнѣздо. Пусть ее беретъ, кто желаетъ. Пока въ Германіи—всего 4 милліона Познанскихъ и Силезскихъ поляковъ. А сколько хлопотъ съ ними нашимъ правителямъ? Сколько смуты въ странѣ!.. Что же будетъ если это число утроится?! Они станутъ господами въ Ландтагѣ, въ Рейхстагѣ, въ цѣлой странѣ... А мы, нѣмцы, врядъ ли хотимъ этого.

— Конечно, нѣтъ!

— Вотъ, видите. Колоній же нашихъ намъ добромъ не отдадутъ, чтобы ни случилось! Флотъ Англіи—сильнѣе нашего... Увы, это ясно, какъ дыра въ печкѣ! Тутъ зарыта вторая собака... Вѣрнѣе: заперта на цѣпи!.. Нашъ могучій флотъ, который слитъ цѣликомъ изъ народнаго золота, изъ пота и крови германской... Гдѣ онъ? Что дѣлаетъ? Прячется въ Кильской щели!.. Неприличное занятіе для сильнаго флота... И только подводные наши пираты, какъ электрическіе угри южныхъ морей,—снизу, во тьмѣ—наносятъ жалкіе удары отдѣльнымъ купеческимъ скорлупамъ! А флоты враговъ? Даже—балтійскій, русскій,—всѣ цѣлы и невредимы... И мы—безсильны что-либо сдѣлать противъ этого... Это—идетъ какъ бы на квитъ—за разрушеніе Лувена, за плѣнъ Брюсееля и Варшавы, за поля Шампаньи и Арраса, гоѣ наши офицеры льютъ больше вина, чѣмъ собственной крови. Или вы скажете, что это не такъ?

Франке молчалъ, поникнувъ головой.

— Будемъ дальше считать... ужъ надо до конца! Больше 15 милліоновъ бойцовъ выставили мы на границахъ обѣихъ имперій... Это правда!.. И бросаемъ массы въ два-три милліона туда, гдѣ есть надежда разгромить врага... И громимъ. Но... чего это намъ стоитъ? Вы тоже знаете, конечно... У насъ—убито, искалѣчено до двухъ милліоновъ людей и больше милліона—сидитъ въ плѣну у враговъ... Правда, тамъ больше хлѣба и мяса, чѣмъ сейчасъ въ Германіи и въ Австріи. Наши, въ плѣнъ попавшіе, собратья—живутъ, ѣдятъ лучше, чѣмъ враги, у насъ сидящіе въ плѣну... Но—утѣшенія мало... Запасы людей у врага въ 10 разъ больше, чѣмъ у насъ. Вы согласны?.. Пойдемъ дальше... Наша вторая радость и краса... Нашъ торговый флотъ! Сотни огромныхъ кораблей, которые носились гордо по всѣмъ морямъ, изо всѣхъ угловъ земного шара свозили на родину лучшее, что тамъ создала природа, или трудъ людской, добывали груды золота за товары, сработанные нѣмецкими руками... И эти красавцы... Сотни ихъ—потоплены врагами, или взяты, какъ морская добыча. А всѣ остальные стоятъ въ нейтральныхъ гаваняхъ, мертвыми, неподвижными громадами, вмѣсто прибылей—принося расхрды и раззореніе отдѣльнымъ владѣльцамъ и большимъ, богатымъ компаніямъ съ самимъ императоромъ во главѣ!.. Это же не секретъ. Онъ—пайщикъ одной изъ богатѣйшихъ транспортныхъ кампаній Германіи... Затѣмъ...

— Еще не все?!—съ невольнымъ испугомъ вырвалось у Франке.

— О, нѣтъ! Вы какъ будто забываете самое вамъ близкое... Положеніе рабочихъ въ нашихъ обѣихъ имперіяхъ. По офиціальнымъ даннымъ—больше 10 милліардовъ франковъ потеряли на безработицѣ трудовые классы центральныхъ имперій... А военные расходы?.. Это золото, которое льется бѣшеннымъ потокомъ...

— Оно почти не выходитъ изъ страны, г. докторъ. Оно идетъ въ карманы къ намъ же!..

— И къ вамъ тоже, г. Франке? Развѣ вы—крупный землевладѣлецъ? Или — владѣлецъ копей? Лѣсныхъ дачъ? У васъ есть заводы, фабрики? Вы—ведете крупную торговлю хлѣбомъ, мясомъ, сахаромъ? О, я не зналъ, что имѣю дѣло съ однимъ изъ почтенной корпораціи банкировъ и промышленни-

ковъ крупнаго размѣра, которые захватываютъ всѣ барыши отъ торговли народною кровью, неизбѣжной при всякой войнѣ...

— Помилуйте, докторъ!..

— Помилуйте и вы меня, г. Франке. На смѣшите, когда мы говоримъ серьезно! Деньги остаются въ странѣ... Только—не въ карманѣ у народа!.. это ужъ старая истина... А народъ бѣднѣетъ, плохо питается и работаетъ непосильно... Теперь—германскія женщины стали на мѣсто мужей... А ихъ дѣло—лежать, а не стоять; это ужъ вѣрно, г. Франке и краснѣть не надо. Природа отвела каждому полу его удѣлъ. И война, мѣняя порядки, смѣшивая карты,—не помогаетъ улучшенію рассъ. Словомъ... Противъ одного—двухъ милліардовъ деньгами, взятыхъ у врага,—мы потеряли у ж е до 40 милліардовъ марокъ. Выговорить страшно!.. Но еще страшнѣе—потеря людьми... Еще года два войны,—и мы будемъ безъ арміи въ полѣ... Безъ мущинъ въ странѣ.!.

— Какой ужасъ!

— И не преувеличенный, мой другъ.

— Такъ, значитъ?..

— Значитъ: надо предлагать не сепаратныя... сдѣлки... Недостойныя насъ и тѣхъ, кому ихъ предлагаютъ. Надо—просить мира... цѣною всякихъ уступокъ и потерь!..

— У насъ отнимутъ всю нашу мощь... Насъ унизятъ! Запретятъ строить корабли... держать войска... И вы хотите?! Намъ запретятъ высунуть носъ изъ нашей земли...

— Но въ этой землѣ—мы останемся цѣлы... Еще болѣе сплочены затаенной ненавистью къ побѣдителямъ. И будемъ ждать...

— Чего?

— Дня отмщенія!.. Помните, я рисовалъ; какъ будетъ, если мы задавимъ враговъ? Они выждутъ минуту—и разорвутъ цѣпи... Сторицей отплатятъ намъ за униженіе. Но—побѣдить теперь для насъ нѣтъ надежды... Хотя мы и вошли въ удачную полосу. Она скоро должна перемѣниться... И медлить не слѣдуетъ. Если бы наши вожди не были ослѣплены самомнѣніемъ? Или—не боялись за себя, за свой тронъ, за свою династію, какъ боится Вильгельмъ...

— Вы полагаете, докторъ?

— Несомнѣнно!.. Иначе, игра кончилась бы уже давно. Такіе промахи!.. Задержка въ Бельгіи... Неуспѣхъ во Франціи... Мы бросались изъ стороны въ сторону, вездѣ успѣли хорошо показать свои зубы... но рѣшительнаго успѣха не добились нигдѣ... И не добьемся!.. Все оттого, что война начата слишкомъ рано... Даже японцы осмѣлились вступить въ игру, пошли противъ насъ...

— Ну, эти обезьяны...

— О«безьяны»?! Русскіе тоже ихъ звали «макаками»... И потерпѣли за это горькій урокъ. А вы, юноша, не знаете ли исторіи Рамы? Онъ, глупецъ, наивный и слабодушный,—могъ побѣдить умныхъ и злыхъ Ракшасовъ только благодаря Царю обезьянъ и его министру, Гануману, который привелъ на помощь полубогу—огромную рать «темноликихъ обезьянъ»...

— Я читалъ Рамаяну... Такъ, вы полагаете?..

— Думаю, что и въ тѣ, доисторическія времена—японцы подъ именемъ «обезьянъ»,—умѣли прійти на помощь туда, гдѣ это имъ сулило выгоды... Они и сейчасъ не ошиблись. Кусокъ тѣла германскаго успѣли вырвать эти «обезьяны». Кіао-Чао... Острова—все взято у насъ японцами на Востокѣ. За это—надо имъ отплатить... И—цѣлому міру, который ополчился на насъ. Всему Западу Европы... Надо осторожно, постепенно поднять Востокъ и Югъ Азіи... Китай, Индія... Индо-Китай—вотъ наши настоящіе союзники, а не жалкія орды турецкія, которыя бѣгутъ отъ русскихъ батальоновъ, гдѣ бы ни повстрѣчались съ ними...

— Китай... поднять на Европу?! Но, вѣдь это...

— Да, пѣсня не короткая... Придется работать десятки и десятки лѣтъ... Наводнить осторожно Востокъ своими людьми... Половину Германіи переселить туда... Заводы Круппа—тамъ могутъ воскреснуть, если здѣсь придется погасить огни горновъ, гдѣ куется мощь Германіи... И воскреснутъ они съ удесятеренной силой... въ колоссальныхъ размѣрахъ, еще невиданныхъ на землѣ!.. А когда, пробужденный нами,—Китай подымется во весь ростъ своихъ 500—600 милліоновъ людей... И поведетъ за собой 200 милліоновъ населенія Индіи... Тогда враги наши будутъ сметены... И два народа станутъ править надъ двумя полушаріями земли. На Востокѣ—наши союзники: монголы и индусы, на Западѣ, мы ихъ древніе соотчичи, Германцы, потомки Индо-Сайвановъ. Всѣ-же остальные—Челядь романская, остатки кельтическихъ шаекъ, славянскіе рабы,—они узнаютъ, какъ тяжела рука покорителя-Тевтона!..

— О, какая картина...

— Занимательная, не правда-ли?—сразу понижая тонъ, уронилъ насмѣшливо Кнауеръ. — Одно жаль: пока у насъ будутъ старые «мѣхоноши», скажемъ, которые не умѣютъ носить на своихъ плечахъ горностаевые мѣха императорскихъ мантій, эти полуразвалившіеся Францы, Людвиги, упрямые, ограниченные Вильгельмы, пока они у руля,—ничего подобнаго не случится. Только народъ германскій, ставъ у власти, понявъ то, что ему подскажутъ его друзья,—онъ одинъ сумѣетъ осуществить великіе планы! И даже теперешные враги народу германскому дадутъ болѣе сносныя условія мира, чѣмъ какому бы ни было кайзеру. Но событія покажутъ, что намъ суждено?

— Событія? — въ раздумьи повторилъ Франке. — Развѣ не мы.., не люди — создаемъ событія, если они осуществимы и желанны для насъ?

— Вотъ какъ! Мой «аристократъ изъ черни», кажется, возвращается къ прежнимъ инстинктамъ разрушителя-трибуна? Въ добрый часъ! Буду радъ, если найду въ васъ настоящаго соучастника въ моей работѣ, которой я поклялся посвятить остатокъ жизни. Воевать мнѣ ужъ не придется съ этою разбитой рукой. Повоюемъ мозгами.

— О, одно другого стоитъ, г, докторъ! Но, меня удивляетъ, откуда вы все знаете? Неужели военная академія?

— Которой я не проходилъ? Ну, такъ и быть, открою вамъ маленькій секретъ. Я и тутъ на больничной доскѣ,—записанъ подъ псевдонимомъ. Вотъ ужъ года два живу я въ Польшѣ по порученію нашего штаба. И ношу это имя. А если вы читали когда-нибудь что-нибудь за подписью Гетцъ фонъ Лаунеръ?..

— Такъ, это—вы!—также шопотомъ откликнулся Франке, какъ ему беззвучно почти назвалъ свое настоящее имя его собесѣдникъ.—Какъ-же не читать!.. «Гримасы Исторіи», «Война на два фронта». И потомъ эта великолѣпная вещь: «Мертвецы-Повелители!».. Боже мой, какъ я радъ!

— Радуйтесь, но не очень громко. Сосѣдъ, читающій Библію постоянно, уже сталъ подымать уши. Будемъ осторожны, чтобы не быть смѣшными. Я назвалъ себя не для того, чтобы слушать похвалы, хотя бы и такія искреннія. Вы мнѣ понравились. Что-то говоритъ мнѣ, что другъ другу мы можемъ быть полезны. Вообще, я не люблю людей, особенно—пруссаковъ. Вы—простите: на это меня есть причины. Но вы не похожи на одного изъ этой напыщенной, тупой рассы. Скорѣе напоминаете славянина. Правда, не чистой крови,

— Боже мой, до чего вѣрно вы опредѣляете, г, докторъ! Мать моя была полька. Чудная женщина..,

— Полька. Чудная женщина!.. Какъ эхо, отозвался себесѣдникъ.—Его голосъ, до сихъ поръ сухой, насмѣшливый, полный какой-то затаенной горечи и злобы,—вдругъ прозвучалъ нѣжнѣй, печальнѣй, какъ вечерняя флейта въ лѣсу.

Франке, удивленный, широко-раскрытыми глазами уставился на него,

— Милый юноша!—черезъ мгновеніе, овладѣвъ собою, съ прежней насмѣшливой ноткой заговорилъ Кнауеръ, или, вѣрнѣе, фонъ Лаунеръ.—Васъ удивилъ такой переходъ? Но если бы вамъ разсказать... Небольшая, печальная исторія... Никому я ее не сообщалъ. А вамъ, пожалуй, она пригодится. Наведетъ на размышленіе о красотѣ войны.

— Мнѣ кажется, вамъ тяжело, г. докторъ. И если вы...

— Нѣтъ, ничего. Печаль, которую я испытаю при разсказѣ, усилитъ ненависть, ради которой я продолжаю жить теперь, искалѣченный, никому не нужный, кромѣ моего штаба. А вѣдь я еще не такъ старъ, 48 лѣтъ, не Богъ знаетъ что! И года полтора тому назадъ, въ Лодзи, гдѣ я жилъ подъ видомъ хозяина «Скетингъ-ринка», — по службѣ приходится заниматься разными дѣлами, — тутъ я познакомился съ молодой полькой. Чистое, милое существо. Бывалъ у нихъ. Мы почти обручились. Передъ войною меня вызвали домой, чтобы выслушать мой личный, подробный докладъ обо всемъ, что интересовало нашъ штабъ. А когда я вернулся въ Лодзь, тамъ уже стояли наши. Я поспѣшилъ въ знакомую улицу. Вхожу въ домъ. Прислуга, раскрывшая дверь, какъ-то испуганно поглядѣла на меня. Я не обратилъ вниманія. Первою встрѣтила меня старушка-мать, вдова, она съ дочерью жила въ небольшомъ домикѣ, на окраинѣ города. Такъ уютно, чисто; кругомъ—зелень, садъ, цвѣты... Мы, съ Броньцей, гуляя въ этомъ саду, часто вспоминали Фауста. Она любила нашихъ поэтовъ. И въ этотъ садъ къ моей Броньцѣ повела меня старушка-мать, смущенная, блѣдная. Только и успѣла сказать: «Броньця—больна. Она—не совсѣмъ въ своемъ разумѣ! Эта война!» Старушка не докончила. Я, почти не слушая, бѣгу впередъ. Моя голубка сидѣла въ бесѣдкѣ, гдѣ мы съ ней просиживали цѣлыми часами. «Броньця милая!»—воскликнулъ я. И остановился, пораженный. Блѣдная, спокойная, слабо

улыбаясь, сидѣла моя подруга, тянула ко мнѣ руки и лепетала: «Пришелъ! Я знала. Я ждала. Пришелъ проститься. Но, повѣрь, я не виновата. Это—они... насильно!»—Что, что такое?—съ трудомъ вырвался у меня изъ горла вопросъ,—хотя страшная догадка уже леденила мозгъ. А дѣвушка такъ просто отвѣчала: «Я не виновата, «Гетци. Я шла... они силой увели меня къ себѣ, бросили на диванъ, грубые, пьяные! Двое держали мнѣ руки, ноги. Я молила, кричала. Заткнули ротъ. Было такъ больно, такъ стыдно! Одинъ и другой, потомъ и третій»... Чистая, свѣтлая душой, дѣвушка рисовала самыя грязныя подробности насилія, совершеннаго надъ нею. И этотъ лепетъ безумнаго ребенка потрясалъ меня. До сихъ поръ я слышу его! А старуха пояснила: «Она на этомъ сошла съ ума... Сидитъ, вспоминаетъ этотъ ужасъ, ждетъ васъ. Вотъ, вы пріѣхали. Можетъ, спасете ее!»

Опустивъ голову, онъ умолкъ. Франке, не скрывая, отиралъ слезы. Ждалъ, что скажетъ дальше этотъ сухощавый, такой сильный человѣкъ, который теперь сидѣлъ, опустясь всѣмъ тѣломъ, словно сразу постарѣвъ на много лѣтъ.

— Помочь я не могъ ничѣмъ. Помѣстили мы съ матерью бѣдняжку въ лечебницу. А мнѣ пришлось уѣхать. Но я узналъ имена трехъ господъ офицеровъ, этихъ... Изъ прусской вашей гвардіи! Знатные господчики. И далъ себѣ слово, что послѣ войны, безъ всякой дуэли—всажу по одной пулѣ въ каждаго изъ нихъ! Не содрогайтесь. Конечно, я знаю: война порождаетъ ужасные кошмары, вызываетъ въ людяхъ самыя темныя, порочныя влеченія. И когда я слышалъ раньше о подобныхъ насиліяхъ, я возмущался больше головой, осуждалъ, но и прощалъ, въ тоже время. А тутъ, когда ударъ пришелся по моей душѣ, я понялъ, нѣтъ, вѣрнѣе, почувствовалъ: какая мерзость творится подъ прикрытіемъ военныхъ дней! Какъ люди теряютъ свое человѣческое обличье, какъ... Но будетъ... Теперь, когда моя рука отрѣзана, и я застрахованъ отъ новыхъ ранъ, отъ пули враговъ, — я снова повторилъ себѣ клятву мести! Я дождусь конца войны. И сдержу ее. А тамъ увидимъ, что послѣ будетъ. Только малютка моя будетъ отомщена!

Наступило внезапное молчаніе.

Франке понималъ: нельзя найти подходящихъ словъ, чтобы утѣшить или успокоить душу, пораженную такъ тяжко. Тихо поднявшись, онъ особенно почтительно поклонился новому другу.

— Прощайте, г. докторъ. Мнѣ ужъ пора... Я еще зайду, если позволите...

— О, да, да... Пожалуйста, приходите... Я усталъ отъ одиночества. Раньше — оно было для меня желаннымъ. Но теперь, порою—устаю... Доброй ночи!..

Франке ушелъ.

Фонъ Лаунеръ собралъ свои газеты, сложилъ на столикѣ у постели и протянулся на ней блѣдный, стиснувъ до боли зубы, сжимая кулаки, словно силясь не дать исхода чему-то тяжелому, готовому вырваться изъ груди...

Онъ не замѣтилъ, что его сосѣдъ, читавшій все время Библію,—держалъ въ ней листокъ бумаги и порою писалъ что-то на немъ огрызкомъ карандаша, спрятаннаго между пальцами... Только что закончившаяся бесѣда,—хотя и съ пробѣлами,—была набросана на листкѣ.

Когда г. Оберстъ улегся,—соглядатай захлопнулъ Библію, ненужную больше, тѣмъ болѣе, что надвигались сумерки, а палата слабо освѣщалась по вечерамъ...

За окнами зазвучала громкая пѣсня. Кучка познанскихъ поляковъ-солдатъ, изъ тѣхъ, что вступали въ городъ недавно,—шла по Краковскому Предмѣстью, и звонкіе голоса выводили излюбленный напѣвъ:

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Весело, громко пѣли они, направляясь куда-то, чтобы скоротать время отпуска...

А изъ потемнѣвшаго переулка, ведущаго къ рѣкѣ, гдѣ видны были кучки польской молодежи,—навстрѣчу первому,—неслися звуки другого напѣва...

Какъ неясную угрозу, какъ стонъ поруганнаго сердца, выводили юные, сильные мужскіе и женскіе голоса:

. . . . . .
. . . . . .

И все ширилась пѣсня... Все больше и больше голосовъ вступало въ хоръ... и этотъ хоралъ постепенно сталъ покрывать забористый напѣвъ первой пѣсенки...

ГЛАВА II.

У Вильгельма.

Быстро проносятся дни и недѣли, принося міру столько важныхъ событій, сколько не приходилось раньше переживать человѣчеству въ десятки лѣтъ, несмотря на электрически-ускоренный размахъ міровой жизни.

Вильгельмъ и его маршалы, ведя за собою и австро-венгерскія полчища, рѣшили использовать полосу удачи, довести до конца успѣхъ, дарованный имъ на Восточномъ фронтѣ капризною Судьбою.

Ковно, Гродно, Вильна, Брестъ-Литовскъ,—всѣ эти послѣднія твердыни оборонительнаго западнаго пояса Имперіи Россійской, они во власти побѣдителя. На развалинахъ верковъ упорнаго Осовца, гдѣ десятки тысячъ тевтонскихъ тѣлъ устилали топи и гати,—тамъ также рѣетъ, наконецъ, черно-желтое знамя съ одноглавымъ орлóмъ, какъ и на десяткѣ бельгійскихъ и французскихъ крѣпостей, взятыхъ «на щитъ» вторымъ «Вильгельмомъ-завоевателемъ», какъ зовутъ своего вождя близкіе къ нему люди. «Кровавымъ Кайзеромъ» называетъ его остальное человѣчество...

Небывалая до сихъ поръ на землѣ, бойня, охватившая оба полушарія, водоворотъ исполинской борьбы, въ которой схватились на смерть пять могучихъ имперій, не считая Великой Французской Республики, королевства Италіи и мелкихъ государствъ: Сербіи, Бельгіи, Турціи и другихъ,—эти, сказочныя по численности, арміи, поражающія другъ друга не огромными скалами, какъ древніе Титаны, метавшіе въ небо Оссу и Пеліонъ, а посылающія вдоль земли цѣлые потоки огня и стали, изъ которой можно было-бы сложить нѣсколько горныхъ вершинъ... Эта война вооруженныхъ народовъ при помощи, покоренныхъ наукою, стихій, она кидала странные отблески на всѣхъ и на все, что было къ ней причастно.

Съ виду—все, приблизительно такъ же, какъ и въ минувшихъ крупныхъ войнахъ послѣднихъ лѣтъ.

Большія, рѣшительныя битвы, отдававшіе во власть побѣдителю рядъ крѣпостей, цѣлыя области противника, онѣ разыгрывались при помощи удачныхъ передвиженій, силою орудійнаго огня. даже больше, чѣмъ прямыми ударами линейныхъ баталіоновъ. Враги, побѣждая или уходя пораженными, порою и въ лицо не видали другъ друга, рѣшая споръ издали встрѣчными тучами свинца и стали, летящими въ видѣ милліона снарядовъ и пуль...

Такою же цѣною, какъ и раньше,—затратою десятковъ тысячъ пуль,—покупалась жизнь каждаго павшаго врага... На одномъ и томъ же участкѣ боя—удачи переплетались съ неудачами. Полки, бригады, цѣлыя дивизіи таяли подъ огнемъ непріятельскихъ орудій, гибли въ рукопашномъ бою, не зная, что этой гибелью—давали побѣду своей главной арміи, что ихъ обрекли, заранѣе, какъ искупительную жертву, ради достиженія цѣлей огромнаго значенія, ради боевыхъ выгодъ, передъ которыми потеря десятковъ тысячъ людей, сильныхъ, опытныхъ, отважныхъ бойцовъ,—кажется, незначительной, не только что неизбѣжной!..

На линіи боя, растянувшейся зачастую на сотню верстъ,—отдѣльныя боевыя единицы казались затерянными въ пространствѣ, чувствуя близость только самой крайней, сосѣдней съ ними, части...

А гдѣ-то, вдалекѣ, порою больше, чѣмъ за десять-двадцать верстъ отъ передовыхъ цѣпей,—сидѣли люди, собирали въ одно вѣсти, доносимыя со всѣхъ участковъ боя, приводили ихъ въ порядокъ, передавали еще дальше назадъ... И, вдругъ, кто-то рѣшалъ:

— Мы побѣдили... На завтра—рѣшительное наступленіе... и врагъ будетъ сломленъ окончательно... Отдыхайте и готовьтесь!..

Или по всей боевой линіи, дыханіемъ ледяного вѣтра проносилась беззвучная, но всѣмъ понятная мучительная вѣсть:

— Переходимъ въ отступленіи... Надо занять лучшія позиціи, приготовленныя заблаговременно... позади!..

О, эти «лучшія позиціи!..»

А въ то-же время, какъ и въ старые, добрые годы,—случайная, казалось бы, удача небольшой части на протяженіи одной-двухъ верстъ, личная отвага и прозорливость начальника полка, или дивизіи,—все это давало неожиданный перевѣсъ въ тотъ мигъ, когда далекимъ «судьямъ боя» казалось, что дѣло окончательно проиграно. Безумный порывъ одного-двухъ батальоновъ—заражалъ посте-

пенно всю линію бойцовъ, готовыхъ уступить и отступить, единичный подвигъ, спасалъ общее положеніе, почти безвыходное, когда, казалось,—только самъ Богъ могъ измѣнить уже выпавшій жребій...

И черныя кости вдругъ замѣнялись бѣлыми не при помощи чуда свыше, а просто, однимъ послѣднимъ, отчаяннымъ усиліемъ бойцовъ, сдавленныхъ даже превосходными силами врага... Штыковой ударъ, сплошь и рядомъ,—завершалъ самые глубоко-задуманные, побѣдоносные, казалось, маневры, мѣняя исходъ боя въ послѣднія его мгновенія.

Человѣкъ, его духъ, его отвага и разумъ,—какъ и съ начала міра,—остались въ этой исполинской борьбѣ главнымъ двигателемъ, послѣднимъ рѣшающимъ началомъ, несмотря на ту, не поддающуюся учету, власть машинъ, на нечеловѣческую силу огня, на милліоны пудовъ свинца и стали, подъ смертельными ударами которыхъ милліоны живыхъ существъ должны или отступать, или продвигаться впередъ...

Одно только «новое» въ области человѣческихъ переживаній,—не говоря о новизнѣ въ области пушекъ, цеппелиновъ, бронированныхъ поѣздовъ,—принесла съ собою міровая война.

Раньше, даже въ большихъ сраженіяхъ бойцы если не ясно видѣли, то угадывали очертанія поля битвы, могли даже порою наблюдать за главнѣйшими переливами боя, восхищаться подвигами своихъ соратниковъ; слѣдили за ихъ неудачей и старались прійти на помощь «своимъ» въ опасную минуту.

Раньше, даже въ самой кипѣни стычки, каждый солдатъ, являясь покорнымъ звеномъ въ своемъ взводѣ, въ батальонѣ, въ полку,—все же оставался самимъ собою, могъ своимъ личнымъ, человѣческимъ сознаніемъ разобраться въ бурѣ и хаосѣ окружающихъ явленій.

Совсѣмъ другое испытывали участники этой «борьбы вооруженныхъ народовъ»... Умъ каждаго отдѣльнаго солдата, непривыкшій въ жизни обращаться съ такими величинами, какъ милліоны и десятки милліоновъ жизней, выстрѣловъ, пудовъ стали и пороху,—умъ обыденнаго человѣка, даже и болѣе просвѣщеннаго, терялся въ водоворотѣ необъятныхъ, новыхъ для него понятій и цифръ. Смерть и жизнь—стали пустыми звуками... Побѣда—не давала рѣшительныхъ выгодъ; пораженіе не приносило окончательнаго разгрома...

Все смѣшалось!.. Придавленный игрой могучихъ механическихъ силъ этой «машинной войны», каждый отдѣльный рядовой самъ становился похожъ на машину и во время боя, и послѣ него... Смерть —повсюду!.. Значитъ, нечего ея избѣгать, или страшиться...

Конечно, бывали случаи, когда роты, даже цѣлые полки, во власти безотчетнаго ужаса обращались въ слѣпое, дикое бѣгство... Но тутъ на помощь ослабѣвшимъ нервамъ человѣка приходила благодѣтельная машина.

Пулеметы, даже цѣлыя батареи полевыхъ орудій, предусмотрительно поставленныя въ тылу,—осыпали огнемъ бѣгущихъ, суля и здѣсь назади—гибель, а не спасеніе отъ смерти...

И бѣгущимъ оставалось только выбирать: пріятнѣе-ли умереть отъ штыка, направленнаго въ сердце рукою врага, или отъ пулеметнаго залпа, направленнаго въ бѣгущихъ своими-же товарищами?..

Неумолимая, какъ древній рокъ,—эта война шла буквально по грудамъ человѣческихъ тѣлъ, набрасывала горы чугуна и стали на пространствѣ сотенъ верстъ. И люди потеряли представленіе о себѣ. Они чувствовали себя лишь колесами одной исполинской машины, приводимой въ движеніе соединенными усиліями главныхъ вождей... А, можетъ-быть, единой волей кайзера Вильгельма?.. Или кого нибудь Иного, Невѣдомаго?..

Никто этого не могъ себѣ ясно представить изо всѣхъ милліоновъ людей, которые отъ береговъ Рейна и Марны до Вислы и Днѣпра, отъ Ламанша до ласковыхъ водъ Средиземнаго моря, каждый день, каждый часъ готовы были стать противъ другихъ милліоновъ бойцовъ, чтобы ихъ убивать, или пасть отъ встрѣчнаго удара...

Но и сами главные вожди, эти наиболѣе видные актеры грозной трагедіи, исполняемой половиной человѣчества подъ гроходтъ сотни тысячъ орудій,—даже они не могли опредѣленно сказать: въ какомъ положеніи находится сейчасъ общій ходъ событій? Какой исходъ ожидаетъ враждующія стороны? Каковы, наконецъ,—основанія и конечныя цѣли всей этой безконечной бойни?

Общее заданіе—слишкомъ огромно, непомѣрно для отдѣльныхъ человѣческихъ умовъ и силъ. И потому въ этой «машинной войнѣ», какъ и во всякомъ механическомъ большомъ ремеслѣ, или даже въ искусствѣ, связанномъ съ механическими пріемами,—все здѣсь основано на спеціализаціи. Каждому, даже наиболѣе крупному двигателю, отведена его клѣточка, начертанъ свыше, приказомъ военнаго совѣта или рукою природы, его кругъ дѣйствій, направленіе движенія, способъ его личнаго проявленія во всеобщей, огромной и сложной игрѣ живыхъ и мертвыхъ силъ.

Гинденбургъ набрасываетъ смѣлыя, своеобразныя линіи новыхъ военныхъ плановъ; Мекензенъ—изучилъ способъ пробивать бреши въ толщѣ враговъ при помощи милліонныхъ фалангъ, поддержанныхъ огнемъ четырехъ-пяти тысячъ орудій. Беловъ бросаетъ лавину кавалеріи туда, гдѣ образовалась уже трещина... Фонъ-Клукъ, вмѣстѣ съ его сотоварищами изъ австрійской арміи, приспособился къ ретирадамъ, или къ «отступленіямъ на заранѣе намѣченныя позиціи»... и т. д., и т. д.

Каждый—знаетъ свое. Каждый—разрабатываетъ до мельчайшихъ подробностей какой-нибудь вопросъ, связанный съ войною, ему порученный, или поднятый имъ самостоятельно, по собственному почину...

И только въ однѣ руки сходятся отовсюду нити, въ одной головѣ каждую минуту трепещутъ отзвуки и вѣсти, мелькаютъ образы, порожденные общимъ ходомъ войны на пространствѣ цѣлаго полуміра, который служитъ полемъ битвъ сухопутныхъ и морскихъ.

Эти руки, эта голова—принадлежатъ тому, кто залилъ жаркой, человѣческой кровью землю на пространствѣ сотенъ и тысячъ верстъ...

Въ этихъ рукахъ лежала судьба полуміра; отъ движенія этой головы, отъ ея послѣдней мысли зависѣло внести въ міръ гибель, или дать милліарду людей—возможность мирно совершенствоваться и двигаться впередъ при взаимной помощи другъ другу.

И было сказано слово:

— Гибель и вражда!

И кровью потекли рѣки. Пурпурною росой зардѣлись луга и нивы на сотни и тысячи верстъ кругомъ. Дно морей увидѣло обильный посѣвъ изъ блѣдныхъ человѣческихъ тѣлъ, изъ юношей, женщинъ и дѣтей... Съ неба, какъ во дни Содома и Гоморры, пролился огненный дождь, посыпались губительныя стрѣлы... Отравленный тяжелый воздухъ заструился, низко клубясь надъ землей, сметая съ нея все живое, сожигая траву и листья на деревьяхъ, случайно не скошенныхъ еще ураганомъ, потокомъ стали и свинцу...

Все это безуміе началось и длится долгій рядъ мѣсяцевъ по слову одного человѣка.

И зовутъ его Вильгельмъ II, императоръ и король.

Но знаетъ ли онъ самъ: для чего затѣяно это страшное дѣло? Къ какому концу прійдетъ оно и приведетъ своего зачинщика?

Для всѣхъ окружающихъ: да!

Онъ знаетъ!.. Знаетъ не только о томъ, что творится въ каждую данную минуту на всѣхъ граняхъ, гдѣ протянуты свои и вражескіе полки... Гдѣ плаваютъ собственныя и враждебныя суда... Онъ знаетъ истинныя причины, вызвавшія кровавую борьбу, равной которой не видалъ еще міръ.

Только въ одной поэмѣ Мильтона, гдѣ творческій геній пѣвца рисуетъ борьбу тьмы тѣмъ свѣтлыхъ духовъ съ тьмами ихъ собратій, потерявшихъ свой блескъ,—только тамъ можно найти что-то сходное съ картинами, которыя можетъ на яву видѣть коронованный императоръ, если-бы на одномъ изъ своихъ «цеппелиновъ» онъ поднялся высоко-высоко въ ясный день и сумѣлъ-бы орлинымъ взоромъ окинуть всѣ поля битвъ, по его волѣ орошаемыя человѣческою кровью...

Онъ знаетъ и цѣль борьбы: господство тевтонской расы надъ остальнымъ міромъ, обреченнымъ служить избранному народу, какъ древле языческія племена служили Израилю, избранному Богомъ среди всѣхъ народовъ и племенъ земли... Изъ этого ясно, что исходъ борьбы только одинъ: побѣда надъ врагами, сколько бы ихъ ни встало противъ Германіи и союзниковъ ея!

Такъ, лично и устами безчисленныхъ своихъ помощниковъ увѣряетъ цѣлый міръ тотъ, кто началъ борьбу.

Такъ вѣрилъ и самъ онъ первое время...

О, это чудное первое время!.. Часто вспоминаетъ его Вильгельмъ.

Правда, не все началось такъ гладко, какъ разсчитывалъ императоръ и его ближайшіе совѣтники, военные, финансисты, дипломаты, съ которыми много лѣтъ подрядъ обдумывалъ онъ этотъ неожиданный, неотразимый «ударъ на два фронта»!..

Помѣшала безумная Бельгія... Вмѣшалась Англія, затаенная и страшная, какъ разъяренный бульдогъ.

Ударъ, который Вильгельмъ сталъ подготовлять въ тиши почти съ перваго года своего царствованія, больше четверти вѣка назадъ,—долженъ былъ со смертельной силой поразить сперва Францію, потомъ Россію, этого сѣвернаго колосса на глиняныхъ ногахъ. Но грозный размахъ вдругъ замедлился, былъ остановленъ на полупути неожиданнымъ и отчаяннымъ сопротивленіемъ Бельгіи...

Франція въ это время успѣла поднять свой щитъ надъ головою... Въ Россіи не затянулся сборъ войска, какъ имѣли право думать генералы Вильгельма, судя по опыту прошлой войны. Какой-то, враждебный для Германіи, Духъ, подсказалъ вождю славянъ: закрыть всѣ источники пьяной отравы... А Вильгельмъ надѣялся именно на вѣкового союзника враговъ Россіи, на хмель славянскій... И онъ измѣнилъ!

Не вспыхнуло и революціи, которую ждали тевтоны, ради пробужденія которой лилось не мало германскаго золота, тратилось не мало трудовъ и заботъ.

Огромная армія русская своевременно встала на граняхъ царства, чтобъ отражать и наносить первые удары... Правда, не совсѣмъ готова была эта армія, какъ навѣрное, зналъ Вильгельмъ. Не хватало орудій, снарядовъ, ружей. Не было наготовлено необходимыхъ запасовъ для продовольствія милліонныхъ армій, сразу учетверенныхъ въ числѣ... И только русская выносливость, безоглядчивая способность жертвовать жизнью въ бою,—эти качества немного помогли уравнять игру.

Но Вильгельмъ зналъ, что не напрасно онъ, больше 20 лѣтъ, незамѣтно готовился, сумѣлъ подготовить и главнаго союзника, Австрію... Онъ зналъ, что долженъ взять первую ставку навѣрняка... И не ошибся.

О, эти свѣтлые, первые дни!..

Двѣ имперіи, самое сердце Европы, гдѣ тѣсно и уютно разселилось свыше 120 милліоновъ мыслящихъ существъ,—всѣ они ввѣрили себя и свою жизнь, судьбу родины и грядущихъ поколѣній одному человѣку, Вильгельму Гогенцоллерну, верховному вождю всего германскаго народа.

И онъ не обманулъ довѣрія. Вотъ, его орлы уже колышутся на берегахъ Сены, въ 40-ка верстахъ отъ Парижа, гдѣ, 43 года назадъ, рѣяли знамена дѣда, Вильгельма 1-го...

Австро-венгерскія союзныя арміи хлынули потокомъ на западныя и южныя границы Россіи, угрожая Варшавѣ, Кіеву, самой Москвѣ, святому городу царства...

Вильгельмъ, порою въ тѣ свѣтлые дни, кидая взглядъ на карту Европы, словно видѣлъ, какъ эта карта растетъ, принимаетъ огромныя размѣры... Это—не клочки бумаги, обведенные разноцвѣтными полосами, а настоящія земли и царства... По спутанной сѣти рельсовыхъ путей скользятъ, одинъ за другимъ, тысячи поѣздовъ, развозя во всѣ стороны е г о войска, е г о пушки и снаряды... Въ воздухѣ рѣютъ е г о «цеппелины», эскадрильи аэроплановъ. Е г о могучій флотъ пѣнитъ воды океановъ и морей; е г о подводныя лодки скользятъ въ темной глубинѣ воды, подымаясь только, чтобы нанести смертельный ударъ врагу и снова скрыться въ безопасной, темной глубинѣ...

Онъ ясно видитъ безконечныя линіи траншей, гдѣ милліоны е г о солдатъ отдыхаютъ, пока пушки «подготовятъ» аттаку... Онъ словно слышалъ эти грозные залпы, видѣлъ блескъ выстрѣловъ, удары разрывовъ и брызги земли, крови, куски тѣлъ, покрывающихъ землю потомъ...

Это были тѣла враговъ; тѣла его собственныхъ солдатъ...

Но, что ему за дѣло?! Этими жертвами покупается величіе Германіи, слава и блескъ родины, расширеніе рынковъ, необходимыхъ для нѣмецкаго рабочаго народа, производительность котораго растетъ скорѣе, чѣмъ спросъ...

Онъ, Вильгельмъ, не только императоръ германской арміи, онъ—государь купцовъ, промышленниковъ, фабрикантовъ и ремесленниковъ. Онъ—гражданскій вождь. Не даромъ же его посылали учиться, какъ простого бюргера, въ гимназію, въ тихомъ Касселѣ; потомъ заставляли пройти курсъ гражданскихъ наукъ въ боннскомъ университетѣ...

Онъ не только первый солдатъ, но и первый гражданинъ своей страны и знаетъ, ч т о ей необходимо...

Быть сильной, побѣждать всѣхъ, пользоваться всѣми для собственнаго процвѣтанія и господства надъ міромъ! Для этого умъ народа и мечъ его—должны быть отточены до послѣдней степени. Руки его должны быть всемогущи и ловки.

И Вильгельмъ сумѣлъ достичь этого.. За долгіе 26 лѣтъ своего царствованія—онъ собралъ горы золота, наготовилъ милліоны снарядовъ и ружей, и пушекъ. Обучилъ милліоны солдатъ, внушивъ имъ, что «Германія и народъ ея—превыше цѣлаго міра!..»

О, онъ хорошо знаетъ свое ремесло короля и императора тевтоновъ, онъ знаетъ свой народъ!

Но, больше всего, онъ знаетъ, помнитъ о томъ, что е м у необхомимо, ради чего о н ъ сгибался и терпѣлъ больше четверти вѣка!..

Сгибался и терпѣлъ, какъ послѣдній нищій, какъ безработный проходимецъ, лѣнтяй.

О н ъ,—императоръ и король, милостію Божіей, Вильгельмъ II-й, Гогенцоллернъ!..

Не разъ вспоминались ему далекіе іюньскіе дни, 26 лѣтъ тому назадъ, когда, взойдя на пре-

столъ, онъ говорилъ войскамъ и народу свою первую рѣчь, открывая во Франкфуртѣ на Одерѣ памятникъ принцу Фридриху-Карлу, одному изъ вождей Франко-Прусской войны.

Тогда еще, упоенный сознаніемъ своей новой власти и могущества, видомъ безконечныхъ рядовъ войска, такого стройнаго, сверкающаго на солнцѣ грознымъ вооруженіемъ,—Вильгельмъ не удержался, высказалъ свою самую завѣтную мысль, открылъ цѣль и смыслъ своего царствованія.

— Что взято германской рукой, силой германскаго оружія, за что было уплачено цѣною священной германской крови,—то наше и не будетъ отдано никогда, никому!.. Скорѣе я положу на мѣстѣ всѣ 18 корпусовъ нѣмецкой арміи и 42 милліона нѣмецкаго народа, чѣмъ откажусь хотя бы отъ клочка земли, пріобрѣтеннаго Германіей!..»

Такъ говорилъ онъ.

Далекіе, счастливые годы!..

Тогда въ распоряженіе у Вильгельма было всего 18 корпусовъ, и только 42 милліона людей признавали надъ собою его волю...

Теперь число это утроилось, если не учетверилось, особенно,—считая и союзную имперію, австро-венгерскую...

А онъ—одинъ надо всѣми повелитель... И онъ знаетъ, что ему нужно!

Къ нему тянутся, какъ нити, всѣ мысли, всѣ надежды сотни милліоновъ людей.... Лучшіе умы тевтонскаго народа въ теченіе 20 лѣтъ ему ввѣряли все, что придумано ими для успѣха, для одолѣнія восточнаго и западнаго врага, для истиннаго господства Германіи надъ міромъ. Онъ, подобно властителю Неба, держитъ на землѣ жребій людей въ своихъ рукахъ...

Зная это, онъ слушалъ молча всѣ совѣты, направлялъ общія усилія... И, до времени,—таилъ свои великіе планы о господствѣ надъ міромъ.

Какъ это было тяжело!..

Тогда, въ іюньскіе дни, 26 лѣтъ назадъ,—онъ не удержался... Ему шепнули, будто враги готовятся напасть неожиданно, надѣясь, что молодой государь не сумѣетъ защитить достояніе своихъ предковъ. Его подожгли тайные друзья... И онъ не удержался, высказалъ преждевременно то, чего нельзя было доказать на дѣлѣ, потому что, дѣйствительно, юный императоръ и король еще плохо зналъ свое ремесло, былъ почти чуждымъ арміи, народу... И, главное, не было припасено огромныхъ запасовъ, какіе необходимы для выигрыша навѣрняка... А рисковать юный монархъ не хотѣлъ.

Не даромъ онъ изъ рода Гогенцоллерновъ, сумѣвшихъ создать міровую имперію изъ бѣдной, маленькой марки, изъ маркграфства Бранденбургскаго... Еще его ближайшій предокъ, Фридрихъ Великій, торговалъ своими солдатами также успѣшно, какъ побѣждалъ съ ихъ помощью сильнѣйшихъ враговъ...

Вильгельмъ тоже умѣетъ «покупать и продавать людей»... Онъ понялъ, что надо затаиться до поры. Сдавить желанія своей неукротимой души... И молчалъ, таилъ, сгибался порою даже передъ своими глупцами-министрами, передъ вождями глупыхъ партій, олицетворяющихъ «конституцію германскаго народа!..»

Глупое, нелѣпое понятіе! У германцевъ цѣлаго міра есть и должна быть одна святыня, одна «конституція»:—воля ихъ императора и короля, Вильгельма II-го!.. Потому что онъ одинъ способенъ повести свой народъ по путямъ величія и славы... Это необходимо имъ. А еще болѣе—ему самому, Вильгельму II-му, Гонгенцоллерну!..

Онъ былъ убѣжденъ, что рано или поздно,—впишетъ свое имя въ лучшія страницы міровой исторіи, наравнѣ съ величайшими именами прошлыхъ и грядущихъ временъ...

Александръ Македонецъ, Атилла, Бичъ Божій, Карлъ Великій, Славянскій Петръ, Будда, Конфуцій, Сократъ, Аристотель, Самъ Христосъ... и онъ, Вильгельмъ Второй, Гогенцоллернъ, императоръ и король надъ полуміромъ!..

И, зная, что это такъ будетъ, приходилось смиряться... Иной разъ обмолвится горделивое сердце неосторожнымъ словомъ. Угроза прозвучитъ въ одной изъ безчисленныхъ рѣчей оратора-кайзера...

И сейчасъ-же приходится взять себя въ руки... Подсчетъ говоритъ, что еще мало золота накоплено въ подвалахъ имперскаго банка, недостаточно высоко нагромождены горы снарядовъ въ арсеналахъ, не довольно могучи и дальнобойны пушки, отлитыя въ тайныхъ мастерскихъ Эссенскихъ заводовъ Крупа, лучшаго друга Вильгельма и перваго друга всей Германіи... Кораблей на моряхъ не столько, чтобы хитрая, могучая Англія поблѣднѣла и промолчала въ тотъ день, когда германская рука, какъ перстъ Божій,—протянется надъ полуміромъ и грянетъ громами и огнемъ!..

И смолкали уста императора и короля... Онъ садился въ свою яхту, пускался въ открытое море, чтобы тамъ, наединѣ съ самимъ Божествомъ, среди безконечнаго простора воды,— мечтать о вѣчной, грядущей славѣ Вильгельма Второго, Гогенцоллерна....

И постепенно соленый вѣтеръ океана смывалъ слезы ярости съ блѣднаго лица повелителя, принужденнаго таиться, молчать и сгибаться передъ слугами своими...

Морское дыханіе вливало покой въ его порывисто-вздыхающую грудь...

Онъ садился у стола и, подъ колыханіе яхты, уносящейся впередъ и впередъ, высчитывалъ, сколько еще остается ждать до завѣтной минуты?

И радовался, и трепеталъ, потому что онъ зналъ, какое жестокое наслѣдство оставилъ ему отецъ, императоръ Фридрихъ Великодушный, вмѣстѣ съ короной и мантіей цезарей...

До срока погибъ Фридрихъ, разлагаясь заживо отъ страшной болѣзни, захваченной такъ случайно въ годы кипучей, любострастной юности...

И ядъ разложенія таится въ крови у сына его, Вильгельма...

Укороченная, вѣчно-неподвижная лѣвая рука кайзера—это явное клеймо наслѣдственности. Оно,—нестерпимо позорное,—мучительно для Вильгельма; но не такъ опасно, какъ второе клеймо, болѣе скрытое, вѣчно грозящее уничтоженіемъ императору и королю.

Постоянное воспаленіе лѣваго уха ослабило его слухъ. При малѣйшемъ обостреніи, отъ случайной простуды—оно можетъ вызвать гнойное зараженіе въ мозгу... И тогда—быстро наступитъ конецъ всему!.. Рухнутъ до срока великіе планы, не увидавъ завершенія своего...

И имя Вильгельма II-го потонетъ въ длинномъ, сухомъ и скучномъ свиткѣ, среди сотенъ и тысячъ именъ другихъ государей, которыя такъ неохотно заучиваетъ юность, о которыхъ забываютъ сейчасъ-же люди, вступивъ въ настоящую жизнь

Этого Вильгельмъ не хотѣлъ. И не допустилъ до этого, наперекоръ всему и всѣмъ, наперекоръ самой судьбѣ!..

— О, эти свѣтлые, первые дни удачи!

Вильгельмъ видѣлъ, какъ стали сбываться на яву его завѣтныя, великія грезы. Теперь, чтобы ни случилось, такъ-ли, иначе-ли окончится игра, но имя Вильгельма, какъ имя Наполеона,—врѣзано въ скрижали исторіи, останется навсегда въ памяти Человѣчества, пока какое-нибудь міровое потрясеніе не сгладитъ съ лица земли самую память о томъ, что сдѣлано было когда-нибудь людьми на этой жалкой, маленькой грудѣ воды и пыли, именуемой шаромъ земнымъ.

Имя Великаго Корсиканца померкнуть должно передъ именемъ новаго Господина, Повелителя Міра, когда люди вспомнятъ, что Наполеонъ уже въ 27 лѣтъ стоялъ побѣдителемъ-героемъ на италійскихъ поляхъ, по Аркольскому мосту пройдя къ своей первой ступени на пути къ безсмертной славѣ... Пользуясь благопріятными обстоятельствами, ничѣмъ не связанный, не имѣя за плечами тяжелой ноши въ видѣ «конституціонной монархіи» съ 50-тью милліонами барановъ и съ двумя палатами жадныхъ, своекорыстныхъ болтуновъ,—Наполеонъ самъ легко все создалъ изъ развалинъ, которыми ураганъ революціи покрылъ Европу...

И ставъ императоромъ, взваливъ на себя бремя власти, которую раньше онъ же всѣми силами потрясалъ, ниспровергалъ,—геніальный полководецъ оказался плохимъ государемъ, и въ страхѣ за свое новое величіе, за царскую власть,—потерялъ даже прежнее военное чутье и тихо померкнулъ въ изгнаніи, какъ разъ въ тѣ годы, когда самъ Вильгельмъ, подсчитавъ, что все готово,—рѣшился выступить на міровую арену не только, какъ приличный, конституціонный императоръ и король, но какъ самостоятельный дѣятель, вершитель судебъ людей и міра, по милости Божіей; а не потому лишь, что онъ случайно былъ первенцемъ больного отца-императора Фридриха...

Міръ позднѣе оцѣнитъ самоотверженіе новаго Повелителя своего, умѣвшаго сгибаться и терпѣть больше четверти вѣка, чтобы тѣмъ вѣрнѣе осуществить свои великіе замыслы... Не авантюру, подобно нищему Корсиканцу,—затѣялъ Вильгельмъ, а исполняетъ завѣтъ Самого Божества... Имѣя многое и добиваясь обладать еще большимъ, онъ осуществляетъ свои исполинскіе замыслы при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, вопреки сопротивленію чуть-ли не цѣлаго міра!

Такъ должно будетъ рѣшить Человѣчество, когда кончится подвигъ, поднятый народомъ германскимъ по волѣ его геніальнаго, но осторожнаго императора и короля, Повелителя надъ Полуміромъ въ грядущемъ!..

Такъ вѣрилъ самъ Вильгельмъ... Такъ быть должно, каковъ бы ни былъ исходъ, имъ поднятой, міровой войны.

И когда послѣ свѣтлыхъ дней настали иные, болѣе темные,—только мысль о томъ, что *«дѣло сдѣлано!»*—одно это сознаніе и успокаивало пылающій мозгъ полубезумнаго честолюбца-мечтателя, Вильгельма II-го, императора и короля.

А дни настали темные, тяжелые... Какъ притворство, нестерпимые дни!

Все было такъ хорошо обдумано и налажено сначала. Италія, какъ третья союзница, посылаетъ свой сильный флотъ вмѣстѣ съ гигантами-кораблями Германіи и Австріи, чтобы сторожить у Гибралтара и запереть Суэцъ, на случай, если Англія, до срока почуявъ опасность,—пожелаетъ тоже вмѣшаться въ кровавую игру...

Японія тоже примкнетъ, конечно, къ врагамъ своей опасной сосѣдки, Россіи, и всадитъ ей въ спину свой кривой мечъ, заставитъ по крайней мѣрѣ цѣлый милліонъ русскихъ штыковъ и грудей обернуться къ Востоку, помогая этимъ Германіи: проучить заносчивую имперію славянъ, поставить на свое мѣсто «московитовъ», темныя орды, нависающія вѣчной угрозой надъ просвѣщеннымъ и промышленнымъ Западомъ...

А когда на сушѣ дѣло будетъ сдѣлано, настанетъ чередъ и морской соперницы, упорной, горделивой Англіи... Угрожая съ моря могучимъ флотомъ, перекинувъ черезъ Па-де-Кале два милліона штыковъ, уставя тысячи исполинскихъ пушечныхъ жерлъ противъ главнѣйшихъ центровъ страны,—Вильгельмъ принудитъ смириться и этихъ коренастыхъ, сильныхъ противниковъ, наслѣдственныхъ враговъ Германіи, мѣшающихъ ей побѣдоносно двигаться впередъ на сушѣ и на моряхъ, какъ того хочетъ Самъ Богъ и онъ, Вильгельмъ Гогенцоллернъ.

Тихо, какъ паукъ, плетя сѣть, Эдуардъ VII, покойный король Англіи, сумѣлъ почти добиться своей цѣли: создать пустоту вокругъ Германіи, осудить ее на «горделивое», но опасное одиночество...

Умеръ, наконецъ, хитрый, уклончиво-мягкій, но жестоко-безпощадный толстякъ, его родной дядя, ненавистный для Вильгельма больше всѣхъ на свѣтѣ.

Сынъ Эдуарда, хотя и ведетъ политику отца, но самъ далеко не такъ опытенъ, уменъ и политически прозорливъ. Онъ можетъ не сразу догадаться: куда ведутъ великолѣпные истинно «королевскіе», шахматные ходы Вильгельма?.. Время будетъ выиграно... А тогда все закончится хорошо... Министры Георга?.. Они, какъ и всѣ министры во всѣхъ странахъ свѣта, стараются держать курсъ, понятный и пріятный своему государю, хотя бы сами и чуяли, что надо поступать иначе.... Народъ англійскій остороженъ, миролюбивъ, какъ всѣ торгаши, и, главное: сытъ до отвалу, увѣренъ въ томъ, что никто не уберетъ у него изъ подноса корыта съ жирной пищей....

Индія, Канада, Австралія, половина Африки!.. Какая ширь, какой просторъ для выселенія лишнихъ ртовъ и рукъ съ маленькаго «имперскаго» острова Британіи.... Какая сокровищница всевозможныхъ благъ и богатствъ земныхъ! Кто посмѣетъ наложить руку на достояніе англичанъ?!

Такъ убѣждены Бритты... Пусть дремлютъ въ своемъ заблужденіи, пока не протянется надо всѣмъ этимъ рука вооруженной Германіи, ударитъ въ крѣпкіе затворы отъ Багдада, отъ Тегерана, отъ Суэца, отъ Гибралтара... Пока не опуститъ меча и надъ Лондономъ, надъ этимъ могучимъ, трепетно-пульсирующимъ сердцемъ мощной страны, владѣющей половиной земной суши и господствующей на всѣхъ моряхъ и океанахъ земли!..

Только бы выиграть время... Усыпить подозрительность англичанъ!..»

Одинъ мигъ Вильгельму казалось, что это удалось.

Но—только одинъ мигъ! Не прошло и недѣли съ начала міровой войны,—какъ Англія стала собирать свои пока жалкіе, отряды, чтобы послать ихъ на помощь Франціи... Какіе-то ничтожные десятки тысячъ наемныхъ «Томми».

И Вильгельмъ глумился вслухъ надъ «жалкой горстью англійскихъ баталіоновъ!..»

Но холодное предчувствіе бѣды уже сжало ему грудь... Онъ понималъ, что за этой первою горстью—встанутъ новые и новые бойцы безъ числа!.. Трудно было внушить народу британскому, что неизбѣжно и для него настало время вмѣшаться въ исполинскую борьбу. Но, разъ это сдѣлано,—исходъ изъ борьбы можетъ оказаться гибельнымъ столько-же для Германіи съ ея союзниками, сколько и для ея враговъ, несмотря на всю великолѣпную подготовку, не глядя на неожиданность, съ какою сумѣлъ нанести первые удары онъ, геніальный вождь могучаго народа, своимъ неподготовленнымъ врагамъ!.. Рѣшеніе Англіи могло повліять и на многое другое...

Тревожное предчувствіе кайзера стало сбываться довольно быстро.

Японія ударила не свою сосѣдку, Россію! Вмѣстѣ съ нею—ополчилась она на зачинщика, на Вильгельма... Италія,—поколебавшись для вида, выставила милліонъ штыковъ не противъ Сербіи,

не въ помощь тевтонамъ, а угрожаетъ ими своей давнишней соперницѣ, былой угнетательницѣ, Австріи...

Правда, Турцію, эту, полувассальную ему, имперію, давно подчиненную его внушеніямъ, императоръ германцевъ легко поднялъ противъ Россіи. Болгарія, эта «Балканская Пруссія» въ миніатюрѣ, — ждала лишь удобнаго времени, чтобы вступить въ игру и, помогая германцамъ, этимъ самымъ ослабить Румынію, Грецію; уничтожить наростающую силу Сербіи, лежащей камнемъ на пути къ достиженію главенства на Балканахъ, о которомъ давно мечтаетъ ц а р ь Болгарскій, Фердинандъ Фонъ Кобургъ, подстрекаемый умнымъ Вильгельмомъ Гогенцоллерномъ.

Мигъ насталъ,—и Болгарія выступила рядомъ съ тевтонами, рѣшаясь добить, братскую ей по крови, затравленную врагами, Сербію...

Румынія, Греція?..

Онѣ станутъ подольше выжидать, будутъ торговаться отчаянно, какъ это и пристало мелкимъ, полунищенскимъ страпамъ, гдѣ народъ живетъ изо дня въ день, а государи, крѣко держа чернь въ рукахъ, торгуютъ кровью подданныхъ своихъ, облекая эти постыдныя, рабскія операціи въ блестящій покровъ восклицаній о «цѣлости территоріи, о выгодахъ, справедливыхъ ожиданіяхъ, о законныхъ вожделѣніяхъ народа!..»

Но, въ концѣ-концовъ, стоитъ германцамъ добиться хорошаго успѣха на Западѣ или на Востокѣ, —и эти коронованные пасмники, какъ новые «Кондотьери. Европы»,—прибѣгутъ на помощь и, всадивъ ножи въ спину поверженнымъ бойцамъ,—станутъ помогать побѣдителямъ—добивать и обирать побѣжденныхъ.

— Ловкія бестіи! Шакалы Человѣчества! Пигмеи-народы!

Такъ величалъ въ умѣ Вильгельмъ своихъ будущихъ союзниковъ. А дипломатамъ, посылаемымъ въ эти края, повторялъ:

— Обѣщайте имъ, какъ можно больше! И задатки они получатъ теперь-же, если ужъ нельзя иначе. Не жалѣйте словъ, гарантій, даже—наличныхъ благъ. Если окажется, что мы, по нуждѣ, сейчасъ и переплатимъ лишняго этимъ... милымъ союзникамъ in spe,—по окончаніи войны будетъ время подвести итоги со всею этой... шайкой. Наше отъ насъ не уйдетъ. Вернемъ его сторицею. Только бы справиться какъ-нибудь теперь съ главными врагами... А тогда?!.

Отъ кривой, злобной усмѣшки открывались крѣпкіе, желтоватые зубы Вильгельма, словно онъ ужъ собирался запустить ихъ въ тѣло ненавистныхъ ему враговъ...

Дипломаты сочувственно кивали головой и точно слѣдовали наказамъ господина. Почти все складывалось, какъ онъ и ожидалъ...

Но все-же настали печальные дни!

Что-то словно надломилось, не только тамъ, на поляхъ битвъ, гдѣ, послѣ ряда удачъ, послѣ такихъ крупныхъ захватовъ и побѣдъ, все же не видно достиженія рѣшительныхъ выгодъ, не слышно о близкомъ, благопріятномъ исходѣ борьбы, на который такъ надѣялся самъ Вильгельмъ, наравнѣ со своимъ народомъ.

И въ душѣ у Вильгельма, въ его мозгу—точно надорвалась, замолкнула какая-то струна, напряженно-звенѣвшая, сулившая скорую, полную побѣду, конечный успѣхъ во что-бы то ни стало!..

Почему?—онъ и самъ не могъ въ этомъ разобраться.

Случилось это какъ-то сразу, помимо его воли. И, даже, передъ тѣмъ. какъ наступили неудачи, до того еще, какъ потянулись черные, тяжкіе дни...

Не напрасно гордится вождь тевтоновъ своей «финансовой жилкой», ради которой принимаетъ участіе въ такихъ дѣлахъ, какъ Эссенскіе заводы Круппа и Американско-Гамбургское Пароходство...

Когда пришла первая вѣсть, что американскіе денежные короли даютъ золото Франціи и Англіи, а Германіи отказали въ кредитѣ, чувство физическаго холода, скользнувшаго по спинѣ, заставило поежиться Вильгельма.

— Что-же это?.. Значитъ: «взвѣсили, подочли...» и—осудили на гибель меня и Германію эти бездушные, золотые мѣшки, у которыхъ вездѣ есть зоркіе глаза и чуткія уши?!.. Неужели дѣло наше такъ безнадежно?

Такой вопросъ почти вслухъ задалъ себѣ поблѣднѣвшій Вильгельмъ. И тутъ же сталъ убѣждать себя самого:

— Все вздоръ! Они обочлись, эти сухіе кремни... Первые наши ошибочные шаги мы исправили. Исправимъ и остальное... Планы, неудавшіеся сразу, перестроены. Вмѣсто молніеносныхъ ударовъ станемъ долбить день за днемъ во всѣ стороны, будемъ ранить на смерть враговъ, пока не ошеломимъ

и не повергнемъ ихъ передъ нами!.. Мы все-же, по существу, сильнѣе ихъ, неизмѣримо болѣе готовы къ борьбѣ... Время не потеряно... Успѣхъ будетъ нашъ!.. Ошибаются господа американцы!...

Такъ старался убѣдить себя онъ. Иначе, если не вѣрить самому, тогда все сразу рухнетъ. И онъ первый почувствуетъ на себѣ удары позора и ненависти цѣлаго міра, а его подданныхъ—прежде всего!..

Кайзеръ —ясно понималъ это.

Но, вопреки собственнымъ увѣреніямъ, гдѣ-то, въ самой темной глубинѣ сознанія, какъ похоронный звонъ, звучалъ зловѣщій голосъ:

— Они правы: ты и народъ твой—обречены!..

И, какъ голодный звѣрь по клѣткѣ, поблѣднѣвшій, шагалъ Вильгельмъ по своему, безвкусно, убранному, кабинету, порою сильно встряхивая головой, словно желая этимъ удалить изъ нея жгучую-мучительную мысль, затаенное сомнѣніе...

Все лицо его, сразу осунувшись, мѣнялось, старѣло на нѣсколько лѣтъ. Только глаза горѣли больнымъ, упорнымъ огнемъ...

Это было еще задолго до дѣйствительныхъ ударовъ военнаго случая.

Потомъ подоспѣли и они! Настали настоящіе «черные дни»!..

Пятый и шестой мѣсяцы войны, декабрь прошлаго, январь этого года... Никогда не забудетъ ихъ Вильгельмъ!

Германскія арміи, отброшенныя отъ Варшавы, вынуждены были откатиться на самую границу Германіи, спасаясь подъ стѣнами собственныхъ крѣпостей. Цвѣтъ войска—лежитъ тамъ, на поляхъ Польши; ряды крестовъ по берегамъ Вислы и другихъ рѣкъ этой заколдованной земли говоритъ о томъ, сколько было тысячъ живыхъ, смѣлыхъ бойцовъ, теперь истлѣвающихъ въ чужой землѣ...

Австрія почти разгромлена!.. Казацкія пики, мелькнувъ надъ вершинами Карпатовъ, спускаются уже въ долины Венгріи... Раскаты русскихъ пушекъ слышны въ Краковѣ, во Львовѣ, въ Перемышлѣ... А эти твердыни стоятъ на прямомъ пути къ сердцу Германіи, къ Берлину...

Набѣгъ русскихъ на Восточную Пруссію дорого обошелся странѣ! Погибли десятки тысячъ домовъ... Разорены тысячи богатыхъ помѣстій, усадебъ и хозяйствъ, больше 60-ти городовъ полуразрушено... А, главное, потокъ въ полмилліона напуганныхъ, бездомныхъ бѣглецовъ, прокатившись по всей странѣ, залилъ улицы Берлина, заражая неудержимымъ, безотчетнымъ ужасомъ сердца, самодовольныхъ до этой минуты, самоувѣренныхъ и увѣренныхъ въ побѣдѣ, берлинцевъ...

И впервые громко пронеслось въ столицѣ:

— Миръ скорѣе.. и во что бы то ни стало!..

Миръ!.. Безъ полной побѣды надъ врагомъ?!. Значитъ, снова изъ неограниченнаго вождя и диктатора надъ сотней милліоновъ людей—обратиться въ конституціонную куклу, которая царствуетъ, не управляя?... Снова стать игрушкой партій и канцлеровъ имперіи, олицетворяющихъ «государственный строй»!..

— Ни за что, никогда!..

Пришлось сдѣлать огромное усиліе, предательство Мясоѣдова пришло на помощь... Русскіе въ Пруссіи были разгромлены, заноза вынута изъ тѣла Германіи и народъ снова увѣровалъ въ своего вождя, сталъ готовъ къ тяжкимъ жертвамъ безъ конца...

А въ декабрьскіе черные дни для Австріи дѣло сложилось еще хуже...

Вокругъ Вѣны, даже въ ея паркахъ, въ обширномъ Пратерѣ—стоятъ лагери бѣглецовъ изъ Галиціи, изъ Прикарпатья... Если русскіе штыки заблещутъ въ предѣлахъ Познани, въ Силезіи,—дрогнетъ тогда окончательно мужество нѣмцевъ. Слишкомъ привыкли они къ своей обезпеченной, сытой жизни за полвѣка мирнаго труда...

И закипѣла горячая работа въ странѣ... Сдѣланы были нечеловѣческія усилія. Фаланга Мекензена, хотя и послѣ паденія Перемышля, но добилась своего!..

Втиснуты враги въ собственные предѣлы... Варшава взята!.. Прибалтійскій край—почти весь въ рукахъ у Вильгельма... Его батальоны у Двинска.. у Риги... на путяхъ къ перекрещенному Петрограду и къ Москвѣ...

Снова онъ—неограниченный вождь надъ милліонами вооруженныхъ людей и можетъ презирать своихъ прежнихъ опекуновъ и совѣтчиковъ...

Но что-то уже надломлено въ этой, неукротимо-горделивой, болѣзненно-напряженной душѣ...

Онъ потерялъ свою прежнюю способность ясновидѣнія!

Раньше Вильгельму казалось, что е г о воля, е г о мысль—направляетъ событія. Пользуясь

чужимъ трудомъ, чужимъ опытомъ,—онъ, все-таки, одинъ оставался рѣшителемъ судьбы для своихъ народовъ, для союзниковъ, даже для всѣхъ враговъ.

И все сразу измѣнилось...

Не для міра. Люди въ огромномъ большинствѣ глупы и слѣпы... Они не умѣютъ ясно разбираться въ дѣлахъ. Германцы тѣснятъ противниковъ. Значитъ успѣхъ у германцевъ...

Такъ думаетъ міръ, такъ старается внушить ему и Вильгельмъ устами своихъ пособниковъ и слугъ.

Но самъ онъ не думаетъ этого больше.

Онъ видитъ, что подъ внѣшнимъ успѣхомъ, какъ подъ розовой пеленой,—все отчетливѣе и отчетливѣе выясняется темная бездна какого-то провала, имя которому: Неизвѣстность!..

Раньше все было ему такъ ясно... Составлялись планы. Двигались войска, тянулись поѣзда, обозы... Происходили сраженія... И Вильгельмъ зналъ заранѣе: что и какъ произойдетъ?.. Его умственный взоръ достигалъ до крайнихъ предѣловъ на всѣхъ поляхъ битвъ.

Опустошенная огнемъ личнаго славолюбія, больная душа Вильгельма безъ содроганія созерцала потоки крови, которыми заливались поля на пространствѣ многихъ сотенъ верстъ. Крѣпко стиснутыя, пересохшія губы беззвучно шептали порою:

— Такъ хорошо!.. Еще нѣсколько такихъ боевъ... Еще два-три ливня свинцу, стали и крови... Еще нагромоздятся высокія груды тѣлъ и все кончится хорошо: мы побѣдимъ!..

Такъ вѣрилъ онъ. Такъ внушалъ своимъ баталіонамъ, посылая ихъ на убой.

И теперь еще, стоя передъ безконечными рядами полковъ, опершись на рукоять сабли больною рукой,—онъ подымалъ здоровую, правую, какъ бы благословляя обреченныхъ на гибель, и прежнимъ, рѣзкимъ, внятнымъ голосомъ внушалъ имъ:

— Солдаты! Вы должны залить врага его собственной кровью, пока онъ на колѣняхъ не станетъ просить о миръ! И это случится, конечно, очень скоро. Еще одинъ-два удара всесокрушающей германской руки—и дѣло кончено! Васъ ожидаетъ слава и отдыхъ въ объятіяхъ женъ и дѣтей, въ родной странѣ, въ излюбленныхъ вашихъ углахъ. Старый Нашъ Господь Богъ, Онъ не даромъ отмѣтилъ знакомъ побѣды оружіе нѣмецкихъ дружинъ. Онъ всегда стоитъ за правду и силу! Онъ—за насъ! Счастіе, слава и миръ родины тамъ, въ окопахъ непріятеля; но—Богъ предалъ врага въ руки ваши! Впередъ! Пощады нѣтъ врагу, посмѣвшему поднять мечъ на святую Германію нашу!.. Врагъ обреченъ! Впередъ!..

Такъ говоритъ вождь своимъ легіонамъ. Такъ вѣрилъ и самъ онъ раньше.

И мучительно переживать Вильгельму его настоящее, новое состояніе души, когда онъ слушаетъ свою рѣчь, ловитъ слухомъ звучныя, смѣлыя слова, отъ которыхъ бодрость должна вливаться въ сердца бойцовъ за родину...

А въ это самое время какой-то другой, неслышный, но внятный голосъ твердитъ раздвоенному сознанію кайзера:

— Ты лжешь... ты лжешь! Ты обманываешь ихъ и не вѣришь самъ тому, что говоришь имъ!

О, этотъ мучительный, затаенный шопотъ!.. Безъ него—не такъ тяжелы и мрачны были бы долгіе, печальные дни пораженій и неудачъ!..

И хуже всего, что отвратительный шелестъ и шопотъ этотъ не смолкъ даже потомъ, когда миновала черная полоса неудачи.

Послѣ зимы, проведенной въ нечеловѣчески-напряженной работѣ,—когда было заготовлено все для новаго, тяжкаго удара,—послѣдовалъ и самый натискъ. Лѣто завершило весенніе успѣхи. Варшава—взята!.. Весь рядъ крѣпостей польскихъ и литовскихъ палъ. Вотъ ужъ и подъ Ригой тяжко вздыхаютъ тяжелыя пушки германскія, извергающія смерть на 30 верстъ кругомъ!.. И у Двинска онѣ громыхаютъ, потрясая землю...

Главное ядро арміи, застрявшее было среди болотъ и топей Пинской земли,—начинаетъ выбираться на болѣе твердую почву... Не такъ мрачны доклады генераловъ Вильгельма, не такъ хмуры ихъ лица... Не слышно, какъ прежде, частыхъ донесеній о ропотѣ недовольства среди измученныхъ, обезсиленныхъ походами и лишеніями солдатъ, готовыхъ отъ ропота перейти и къ открытому возмущенію...

На политическомъ горизонтѣ тоже меньше тучъ. Еще мѣсяцъ-другой,—и, опрокинувъ жалкія арміи Сербіи,—Кайзеръ проложитъ для себя и для своихъ солдатъ широкій путь на Югъ, туда, къ берегамъ вѣчно-голубыхъ заливовъ и морей, гдѣ старинная столица міра, Византія,—глядится въ тихія воды Босфора... И, словно зоветъ въ свои стѣны его, новаго Повелителя и Цезаря.

Это сразу устроитъ во многомъ дѣла императора Вильгельма... Направляя туда-свой умственный взоръ, онъ переживаетъ прежнія, отрадныя, плѣнительныя минуты ясновидѣнія...

А шопотъ и шелестъ змѣиный все звучитъ, не умолкая:

— Ты самъ не вѣришь... Ты не вѣришь въ удачу!..

— Почему?!

Ужъ не потому ли, что отъ Юга приходится перевести взоръ на Востокъ, гдѣ все пока удачно, конечно, не считая труповъ, тѣхъ десятковъ тысячъ его «дѣтей-солдатъ», какими покупаетъ Вильгельмъ свои «удачи»...

Но не объ этомъ думаетъ онъ. Подобныя пустяки не тревожатъ его сознанія... Что-то другое нагоняетъ синеву ужаса на исхудалое, и безъ того вѣчно-блѣдное теперь, лицо вождя.

Стоитъ ему обратиться взоромъ на Востокъ и онъ теряетъ способность: видѣть незримое, угадывать грядущее.

Вотъ Рига... Двинскъ, Кіевъ. Вотъ арміи, идущія съ сѣвера, съ запада и съ юго-запада впередъ, проникающія все глубже въ предѣлы Россіи... Онъ различаетъ свои баталіоны... Рѣютъ сверху, какъ огромные буревѣстники, стальныя птицы его воздушныхъ эскадрилій... Тянутся бронированные носороги, самоходы съ пушками и пулеметами... Влекутся платформы съ тяжелыми орудіями... Впереди, на нѣкоторомъ разстояніи—можно различить окопы врага... Тонутъ въ пыли и въ дыму жалкія села... Сѣрѣютъ и бѣлѣютъ, полуразрушенные ядрами, городки и большіе города... Темнѣютъ цѣпи и ряды вражескихъ бойцовъ. А дальше—туманъ!..

Онъ не видитъ, не можетъ онъ угадать: эти ли цѣпи, выпустивъ послѣдній зарядъ, уложивъ больше половины товарищей на мѣстѣ,—дрогнутъ и станутъ отступать, открывая путь знаменамъ Германіи...

Или, вдругъ, обливаясь кровью, презирая смерть, которая сотней тысячъ пуль и шрапнелей носится надъ ними, — порѣдѣлыя кучки безразсудныхъ враговъ подымутся, оторвутся съ земли, на груди которой лежали и гибли... И, взявъ на перевѣсъ свои ружья, стихійно ринутся впередъ, сквозь завѣсу огня и стали?! И отъ вида этихъ, бѣгущихъ въ атаку, безумцевъ, отъ ихъ неистоваго «ура»!—долгаго, какъ агонія,—грозоваго, какъ ураганъ,—дрогнутъ баталіоны Вильгельма, спаянныя въ желѣзную глыбу суровой муштровкою и сознаніемъ своего долга...

А за первыми—попятятся и другіе... Остановится передовая волна на одномъ участкѣ боя... Рядомъ—тоже замретъ движеніе на мягъ. И сразу откроется отвратительное зрѣлище: непобѣдимые германскіе полки, забывая обо всемъ, не надѣясь на адскій огонь своихъ батарей, готовыхъ поддержать наступленіе, все быстрѣе и быстрѣе станутъ катиться назадъ, какъ волны прибоя, раздробленнаго твердыней крутыхъ, высокихъ береговъ!.. И не сможетъ удержать ихъ даже градъ пуль, которымъ осыпаютъ германцевъ свои же пулеметы, чтобы только остановить бѣгущихъ...

Ужасное зрѣлище!..

А оно, почему-то, все чаще и чаще чудится вождю. И тамъ именно, на туманномъ Востокѣ, гдѣ все загадочно для него, все полно грозными неожиданностями и бѣдами!.. Безграничныя дали пугаютъ, въ нихъ клубится что-то, какъ кольца исполинскаго Дракона, который просыпается и готовъ раскрыть страшный зѣвъ...

Всѣ восторги удачъ на остальныхъ концахъ огромнаго поля міровой битвы—отдалъ бы Вильгельмъ за одну радость: чтобы здѣсь, на Востокѣ, прояснился его взоръ, чтобы съ увѣренностью могъ онъ сказать баталіонамъ, посылаемымъ сюда:

— Идите, дѣти! Гибнуть вамъ придется, но не знайте страха! Вы будете отомщены и удача покроетъ славой имена павшихъ, дастъ восторгъ душамъ живыхъ дѣтей Германіи!

Нѣтъ этого убѣжденія у Вильгельма. И отравлены его дни и ночи...

Невѣдомая, вражеская земля, казалось бы, такъ хорошо изученная имъ за долгіе годы,—пугаетъ своей непостижимостью... Темны ея предѣлы, неизмѣримы силы, скрытыя тамъ. Только послѣ ряда долгихъ мѣсяцевъ борьбы убѣдился въ этомъ Вильгельмъ. Вотъ причина его затаенныхъ страховъ, его неувѣренности въ исходѣ великаго дѣла, затѣяннаго такъ умно и отважно...

Вѣчныя сомнѣнія сожигаютъ душу кайзера, лишаютъ силъ, отнимаютъ ясность ума.

Какое-то новое чувство закрадывается въ больную душу Вильгельма. Тяжело-упорный, колющій взглядъ его терялъ свою обычную неподвижность, начиналъ тревожно перебѣгать; скользить съ предмета на предметъ, словно, разыскивая потерю. Тускнѣлъ и постоянный фосфорическій блескъ этихъ свѣтло-голубыхъ глазъ, напоминающихъ глаза тихаго маніака...

Въ нихъ теперь неподвижно застыла какая-то затаенная, мысль. А на измученно-исхудаломъ лицѣ явно можно читать, что потянулись долгіе, темные дни, мѣняясь безпросвѣтно-мрачными, кошмарными ночами.

Въ ясное, августовское утро раньше обычнаго проснулся Вильгельмъ.

Осеннее солнце поднялось уже довольно высоко и тонкими золотыми стрѣлами пронизывало полусумракъ, царящій въ спальнѣ императора, въ Потсдамскомъ дворцѣ, гдѣ гардины и занавѣси были опущены на всѣхъ окнахъ, чтобы до срока наружный шумъ и утренній свѣтъ не тревожили спящаго. Но яркое солнце нашло щели въ этихъ преградахъ и разсыпало тонкія нити лучей, которыя падаютъ на пушистый коверъ покоя, покрываютъ паркетъ свѣтлыми, круглыми пятнами, загораются на бронзовыхъ украшеніяхъ мебели, на блестящихъ прутьяхъ металлической, пружинной кровати, рядомъ съ которой стоитъ такая-же вторая для императрицы.

Эта постель уже пуста, потому что императрица встаетъ очень рано; свой туалетъ она торопится закончить до того времени, пока подымется Вильгельмъ, и, какъ онъ любитъ, совсѣмъ одѣтая, ждетъ его къ раннему кофе, который сама наливаетъ мужу каждое утро...

Протянувъ руку къ столику, стоящему у изголовья, Вильгельмъ нечаянно коснулся до небольшого, заряженнаго браунинга, всегда лежащаго здѣсь, словно наготовѣ. Затѣмъ палецъ его разыскалъ и нажалъ кнопку звонка.

Почти сейчасъ-же, безшумно скользя мягкой обувью по ковру, вошелъ камердинеръ-старикъ, Рудольфъ.

— Съ добрымъ утромъ, ваше величество!

Пройдя въ окнамъ, онъ сталъ подымать гардины и шторы. Свѣтъ волнами ворвался въ комнату.

— Асс-стуй, ас-стуй, [1]) старина! Утро, кажется, хорошее? А?

Не ожидая отвѣта, Вильгельмъ взялъ со столика ручное зеркало въ серебряной, чеканной оправѣ, повернулся къ свѣту и сталъ вглядываться въ свое лицо, словно изучая каждую черту его заново.

— День чудесный, ваше величество, какъ изволили почивать? Если судить по лицу, очевидно, хорошо. Видъ прекрасный у вашего величества!

— Ты придворный попугай, Рудольфъ, а не то, чѣмъ долженъ быть. Я—не 17-ти лѣтняя принцесса, ждущая комплиментовъ. Это что такое, по твоему? А это! Ну, говори, старый лгунъ.

И Вильгельмъ, почти раздражительно,—показалъ старику на желтизну, окружающую усталые глаза, на мѣшки подъ глазами, особенно вздутые и видные сейчасъ, при свѣтѣ яркаго солнца. Потомъ высунулъ языкъ, покрытый бѣлымъ, густымъ налетомъ.

— Это по твоему: «хорошій видъ»? Я совсѣмъ боленъ. Ночь отвратительно спалось. Такіе сны... И сейчасъ—совсѣмъ бы не всталъ, если бы...

Длинными, тонкими пальцами правой руки потеръ онъ худую, впалую грудь и больное, лѣвое плечо, сухую руку свою.

— Да, сегодня у насъ большой, хлопотливый день, ваше величество... Днемъ,—такъ много пріемовъ. А вечеромъ—большой совѣтъ. У меня все готово, ваше величество. Ванна... А тамъ, въ пріемной—ждетъ самъ г. профессоръ. Если ваше величество чувствуете что-нибудь.?. Онъ, какъ разъ,—просилъ доложить. Желаетъ справиться о здоровьи вашего величества. Эти постоянные разъѣзды... они хоть кого могутъ съ ногъ свалить. Прикажете позвать профессора?

— Послѣ ванны... послѣ массажа! Въ такомъ видѣ даже доктору не хочется являться на глаза. Теперь, старина, мнѣ особенно нужны силы... И чтобы никто не думалъ, что я слабѣю... Смотри, всѣмъ одинъ отвѣтъ: «императоръ свѣжъ и бодръ, какъ юноша!..»

— Да, оно такъ и есть, ваше величество! Это у вашего величества послѣ дурныхъ сновъ плохое настроеніе... А плохіе сны—отъ поздняго ужина. Я, вотъ, никогда не ѣмъ на ночь... И сплю спокойно..

— Какъ можетъ спать прилежный оселъ, стащившій за день весь грузъ на мельницу... Ты и я! Молчи, старикъ! Надоѣлъ. Пойдемъ брать ванну... Зови массажиста...

Послѣ ванны и массажа, Вильгельмъ отдалъ себя въ распоряженіе камердинера, который замѣнялъ и куаффера. Утренній, свободный костюмъ, подбитый, гдѣ слѣдуетъ, ватой, придалъ полноту, осанку и твердость черезчуръ исхудалому за послѣднее время тѣлу Вильгельма. Сѣдые волосы были

---

*) Т. е. здравствуй! Такъ можно лишь передать восклицаніе: — Mdo-jen! — которымъ въ Берлинѣ замѣняется: «Gut Morgen!»

приглажены обычнымъ образомъ, причесаны на безукоризненный проборъ. Усы кайзера, за ночь посеребрившіеся у корней, Рудольфъ осторожно и тщательно подкрасилъ, молодецки приподнявъ къ верху ихъ концы, хотя ужъ не такъ пушисто и высоко, какъ бывало въ прошлые годы...

— Готово?—сбрасывая пудермантель, нетерпѣливо проговорилъ Вильгельмъ.—Слава Богу! Ты у меня берешь больше времени, чѣмъ два русскихъ похода. На одни усы—почти пять минутъ! Старый щеголь... Мнѣ не до нихъ сегодня.

— Какъ, ваше величество! Развѣ не нынче вечеромъ вы изволили назначить баронессѣ быть у вашего величества... съ докладомъ по Обществу Самаритянъ?!—не подымая глазъ, осторожно напомнилъ умный старикъ.

— Гмъ... да!.. Я чуть было не заб.... Ну, да не въ томъ дѣло... старый лисъ.... Давай сюда твоего доктора!

Рудольфъ ,неуловимо усмѣхаясь тонкими, сжатыми, какъ всегда, губами, поклонился и вышелъ.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ, профессоръ фонъ Люціусъ, лейбъ-медикъ императора, долго, внимательно, хотя и очень осторожно оглядывалъ и выслушивалъ своего высокаго паціента, зная, какъ нетерпѣливъ Вильгельмъ, какъ онъ мнителенъ и, въ одно и тоже время, боится врачей, и не можетъ жить безъ ихъ совѣтовъ.

Кончивъ осмотръ, профессоръ отнялъ ухо отъ груди Вильгельма и съ самымъ сіяющимъ лицомъ поднялъ голову, покачивая ею съ довольнымъ видомъ.

— Прекрасно! Чудесно, ваше величество!.. Я только диву даюсь: откуда природа беретъ столько энергіи и силъ, чтобы вашему тѣлу хватало на расходованіе и безо всякаго ущерба?!. Конечно, если не считать нѣкоторой нервной устали, легко устранимой при помощи отдыха, массажа и пары пилюлекъ, которыя я недавно еще прописалъ вашему величеству... А весь организмъ? Легкія... печень... Сердце!.. Словно литое изъ мѣди... Нѣтъ, изъ гибкой стали!.. Какой ритмъ! Какой порядокъ въ организмѣ! Да будетъ благословенна природа, умѣющая такъ строить свои созданія, какъ построены вы, ваше величество!.. Изъ 10.000 тѣлъ, которыя за годъ перебываютъ въ моихъ рукахъ,—я не насчитаю и 10-ти такихъ, какъ ваше!.. Даже и въ 27 лѣтъ, а не въ 57. какіе считаете, ваше величество, вы за своей спиною... Это нѣчто колоссальное!

— Правда?—недовѣрчиво прозвучалъ вопросъ Вильгельма. Глазами онъ такъ и сверлилъ умнаго внушителя-врача.—Полагаю: вамъ не для чего морочить меня?.. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, мое дурное самочувствіе сегодня больше зависитъ отъ хандры... или—отъ желудка,—какъ увѣряетъ болванъ Рудольфъ?.. Я перестану ужинать поздно... А то, эти сны...

— Сны, ваше величество? Что опять, если могу спросить?

— Вамъ можно... Вамъ скажу, профессоръ. Мы съ вами—старые друзья. И вы хорошо знаете эти мои обычныя, загадочныя видѣнія... которыя часто потомъ сбываются въ дѣйствительной жизни!..

— Знаю, знаю!.. Тонкая организація... Состояніе полнаго покоя во время сна вызываетъ нѣчто, въ родѣ ясновидѣнія, у людей съ особенно-утонченной психикой... Я слушаю, ваше величество... И повѣрьте...

— Да, ужъ болтать вы не станете... Я увѣренъ... Такъ, вотъ... Постойте... перейдемъ къ камину. Тутъ какъ будто дуетъ изъ окна?.. И тамъ, за дверью, шмыгаетъ прислуга... Вѣчные сквозняки! Мерзость! У себя въ домѣ не могу добиться, чтобы не было сквозняковъ! Берите сигару... Сядемъ. Ну, вотъ, слушайте!..

Умолкнувъ, словно собираясь съ мыслями, Вильгельмъ разсѣянно шевелилъ щипцами угли, жарко тлѣющіе въ большомъ каминѣ, который день и ночь топился въ этомъ неуютномъ кабинетѣ, даже въ сравнительно-теплые, послѣдніе августовскіе дни.

Потомъ, поднявъ склоненное лицо, кайзеръ уставился взглядомъ въ сосѣднее окно, словно наблюдая тамъ за чѣмъ-то, и отрывисто заговорилъ:

— Понимаете... вотъ, я, будто бы, прохожу одинъ по темнымъ заламъ Новаго Дворца... берлинскаго, знаете, о которомъ въ народѣ ходитъ столько глупыхъ толковъ. Электричество всюду погашено. И я никого не зову почему-то, чтобы открыть свѣтъ... и самъ не поверну ни одной кнопки... А слѣва, въ большія окна, гдѣ занавѣси почему-то не спущены,—льется полосами яркій, лунный свѣтъ, перемежаясь съ полосами мрака. Но я вижу мебель кругомъ, ковры на полу, дорожки... Различаю рядъ дверей, раскрытыхъ одна противъ другой въ длинномъ рядѣ покоевъ. Словно раскрытыя пасти какихъ-то исполиновъ. Но я вижу двери... и смѣло, да смѣло, иду! И не зажигаю свѣта. Мнѣ надо торопиться куда-то... не помню сейчасъ: куда. А, можетъ, и во снѣ не зналъ, только спѣшилъ! Но, чтобы

не имѣло вида, что я испугался темноты и этихъ пустыхъ покоевъ въ нелюбимомъ дворцѣ... я нарочно замедлилъ шаги... И только съ каждой пройденной дверью сердце билось все чаще и чаще, какъ бы въ ожиданіи чего-то особаго... пугающаго! Знаете, какъ это бываетъ всегда во снѣ?

— Да, да... Нервная пальпитація сердечнаго мускула вызываетъ такое настроеніе... Я слушаю, ваше величество...

— И, вотъ, остались еще двѣ открытыхъ двери... Двѣ темныхъ пасти... А тамъ, я знаю,—распахнется послѣдняя, пока закрытая еще, дверь... И будетъ освѣщенная ярко площадка... И я попаду, куда надо, увижу людей, услышу голоса... вмѣсто собственныхъ шаговъ, гулко бьющихъ по паркету; вмѣсто собственнаго прерывистаго дыханія и громкаго біенія моего сердца, которое я ловилъ напряженнымъ слухломъ среди окружающаго мрака и мертвой тишины... Я подошелъ ужъ къ предпослѣдней двери... Къ предпослѣдней двери!—помолчавъ, повторилъ Вильгельмъ и сейчасъ блѣднѣя, словно переживая что-то тяжелое.—И вижу... на порогѣ той... послѣдней двери, которая раскрыта и темна,—тамъ обозначилось что-то... такъ, вдругъ, сразу,—какъ появляются призраки. Ужасно глупо, не правда ли? Я остановился, сталъ всматриваться. Сердце въ груди у меня въ этотъ мигъ почему-то почти остановилось. Холодъ пронизалъ спину и грудь, какъ будто вѣтеръ ворвался гдѣ-то вблизи черезъ распахнувшееся окно. Но я овладѣлъ собою, сдѣлалъ шага два впередъ. Очертанія пятна стали яснѣе, видно, что это стоитъ на порогѣ женщина... вся въ бѣломъ...

— Ахъ, это «Бѣлая Дама» приснилась вашему величеству... Всѣмъ знакомый призракъ вашего рода; понятно, что и ваше ве...

— Ничего не понятно! Слушайте дальше. Я не думалъ объ этомъ «призракѣ Гогенцоллерновъ», какъ его называютъ... о Бѣлой Дамѣ... Я легъ въ хорошемъ настроеніи... сравнительно, конечно. Но слушайте же! Вижу: эта тѣнь... плыветъ мнѣ навстрѣчу въ полумракѣ сосѣдняго покоя. И когда она попадаетъ въ полосу луннаго свѣта, льющагося въ окна,—ея почти не видно. А во тьмѣ она начинаетъ свѣтиться сильнѣе... И только тамъ, гдѣ у людей сердце,—у нея что-то краснѣетъ, темнѣетъ и трепещетъ, какъ живое... Но тоже неясно, неуловимо, какъ вся она, полупрозрачная, неясно-мерцающая. Я не боюсь призраковъ ни на яву, ни, тѣмъ болѣе, во снѣ. Но мои нервы... вы знаете мою впечатлительность ко всему. И я невольно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ, попятился, не отводя глазъ отъ... нея. Но тутъ же думаю: «это вздоръ! Игра лунныхъ лучей! Впередъ! Надо впередъ! Потому что, если это... дѣйствительно,—т о т ъ п р и з р а к ъ, такъ мнѣ отъ него не уйти! Онъ настигнетъ среди пустыхъ, пугающихъ залъ и скажетъ свое... страшное, губительное слово!.. Откроетъ тайну, отъ которой сердце должно разорваться... Словомъ: уйти нельзя! Такъ лучше впередъ!..». И мы почти столкнулись на порогѣ той... п р е д п о с л ѣ д н е й двери, гдѣ я очутился снова... Т.-е. столкнуться мы не могли. Она свѣтлѣла передо мною, ярко-очерченная теперь и полупрозрачная въ то же время... А я... я былъ парализованъ. Не знаю: ея ли властью, или собственнымъ безсиліемъ? И я различилъ среди свѣтлыхъ лунныхъ очертаній молодого, строгаго лица—ея глаза... Ужасные глаза. Свѣтло-голубые, какъ у насъ въ роду. Но ихъ взглядъ... Это былъ взглядъ безумной змѣи, готовой кинуться на оцѣпенѣлую добычу... И... я услышалъ тихій голосъ, каждый звукъ котораго касался не слуха моего, нѣтъ. А, вотъ, здѣсь... въ сердцѣ... и въ мозгу отдавался острыми уколами, подобными уколамъ электричества, когда взять въ руки цѣпь за концы... Вы молчите? Забавно, не правда ли, профессоръ?

— Конечно, забавно! Хотя кошмарность сновидѣній, несомнѣнно, вызывается не только фантазіей, а чаще—разстройствомъ нерновъ. Но, я слушаю, ваше величество.

— Разумѣется, это—мое нервное разстройство послѣднихъ дней. Я самъ понимаю. Даже, чуть ли и тогда, въ этомъ же снѣ, переживая тяжелое состояніе, какъ-то понималъ, что вижу кошмаръ. Что стоитъ сдѣлать усиліе, проснуться... и все исчезнетъ... Но... этого усилія я не торопился сдѣлать... Было интересно узнать: что дальше? Хотѣлось услышать, понять: что говоритъ призракъ? Я самъ—раздвоился въ душѣ. И боялся... Ну, скажу ужъ прямо: я боялся ея!.. И—горѣлъ нетерпѣніемъ узнать... какъ будто давно ждалъ этой встрѣчи... И вотъ что сказала она...

Внезапно оборвавъ, Вильгельмъ какъ будто сталъ прислушиваться къ какому-то невнятному голосу или припоминалъ полузабытую рѣчь. Потомъ снова выпрямилъ согнутый слегка станъ и медленнѣе обычнаго, какимъ-то чужимъ голосомъ, словно подражая кому-то, заговорилъ:

— «Напрасный страхъ! пустая тревога. Мы—свои, развѣ ты не видишь? Вглядись въ эти черты, въ мои глаза? Не въ зеркало ли смотришь ты, Вилли? Только, въ незримое зеркало, которое можетъ показать людямъ одна В ѣ ч н о с т ь!.. Слушай! Смотри, развѣ я не прекрасна? Такъ думалъ и мой... могучій отецъ, твой предокъ. И я находила, что онъ—лучше и достойнѣе всѣхъ. И мы

любили другъ друга... какъ еще ни одна дочь, ни одинъ отецъ, послѣ Лота, не любили другъ друга!.. Ты слышишь?.. Слушай. Мы были счастливы. Но мать узнала... Его, конечно, она простила! Онъ былъ ея мужъ, она—любила его, эта непреклонная женщина... и простила его... а меня прокляла! И я несу проклятіе... но не вѣчно... не вѣчно, слышишь, Вилли? Иначе, даже и для меня это было бы не по силамъ! Судьба милосерднѣе, чѣмъ родная мать! Онъ, Рѣшающій,—говоритъ: каждому грѣху есть искупленіе, какъ бы ни былъ великъ грѣхъ. Нужно, чтобы свершилось на землѣ нѣчто большее, чѣмъ было свершено раньше... Болѣе отвратительное!.. И меньшее—будетъ тогда покрыто... будетъ забыто... И я узнаю покой... Я перестану блуждать по этимъ темнымъ покоямъ въ лунныя ночи, подобныя моимъ земнымъ минувшимъ ночамъ.. Не буду больше пугать васъ, живущихъ. И это—въ твоей волѣ!»... Такъ говорила она...»

Вильгельмъ снова умолкъ, тяжело дыша. Пальцы правой руки, которыя и безъ того порой шевелились и пощелкивали у него непроизвольно, теперь дергались, какъ наэлектризованные.

— А вы?.. Что же ваше величество на это?—захваченный, подалъ голосъ врачъ.

— Я?.. Я спросилъ: «Что же мнѣ надо дѣлать?» И снова ея беззвучная рѣчь стала жалить уколами мое сердце, мой мозгъ... «Пустое!—говорила она.—Видишь, я прекрасна! Ты—мой дальній потомокъ, очень дальній... но—мой потомокъ. Плоть отъ плоти, духъ отъ духа... И... понимаешь ли?.. Грѣхъ, содѣянный потомкомъ,—искупитъ вину прадѣда... если только можно называть все это—грѣхомъ, или виною? Не такъ ли, Вилли? Вѣдь ты ужъ вышелъ изъ этихъ дѣтскихъ прописей? Ты—повелитель людей, господинъ надъ собою и надъ міромъ, настоящій властелинъ до послѣдней капли крови! Для тебя нѣтъ ни вины, ни грѣха!.. Вѣдь правда, Вилли?..» Такъ жалила она своею рѣчью. И на вопросъ беззвучный я только молча кивнулъ головой... Я не рѣшился.. Я кивнулъ: «нѣтъ!..»

— Ну, разумѣется, ваше величество...

— Молчите!.. Слушайте. Она снова заговорила... Уже иначе. Ея угроза зазвучала въ моей душѣ, въ мозгу... Багрово-темный клубокъ у нея въ груди забился тревожно, властно, какъ властенъ былъ ея змѣинный взглядъ! Вся она сгустилась, потемнѣла, приняла почти тѣлесное очертаніе... я услышалъ: «Постой! Не рѣшай такъ быстро, чтобы не пожалѣть потомъ.. Я знаю: чего ты боишься! Вижу, къ чему стремиться твоя воля, твоя душа. И знай же: если скажешь: «нѣтъ!»—все рухнетъ. Тебя ждетъ гибель и мракъ. Ожидаетъ то, что не разъ носилось передъ твоимъ напуганнымъ взоромъ, отчего леденѣла кровь и въ ужасѣ ты вскакивалъ среди ночи, трепеща, какъ осеннія листья на голыхъ вѣтвяхъ подъ ударами холоднаго вѣтра!.. Помнишь свои мрачныя видѣнія?! Они сбудутся, если скажешь мнѣ «нѣтъ»!... А... если «да»... Гляди!.. Вотъ, что ждетъ тебя... Какая награда?!».

Она показала рукой за окно. Я поглядѣлъ и сердце забилось такъ сладко и полно отъ восторга, отъ радости... Я увидѣлъ мечеть Айя-Софіи... Площадь передъ нею. И на площади—море людскихъ головъ. И дальше, по улицамъ и площадямъ—еще тысячи и тысячи... И я, самъ... Двойникъ мой—на бѣломъ скакунѣ невиданной красоты—ѣхалъ къ дверямъ храма, на куполахъ котораго горѣли золотые кресты вмѣсто полумѣсяца. На ступеняхъ стояли толпы священниковъ въ тіарахъ, въ золотыхъ одеждахъ, усыпанныхъ каменьями... И среди нихъ—главный, въ тройной тіарѣ на головѣ, въ бѣлой ризѣ съ золотыми оплечьями... Они склонились передо мною... И восклицали: «Осанна, Вильгельмъ, императоръ Византіи и цѣлаго міра!»... А по площади, какъ громы, проносились отклики тьмы-темъ народа: «Виватъ, Повелитель Человѣчества!»... Я вступилъ въ соборъ. Тамъ совершенъ былъ великій обрядъ... И, вдругъ,—перенесла меня какая-то сила въ другой, болѣе тѣсный, но еще болѣе священный храмъ. Я узналъ его... Увидѣлъ снова небо Іерусалима... Увидѣлъ запечатлѣнный Гробъ Искупителя... Сорвалъ съ него печати... И вышелъ оттуда Нѣкто, сіяющій... Простеръ руку, произнесъ: «Миръ тебѣ, Повелитель міра!»... И растаялъ!

А за стѣнами храма—опять грохотали громы... Новыя тьмы темъ посылали мнѣ свою покорность и привѣтъ: «Осанна, Вильгельмъ Гогенцоллернъ, Господинъ земли, слуга Небесъ!»... И я видѣлъ все это, будто бы, глядя въ окно... И во снѣ—слезы радости струились по лицу...

— Передохните, ваше величество. Сонъ чудесный... красивый... Но, вы такъ волнуетесь и теперь... Вотъ, не угодно ли глотокъ воды!.. Отлично!.. Можетъ быть, вы послѣ пожелаете досказать, ваше величество?..

— Нѣтъ. Слушай! Теперь ужъ немного... хотя, самое... Ну, слушайте... слушайте., профессоръ. Началъ, такъ надо ужъ кончить... Это облегчитъ меня, понимаете? И, вотъ, я рѣшился... Я протянулъ руки, раскрылъ объятія. Въ нихъ затрепетало что-то теплое, нѣжное, какъ вѣянье морского вѣтерка весною... Что-то прильнуло къ моей груди, переполненной восторгомъ,—и руки, легкія, ласко-

выя, какъ руки моихъ внучатъ, охватили мнѣ шею... Свѣжій, дѣтски-сладкій, но лишающій сознанія, поцѣлуй, обжегъ мои губы... Я отвѣчалъ, ласкалъ все горячѣе, страстнѣе... Очертанія женщины становились все болѣе и болѣе земными... Сердца у нея не было уже видно, какъ раньше. Только его громкое біеніе отдавалось эхомъ въ атласной, высокой груди красавицы, отвѣчая каждому поцѣлую, каждому вздоху восторга ударомъ и трепетомъ!.. Сколько это продолжалось, не помню... Случайно я снова поглядѣлъ на мою загробную подругу... И съ безумнымъ крикомъ отпрянулъ! волосы зашевелились у меня на головѣ... Я увидѣлъ, что нѣтъ больше красавицы... Въ моихъ рукахъ—полуистлѣвшій трупъ. И онъ быстро дотлѣвалъ у меня на глазахъ. Вотъ проступили бѣлѣющія кости... Скелетъ стоялъ передо мною, вмѣсто юной женщины... Костлявыя руки тянулись ко мнѣ... Пожелтѣлые зубы, оскаленные вѣчной улыбкой,—искали моего рта... Голый черепъ... Вся она... Ужасъ, профессоръ! Ужасъ! Я оттолкнулъ ее... Кости упали на полъ и разсыпались прахомъ. Но, падая, словно слабо прозвенѣли эти кости одно только слово: «Искупилъ!»... И мракъ одѣлъ меня... Я вскрикнулъ еще разъ и проснулся въ холодномъ поту... Была еще ночь. Августа стояла надо мною... спрашивала что-то... Я ее успокоилъ; выпилъ воды, снова уснулъ. Сонъ былъ тяжелый, но безъ всякихъ грезъ. Всталъ и чувствую себя разбитымъ. А вы, профессоръ, увѣряете, что «все превосходно!» Вотъ, я и думаю: чему же, кому мнѣ вѣрить? Себѣ... или моему ученому врачу, покрытому всемірной славой? Ужъ, не взыщите, профессоръ. Я не хочу обижать васъ. Вѣдь мы—старые друзья, не такъ ли?

— О, слишкомъ много чести, ваше величество! Я нисколько не обиженъ и по старому—преданъ до гроба моему повелителю... А на счетъ правоты? Правы мы оба. Извольте выслушать терпѣливо, ваше величество.

— Хорошо. Только безъ обходовъ: коротко и прямо! Я тоже не обидчивъ, если дѣло касается такого важнаго вопроса, какъ здоровье... Говорите!..

Отбросивъ, потухшую у него въ рукахъ, сигару, Вильгельмъ закурилъ другую, заходилъ по комнатѣ, кинувъ профессору:

— Сидите... Знаете, я долго не могу... Устаю сидѣть... Я слушаю... говорите...

— Да, ужъ и бесѣдовали мы съ вашимъ величествомъ объ этомъ не разъ. Конституція—богатырская. Энергія—чрезмѣрная, которая успѣваетъ порою расшатать даже и стальное здоровье, дарованное вамъ природой... несмотря на нѣкоторые недочеты... Я все, все помню... А тутъ еще эта ужасная война... Когда только настанетъ ей конецъ?!

— Скоро... скоро! Дальше. Ближе къ дѣлу... Вы полагаете?..

— Старая исторія, ваше величество. Обычное переутомленіе. Необходимъ отдыхъ отъ напряженной мысли, это разъ. А второе... ужъ, простите, ва...

— Да, ну, безъ извиненій... Что? Что?!

Отъ нетерпѣнія пальцы у кайзера совсѣмъ заплясали.

— Переѣзды, чрезмѣрная работа здѣсь и на фронтѣ... они не даютъ моему повелителю быть просто... человѣкомъ, мужчиной... Вы понимаете меня, государь? А это—тоже необходимо для равновѣсія въ здоровьи... И я, конечно, не смѣю...

— Смѣйте, смѣйте! Я васъ понялъ и утѣшу... Если что было пропущено, такъ теперь наверстаю!—вдругъ расхохотавшись, проговорилъ Вильгельмъ.—Вы правы: мои годы еще не могутъ застраховать меня отъ... Ну, мы понимаемъ другъ друга!.. Благодарю. Исполню все: и насчетъ отдыха... и все!.. Еще что-нибудь имѣете?

— Да, нѣтъ, почти ничего, ваше величество. Я скажу Рудольфу... Тамъ, надо старыя пилюльки возобновить и поглотать... Обычный массажъ, ванны... Все, какъ всегда...

— Ну, въ такомъ случаѣ... Благодарю!.. И—до скораго... Нѣтъ, лучше не до скораго свиданія, дорогой профессоръ... Я готовъ даже пожертвовать вашей милой бесѣдой, если приходится пользоваться ею только въ тяжелыя минуты душевныхъ или тѣлесныхъ невзгодъ. Силы нужны, докторъ! Пилюли мнѣ помогали, я помню. Буду ихъ глотать... До свиданья. А война?.. Она должна скоро кончиться, будьте спокойны... Если только... если хоть капля разума есть у моихъ враговъ. Надѣюсь, вы знаете, какъ искренно хочу я мира! Прочнаго мира для цѣлой Европы, для всей земли!.. Война скоро должна завершиться... конечно, хорошо для насъ! Прощайте!..

Проводивъ глазами коротенькую, упругую, хорошо упитанную фигуру профессора, который скрылся, отдавъ у самыхъ дверей послѣдній, почтительный поклонъ, Вильгельмъ обернулся было къ другимъ дверямъ, ведущимъ на половину императрицы. Въ маленькой, уютной гостиной, замѣняющей по утрамъ столовую, она давно уже ждетъ его за кофейнымъ приборомъ. Но, вдругъ, онъ

остановился и двинулся къ одному изъ письменныхъ столовъ, стоящихъ въ кабинетѣ; особымъ ключемъ отперъ боковой ящикъ, изъ потайного отдѣленія досталъ небольшую тетрадку въ темномъ замшевомъ переплетѣ съ его начальной буквой, увѣнчанной короной. Перебросивъ исписанные листки, онъ взялъ перо и быстро, не доканчивая порою словъ, опуская гласныя, какъ привыкъ писать лично для себя,—набросалъ въ своемъ дневникѣ описаніе сна, вѣрнѣе, кошмара минувшей ночи, о которомъ только что говорилъ врачу.

Какъ его дѣдъ и отецъ,—Вильгельмъ велъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ личный дневникъ, куда заносилъ все занимательное или важное, что происходило съ нимъ самимъ, какъ съ человѣкомъ и государемъ. Много такихъ тетрадокъ, исписанныхъ убористо и страшно неразборчиво, лежало въ потайныхъ ящикахъ этого, стариннаго, небольшого, съ бронзою, стола, за которымъ Вильгельмъ никогда не занимался ни со своими секретарями, ни одинъ, исключая такихъ минутъ, какъ эта, когда хотѣлось занести что-нибудь на память въ темную тетрадку.

— Если бы эти томики попали въ руки почтеннѣйшей публикѣ!—часто думалъ Вильгельмъ, раскрывая очередную тетрадь. Ого-го!.. Вотъ бы шумъ поднялся... Вѣдь, никто изъ нихъ, ни умные, ни ослы,—и не подозрѣваютъ: каковъ я на самомъ дѣлѣ, въ глубинѣ моей душѣ, въ своихъ мысляхъ, да вотъ въ этихъ единственно-надежныхъ, вѣрныхъ и молчаливыхъ отраженіяхъ моего внутренняго я!... Ха-ха-ха!.. Бараньи головы!

Пустая комната огласилась громкимъ глумливымъ смѣхомъ, какимъ часто теперь смѣется Вильгельмъ, разучившись смѣяться весело и беззаботно, какъ хохоталъ еще лѣтъ шесть-семь тому назадъ...

Поведя плечами, словно самъ недовольный своей неумѣстной веселостью, онъ быстро дописалъ страницу, спряталъ тетрадь, заперъ ящикъ, но самъ не тронулся съ мѣста. Мысли его почему-то снова вернулись къ тому, что говорилъ нѣсколько минутъ назадъ знаменитый врачъ.

— Старый барсукъ! Лукавый проныра! Никогда не выскажется опредѣленно и ясно. Боится не угодить и этимъ вызываетъ лишнюю, напрасную тревогу въ моей душѣ. Какъ будто не понимаетъ, что самая плохая, но ясная вѣсть — легче переносится человѣкомъ, чѣмъ недосказанныя рѣчи... не то полуусполокоеніе... не то—полуугроза!.. Оселъ! Хотя, нѣтъ! Я не совсѣмъ правъ. Точно также онъ говорилъ года полтора тому назадъ, передъ моимъ послѣднимъ припадкомъ... Тысячу чертей!.. Проклятое наслѣдье оставилъ мнѣ мой милый родитель! Теперь, едва я вспомню, какіе скандалы разыгрались изъ-за его дневника, который прятала моя почтенная матушка... я готовъ разорвать свои тетрадки... чтобы ни въ чемъ, ни въ чемъ не походить на него!.. Да... сегодня, какъ и тогда—осторожно, но настойчиво внушалъ мнѣ мой толстякъ: «беречься и жить нормальнѣе»... И—эти сны... необычное возбужденіе... Боль въ головѣ, свинцовая тяжесть въ затылкѣ... И эти молніи, вспыхивающія порою гдѣ-то, въ глубинѣ глазъ. Все, какъ тогда!.. О, нѣтъ! Не хочу... Эти отвратительныя судороги... это ужасное состояніе потомъ... Безпамятство... Не знаю, что я могу сказать въ эти минуты... при чужихъ людяхъ? Ужасно!..

Послѣднее слово даже вслухъ сорвалось у него съ поблѣднѣвшихъ губъ.

Стиснувъ зубы, онъ старался дать иное направленіе своимъ мыслямъ, вспомнилъ о предстоящемъ посѣщеніи баронессы Мицци и снисходительно-ласково улыбнулся.

— Славная кошечка! Гибкая, лукавая... но—ручная, совсѣмъ ручная... и порочна, какъ настоящая Ева!.. Чтобы ей приготовить въ видѣ сюрприза?..

Онъ въ умѣ перебиралъ: что больше всего пойдетъ и понравится хорошенькой, веселой вѣчно, баронессѣ Зандорфъ, которая пользовалась теперь расположеніемъ императора въ рѣдкія минуты отдыха отъ военныхъ и государственныхъ дѣлъ.

Но его мысли понемногу снова перешли на него самого.

— А что, если придется, въ самомъ дѣлѣ, заболѣть и слечь надолго?.. Вотъ, былъ бы хорошій отдыхъ. Никого не видѣть, ничего не слышать... не отдавать никакихъ распоряженій!.. Пусть дѣлаютъ, что и какъ хотятъ. Все равно: я не въ силахъ всего наладить, устроить такъ, какъ намѣчаются планы, какъ надо сдѣлать, чтобы скорѣй и вѣрнѣе достичь желанной цѣли: разбить всѣхъ враговъ!.. Или утомить, по крайней мѣрѣ, ихъ до того, что они запросятъ мира... Мира?.. Нѣтъ!.. Это еще далеко. Вотъ, если бы захворать... опасно. И чтобы безъ меня... Чтобы я не отвѣчалъ за то, что произойдетъ... Какъ бы это было хоро... Глупецъ!.. Да ты первый, больной, со своей кроватью — былъ бы выброшенъ изъ своего дворца, если дать возможность трусамъ и бездѣльникамъ распоряжаться судьбою народовъ и царствъ!.. Что они понимаютъ, кромѣ мелкихъ своихъ интересовъ? Чего хотятъ, кромѣ личныхъ выгодъ? Что умѣютъ, кромѣ того, чтобы подставить ножку сопернику и выдвинуться, вы-

служиться самому... хотя бы цѣною жизни и крови десятковъ и тысячъ солдатъ, уступкою цѣлыхъ областей родной земли, преданныхъ и проданныхъ ради собственной выгоды!.. Вокругъ меня—или упорные, тупые педанты, или хитрые проныры, льстецы, или, прямо,—продажныя души, предатели, торгующіе и мною, и царствомъ, даже собственной душою и тѣломъ, если это очень выгодно!.. А за всѣ ошибки, за всю грязь, ютящуюся подъ покровомъ моей пурпуровой мантіи,—отвѣчаю передъ міромъ—я!.. Такъ, гдѣ ужъ тутъ хворать?! Силъ, силъ больше надо... Да! Придется послушать совѣтовъ этой круглой лисы моего профессора... Надо поотдохнуть, поберечь себя... Надо?.. Легко сказать! Нельзя ни на мигъ опускать вожжей, не то что отдыхать... А переутомленіе, оно уже тутъ, близко... Эта мертвая тяжесть въ затылкѣ... Эти сны... Ахъ, что же мнѣ дѣлать? Что дѣлать!??—почти выкрикнулъ онъ какимъ-то чужимъ, срывающимся голосомъ, сразу оборвалъ звукъ, испуганно оглянулся на двери: не слышалъ ли его кто-нибудь? И, вскочивъ на ноги, быстро двинулся къ дверямъ.

Принявъ послѣ кофе комендантскій рапортъ по Берлину и Потсдаму, императоръ, по обыкновенію, пригласилъ къ докладу личнаго секретаря.

— Ассъ-сте, ассъ-сте, Циліусъ!—привѣтливо встрѣтилъ его Вильгельмъ, отвѣчая на почтительный поклонъ дружелюбнымъ мотаньемъ головы.—Какъ чувствуете себя нынче? Какъ поживаетъ невѣста? Скоро ли будете воевать съ учеными колпаками изъ-за своей диссертаціи? Вы мнѣ скажите о вашемъ успѣхѣ. Мы вспрыснемъ, да, да!.. Какъ у насъ сегодня съ почтой? Большая? Интересная? Что-то мало... Какія новости? Что читали? Что слышали? Газеты всѣ отмѣчены? Хорошо... кладите здѣсь, я послѣ прогляжу... Если нѣтъ ничего особеннаго? Что «Форвертсъ?»... Или цензурный намордникъ ему не по нутру?!. Ха-ха!.. Ничего, мы скоро дадимъ ему свободу... Ну, что тамъ у васъ? Говорите!

— Глубоко благодаренъ за вниманіе, ваше величество... Вотъ, личное, отъ его величества короля Ба...

— А! Толстякъ Луди, конечно, съ новыми жалобами! Какъ будто ему съ его баварцами приходится тяжелѣе всѣхъ?—нервно вскрывая ножомъ плотный, большой конвертъ, не удержался отъ замѣчанія вслухъ Вильгельмъ и сталъ пробѣгать глазами четкія, ровныя строки, не отпечатанныя на машинкѣ, а выведенныя собственноручно королемъ на большомъ почтовомъ листѣ бумаги, выдѣланной вродѣ древняго пергамента, украшенной въ углу тисненымъ гербомъ Баваріи, осѣненнымъ короной, золото которой красиво сочеталось съ голубой и серебряной расцвѣткой герба.

По мѣрѣ чтенія, тонкія губы императора, сжатыя плотно, какъ всегда, сжимались все сильнѣе и сильнѣе, какъ будто силясь задержать рѣзкое восклицаніе, готовое сорваться некстати.

Кончивъ, онъ перегнулъ листъ пополамъ, сунулъ его въ небольшой портфель, гдѣ лежали еще другія письма и бумаги, требующія срочнаго отвѣта, и, не подымая на секретаря глазъ, сейчасъ потемнѣвшихъ отъ сдержаннаго раздраженія, спросилъ:

— Что еще?

— Отъ его высокопревосходительства, фонъ-Ягова. Я не рѣшился распеча...

— Давайте!—перебилъ Вильгельмъ. Распечаталъ и сталъ быстро проглядывать письмо.

— Гм... вотъ оно какъ!.. Контръ-заговоры?.. И даже здѣсь, въ Берлинѣ, нити!.. А моя полиція ничего не знаетъ? И только изъ-за границы я получаю необходимыя свѣдѣнія!.. Хорошо... Посмотримъ!.. Вызвать ко мнѣ сегодня же, передъ совѣтомъ, начальника полиціи... шефа охраны и самаго мини... Впрочемъ, нѣтъ! Можетъ быть, все это вздоръ? Умышленное запугиваніе, чтобы отвлечь мое вниманіе отъ главнаго... Смутить, ослабить мою рѣшимость?!. Я посмотрю... я сегодня; послѣ совѣта, еще лично поговорю... Разспрошу фонъ-Ягова!.. Никого не надо вызывать, Циліусъ, зачеркните замѣтку у себя... Такъ! Дальше.

— Тутъ все пустое... Просьбы о пособіи, донесенія, отчеты управляющихъ. Я ужъ помѣтилъ на каждомъ, куда оно поступить. Прикажете разложить по портфелямъ, ваше величество?

— Да. А это какія остались у васъ? «Общаго характера»? А? Совѣты, упреки, уроки и наставленія мнѣ... отъ моихъ барановъ! Да?!» Гласъ народа!».. Ха-ха!.. Есть что-нибудь позанимательнѣе, поумнѣе, или...

Онъ протянулъ руку.

— Нѣтъ ничего, ваше величество, все прѣснота!—поспѣшнѣе обычнаго откликнулся секретарь, словно не замѣчая протянутой руки и собираясь положить послѣднія нѣсколько писемъ въ особый портфель съ надписью: «Различныя, частныя письма».

Усмѣхнувшись дружелюбно, императоръ сдѣлалъ движеніе и перенялъ ихъ изъ рукъ фонъ Циліуса. Взявъ первое, лежащее сверху, пробѣжалъ, небрежно отбросилъ, развернулъ второе.

— Ха-а! Совсѣмъ библейскій слогъ!.. Вы не согласны, Циліусъ? Послушайте-ка.

И, пріосанясь, какъ пасторъ на амвонѣ, онъ сталъ съ преувеличеннымъ, ложнымъ подъемомъ голоса и чувства читать почти на распѣвъ:

— «Горе тебѣ, тиранъ и кровопійца, кайзеръ Вильгельмъ кровавый!.. Сынъ Духа Тьмы, предтеча Антихриста, губитель своихъ подданныхъ! Какъ можешь знать спокойный сонъ, ты, убивающій безъ конца, ты, льющій кровь, какъ воду!..» Ну, это у Шиллера, изъ Разбойниковъ заимствовано... Интересно, кто писалъ?—«Рыдающая мать!».. Слабо! Рыдать надо своими словами. Посмотримъ дальше. «Ты, однорукій, сухорукій уродъ, отмѣченный самимъ Богомъ! Знай, возмездіе близко! Ты будешь видѣть своихъ дѣтей мертвыми, какъ видѣла я всѣхъ моихъ четырехъ сыновей... Ты будешь искать тѣла своихъ внуковъ, какъ искала я тѣло моего внука, тамъ, на поляхъ, залитыхъ кровью не за право и честь нашей родины, а изъ-за твоихъ безумныхъ, честолюбивыхъ цѣлей... изъ-за дьявольскихъ замысловъ твоихъ!» Ха-ха!.. Съ ума сошла, старушка. Ослѣпла отъ злобы и горя!.. Все смѣшала. И... мою руку, даже, приплела!.. Вѣдьма глупая!—насмѣшливо улыбясь, сквозь зубы цѣдилъ Вильгельмъ, стараясь не выдать впечатлѣнія, произведеннаго на него письмомъ.

— Да... Конечно, писала безумная и—простая какая-нибудь баба... Иначе она бы помнила излюбленнаго героя германской исторіи, благороднѣйшаго, однорукаго храбреца. Геца фонъ Берлихингена, прозваннаго—«Рыцарь, Желѣзная рука»!—исторической справкой постарался фонъ Циліусъ позолотить пилюлю, которая, очевидно, пришлась не по вкусу его повелителю.

— Гецъ? Да, тоже—однорукій, Гецъ!.. Напъ германскій витязь «безъ страха и упрека!»..—задумчиво проговорилъ Вильгельмъ.—Если бы судьба послала мнѣ двухъ-трехъ такихъ соратниковъ теперь!..—«Однорукій Гецъ»!.. Вы его помните, мой мальчикъ? Это хорошо. Такихъ людей слѣдуетъ не забывать всѣмъ, кто любитъ Германію. Гецъ!.. Кстати, тезка рыцаря, фонъ Лаунеръ мною вызванный, долженъ быть уже въ Берлинѣ. Справьтесь... и пусть онъ нынче же явится ко мнѣ... хотя-бы—до совѣта.

— Слушаю, ваше величество.

— Что тамъ у васъ еще? А, «Симплициссимусъ»... Новая, тупая шпилька? Угадалъ? Давайте... Гдѣ? Что? Это?

— Такъ точно, государь. Басня «Мирная бесѣда» за подписью: «Лессингъ Резуректусъ»...

— Вижу, вижу...

Поправивъ пенснэ, Вильгельмъ началъ читать вслухъ, отбивая ритмъ строкъ легкими кивками головы:

— Овечки милыя! внушалось вамъ стократъ:
Что Левъ—гуманный самый автократъ.
«Отцомъ отечества» придворныя всѣ перья
Меня зовутъ не даромъ. А, Лукерья,
Индюшка-фрейлина, та, просто, безъ затѣй, —
Зоветъ меня — «отцомъ своихъ дѣтей!..»
Военный инженеръ, ученый, старый Бобръ —
Мнѣ посвятилъ трактатъ: «Какъ Левъ уменъ и добръ».
А вы, мятежныя, крамольныя стада, —
Вы не довольны никогда!
Случится-ль для войны за маленькимъ поборомъ
Отправить къ вамъ Волковъ, — вы — ну блеять всѣмъ хоромъ!
Скандалъ, позоръ и шумъ доходитъ до Европы...
Что дѣлать тутъ?
Васъ и деруть,
Не разбирая ни лица, ни спинъ! Какъ эфіопы.
Орете снова вы; — «Насиліе! Разбой!»...
Что-бъ крикуновъ заставить замолчать. —
Власть вынуждена вновь начать,
Столь непарламентскій, сугубый мордобой!
Такъ—безъ конца! А я. —
Въ душѣ я—самъ Маратъ!
И на распутіи стоитъ душа моя...
Республику въ лѣсахъ устроить радъ...
Для—вѣрноподданныхъ, не для крамольной швали!
Да... что вамъ толкать? Едва-ли
Вы душу сложную сумѣете постичь.

Запомните одно: крамольнымъ—мечъ и бичъ!
Вотъ все, что вамъ пока пообѣщать могу,
Эсъ—деки дикіе! Такъ—больше ни гу-гу!..»
- «Ахъ, милостивый Левъ! ужъ мы ли не скромны?
Хотя отъ Бирюковъ то выносить должны.
Чего не вынесетъ святой!
И нашъ отвѣтъ—простой:
Хотите вы, что-бъ мы васъ слушали?
Такъ—меньше-бъ вы насъ кушали!..»

Презрительная улыбка мелькнула на губахъ Вильгельма, когда онъ откинулъ прочитанный листокъ.

— Не особенно остроумно и ново!

— Совсѣмъ глупо, ваше величество!—подтвердилъ фонъ Циліусъ.—Но... тутъ имѣются признаки нарушенія закона.... Оскорбленіе величія... И , если ваше величество полагаетъ?..

— Затѣять процессъ? Или—кара безъ суда? Ни въ коемъ случаѣ. Теперь—не время для этого... Пусть каркаютъ. Больше нѣтъ ничего!—кидая остальныя письма въ портфель, раскрытый фонъ Циліусомъ,—спросилъ онъ:—Отлично. Благодарю. Вы свободны. Диктовать сегодня не буду... Можетъ-быть, потомъ. Привѣтъ

Секретарь ушелъ:

Посидѣвъ нѣсколько мгновеній въ раздумьи, Вильгельмъ, снова раскрывъ портфель, досталъ письмо «безумный, глупой вѣдьмы».

— Какъ грубо и дико!—думалъ онъ, пробѣгая глазами неровныя, рванныя строки, выведенныя, очевидно, старческой, дрожащею рукой.—Изступленный вопль!.. Но—горе неподдѣльно ,—это видно!. И такихъ много... Только не всѣ рѣшаются писать мнѣ, бросать проклятія въ лицо своему кайзеру... А я слышу, какъ эти проклятія несутся изъ многихъ и многихъ угловъ?.. Со всѣхъ концовъ міра, не только въ моей землѣ!.. И если бы призвать ихъ, объяснить имъ. Я бы, конечно, сумѣлъ убѣдить, что это не моя вина... Что это—Рокъ! Что, и на самомъ дѣлѣ, можетъ дойти чередъ до моихъ собственныхъ дѣтей и внуковъ, до меня самого... И онѣ бы примирились, эти старухи... и молодыя матери... и отцы... и всѣ!.. Но, все-же, она права: вернуть ей мертвыхъ я не могу!.. И никому не могу вернуть жизни, не могу исцѣлить увѣчій и ранъ. Какъ бы щедро ни воздалъ я за каждую царапину... за каждый палецъ, оторванный въ бою... И, если даже, все кончится хорошо?.. Будетъ радость... Сила моя будетъ безмѣрна... Но потерь—никто не забудетъ. не проститъ!.... Я знаю... А виноватъ-ли я?!...

Задавъ себѣ этотъ вопросъ, Вильгельмъ вздрогнулъ.

— Снова эти глупыя сомнѣнія и вопросы! Конечно, я не виноватъ!.. Не доставало еще, чтобы я, по-мѣщански, пустился въ раскаяніе!.. Какая пошлость... Раскаянія, какъ и страха, не можетъ знать моя душа!.. 200 милліоновъ человѣческихъ жизней держу я вотъ въ этой одной рукѣ; они—у меня во власти... Я веду ихъ на борьбу, на муки... Веду къ побѣдамъ, или къ смерти... Все равно! И противъ насъ—тройное число людскихъ существъ. Почти половина всего, что живетъ и дышитъ на земномъ шарѣ!.. И если я не успѣлъ сразу достичь цѣли, поставленной такъ твердо, подготовленной такъ хорошо и мудро?.. Такъ, ручаюсь этой одною рукой... и головой моей, и жизнью. Клянусь самимъ дьяволомъ,—враги тоже не раздавятъ, не одолѣютъ насъ!.. Льются рѣки крови.. Прольются еще цѣлыя моря.... И всѣ устанутъ.. И все пойдетъ, какъ было... Въ этомъ меня никто не разубѣдитъ!.. Только бы минулъ этотъ мѣсяцъ, 13-ый мѣсяцъ войны.... Проклятое число... Сегодня, я знаю: придется вынести немало... Но, главное то, что я—правъ! И все—остальное вздоръ и пустяки!

Такъ рѣшилъ онъ, какъ опытный защитникъ, найдя возможность обѣлить самого себя даже передъ своею совѣстью. Вниманіе его обратилось на тиканье каминныхъ часовъ, которое всегда какъ-то успокоительно вліяло на Вильгельма.

Стоило прислушаться къ этому мѣрному «тикъ-такъ», и взмятенныя мысли замедляли свой летъ.

Часы пробили два.

— Переодѣваться... Кажется, время ѣхать на парадъ? Да!.. Гусарскую форму!...—приказалъ онъ камердинеру, вошедшему на звонокъ.

— Готово, ваше величество!..

Окончивъ свой докладъ, Гецъ-фонъ-Лаунеръ собралъ всѣ листки, которыми пользовался при этомъ, спряталъ ихъ въ боковой карманъ и еще болѣе прямо, чѣмъ во время рѣчи, усѣлся на стулѣ. у стола, гдѣ въ началѣ пріема молча указалъ ему мѣсто императоръ.

— Такъ, такъ?! Превосходно! Ни раны, ни леченіе не помѣшали вамъ, какъ я вижу, узнать, сообразить и наладить гораздо больше, чѣмъ это успѣваютъ сдѣлать другіе, вполнѣ здоровые люди. Благодарю, г. подполковникъ!.. Да, да, я не ошибочно говорю. Вы вполнѣ заслужили. Патентъ подписанъ, завтра вы получите его. А пока, вы, конечно, не отдадите мнѣ своихъ листковъ? Да, я, пожалуй, и не разобрался бы тамъ. У каждаго—своя запись... я знаю. Но хотѣлось бы имѣть выборку важнѣйшихъ данныхъ. Имена, событія, ваши выводы... и такъ далѣе. Сжато и ясно.

— Вотъ, здѣсь я приготовилъ, ваше величество!—подавая одинъ изъ листковъ, который онъ задержалъ въ рукѣ,—быстро отозвался фонъ-Лаунеръ.

— Великолѣпно!—проглядывая мелко и четко исписанный листокъ, гдѣ, строка за строкой, стояли имена съ разными отмѣтками противъ нихъ, пестрѣли цифры. Иныя строки были выдѣлены цвѣтными чернилами или подчеркнуты краснымъ и синимъ карандашемъ, сообразно значенію, свойству и важности сообщенія, отмѣчаемаго ими.—Вы—прирожденный систематикъ! Это — и моя слабость. Не даромъ питаю такое искреннее расположеніе... Больше скажу,—уваженіе къ вамъ. Вы, если не единственный,—то одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которыхъ я бы желалъ видѣть не только въ числѣ ближайшихъ пособниковъ, помощниковъ, но въ ряду личныхъ, задушевныхъ друзей... если бы такая отрадная возможность выпадала на долю, была доступна намъ, рѣшающимъ участь милліоновъ людей, намъ несущимъ радость и горе густымъ толпамъ народа, — но одинокимъ на нашей высотѣ, одинокимъи въ горѣ, и въ радости!.. Повторяю одно: моя благодарность не будетъ ниже вашего труда и самоотверженія, подполковникъ.

— Ваше величество, не нахожу словъ....

— И не ищите этихъ бездѣлушекъ. Ваши дѣла—звучатъ полновѣснѣе всякихъ изліяній и рѣчей. Хотя говорите вы прекрасно. Владѣете такъ легко и ловко мыслью и языкомъ... Я—умѣю цѣнить. У васъ врожденный даръ вождя, проповѣдника. Водителя людей... Это надо имѣть въ виду. Такіе люди рѣдки всегда. А теперь—въ особенности цѣнны и нужны. Кстати!..—скользя по листку глазами, перебилъ самъ себя Вильгельмъ:—Вы сказали, этотъ Франке даровитый... вліятеленъ очень въ своемъ кругу.... и... очень мнѣ преданъ, т.-е., вѣрнѣе, всей душой готовъ служить тѣмъ цѣлямъ, которыхъ, вмѣстѣ съ лучшими людьми Германіи, хотѣлъ бы достичь какъ можно скорѣе... цѣною всякихъ жертвъ.

— Такъ точно, ваше величество... Если вы пожелали бы лично...

— Конечно, пожелаю... Тутъ его адресъ?.. Ба, да онъ въ Берлинѣ?!.

— Въ Берлинѣ, ваше величество... Я взялъ на себя смѣлость... исходатайствовалъ ему отпускъ, имѣя въ виду, что, можетъ-быть, ваше величество пожелаетъ...

— Непремѣнно пожелаю!.. Сейчасъ дорогъ каждый поденщикъ. А такой... умный, даровитый... и писатель... и демагогъ, вдругъ обратившійся на путь истины!.. Этому цѣны нѣтъ. Я хочу его видѣть... завтра-же. Привезите сами юношу и велите Рудольфу, чтобы онъ мнѣ доложилъ. Ну, часамъ къ 12... Я буду свободенъ... А пока...

Фонъ-Лаунеръ всталъ:

— Имѣю честь откланяться, ваше ве...

— Ахъ, нѣтъ, еще минутку... Постойте!—вдругъ вонзая сверлящій взоръ въ лицо ему, перебилъ Вильгельмъ.—Чтобы доказать на дѣлѣ мое къ вамъ расположеніе, мое довѣріе и дружбу... Вотъ, возьмите, прочтите!..

— Донесеніе совершенно правильное... за исключеніемъ одного обстоятельства,—почтительно принявъ поданный листокъ и быстро пробѣжавъ его, спокойно проговорилъ фонъ-Лаунеръ;—факты и слова переданы точно. Но—объясненіе ошибочное. Прежде, чѣмъ указать вашему величеству на юношу,—я хотѣлъ, долженъ былъ вызнать все, что у него таится на самой глубинѣ души... И пришлось говорить то, о чемъ здѣсь донесено вашему...

— Конечно, конечно! Я давно убѣдился и понялъ, какъ только вы назвали имя юноши...—не далъ досказать Лаунеру нетерпѣливый повелитель.—Теперь —все хорошо... Одинъ еще вопросъ. Когда и какъ думаете вы попасть снова въ Россію?.. Помнится, вы намѣчали путь: Австралія, Японія, Владивостокъ? Да?

— Немного иначе, ваше величество... Правда, говорятъ: дальніе пути—скорѣе другихъ порою ведутъ къ цѣли... Но это будетъ слишкомъ долго!.. Полагаю, ваше величество хотѣлъ бы скорѣе получить мои доклады... И я самъ...

— Конечно, конечно... Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Значитъ: Бергенъ, Стокгольмъ, Хапаранда—

и «Петроградъ».... какъ теперь зовутъ свою столицу эти?.. Великолѣпно! Паспортъ у васъ будетъ безукоризненный.... По англійски вы говорите хорошо... и...

— Простите, ваше величество... Здѣсь—тоже есть маленькое «но».... Рискъ—очень великъ на этомъ пути... Всюду у русскихъ есть сотни агентовъ.... И за границей... и тамъ. Очень ужъ это избитый путь... и на немъ ловятъ неопытныхъ.

— Пожалуй, вы правы... Документы, которые вы повезете... Они не должны попасть никому чужому... И деньги... Гм—да.... Такъ, какъ-же?

— Есть третій путь, мало употребляемый... и самый безопасный... Шанхай, Китай, Урга-Россія. Русскій консулъ въ Шанхаѣ въ рукахъ своего помощника. А тотъ—другъ и соотечественникъ нашъ. Американскіе паспорта слишкомъ подозрительны стали со времени скандала съ докторомъ Думба... съ графомъ Беренсторфомъ...

— Да, да... Ослы безмозглые!.. Они мнѣ почти испортили всю музыку въ Америкѣ...

— Позволите высказать то, что я думаю, ваше величество?..

— По этому поводу? Вы—не согласны со мною? Интересно. Слушаю. Говорите.

Повинуясь знаку Вильгельма, опустившагося на свое мѣсто, Лаунеръ занялъ стулъ справа отъ него и, зная, какъ не любитъ императоръ, если собесѣдникъ повышеннымъ звукомъ голоса подчеркиваетъ слабость его слуха, заговорилъ очень внятно, но не подымая тона:

— Я, конечно, не беру на себя смѣлости кого-нибудь защищать или оправдывать передъ особой вашего величества. Высшее качество правителя: умѣнье выбирать и, главное,—разбираться въ своихъ помощникахъ и слугахъ: ни у кого изъ современныхъ монарховъ оно не проявляется такъ ярко, какъ у моего государя... Это—ужъ слишкомъ извѣстная истина и потому я рѣшаюсь ее высказать, не опасаясь даже выразить явную похвалу... И графъ Бернсторфъ дѣлалъ въ Америкѣ свое дѣло, не щадя силъ и способностей. И докторъ Думба, хотя менѣе пригодный для роли дипломата на такомъ отвѣтственномъ посту,—все-же работалъ исправно, больше прислушиваясь къ указаніямъ Берлина, чѣмъ Вѣны. Такъ я слышалъ изъ очень освѣдомленныхъ устъ.

— Ну, положимъ, такъ! Дальше.

— Сѣти были раскинуты широко... Дѣятельность представителей двухъ великихъ державъ, какъ бы осторожно ни проводить нитей, она не могла остаться въ рамкахъ подпольнаго, тайнаго заговора, а явилась скорѣе въ видѣ широкой политической агитаціи, требующей участія не одной тысячи людей!.. Можно-ли думать, что полиція заатлантической республики слѣпѣе крота? Навѣрное, ваше величество, ни на одинъ мигъ не допускаете мысли, что такъ, либо иначе;—но въ Бѣломъ домѣ не были хорошо освѣдомлены о дѣятельности нашего и австрійскаго посольства, какъ бы ни таить главную ея цѣль?...

— Допустимъ. Дальше. Это становится интересно, что вы хотите сказать... Я чую, что мы съ вами... Но, дальше!..

— Все остальное—проще кнаквурста! Ваше величество, управляя мудро имперіей больше четверти вѣка, назначая слугъ, угодныхъ вамъ, имѣя въ рукахъ всѣ козыри монарха, конституціоннаго на бумагѣ, почти абсолютнаго на самомъ дѣлѣ...

— О-о!.. О-о!.. Полегче, Лаунеръ. Но, валяйте, валяйте... я слушаю...

— Ваше величество, при всемъ этомъ знаете, какъ трудно порою бороться съ общественнымъ мнѣніемъ страны, съ такъ называемымъ—«гласомъ народа»... Не говоря ужъ о томъ, чего стоитъ, если надо—создать это мнѣніе... Даже такая, собственно говоря, старая, заигранная арія шарманки, какъ выборы въ ландтагъ, въ рейхстагъ? Какихъ усилій они требуютъ, сколько времени уходитъ на созданіе желательнаго состава... Это—у насъ. А тамъ, вѣдь,—республика, если и не воистину демократическая, а, скорѣе,—плутократическая,—то все-же республика... И правительство Штатовъ находится порою въ очень затруднительномъ положеніи... особенно, когда на земномъ шарѣ начинаетъ разыгрываться увертюра героической симфоніи: «Покореніе полуміра»,—поставленной на міровую сцену геніемъ Вильгельма II-го, императора и короля.

— Эй, Лаунеръ Вы, что-то слишкомъ много позолоты пускаете вначалѣ. Должно-быть, пилюля не изъ сладкихъ? Но я готовъ глотать... Живѣе, подавайте ваше plât de resistance!

— Къ услугамъ, ваше величество. Я не задержу... Значитъ, тамъ—государственный аппаратъ на видъ хотя и проще, чѣмъ нашъ,—но пустить въ ходъ машину, или остановить ее и перемѣнить валы... На это въ Америкѣ требуется много больше времени и усилій, чѣмъ во всѣхъ европейскихъ странахъ, особенно монархическихъ. Отсюда выводъ ясенъ. Началась міровая борьба. Какъ громъ съ яснаго неба, загрохотали наши гигантскія орудія, сметая съ лица земли вѣковыя крѣпости, словно именин-

ный пирогъ, воздушный и легкій, поставленный среди богато убраннаго стола. Пронырливые торгаши, но плохіе дипломаты, эти выскочки—янки были застигнуты въ расплохъ...

— Какъ и цѣлый міръ! Ха ха!.. не такъ ли, дружокъ?

— Какъ и весь міръ, кромѣ англичанъ, ваше величествое.

— А! Вы полагаете... Но, дальше...

— Полагаю. И, съ позволенія вашего величества, еще вернусь къ этому вопросу Но теперь—покончимъ съ Америкой. Какъ «Оселъ Буридана» между двумя заманчивыми вязанками сѣна, Штаты со своимъ президентомъ во главѣ,—заколебались между священнымъ германскимъ союзомъ и славяно-галльскимъ согласіемъ. Рѣшили выждать немного. Этимъ колебаніемъ замѣтивъ его, конечно, по внушенію изъ стѣнъ этой вотъ комнаты,—графъ и Думба рѣшили воспользоваться, усилили свою дѣятельность... Стали сильнѣе поджигать готовые костры. Стали громоздить новыя груды горючаго матеріала, стараясь не упустить времени... Можетъ быть, тутъ и были совершены нѣкоторыя неловкости, допущены промахи... неизбѣжные во всякомъ большомъ дѣлѣ.

— Положимъ. Дальше!

— Но вреда изъ того выйти не могло, если бы успѣхъ сразу увѣнчалъ наше оружіе. Янки больше, чѣмъ кто либо въ мірѣ,—послѣ долларовъ—чтутъ успѣхъ! А... онъ замедлилъ немного. Случайныя ошибки въ первоначальныхъ планахъ. Неудачи, неизбѣжныя и въ маленькой войнѣ, не только въ исполинской кампаніи...

— Ошибки въ планахъ? И вы это думаете Вздоръ! Ребяческое заблужденіе!—вспыхнувъ, перебилъ Вильгельмъ.—Я знаю... слышалъ! Эти... стратеги съ пузатыхъ вазъ... они лепечутъ ерунду! По ихнему—слѣдовало ударить на французовъ не только нашими арміями, но повести за собою и австрійскіе батальоны... Тогда разгромъ Франціи удался бы... И, повернувшись на Востокъ,—мы были бы въ свое время въ гостяхъ у царя, въ его московскомъ и въ Невскомъ дворцѣ... Такъ говорятъ, я знаю! А тогда бы и Англія не рѣшилась... Италія, волей неволей,—послала бы свои полки н а м ъ на помощь, а не врагамъ. Такъ болтаютъ бездарныя тупицы. Ересь и ложь!.. Милліонъ французскихъ штыковъ,—онъ не даромъ уступилъ бы послѣднюю ставку... Даже, если бы мы были въ Парижѣ черезъ недѣлю послѣ разрыва... А Россія, даже и не собравъ всѣхъ силъ, какъ мы надѣялись... она бы пошла на проломъ, зная, что главныя арміи наши и Австріи—далеко на Западѣ... И через ту же Галицію—мы должны были бы принимать русскихъ медвѣдей и въ Краковѣ... и въ Силезіи, и въ Познани... А, можетъ быть,—и у стѣнъ Берлина!.. Дасъ!.. Конечно, мы бы потомъ откатили эти орды, какъ откатили ихъ изъ Галиціи... Внесли бы, какъ и теперь, огонь и мечъ въ предѣлы врага... Но,—какой цѣною!.. Раззореніемъ половины Германіи!.. И, все таки, Англія съ Италіей, подкупленныя этимъ дутымъ успѣхомъ Сѣвернаго медвѣдя,—впутались бы въ игру противъ насъ!.. Да!.. Вотъ что несли за собою эти—«другіе планы войны», исправленные досужими болтунами... Ошибокъ у насъ не было никакихъ! Кромѣ, конечно, мелкихъ. Расчеты были сдѣланы... какъ бы сказать?.. легче, чѣмъ слѣдовало. Эта Бельгія!.. И, главное, лукавая, молчавшая до послѣдней минуты—,Англія!.. Давно рѣшившая воевать, но тянувшая смиренно лицемѣрныя пѣсни! О, проклятіе!.. Вотъ, сударь, въ чемъ дѣло... Но... я погорячился... Продолжайте о вашемъ «открытіи Америки»... Вы полагаете, что тамъ?..

— Колебались сначала... Потомъ—рѣшили, что успѣхъ долженъ быть на сторонѣ нашихъ враговъ. А, порѣшивъ такъ,—открыли свои толстые кошельки согласію, а не намъ...

— Браво... вѣрно... Это—моя мысль!.. Дальше...

— Затѣмъ все идетъ неуклоннымъ, логическимъ путемъ. Деньги даны согласію... И хотя могучая рука вашего величества выровняла корму ладьи на которой плыветъ наша удача... Хотя тяжелые удары обрушились на головы враговъ Германіи... Америка сразу перемѣнить курсъ, быстро создать «н о в о е» общественное мнѣніе она уже не смогла... Пришлось спасать данные милліарды, хотя бы прямой разсчетъ подсказывалъ что ставка ихъ плохо помѣщена... Тогда, стали оттуда, изъ вражескихъ кабинетовъ давать лозунги... А въ Бѣломъ домѣ—ихъ подхватывали... Началась травля «германскихъ агитаторовъ и шпіоновъ», которыхъ мѣсяцъ тому назадъ принимали съ самымъ любезнымъ видомъ. Пресса Америки?.. Ну, ваше величество, знаете, вообще: что такое пресса?.. Самая, даже неподкупная!.. Она—покорная слуга ея величества, большой публики... А эту самонадѣянную, глупо довѣрчивую и причудливую госпожу сумѣли хорошо подогрѣть торгаши банкиры, давшіе деньги англичанамъ и французамъ. Что было послѣ—мы видѣли, ваше величество...

— Но, мы увидимъ, что будетъ потомъ?.. Мнѣ нравится одно: моя мысль о томъ, что возмущеніе Штатовъ подаетъ голосъ изъ ихъ кошелька а не изъ ихней души... эта же увѣренность есть и у насъ.

Ну, а какъ, по вашему мнѣнію, Англія? Вы, вмѣстѣ со многими другими, полагаете, что «достоинство народа, поручившагося за цѣлость Бельгіи», принудило этихъ торгашей поставить на карту свою судьбу, кинуть вызовъ мнѣ... то есть,—моей Германіи. Какъ скажете?

— Повторю лишь золотыя слова вашего величества, которыя имѣлъ удовольствіе слышать сейчасъ. Англія,—то есть —ея король и правители—давно провѣдали о планахъ нашего великаго вождя... и рѣшили воевать. Но массу англійскаго народа еще труднѣе вывести изъ состоянія самодовольнаго покоя, чѣмъ этихъ сухопарыхъ пронырь американцевъ. Какъ ни грустно... но вынужденъ сказать... Мнѣ сдается,—англійская хитрость успѣла ввести въ заблужденіе даже прозорливый, ясный взоръ моего государя... Начать войну безъ увѣренности, что Англія будетъ сидѣть смирно...

— Да, вы правы!—отвѣчая на недосказанный вопросъ,—медленно проговорилъ Вильгельмъ, нахмуря брови:—На это я бы не пошелъ. Я былъ увѣренъ! Думать не могъ. Еще незадолго передъ этимъ мой кузенъ такъ открыто, добродушно мнѣ говорилъ о братской дружбѣ... о... Но, все равно... Дѣло сдѣлано... И намъ вовсе не такъ ужъ плохо, какъ хотѣли бы наши враги!.. Кончимъ частную бесѣду. Перейдемъ къ дѣлу... О Польшѣ вы дали мнѣ свѣдѣнія крайне важныя. Я, словно, самъ побывалъ въ этомъ краю повсюду... Скоро узнаете: какъ я воспользуюсь вашей работой... Теперь—чередъ за Россіей. Въ общихъ чертахъ я вамъ говорилъ. Какъ доказали эти 13 мѣсяцевъ борьбы,—на Востокѣ нашъ главный врагъ. Сломить его,—значитъ:—на три четверти достичь успѣха... Да, да!.. Тогда и Англія почувствуетъ на себѣ когти моего имперскаго орла!.. Но... сказать легко... трудно сдѣлать!.. Вы сами видѣли, какъ намъ тяжело...

— О, да, ваше величество... тяжело!—совсѣмъ искренно, противъ воли вырвалось у Лаунера. Но онъ сейчасъ же поднялъ бодрѣе голосъ:—Это передъ удачами, я вѣрю, государь!

— А я—у б ѣ ж д е н ъ въ этомъ!.. Есть кое-что, чѣмъ будутъ удивлены и наши враги, и весь міръ. Мы скоро выйдемъ на широкій путь, по которому польется въ Германію, въ Австрію и хлѣбъ, и золото, и желѣзо... и сильныя руки... Словомъ, все!... И тогда... Но не въ томъ дѣло. Какъ мнѣ извѣстно, въ Россіи тоже живется не особенно хорошо народнымъ массамъ. А среди правящихъ лицъ?.. Тамъ у насъ не мало вольныхъ и невольныхъ пособниковъ и друзей... Оно и понятно. Самая величина этой имперіи полуварваровъ, сотни милліоновъ ея народа... Словомъ, то, что кажется опаснымъ для Германіи,—помогаетъ намъ. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте. Мы, если проиграемъ войну...

— Ваше величество.... Да это-же гибель Германіи!—сорвалось, будто противъ воли, у фонъ-Лаунера.

— Разумѣется!.. И всѣ это знаютъ, какъ вотъ и вы!.. Потому-то такъ сильно напряженіе народа. Потому такъ безуменъ нашъ натискъ. Потому мы и побѣдимъ враговъ!... А Россія? Что теряетъ она, если даже заключить «невыгодный» миръ? Я говорю о коренномъ русскомъ народѣ... Ну, возьмемъ мы у нихъ Польшу, къ которой только съ недавнихъ поръ почувствовали такую любовь и дружбу русскіе чиновники... За нами останется полоса прибалтійскихъ земель, нѣмецкая извѣчно. Кіева—не оторвемъ мы у нихъ. Австріи довольно и куска Подоліи. Ну, тамъ, отхватимъ Бессарабію для голодныхъ румынъ. А вся имперія, теперь ужъ, воистину,—Восточная,—останется, какъ была... И будетъ искать выхода на Востокъ. Мы стравимъ тогда славянъ съ японскими предателями. И, клянусь моею кровью,—я отдамъ послѣднюю пушку московскимъ арміямъ, только бы онѣ смогли раздавить этихъ... желтыхъ, подкусныхъ собакъ, посмѣвшихъ отнять клочки той земли, гдѣ рѣяло наше имперское знамя!.. Желтыя твари!..

Отъ прилива внезапной злобы, ярости—даже легкій налетъ пѣны появился въ углахъ рта у Вильгельма. Онъ выпилъ воды и гораздо спокойнѣе продолжалъ:

— Не удивляйтесь, Лаунеръ. Я—тоже человѣкъ! Даже англичане—не такъ мнѣ отвратительны, какъ эти... желтые клопы! Англія—могучая держава. Сродная съ нами по крови. Мы—издавна соперники на морѣ. Часъ пришелъ; поборемся. Но—японцы!.. Довольно, бросимъ! Значитъ, Россіи нѣтъ причинъ такъ напрягать силы, какъ это дѣлаемъ мы... И, какъ я знаю,—дѣйствительно: народъ и большинство мыслящихъ людей тамъ уже устали отъ войны. Вотъ, это-то именно благодушіе... эту усталость—надо улавливать вездѣ, раздувать, усиливать цѣною крайнихъ напряженій и жертвъ. Денегъ, труда не жалѣйте!.. Ну, да мнѣ учить васъ не надо... Наша бесѣда, надѣюсь, лучшее доказательство того: на сколько Вильгельмъ Гогенцоллернъ цѣнитъ своего лучшаго друга, Геца фонъ-Лаунера!..

— О, ваше величество, не хватаетъ словъ...

— Слава Богу, что ихъ не хватаетъ. Мы и то заговорились... Поѣзжайте, работайте... Упадокъ настроенія въ народѣ сейчасъ-же сообщится и русскимъ, упорнымъ войскамъ. А тогда... стоитъ взять лишь Петербургъ, и сепаратный миръ съ Россіей будетъ у насъ въ карманѣ...

— Вы полагаете, ваше величество?..

— Говорю навѣрное. Всѣ декларацiи о «совмѣстномъ подписанiи мирнаго договора съ насильницей-Германiей»—это только громкiя фразы, чтобы мелкiе и крупные капиталисты охотнѣе несли свои монетки на военные займы нашимъ врагамъ. А послѣднiй пунктъ пресловутаго договора... знаете, что онъ гласитъ? «Миръ можетъ быть подписанъ каждой договаривающейся державой отдѣльно отъ другихъ; первое: если столица имперiи будетъ взята германцами. Второе: если въ странѣ вспыхнетъ революцiя, или военный мятежъ».—Понимаете!?.

— Значитъ, я и тѣ, кто ѣдетъ по пути со мною,—должны хлопотать, чтобы осуществилось второе условiе? Постараюсь, ваше величество!

— Увѣренъ! А мои армiи у Двинска и у Риги—будутъ отливать звенья для постройки моста, ведущаго къ миру—черезъ «Петроградъ!..» Видите, какъ все хорошо можетъ устроиться... Не жалѣйте-же усилiй... Огнемъ и кровью, золотомъ и хитростью,—но помогайте родинѣ скорѣе достичь желанной цѣли! Съ Богомъ!.. Нѣтъ, еще минутку... Я рѣшаюсь... еще одно доказательство моего довѣрiя хочу я вамъ дать!—подумавъ нѣсколько мгновенiй, продолжалъ Вильгельмъ.—Вы знаете хорошо полковника Морбаха?

— Конечно, государь... Мы работали вмѣстѣ... Это такой человѣкъ...

— Которому я довѣрялъ больше другихъ, Лаунеръ. Но...слушайте,—между нами. Есть у меня основанiе думать, что онъ повелъ двойную игру. Какую?—еще не знаю... Возьметесь ли вы... если я его пошлю, какъ бы сотоварищемъ вашимъ? Хотите-ли мнѣ помочь... вывести на чистую воду измѣну, если ужъ правда?.. Или—порадуете меня, доказавъ, что я ошибаюсь и Морбахъ—прямой, вѣрный слуга своего императора и Германiи? Видите, Лаунеръ, какъ довѣряю я вамъ!..

— Такое высокое, ничѣмъ не заслуженное довѣрiе заставляетъ меня краснѣть, государь. Клянусь,—я употреблю его на благо родины, хотя бы это стоило мнѣ жизни!..

— Браво, браво, Лаунеръ!—не уловивъ двойного смысла въ торжественной клятвѣ своего собесѣдника,—живо подхватилъ Вильгельмъ. — Подробныя инструкцiи получите передъ отъѣздомъ, Вы когда отправляетесь?

— Послѣ завтра утромъ, государь!

— Счастливый путь!.. Пусть это дружеское пожатiе доскажетъ вамъ то, чего я не успѣлъ выразить въ нашей бесѣдѣ... Счастливый, добрый путь... И—возвращайтесь скорѣе. Вѣрите: я много отдалъ бы за возможность хотя нѣсколько часовъ побывать въ глубинѣ этой, загадочной по сейчасъ для меня, Россiи... Самому бы послушать... поглядѣть... Но,—вы ѣдете туда... и это почти равносильно моему собственному зрѣнiю и слуху... Да, да, я не хочу говорить любезныхъ словъ!.. Съ Богомъ! Добрый путь!..

. . . . . .

— Пойдемъ переодѣваться, Рудольфъ!—обратился Вильгельмъ къ камердинеру, пришедшему на звонокъ. — Скоро начнутъ собираться господа министры на совѣтъ.

— Кой-кто уже прiѣхалъ первымъ поѣздомъ, ваше величество... Фонъ-Гельферихъ и г. канцлеръ. Я видѣлъ въ окно...

— Отлично. Бетмана я просилъ явиться пораньше, побесѣдовать до совѣта... Идемъ. И, пока приведешь меня въ порядокъ... можешь болтать: что слышно въ Берлинѣ? О чемъ говорятъ мои потсдамцы?.. Я хочу знать: какъ сейчасъ рѣшаютъ свою и мою судьбу, какъ вершатъ войну и миръ болтуны-обыватели? Всѣ эти «н а р о д н ы е голоса!» Знаешь, мнѣ нравится порою послушать эту глупую болтовню.

. . . . . .

Радостной, живою улыбкой озарилось лицо фонъ-Лаунера, когда, стоя на первыхъ степуняхъ дворцовой лѣстницы, ведущей къ главному выходу, онъ увидѣлъ передъ собою на ближайшемъ поворотѣ стройную, изящную фигуру доктора фонъ-Бетманъ-Гольвега.

Даже тѣ, кто зналъ о семитическомъ происхожденiи перваго сановника Германiи,—не могли бы указать: ч т о именно передалъ прадѣдъ, еврей-банкиръ, своему правнуку, который по манерамъ и по своей осанкѣ—являлся настоящимъ вельможей среди остальной, прирожденной германской знати, окружающей Вильгельма. Не вредила ему даже нѣкоторая излишняя тучность и небольшое брюшко, незамѣтное почти, благодаря корсету; только печально-задумчивый взглядъ красивыхъ глазъ да яркость полныхъ, хорошо-очерченныхъ губъ, чуть обрамленныхъ легкими складками,—одни эти, неуловимые почти, признаки говорили о томъ, что канцлеръ германской имперiи—не чистокровный тевтонъ.

— Ваше высокопревосходительство!.. Дорогой мой наставникъ!..

— Гецъ!.. Мой милый Лаунеръ! Какъ я радъ, что встрѣчаю васъ, и еще въ такомъ высокомъ мѣстѣ!..

— Да, на самомъ верху дворцовой лѣстницы... вѣрно, докторъ!—обѣими руками пожимая полную съ розовой ладонью, какъ у женщины, руку канцлера, пошутилъ Лаунеръ. — Сейчасъ я спускаюсь по ней подполковникомъ. Да, да... это—магическая лѣстница... Кто по ней удачно умѣетъ спуститься, тотъ повышается въ тоже время. И вы это знаете лучше всѣхъ, ваше высокопревосходительство, не такъ ли?!.

— Знаю и то, что иной разъ, поднявшись на нее,—можно опуститься въ бездну золъ и потерять все, что было добыто раньше... Но... оставимъ звонъ дорожныхъ колокольчиковъ, кончимъ наше jeux des mots!.. Слушайте, дитя мое, усатое и въ чинѣ подполковника! Я хочу подольше и посерьезнѣе побесѣдовать съ вами...

— Я только что хотѣлъ просить о томъ-же моего милаго наставника...

— Вотъ, и прекрасно. Хватитъ у васъ терпѣнія и аппетита—подождать часа два на вокзалѣ? Больше я здѣсь не задержусь... И потомъ ко мнѣ... Я весь вечеръ, вѣрнѣе, почти весь вечеръ свободенъ. Мы разопьемъ бутылку венгерскаго... и...

— И я буду слушать... буду говорить все, что угодно моему милому доктору и наставнику... Жду не два, а трижды два часа... если понадобится... Не смѣю задерживать... Тамъ вѣдь тоже ж д у т ъ васъ, ваше высокопревосходительство...

— Можетъ быть, довольно уже «превосходства» на одинъ день? Значитъ, до скораго... A bientôt!..

. . . . . .

Совѣтъ подходилъ къ концу.

Рейхсъ-канцлеръ, какъ и всегда, почти не вмѣшивался въ обсужденіе отдѣльныхъ вопросовъ, предоставляя говорить министру иностранныхъ дѣлъ, фонъ Ягову, всѣмъ другимъ министрамъ, представителямъ имперскаго главнаго штаба, каждому по его отрасли, или по вопросу, знакомому больше другихъ. Изрѣдка дѣлалъ онъ свои отмѣтки на листкѣ бумаги, бѣлѣющемъ на столѣ передъ нимъ. Къ концу засѣданія листокъ этотъ былъ испещренъ вдоль и поперекъ, служа какъ бы остовомъ того: что хотѣлъ и долженъ былъ сказать фонъ Бетманъ, на долю котораго обычно выпадала обязанность, дать какъ бы сводку высказанныхъ мнѣній, сдѣлать первые выводы, раньше, чѣмъ прозвучитъ рѣшающее слово самого Вильгельма, предсѣдательствующаго на совѣтѣ.

Императоръ занималъ мѣсто не посрединѣ стола, гдѣ обычно находится предсѣдатель; онъ помѣстился въ самомъ концѣ длиннаго стола, по обѣимъ сторонамъ котораго размѣщались приглашенные къ совѣту. Сидя почти бокомъ къ столу, такъ что его здоровое правое ухо было обращено къ говорящимъ, Вильгельмъ старался не проронить ни слова изъ того, что говорилось поочередно присутствующими; самъ онъ, въ тоже время, по примѣру канцлера, дѣлалъ отмѣтки, въ небольшой записной книжкѣ, лежащей подъ рукой.

Особенно внимательно сталъ онъ прислушиваться, когда заговорилъ фонъ-Бетманъ-Гольвегъ и даже слегка склонился станомъ впередъ, изрѣдка одобрительно или отрицательно покачивая головой.

Канцлеръ заговорилъ, хотя и внятно, но медлительно и негромко. Постепенно голосѣ его, какъ у привычнаго докладчика, окрѣпъ; гибкій и звучно-пріятный отъ природы, онъ придавалъ особую силу и убѣдительность самымъ обыкновеннымъ, знакомымъ каждому, словамъ. Въ силу, должно быть, атавизма,—докторъ, увлекаясь собственной рѣчью,—очень слабо, но колыхался тѣломъ соразмѣрно взадъ и впередъ, въ ладъ своимъ словамъ, какъ дѣлаютъ это набожные евреи, творя молитву.

— Ваше Величество! Господа члены Совѣта! Въ ряду вопросовъ, поднятыхъ и обсуждаемыхъ сегодня нами, важенъ не только каждый изъ нихъ самъ по себѣ, требуя настоятельнаго и отдѣльнаго рѣшенія... Важна вся ихъ совокупность, знаменующая нѣчто... если даже не роковое, не грозное, какъ тутъ говорили нѣкоторые, то, во всякомъ случаѣ,—неизбѣжное, такое, что должно привести къ исходу и довольно быстрому,—эту нечеловѣческую борьбу, которую наша родина, весь германскій міръ, съ помощью нѣкоторыхъ союзниковъ и друзей,—ведетъ противъ всего остального міра, противъ половины человѣчества! Здѣсь даже прямо ставился вопросъ: продолжать-ли войну, или—заключить миръ во что-бы то ни стало, самой дорогою цѣной, но этимъ спасти отъ полнаго истощенія родное племя, сохранить его отъ призрака уничтоженія, чернымъ облакомъ нависающаго надъ нашими центральными имперіями, надъ очагомъ просвѣщенія и развитія, какимъ Германія служила для Европы, для цѣлаго земнаго шара въ теченіе долгихъ лѣтъ.

Дѣлая легкую остановку для передышки, канцлеръ уловилъ нетерпѣливое движеніе бровей Вильгельма, какъ бы готоваго врѣзаться въ слишкомъ плавную рѣчь его и сразу заговорилъ напряженнѣе, быстрѣе и звучнѣе.

— Въ виду сказаннаго,—позволю себѣ обременить вниманіе высокаго собранія и попытать разобраться въ вопросѣ нѣсколько ab ovo. Долженъ сознаться, я лично сегодня явился сюда съ опредѣленной наклонностью: ускорить миръ. Эти тревожные слухи о недочетахъ въ нашемъ военномъ и имперскомъ хозяйствѣ, во всемъ народномъ обиходѣ... Неожиданное, угрожающее пробужденіе врга на Западѣ, вдоль всей линіи фронта, казалось, такъ мощно, неприступно укрѣпленнаго нами... Все это я отчасти зналъ, отчасти предугадывалъ. А здѣсь, послѣ докладовъ министра военнаго и его генераловъ, послѣ отчета и рѣчи министра финансовъ,—моя безотчетная склонность, подкрѣпленная доводами разума, казалось,—должна была перейти въ яркую, твердую увѣренность... если бы не одно обстоятельство. Передъ началомъ совѣта я имѣлъ честь бесѣдовать съ нашимъ августѣйшимъ предсѣдателемъ. Его слова какъ бы проникали въ мою душу, угадывая ея колебанія... они предвосхищали многое, о чемъ говорилось здѣсь членами высокаго собранія и, полагаю, будетъ умѣстно, если я подѣлюсь тѣмъ, что слышалъ. Если скажу, что мое настроеніе, мои «миролюбивыя мысли»—приняли нѣсколько иной оборотъ.

Почему такъ случилось? — само собою понятно. Я—человѣкъ штатскій... На своемъ отвѣтственномъ посту я,—все-же, одинъ изъ милліоновъ подданныхъ нашего императора и короля. Я тревожусь за свое собственное, служебное, общественное и личное положеніе, какъ каждый порядочный, сознательный гражданинъ. И, затѣмъ уже, по сколько это доступно моей личности,—подымаюсь на высоту общегосударственныхъ интересовъ. Я напрягаю добросовѣстно мои близорукія очи, но вижу на очень небольшое разстояніе впередъ, различаю узкія дали... Совсѣмъ иное зрѣніе у вождя, ведущаго за собою цѣлые народы по путямъ, намѣченнымъ Исторіей и Рокомъ. Вождь потому и является водителемъ милліоновъ людей, что его орлинному взору видно многое впереди еще задолго до того, пока наши обывательскіе глаза различатъ вдали эти свѣтлыя цѣли! Даже ошибки вождя, если онѣ бываютъ?... не намъ подъ силу ихъ исправлять... Мы только хуже можемъ испортить дѣло. Больше вѣры—и все пойдетъ хорошо!—такъ подсказываетъ мнѣ мой долгъ вѣрнаго слуги и мой долголѣтній опытъ, мой здравый разумъ. Ошибки, къ счастію,—служатъ уроками и больше не повторяются... Да, и повредить онѣ могли лишь временно... Впереди—все ясно... и здѣсь, у насъ, и тамъ, у враговъ. Если сравнить, на ихъ сторонѣ одно важное преимущество: тамъ больше «свѣжаго воздуха»... простора... Но и это неравенство, какъ вы слышали,—будетъ скоро устранено. Мы выйдемъ на просторъ, къ богатымъ землямъ Малой Азіи и дальше, гораздо далѣе того. Это—вопросъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Вождь говоритъ: я вѣрю... вѣримъ мы всѣ. Но, и помимо этого,—задача враговъ—труднѣе нашей.

Невольное движеніе не то удивленія, не то—готовности возразить всколыхнуло собраніе. Докладчикъ, замѣтя это, сразу поднялъ голосъ:

— Да, да: тяжелѣе. Я настаиваю на этомъ! Конечно, опираясь на высокій военный авторитетъ нашего предсѣдателя. Какъ прежде, такъ и до нынѣшняго дня—нападающей стороною являемся мы и наши союзники. У нападающаго—одинъ путь для наступленія, одна точка впереди для удара... Защита—мечется по тысячѣ ненужныхъ путей. Она должна охранять себя кругомъ, въ каждой точкѣ своихъ обширныхъ границъ. И чѣмъ онѣ обширнѣе,—тѣмъ труднѣе защита! Это ясно, какъ Божій день! Всюду враги наши должны быть наготовѣ, чтобы отразить ударъ. Это—уравниваетъ силы, хотя бы численный и всякій перевѣсъ былъ на сторонѣ нашихъ могучихъ враговъ. Это—первое.

Затѣмъ—второе: по свойству духа, по народному характеру, благодаря просвѣщенію и привычкѣ къ общественности,—мы сплочены... Враги говорятъ, что намъ еще помогаетъ сила нашего отчаянія... Рѣшимость отстоять свое существованіе, поставленное на карту въ послѣдней борьбѣ... Согласенъ и съ этимъ! Соглашусь со всѣмъ, что дѣйствительно доказываетъ преимущество Германіи... или, хотя бы,—внушаетъ германскому народу и его вождямъ мысли о превосходствѣ и преимуществѣ надъ остальнымъ міромъ!

Но, кромѣ того,—есть кое-что, для насъ полезное, благопріятное, что долетаетъ изъ лагеря враговъ. Тамъ началось, скрытое пока, броженіе, назрѣваетъ затаенная рознь и разладъ. Будемъ терпѣливо ждать, благословляя минуты, когда изъ маленькаго зерна выростетъ большое дерево раздора и отравитъ послѣднія силы нашихъ враговъ.

Вы спросите: не фантастичны ли мои предположенія и предсказанія? О, нѣтъ. Укажу на одинъ, но крупный фактъ. Вотъ, между двумя материками, лежитъ Константинополь. Какъ мы знаемъ,

Франція, Англія, позабывъ прежніе политическіе свои завѣты, онѣ готовы уступить этотъ ключъ къ двумъ морямъ—могучей Россіи. Но... съ оговоркой, съ маленькой оговоркой, господа! Историческій, грязный городъ—онъ отходитъ къ союзницѣ, самоотверженно доказавшей готовность нести тягчайшія жертвы для общаго дѣла... А самый проливъ?.. Онъ остается внѣ власти Россіи. Проливъ долженъ быть—международнымъ... Значитъ: и нашимъ. Развѣ Россія согласится на такую постановку вопроса? Вотъ первый кусокъ, на которомъ оскалятъ зубы другъ на друга члены Согласія... И—это ли одно? Сербскій вопросъ, Албанія... Весь Балканскій костеръ съ его очагомъ: Греціей!.. Дѣла найдется не мало нашимъ явнымъ и тайнымъ друзьямъ, чтобы скорѣе и лучше стравить нашихъ враговъ, отвлекая ихъ отъ главнаго: отъ борьбы съ нами!.. Я могъ бы припомнить еще многое, о чемъ знаемъ мы всѣ, о чемъ я думалъ лично, что нынче слышалъ отъ нашего вождя. Но—полагаю: и сказаннаго пока достаточно... Общее положеніе наше на всѣхъ театрахъ войны тоже извѣстно и не можетъ быть названо плохимъ, если только не обратимся мыслями и взорами къ нашему могучему флоту, цѣлью котораго, помимо защиты родныхъ береговъ—являлась также оборона богатыхъ и обширныхъ колоній Германіи... пока,—увы!—отошедшихъ подъ власть врага!.. Это—одинъ изъ главныхъ минусовъ, какіе мы, послѣ перечисленія прихода, должны занести въ расходъ по текущей войнѣ. Но и эта бѣда, во-первыхъ, поправима... А, во-вторыхъ,—и не такъ чувствительна не только для тѣла, но и для самолюбія нашего могучаго народа. Мы всѣ помнимъ пророческое, крылатое слово вождя: «Будущее Германіи—на моряхъ!».. И это—истина... Но—помните: сказано было: «Будущее»... А борьба идетъ сейчасъ, за Настоящее... И флотъ можетъ подождать лучшихъ дней. Это—по существу. Что касается самолюбія народнаго?.. Вотъ что пришло мнѣ на память, когда отважный нашъ адмиралъ фонъ Тирпицъ, съ прямотой и откровенностью воина сообщилъ, что флотъ Германіи—безсиленъ не только противъ соединенныхъ эскадръ Англіи и Франціи,—но не можетъ даже отважиться на крупныя дѣйствія въ русскихъ водахъ, гдѣ хорошо сумѣли защитить себя, пользуясь временемъ... Что дѣлать!?. Ждать—это не позоръ. Главное: военный флотъ нашъ почти цѣлъ и невредимъ, несмотря на угрозу со стороны втрое сильнѣйшаго врага. Это ли не заслуга, не доблесть, можетъ быть, болѣе цѣнная, чѣмъ героическая побѣда во вкусѣ Пирра, какую могъ бы внести въ свой формуляръ нашъ уважаемый адмиралъ фонъ-Тирпицъ?!. Да, господа! Всего 10 именъ вписала военная исторія на свои скрижали, какъ имена 10-ти геніальныхъ полководцевъ и стратеговъ. Это—за цѣлыхъ два-три десятка... столѣтій. Но... такъ ли это? Неужели, кромѣ героевъ! патентованныхъ исторій,—не было иныхъ, имъ равныхъ по военному дарованію и уму? Мы даже видимъ, какъ одиннадцатое имя начинаетъ золотыми буквами вырѣзаться на мраморѣ вѣчныхъ скрижалей, гдѣ вписаны пути Человѣчества. Это имя—Вильгельмъ Гогенцоллернъ... Но, вотъ, мы здѣсь сидимъ и толкуемъ не о побѣдахъ, а о томъ: не пора-ли кончить борьбу и сказать желанное слово: миръ?.. Много было вождей геніальныхъ,—но не успѣвшихъ пронестись метеоромъ удачи на горизонтѣ Человѣчества, какъ Наполеонъ, какъ Карлъ Шведскій, какъ Македонецъ-мечтатель, какъ нашъ Фридрихъ Великій... и тѣ, другіе,—«неудачливые геніи»,—по моему, они заслуживаютъ не меньшаго почета и удивленія, чѣмъ удачники. Ксенофонтъ сберегъ свои 10,000, отступая!! Это славнѣе, чѣмъ положить 20 тысячъ и взять Сузы... Вотъ почему—мы цѣнимъ заслуги нашихъ флотоводцевъ, которые сберегаютъ намъ цѣлыми наши гиганты-корабли до лучшихъ дней!..

Легкимъ поклономъ въ сторону фонъ-Тирпица, своего постояннаго соперника, подчеркнувъ эту часть своей осторожно-уклончивой рѣчи, фонъ Бетманъ вдругъ новымъ, глубокимъ, тоскующимъ голосомъ заговорилъ:

— Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о нашемъ огромномъ торговомъ флотѣ, затмевавшемъ всѣ остальные на моряхъ. Онъ былъ, его нѣтъ! Это—ударъ тяжелый, трудно поправимый... Но объ этомъ пока помолчимъ. Только разрушеніе живой ткани—непоправимо. А все, созданное и разрушенное руками человѣческими—можетъ быть возсоздано вновь. Пусть это послужитъ намъ утѣшеніемъ. Есть еще другое темное пятно на нашемъ широкомъ, германскомъ свѣтломъ горизонтѣ. Это—денежный вопросъ. Имперскій министръ финансовъ, также смѣло, какъ адмиралъ фонъ-Тирпицъ,—вскрылъ предъ нами истину. И она—печальна. Хотя, какъ настоящій германецъ, нашъ товарищъ, хранитель народныхъ сокровищъ,—убѣжденъ, что полная побѣда ожидаетъ насъ въ концѣ концовъ! И, вотъ, что говоритъ онъ: припасенныхъ милліардовъ почти не осталось... Внутренніе займы даютъ гораздо меньше, чѣмъ мы ожидали... Во всякомъ случаѣ, не столько, сколько надо для міровой войны, для этого новаго Молоха, глотающаго цѣлыя арміи и милліарды денегъ, какъ мы глотаемъ устрицу! Внѣшніе займы?.. Опустимъ пока этотъ вопросъ, чтобы не потерять главной нити нашихъ мыслей. Словомъ: денегъ не хватаетъ. Народныя массы, въ порывѣ любви къ родинѣ,

конечно, готовы были бы нести послѣдній пфеннигъ на алтарь отечества. Но онѣ—теперь должны довольствоваться бумажными знаками, выпускаемыми для поддержанія оборота въ осажденной странѣ... И за каждый кусокъ хлѣба, хотя бы и «военнаго»,—приходится платить вдвое, втрое противъ прежняго. Тѣмъ, кто имѣетъ еще денежные знаки... А кто ихъ не имѣетъ?.. Такихъ много... и эти бѣдняки, наравнѣ съ плѣнными врагами,—лежатъ бременемъ на рукахъ нашей казны... Рабочіе, зарабатывающіе много на военныхъ фабрикахъ и заводахъ,—едва сводятъ концы съ концами, благодаря дороговизнѣ... Да и свои сбереженія—этотъ классъ, вообще,—неохотно несетъ въ имперскую казну... даже на дѣло защиты родины. Тѣ-же, кто обладаетъ избытками капитала, они пускаютъ деньги въ оборотъ, доставляя арміи все, что нужно для борьбы... но получая взамѣнъ огромныя прибыли, не попадающія въ государственный кругооборотъ денежныхъ средствъ. Долги имперской кассы ростутъ со сказочной быстротою... Какъ мы здѣсь слышали, на одно погашеніе процентовъ по займамъ, на ликвидацію военныхъ издержекъ ежегодно придется вносить въ имперскую роспись до трехъ милліардовъ марокъ! Это—даже выговорить нелегко! Пенсіи, пособія и другіе такіе-же многолѣтніе расходы—возьмутъ еще до милліарда марокъ. Итого—на 4 милліарда увеличится расходъ... Не считая потоковъ золота, которыя будутъ уходить безустанно на усиленіе нашей военной, морской и сухопутной мощи, какъ было это и раньше! Побѣжденные, или побѣдители,—мы не сможемъ разоружиться, что бы тамъ ни говорили наивные мечтатели и доктринеры!..

— Разумѣется, нѣтъ!—не удержавшись, воскликнулъ Вильгельмъ. — Впрочемъ, виноватъ, продолжайте, докторъ. Мы васъ слушаемъ.

— Да, военные расходы усилятся... не меньше, чѣмъ вдвойнѣ... А доходы? Сейчасъ—германская промышленность, даже осажденная, замкнутая въ предѣлахъ своей страны,—питается войною. Послѣ войны—половина государственныхъ заказовъ уйдетъ. Ждать немедленнаго оживленія дѣлъ съ прежними міровыми кліентами? На это надѣяться невозможно. Отъ насъ станутъ брать какъ можно меньше... Давать намъ будутъ все—по самой дорогой цѣнѣ... Цѣлый міръ, все-таки, мы не принудимъ дѣйствовать себѣ въ убытокъ, намъ на пользу... Значитъ, никакая контрибуція, хотя бы означенная сказочными цифрами, намъ не поможетъ. Если весь имперскій расходъ выльется въ 9—10 милліардовъ марокъ,—это составитъ на каждую душу по 75 марокъ ежегоднаго налога... А семья изъ отца, матери и двухъ дѣтей—должна будетъ внести 25 марокъ ежемѣсячно, не взирая на свое состояніе, не считаясь съ тѣмъ, есть онѣ, или нѣтъ ихъ въ карманѣ? Деньги—должны явиться и быть внесены въ казну, чтобы государство не потерпѣло развала... Чтобы великую Германію не постигла участь... ея союзницы, Турціи.... Но тамъ—народъ полудикій; живетъ онъ подъ голубымъ небомъ, на землѣ, дающей почти безъ труда золотыя колосья... Тамъ—есть необозримыя пастбища, покрытыя полудикими стадами скота... А нашъ—померанскій или прусскій крестьянинъ, который, выжимая изъ узкой бѣдной польской земли свою мѣру картофеля,—все-же, привыкъ жить по-человѣчески... У насъ народъ не вынесетъ гнета, какой несутъ мусульмане-фаталисты. Изъ крови нашихъ крестьянъ и рабочихъ не отчеканить этихъ милліардовъ! Вотъ, и является вопросъ: какъ тутъ быть? Голодъ—плохой совѣтникъ. И народъ, даже—побѣдитель,—можетъ подъ вліяніемъ нужды ринуться въ бездну безначалія!.. Голодъ и революція—родные брать и сестра!.. Какъ избѣжать ихъ?—вотъ вопросъ.

Канцлеръ остановился, какъ бы ожидая отвѣта, или желая просто передохнуть, разобраться: какое впечатлѣніе на слушателей производятъ его слова?

Снова прозвучалъ въ разрѣзъ сухой голосъ Вильгельма:

— Позвольте... Я же говорилъ. Вы со мною соглашались... Почему-же, докторъ?..

— Извиняюсь, ваше величество! Я не хотѣлъ предвосхищать всего, что мы будемъ имѣть честь слышать отъ нашего верховнаго вождя. Но я былъ согласенъ съ мнѣніемъ вашего величества и сейчасъ охотно повторю его... Мнѣ только хотѣлось раньше обрисовать положеніе съ его тѣневой стороны, чтобы затѣмъ полнѣе и легче разсѣять туманъ при помощи лучей удачи и счастія. А этихъ лучей у меня въ запасѣ не мало. И такъ, я согласенъ съ мнѣніемъ вашего величества: всѣ лишнія милліарды на неизбѣжные расходы, или, хотя бы, большую часть ихъ,—намъ должны дать—наши враги! Все равно: побѣдимъ мы, или... будемъ побѣждены?.. Да, да!.. Я не исключаю и послѣдняго. Мы теперь—подняты волею случая на высоту успѣха... И, какъ я имѣлъ радость слышать нынче отъ нашего вождя,—выкованы новые широкіе, надежные планы! Они еще больше выкажутъ мощь нашего оружія, загонятъ нашихъ враговъ еще глубже въ ихъ норы и логовища. Наши войска—у Риги, у Двинска, на путяхъ къ столицамъ Россіи... Мы готовы раздавить Сербію до тла, открывая себѣ широкій путь туда, въ житницы Европы, гдѣ фаталисты-турки живутъ впроголодь на просторѣ своихъ безгранич-

ныхъ плодороднѣйшихъ земель!.. Силы враговъ повсюду разгромлены нами... или, хотя бы,—отброшены и ослаблены... Но... Есть, какъ всегда,—это маленькое, противное слово... Вотъ, мы отдали дань уваженія, высказали вѣру въ нашъ флотъ, даже—загнанный въ щель Кильскаго канала, бездѣйствующій, несумѣвшій ни повредить военному и торговому флоту врага, ни защитить наши безчисленныя торговыя флотиліи отъ уничтоженія и разгрома!.. И если адмиралъ фонъ-Тирпицъ, несмотря на печальную картину, очевидную для всѣхъ,—является самымъ горячимъ сторонникомъ дальнѣйшей борьбы на жизнь и смерть... Мы его понимаемъ! Онъ готовъ погибнуть, но снять съ себя упрекъ въ бездѣйствіи... хотя бы даже цѣною гибели послѣдняго дредноута, безполезно дремлющаго теперь подъ защитой береговыхъ батарей... А что, господа, если такъ-же чувствуютъ, то-же думаютъ о своихъ сухопутныхъ силахъ наши враги? Вѣдь арміи у нихъ цѣлы... Мы—только стоимъ повсюду на вражеской землѣ, мало подвигаясь впередъ. И это было трудно сдѣлать, нелегко добились мы такой удачи... Но—удержать занятое?.. Во сколько разъ труднѣе это сдѣлать?—мы слышали отъ военнаго министра... отъ нашихъ героевъ, талантливыхъ, скажу болѣе: самыхъ геніальныхъ вождей!.. Мы вынуждены коснуться послѣдняго запаса, беремъ такіе резервы народной силы, послѣ которыхъ останется вербовать только женщинъ, стариковъ-дряхлецовъ, и школьниковъ изъ школы!.. Иначе обстоитъ дѣло у враговъ. Металла, хлѣба, угля... всего не хватаетъ у насъ... Тамъ избытки этихъ дорогихъ вещей, дающихъ побѣду... Мы—опередили врага въ готовности... Но... видите сами?. Дѣло повернулось иначе... Все, что нами достигнуто при помощи первыхъ усилій...—оно прекрасно!.. Но война длится... и—далеко еще не рѣшена... И... каковъ будетъ ея исходъ?.. знаетъ Одинъ тотъ, для Кого наши грозныя распри, какъ и полный миръ на землѣ—также незначительны и безразличны, какъ незамѣтно для насъ увяданіе отдѣльной былинки въ холодной осенней степи!..

Эллегическій, почти библейскій складъ и тонъ послѣднихъ словъ такъ неожиданно прозвучали въ разрѣзъ всей дѣловой, загадочно-гибкой рѣчи фонъ Бетмана, что слушатели вдругъ насторожились, смѣняя живымъ вниманіемъ усталую полуразсѣянность, овладѣвшую большинствомъ.

Вильгельмъ сдѣлалъ невольное движеніе.

Онъ заранѣе зналъ: въ какомъ духѣ будетъ вести рѣчь этотъ умный, покладливый сановникъ. Конечно, побудировать немного онъ пожелаетъ, но все сведетъ къ тѣмъ положеніямъ, о которыхъ толковали они оба передъ началомъ совѣта.

И то, что говорилъ канцлеръ,—словно бы не вязалось съ тѣмъ, что онъ долженъ былъ сказать; такая рѣчь не могла привести къ выводамъ, желаннымъ для Вильгельма.

Онъ уже готовился оборвать плавную рѣчь Бетмана и повести дальше засѣданіе. Но канцлеръ, словно не замѣчая ничего,—продолжалъ:

— Значитъ: лучше не пускаться въ предположенія, хотя бы и основанныя на самыхъ прочныхъ данныхъ. Какъ совершенно справедливо сказалъ нашъ высоко-даровитый фельдмаршалъ, обратился вдругъ Бетманъ въ сторону Гинденбурга:—все дѣло просто!

Глядя на квадратное, мясистое лицо генерала, который, откинувшись тучнымъ тѣломъ на спинку кресла, полуопустивъ тяжелыя вѣки маленькихъ глазъ, сидѣлъ, какъ живое изображеніе откормленнаго сфинкса,—канцлеръ привелъ слова; сказанныя недавно передъ тѣмъ фельдмаршаломъ:

— «Война рѣшается жерлами орудій, штыками солдатъ, а не бесѣдами за уютнымъ столомъ, хотя бы въ ней принимали участіе ученнѣйшіе и умнѣйшіе люди. Пушка,—пробивая куполъ блиндажа,—дробитъ рѣшимость сильнѣйшаго врага... Пуля—пробиваетъ самый умный черепъ, какъ и лобъ слона... и заставляетъ храбреца убѣгать подъ защиту далекихъ холмовъ!..» Словомъ, война рѣшается ударами... а не словами. Такъ! Мы—до сихъ поръ наносили сильнѣйшіе удары... И... позволю себѣ поставить прямой вопросъ: почему-же война не кончена до сихъ поръ?.. хотя врагъ—повсюду нами тѣснимъ...

Зная нелюбовь Вильгельма къ Гинденбургу,—Бетманъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи бросить этотъ жгучій, обидный вопросъ тому, кто въ глазахъ цѣлаго міра и въ собственномъ сознаніи—былъ главнымъ вдохновителемъ гигантской борьбы. Вильгельмъ, какъ и всѣ,—перевелъ взглядъ на фельдмаршала, словно ожидая: что отвѣтитъ онъ на этотъ, брошенный ему, вызовъ?

Не сразу, тяжелый всегда на подъемъ,—заговорилъ генералъ своимъ густымъ, хрипловатымъ голосомъ:

— Почему не кончена война?.. Легко сказать!.. Только штатскій господинъ, какъ нашъ уважаемый рейхсъ-канцлеръ, какъ его высокопревосходительство, фонъ-Бетманъ-Гольвегъ, послѣ 14 мѣсяцевъ войны... когда даже воробьи на крышахъ толкуютъ о тактикѣ и стратегіи... только онъ могъ задать такой вопросъ. Очевидно, на ясную мысль руководителя нашей внутренней политики влія-

ютъ жалобы союзниковъ, не умѣющихъ оцѣнить всю силу нашей стратегіи, развернутой такъ блестяще и широко!.. Результаты, какъ признаетъ и самъ почтенный докторъ, они на-лицо... и—не плохіе результаты. Французы, отдавъ половину... лучшую половину своей земли—намъ, зарылись на остальной половинѣ... И мы такъ пригвоздили ихъ, что, вотъ, ужъ полгода они пришпилены къ своей передовой линіи, втиснуты въ свои кротовыя норы... и не посмѣютъ высунуть носу оттуда до тѣхъ поръ, пока мы не начнемъ ихъ выкуривать!.. Я не вѣрю въ оживленіе дѣятельности этихъ кротовъ, хотя, мѣры нами уже приняты... Пусть попробуютъ!.. И мы ихъ снова отбросимъ къ воротамъ Парижа, какъ было уже это въ первый разъ!.. На Востокѣ?.. Плохо ли стоимъ мы тамъ? Кто рѣшится это сказать?.. А, если... мы подвигаемся медленнѣе, чѣмъ бы хотѣли?.. Даже, чѣмъ могли бы разсчитывать и ожидать... Такъ, всѣ знаютъ: почему это такъ?

— Представьте, я не догадываюсь, ваше высокопревосходительство... Скажите!—поднялъ голосъ фонъ-Бетманъ.

— Да, тамъ плохо подвигаемся!—не удержался отъ случая уколоть нелюбимаго, самонадѣяннаго генерала и Вильгельмъ.

— Плохо!.. Пусть такъ. Но, ваше величество, ужели и вы не знаете?.. Русскіе... это—безумцы!.. Это—безумцы, ваше величество!.. Наши ли воины не храбрецы?! Ихъ на дѣлѣ вы видѣли не разъ, государь! Наши—не боятся смерти ради побѣды. А русскіе? Они не щадятъ своей жизни даже, когда разбиты, окончательно побѣждены! Когда у нихъ не осталось ни малѣйшей надежды на спасеніе... не то, чтобы на успѣхъ! Они дерутся до послѣдняго. Мы остаемся на поляхъ нашихъ побѣдъ, не видя больше сопротивленія.... но и не имѣя силы двинуться впередъ, чтобы использовать свою побѣду до конца. Самые точные, разумные разсчеты—они рушатся, опрокинутые безумнымъ сопротивленіемъ русскихъ фанатиковъ—солдатъ! Наши—просто, не умѣютъ драться такъ... безсмысленно! Вотъ почему я и заявилъ вамъ, г. г.: войну рѣшаютъ пушки, а не слова, не самыя глубокія, возвышенныя мысли! И, пока у насъ больше пушекъ и пулеметовъ, мы не боимся ни враговъ, ни... порицателей друзей, хотя бы и самыхъ преданныхъ общему дѣлу... но—далекихъ отъ того водоворота огня и смерти, какой ежедневно видимъ мы, отъ генерала до послѣдняго солдата, грудью боронящаго величіе и цѣлость родной земли!

Кинувъ эти простыя, грубоватыя, но смѣлыя слова какъ бы въ отплату за полученный только что, затаенный укоръ, Гинденбургъ умолкъ, снова насупя густыя брови, полуприкрывъ свои упорные блестящіе глазки мясистыми вѣками.

Вильгельмъ не счелъ нужнымъ откликнуться теперь.

Фонъ-Бетманъ снова плавно повелъ свою рѣчь:

— Какъ хорошо! Тѣмъ пріятнѣе было мнѣ слышать, что это даетъ новый поворотъ моимъ мыслямъ. Отъ тѣневой—я хочу перейти къ свѣтлой полосѣ. Но раньше докончу свою прежнюю мысль. Второй нашъ вождь, генералъ Мекензенъ. Онъ, пройдя со своею фалангой отъ Карпатъ до Варшавы,—успѣлъ стереть со страницъ этой войны воспоминаніе о неудачѣ подъ Праснышемъ. Но и генералъ Мекензенъ честно здѣсь объявилъ, что неудача можетъ повториться... Особенно, если не пугаютъ насъ только враги... Если къ веснѣ наступающаго года—англичане выставятъ въ поле 4 милліона, а русскіе—12 милліоновъ штыковъ; Франція, Италія... Словомъ: противъ одного, самаго отважнаго борца-германца, австрійца, венгерца или турка,—встанетъ четверо, если не пятеро враговъ! Это звучитъ неутѣшительно... И, все-таки, позволю себѣ замѣтить на слова фельдмаршала Гинденбурга... приведу одно соображеніе «штатскаго характера», хотя нашъ генералъ и не любитъ таковыхъ. Пушки сами не выходятъ готовыми изъ горновъ, не стрѣляютъ по собственному произволу... Люди изъ мирныхъ гражданъ, изъ профановъ,—чудомъ не обращаются сразу въ воиновъ со штыкомъ въ рукѣ. И д е и,—выраженныя словами,—заставляютъ людей схватиться за мечи!.. Это надо помнить! И хорошо все надо взвѣсить и передъ началомъ войны... и—потомъ; не одинъ разъ передумать, обсудить каждый шагъ. «Прежде взвѣсить, потомъ—отважиться!» я помню золотыя слова великаго Мольтке... Такъ, будемъ взвѣшивать... Спору нѣтъ: война—великое с р е д с т в о. Но цѣль войны, все-таки—создать надежный, прочный м и р ъ! Кто противъ этого возразитъ? И о мирѣ надо намъ хорошенько подумать.

— О мирѣ!.. Теперь?—глухо врѣзался въ рѣчь Бетмана фонъ-Тирпицъ, молчавшій угрюмо...

— Я этого не сказалъ. Я говорю вообще!—замѣтя, какъ нахмурился Вильгельмъ, торопливо возразилъ адмиралу фонъ Бетманъ. — Я согласенъ съ его величествомъ, и понимаю самъ: убѣгая, боясь продолжать войну,—мы не приблизимъ мира! Или получимъ миръ, который окажется для насъ тяжелѣе всякой войны. Но... прошу помнить, что событія—не совсѣмъ въ нашей власти... Враги

говорятъ даже, что событія, въ послѣднемъ счетѣ, — совсѣмъ не въ нашей власти... Что, послѣ первыхъ, ошеломляющихъ ударовъ, незакончивъ сразу нашего натиска,—мы впутались въ затяжную, для насъ непосильную, борьбу... Конечно, это вздоръ! Врагамъ—не легче нашего... Рубимъ мы! Враги—отражаютъ удары и щепки только летятъ отъ ихнихъ щитовъ!.. Поэтому, мнѣ думается, и настало время, усиливая боевые удары,—готовиться къ мирному исходу борьбы. Времени мало. Если больше 20-ти лѣтъ готовились мы драться, то для подготовки мира—намъ будетъ данъ еще десятокъ мѣсяцевъ, или полтора. Больше выдержать не въ силахъ ни мы... ни враги! Все равно, побѣдители, или побѣжденные,—мы должны устроить нашу судьбу, подумавъ заранѣе обо всемъ. Слово «миръ»,—оно способно ослабить напоръ враговъ и придать силы нашимъ борцамъ, истекающимъ кровью, теряющимъ послѣднее терпѣніе. Мы слышали здѣсь, что наши войска—не прежніе стальные батальоны... Ропотъ слышенъ явственно. И тамъ, на фронтѣ... и здѣсь, изъ устъ полуголодной толпы. Составъ нашихъ армій—много хуже прежняго... Словомъ, надо спѣшить!.. Если Рокъ будетъ окончательно противъ насъ, противъ поднявшихъ борьбу за право и правду, за развитіе Человѣчества, за широкія цѣли, ведущія къ счастію народовъ? Мы, все же, будемъ готовы!.. Миръ залечитъ раны... Миръ творитъ настоящія чудеса!.. Вспомнимъ ту же Францію. 40 лѣтъ назадъ,—разгромленная, униженная, обнищалая, лежала она подъ пятою германскихъ солдатъ! И, вдругъ, какъ Фениксъ, вышла обновленной изъ пепла, возрожденная долгими годами мирнаго труда. — Словно и не зная минувшаго разгрома, она грозитъ намъ, своимъ побѣдителямъ! Такъ будетъ и съ нами... если даже трагедія—кончится печально для насъ. Повторяю: не проявляя страха, не опуская меча,—пора сказать слово: «миръ!» Веденіе борьбы и подготовка мира—не два встрѣчныхъ, а два попутныхъ, мощныхъ теченія, которыя должны направить имперскій корабль нашъ въ тихую гавань, гдѣ ждетъ Германію счастіе, слава и довольство. Имѣя такого вождя, какъ нашъ,—мы можемъ спокойно работать, каждый въ своемъ дѣлѣ,—способствуя одной великой цѣли: благу родины. И теперь, когда у насъ въ рукахъ много вражескихъ земель, когда можно запрашивать и уступать изъ чужого,—считаю особенно своевременнымъ начать «мирный» разговоръ, подкрѣпляя его грохотомъ пушекъ и свистомъ пулеметовъ, какъ совѣтуетъ намъ уважаемый фельдмаршалъ-герой... Вотъ, мое мнѣніе... и, полагаю, большинство можетъ согласиться съ нимъ, какъ съ исчерпывающимъ общее желаніе... Я кончилъ, ваше величество.

Легкій говоръ, небольшое движеніе среди членовъ совѣта наполнили небольшой перерывъ между рѣчью Бетманна и той минутой, когда Вильгельмъ, выдержавъ паузу, очевидно, сдерживая свое недовольство, четко заговорилъ:

— Мы, конечно, благодарны вашему высоко-превосходительству за блестящую рѣчь, съ такою полнотой исчерпывающую вопросы, поставленные здѣсь раньше докладчиками. Но... помимо подробнаго выясненія задачъ съ вашей точки зрѣнія, отъ чего вы отказались заранѣе,—я, какъ и другіе,—не слышалъ отъ васъ прямого отвѣта: кто болѣе правъ? Сторонники мира... или войны? Самая война... веденіе ея... оно встрѣтило въ вашей рѣчи оцѣнку...довольно суровую... и, скажу: не во всемъ правильную... Только по этой суровости и можно полагать, что ваше сочувствіе, докторъ, на сторонѣ тѣхъ, кто желаетъ немедленно повести переговоры о мирѣ. Время-ли для такихъ шаговъ, докторъ? Думаю, что нѣтъ! Была минута... четыре мѣсяца тому назадъ. Враги раздавили главныя силы союзной намъ Австро-Венгріи... Они стояли въ десяткѣ километровъ отъ воротъ, ведущихъ черезъ Краковъ въ сердце Германіи... И у насъ не было возможности защититься отъ удара... Тогда, всѣ помнятъ: мы, черезъ Данію, прямо и откровенно дали знать врагу, что готовы заключить миръ. Я не побоялся... хотя неудачный исходъ войны—грозилъ крушеніемъ моему трону... гибелью династіи Гогенцоллерновъ. Я ставилъ благо Германіи выше собственнаго. Хвала нашему старому Защитнику, Богу силъ!.. Онъ не далъ свершиться ошибкѣ... Онъ спасъ насъ руками враговъ. Они отвергли мое предложеніе. Борьба продолжалась... и, вотъ,—счастье на нашей сторонѣ!.. Цѣною великой жертвы, но мы купили большой успѣхъ. Правда, миръ творитъ чудеса... но и война—умѣетъ превращать камни въ хлѣбы и кровь въ вино!.. Не стало милліона дѣтей у родины. Молодыхъ, здоровыхъ, сильныхъ. И это въ какихъ-нибудь полтора года! Когда эмиграція только въ пять лѣтъ уносила изъ Германіи такое-же число лишнихъ ртовъ. Три милліона рукъ убыло, ушло отъ дѣла, оторвано отъ плуговъ, отъ станковъ. Потеря тяжкая... Но... тѣснота, всѣмъ извѣстная, гнетущая германскій народъ, она облегчилась этимъ! Стало просторнѣе... милліонъ рукъ, раньше ненужныхъ, безработныхъ,—даже слабыя руки женщинъ и подростковъ,—онѣ льютъ снаряды, пушки, создаютъ части того органа, на которомъ Судьба рѣшила разыграть побѣдный гимнъ Германіи! Можетъ быть, слова мои прозвучатъ слишкомъ рѣзко... Но тѣ, кого нѣтъ?.. они своею гибелью—не только сковали новыя

звенья величія родной земли... они помогли даже своимъ уходомъ. Вотъ первый, прочный выигрышъ въ этой борьбѣ... Дальше. Не секретъ для всѣхъ, а тѣмъ болѣе для насъ, что главный нервъ войны—деньги. Ихъ мы собрали мньго. Надо еще. И ихъ дадутъ намъ тѣ, кто ихъ скопилъ, нажилъ милліоны на этой-же войнѣ, цѣною крови народной. Да, говорю прямо. И не «государственный соціализмъ» даетъ отзвуки въ моихъ словахъ. Это—разумная политика, полезная всѣмъ, даже тѣмъ, кто будетъ платить! Промышленность Германіи—ея главная сила!.. Она процвѣтаетъ и, только, ушла пока въ одно-два главныхъ русла, а не разливается тысячью ручьевъ, какъ во дни мира. Теперь за 1 кило продукта фабрикантъ беретъ 10 марокъ, наживая въ пять разъ больше, чѣмъ тогда, когда онъ бралъ 10 марокъ за десять кило и платилъ рабочему четверть настоящей цѣны... Не лучше-ли это для промышленности? Вотъ—моя финансовая система. Военный налогъ далъ много... Онъ долженъ быть развитъ, усложненъ и дастъ новые милліарды, необходимые для борьбы... Дадутъ ихъ и короли биржи... охотно дадутъ, особенно, послѣ того, что скоро должно произойти... Я—ручаюсь въ этомъ!..

Лицо Вильгельма, блѣдное, усталое, теперь оживилось; глаза загорѣлись прежнимъ блескомъ. Еще сильнѣе поднявъ голосъ, онъ продолжалъ:

— Въ чемъ главная опасность, грозящая намъ? Мы—задыхаемся въ своихъ предѣлахъ. Намъ не хватаетъ простору, что-бы развернуть всѣ силы сразу и кончить дѣло однимъ ударомъ. У насъ нѣтъ довольно хлѣба для черни и металловъ для нашихъ смѣлыхъ бойцовъ. Мы мечемся, какъ осажденные въ огромной крѣпости, именуемой Германіей... Враги надѣются задавить насъ, взять изморомъ. Этого не будетъ!.. Близокъ часъ. Черезъ Софію, черезъ Константинополь—мы выйдемъ на свѣжій воздухъ, на просторъ. Силы наши воспрянутъ... Увидимъ, что будетъ тогда?!. Я не слова говорю, не утѣшаю себя и васъ! Я не отважнѣе, не безразсуднѣе моихъ министровъ и генераловъ, хотя понимаю и цѣню ихъ благоразуміе и осторожность... Только, надо помнить одно... Если на нихъ лежитъ отвѣтственность передо мною и передъ народомъ,—то на меня возложена еще болѣе тяжкая отвѣтственность: не только передъ тѣмъ-же народомъ, но и передъ Богомъ, передъ исторіей, передъ моей династіей, наконецъ! Я уже раньше здѣсь сказалъ: неудача войны—паденіе Гогенцоллерновъ! И я, все-таки, говорю: впередъ! Желая обезпечить надолго миръ нашей родинѣ,—будемъ вести войну всѣми силами и расширять ея поле безъ страха! Чего бояться? Особенно—вамъ, въ лицѣ которыхъ я вижу олицетвореніе всего народа! Пусть—неудача. Жертвой искупленія буду я... Пораженіе можетъ только ослабить вилу напряженія, упорство сопротивленія тевтонскаго народа. Но ядро останется... оно—нерушимо!.. Ни одинъ побѣдитель не сотретъ ни единой черты съ нашей народной души... И мы воспрянемъ, окрѣпшіе вдвое. Въ этомъ я согласенъ съ канцлеромъ. Но—пораженія не будетъ. Вспомнимъ прошлые, недавніе дни!.. Пали стальные форты Перемышля... Австрія, разгромленная, молитъ о помощи насъ, насъ, трижды пережившихъ тройной откатъ отъ незащищенной Варшавы... Англія и Франція тяжкими снарядами своихъ дредноутовъ громятъ двери моего Константинополя... И мы не растерялись. Мы понимали: бѣда не такъ ужъ непоправима... Если начало несло за собою невольныя ошибки... такъ старательно подчеркнутыя въ рѣчи нашего уважаемаго канцлера,—то нашлось и лекарство противъ болѣзни. Зиму мы работали, какъ негры... И, что-же? Какая перемѣна декорацій?! Варшава—за нами... Мы у Риги, у Двинска... Англія дрожитъ за свою жемчужину, за Суэцъ. Франко-британскіе полки готовы оставить клочекъ Галипольскаго берега, стоившаго имъ 200—300 тысячъ жизней!.. Мы—всюду ширимся, растемъ на глазахъ цѣлаго міра, цѣпенѣющаго отъ страха!.. Болгары—связали съ нами свою судьбу, пошли на своихъ-же братьевъ. И мы скоро удивимъ еще больше этотъ ничтожный міръ предателей, трусовъ и торгашей!.. Чередъ теперь за Россіей. Не бойтесь. Я не повторю ошибокъ Наполеона. Остріе своего желѣзнаго клина онъ вонзилъ въ Москву и этимъ думалъ на щепы расколоть славянское царство. Клинъ врѣзался плохо, былъ вытолкнутъ обратно... Наполеонъ съ цѣлою арміей отброшенъ былъ далеко... И, черезъ Парижъ, черезъ Лейпцигъ и Фонтенбло—докатился до Св. Елены!.. Я не желаю подобнаго конца. Мы поступимъ иначе. Силъ у насъ хватитъ, хотя и говорилось здѣсь, что резервовъ и денегъ у насъ мало, что они истощены... Но подумайте: и враги не изъ сказочнаго мѣшка берутъ деньги и людей... Ихъ больше, вы правы. Но и земли ихъ шире... Тамъ сила народная—распыляется... У насъ—отъ тѣсноты она удваивается!.. Наконецъ, мы теперь проложимъ широкій путь въ Турцію, въ Персію... Тамъ ждутъ насъ. Оттуда потекутъ людскія волны... Каждый нѣмецкій солдатъ станетъ во главѣ роты персовъ, турокъ, арабовъ, словомъ, всей этой человѣческой пыли. Какъ боевой матеріалъ—они незамѣнимы. Ихъ можно, какъ русскихъ, вести на убой до послѣдняго, они не дрогнутъ. У Дарданеллъ узнали враги, что значитъ солдатскій фатализмъ турецкихъ аскеровъ! Съ помощью этихъ изувѣровъ мы оттѣснимъ еще дальше враговъ на ихъ земли... Займемъ Суэцъ, Египетъ. А противъ Россіи?.. Тамъ мы

развернемся сплошною стѣной... Войдемъ въ Москву, въ Петербургъ. Дойдемъ до Кіева... Тогда посмотримъ, скажетъ-ли снова этотъ упорный народъ: «Борьба до конца!» Конецъ дадимъ мы, это будетъ—наша побѣда! Тогда снова чередъ за Франціей... И ужъ потомъ—сведемъ свои старые счеты съ британскими торгашами!.. Настанетъ ихъ чередъ! Вотъ наши лозунги и планы на послѣдній періодъ борьбы... Вотъ мое рѣшеніе. Будемъ же готовы къ работѣ... И, Богъ на помощь!.

Негромкимъ, но сильнымъ боевымъ звукомъ закончивъ послѣдніе слова, Вильгельмъ умолкъ, обводя глазами сидящихъ, очевидно, ожидая одобренія со стороны большинства,—готовясь выслушать неизбѣжныя возраженія со стороны двухъ-трехъ изъ числа «непримиримыхъ», и даже его пальцы почти непроизвольно взялись за карандашъ, лежащій на раскрытой записной книжкѣ, чтобы отмѣтить: кому и что надо возразить въ видѣ послѣдняго отвѣта?

Но всѣ 15—16 человѣкъ, сидящихъ вокругъ,—глядя въ свою очередь на него,—не издали ни звука, дѣлая видъ, что ждутъ продолженія рѣчи, которая, по ихъ убѣжденію, еще не закончена, а только прервана посрединѣ. Съ различнымъ выраженіемъ, но лица первыхъ сановниковъ имперіи, всѣ, казалось, говорили одно:

— Мы слушаемъ дальше! Продолжай...

Этотъ безмолвный, но тѣмъ болѣе сильный отпоръ на мгновеніе смутилъ даже Вильгельма, который рѣдко смущался или терялъ самообладаніе, несмотря на всю порывистую нервность, присущую ему. За четверть вѣка царствованія не мало тяжелыхъ, даже унизительныхъ минутъ приходилось переживать императору и королю тевтоновъ. Но сейчасъ особенно ясно почувствовалъ онъ, что только серьезность минуты и тяжелое положеніе дѣлъ не позволяетъ людямъ, сидящимъ противъ него, высказаться такъ, какъ бы они хотѣли... И, конечно, рѣчи ихъ звучали бы не одобреніемъ...

Но, пользоваться положеніемъ диктатора Вильгельмъ на этотъ разъ не пожелалъ, даже—не рѣшился. Онъ понялъ, какъ необходимо дать выходъ тому, что таится подъ общимъ молчаніемъ. Едва сдерживая свое раздраженіе, карандашемъ, который такъ и плясалъ у него въ пальцахъ, отодвинулъ онъ свою, пока—безполезную книжку и почти рѣзко задалъ вопросъ:

— Что-же? Или никто не желаетъ больше высказаться? Мы ждемъ... просимъ!..

Настало новое молчаніе, но болѣе краткое и не такое уже напряженное.

— Я просилъ бы... если ваше величество и всѣ гг.. члены пожелаютъ. Я хотѣлъ бы подѣлиться тѣмъ, что меня смущаетъ сейчасъ... Поставить вопросы, на которые желалъ бы получить, если возможно, отвѣтъ!—первымъ подалъ голосъ генералъ фонъ-Мекензенъ, сидящій на дальнемъ концѣ стола, противъ Вильгельма.

Очевидно, онъ очень волновался, почти робѣлъ. И это было такъ странно въ человѣкѣ, отвага котораго и выдержка, хладнокровіе въ самыя опасныя минуты вошли въ поговорку среди военныхъ.

Красивый, крутой и высокій лобъ храбреца, сильно —нависающій надъ глазами, покрылся крупными каплями пота. Почти страданіе написано было на лицѣ, съ грубоватыми, крупными чертами, съ суровымъ, даже жестокимъ выраженіемъ. Лицо это напоминало старыхъ служакъ-фельдфебелей. Его скрашивали большіе, голубые глаза, скорбные, мечтательные, какъ будто взятые совсѣмъ у другого человѣка, съ нѣжною, чуткой душой, и вставленные въ глубокія глазницы подъ густыми, ровными, нависающими сверху бровями.

По лицу генерала видя, что онъ готовится возражать и довольно рѣшительно, императоръ, все-таки, обрадовался, что тяжелое молчаніе, наконецъ, нарушено.

— Прошу васъ, говорите... Мы слушаемъ, генералъ!—торопливо пригласилъ онъ и усѣлся удобнѣе въ креслѣ, повернувъ правое ухо навстрѣчу голосу Мекензена.

Нервно, безо всякой надобности поправляя орденъ Желѣзнаго Креста подъ короной, висящій у него на шеѣ, генералъ заговорилъ негромко, даже порою обрывая рѣчь, словно не сразу находя выраженія, или взвѣшивая мысли, наплывающія слишкомъ поспѣшною, бурной чередой.

— Я, ваше величество, хотѣлъ бы... Мнѣ кажется, если бы всѣ, сидящіе здѣсь, не знали навѣрное, что я каждую минуту готовъ... что не побоюсь отдать всю кровь... вмѣстѣ съ жизнью за счастье Германіи... за моего государя... Я бы не сказалъ того, что хочу... Но, всѣ знаютъ, какъ велъ я полмилліона людей, словно живую стѣну, противъ стѣны изъ огня и стали, которою встрѣчали насъ враги... И самъ не колебался... И не дрогнули мои батальоны, видя, что я ничего не боюсь!.. Чувствуя мое убѣжденіе, что надо идти впередъ, хотя сотни тысячъ людскихъ тѣлъ оставляла за собою наша стѣна-фаланга, какъ широкій, неизгладимый изъ памяти, слѣдъ. Всѣ видѣли... знаютъ! И, если снова придется идти... будьте увѣрены: мы пойдемъ... И будемъ гибнуть, если ужъ такъ необходимо. Тысячами будутъ замерзать наши храбрецы зимою въ окопахъ... Съ пѣснями пойдутъ на убой... Но мы

дойдемъ до намѣченной цѣли... хотя бы одинъ изъ 10 остался въ нашихъ рядахъ! Если такъ нужно для общаго блага!.. Если ужъ иначе нельзя!.. Но... т а к ъ -ли ужъ это н е о б х о д и м о? Неужели— и н а ч е ужъ н е л ь з я?! Вотъ въ чемъ хотѣлъ бы я убѣдиться... Мы здѣсь слышали многое... Очень правильныя, хорошія, продуманныя мысли излагались по поводу того, что война—лучшее средство для достиженія прочнаго мира, а миръ—будетъ для насъ выгоднымъ и полезнымъ только тогда, если боевыми ударами мы принудимъ враговъ принять н а ш и условія; а не они намъ продиктуютъ с в о й миръ, постыдный, раззорительный, несущій безславіе и безсиліе ста милліонамъ германцевъ, населяющихъ нашу родину и австрійскія земли. Явное сомнѣніе слышалось мнѣ въ томъ, что говорили до вашего величества члены высокаго собранія. И даже въ вашихъ словахъ, государь, звучала стальная воля, слышалась пламенная надежда... а не спокойная, ясная увѣренность... въ полной, окончательной побѣдѣ... при томъ—побѣдѣ своевременной... которая не придетъ слишкомъ п о з д н о. Я сейчасъ поясню свою мысль.

Отеревъ лобъ бѣлой, породистой рукой, говорящей объ артистическихъ наклонностяхъ генерала, Мекензенъ уже ровнѣе, спокойнѣе продолжалъ:

— Допустимъ: ожиданія наши оправдаются... Мы—войдемъ въ Константинополь, проторимъ широкій путь къ богатымъ житницамъ и копямъ Малой Азіи, Сѣвернаго Египта... Вступимъ въ тѣсную связь съ персидскими изобильными областями... Откинемъ французовъ снова къ укрѣпленіямъ Парижа, какъ было въ самомъ началѣ войны... Войдемъ въ Птероградъ, въ Москву... Дадимъ возможность союзникамъ нашимъ, австро-венграмъ, откроемъ имъ широкій путь въ южныя предѣлы Россіи. И Кіевъ, какъ и Подолія, какъ Волынь,—будутъ заняты нашими друзьями... Я беру самое лучшее... А—дальше, что? Покончится-ли тогда борьба? Ваше величество полагаете: да... Я смѣю думать... нѣтъ!.. Мы видѣли, какъ ведутъ борьбу русскіе... А я еще, къ тому же, имѣлъ случай, какъ немногіе изъ здѣсь сидящихъ,—заглянуть въ душу этимъ безумнымъ храбрецамъ, когда они лежали передо мною мертвыми... или—стояли передо мною, какъ военно-плѣнные... Если бы даже правительство сдѣлало шагъ намъ навстрѣчу... послѣ всего, перечисленнаго мною... народъ русскій не пойдетъ на миръ! Онъ весь подымется, какъ стихія... И начнется борьба еще болѣе неслыханная, чѣмъ та, которую теперь ведутъ между собою десятки народовъ. Вспомните, ч т о дѣлалось, когда маленькія Нидерланды рѣшили свергнуть съ себя иго могучей Испаніи?! Что творилось въ Испаніи, когда она гнала англійскихъ насильниковъ, когда банды народной милиціи разбивали полки самого Наполеона?! Гверилья... народная война... Это ужасно... А это ждетъ каждаго, кто, даже полнымъ побѣдителемъ надъ войсками царя,—явится въ самую глубь восточнаго, славянскаго царства. Это пророчили Наполеону... Это сбылось! Почему же мы думаемъ, что этого не будетъ теперь? И сможемъ ли мы одолѣть народъ-стихію, когда онъ разволнуется въ своихъ родныхъ, безконечныхъ берегахъ?!. Мнѣ скажутъ: половина плѣнныхъ русскихъ на допросахъ толкуетъ въ одинъ голосъ объ утомленіи... Они, очевидно, если бы могли,—всѣми силами стали бы хлопотать за миръ, вернувшись въ родную землю... Но—мы ихъ не можемъ выпустить до срока... И судить по нимъ, рѣшать, что именно такъ думаетъ цѣлый русскій народъ?—это было бы неосторожно! Они, эти плѣнные,—прошли весь ужасъ чудовищной теперешней войны... Падали отъ непосильныхъ переходовъ, голодали по недѣлямъ, мерзли въ окопахъ. Видѣли рядомъ агонію умирающихъ товарищей, сами оглушенные, потрясенные ураганомъ огня, разрывами тяжелыхъ снарядовъ, падали, раненные или полуобезумленные отъ страха. Но и мы сами... Даже я порою содрогаюсь, видя, что творится кругомъ! И мы ихъ спрашиваемъ: что имъ желаннѣе? миръ, или война?.. Пустая комедія... Наши плѣнные, хотя и выше въ культурномъ отношеніи этихъ упорныхъ славянъ, но они, я знаю, говорятъ тоже, что и эти бѣдняки. И не только наши плѣнные... Большинство нашихъ солдатъ безъ ужаса думать не можетъ о новой зимней кампаніи. А русскіе?.. Надо спросить народъ врага... тамъ, въ его предѣлахъ. И къ намъ долетаютъ отголоски того, к а к ъ говоритъ и думаетъ двухсотъ-милліонная толпа, которая, пока, въ качествѣ зрителей, хотя и полныхъ сочувствія,—стоитъ, наблюдаетъ и ждетъ: когда придетъ чередъ новымъ милліонамъ стать въ ряды на мѣсто выбывшихъ? Такъ я полагаю, узнавъ поближе этотъ странный народъ въ лицѣ его арміи за эти 13—14 мѣсяцевъ борьбы. На всѣ испытанія—они смотрятъ, какъ на кару Неба за ихъ грѣхи и дерутся, безъ жалобы, и будутъ стоять до конца!.. Такъ вижу я... я знаю это... Если кто знаетъ больше, охотно выслушаю и готовъ тогда измѣнить свой взглядъ. Соглашусь, что будущее—улыбается намъ. А, пока...

— Вы скоро узнаете, генералъ!—прервалъ Вильгельмъ,—наши агенты шлютъ намъ вѣсти... И дадутъ полный отчетъ о томъ: что думаютъ, какъ чувствуютъ себя народныя массы въ Россіи?.. Но мы васъ слушаемъ. Продолжайте!

— Скажу о томъ, что говорилось здѣсь относительно нашихъ силъ, нашего выигрыша и нашихъ потерь. Вырванъ смертью изъ рядовъ нашей арміи милліонъ жизней... И только? О, нѣтъ! Далеко не все!.. А второй милліонъ искалѣченныхъ, безумныхъ и потерявшихъ силы, здоровье, людей?.. Можно ли его забыть? А полмилліона германцевъ, томящихся на Западѣ и на Востокѣ въ плѣну?.. Вотъ ужъ и два съ половиной милліона. А дома остались послѣ нихъ жены, дѣти, старики... Еще удвоимъ. Значитъ: 5 милліоновъ. И еще пять милліоновъ, считая всѣ резервы наши, пятимилліонная громада людей стоитъ въ рядахъ, на всѣхъ фронтахъ. И столько-же, если не больше,—у нихъ осталось на родинѣ—домочадцевъ. Все это, 15 милліоновъ ртовъ, четверть того, что населяетъ Германію,—лежитъ бременемъ на плечахъ казны, на рукахъ остальныхъ гражданъ, которые въ тылу живутъ впроголодь, терпятъ лишенія, работаютъ до изнеможенія, только бы помочь великому дѣлу защиты земли родной... И какихъ-нибудь 15—20 тысячъ мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ, во главѣ которыхъ стоитъ тысяча-другая крупныхъ заводчиковъ, капиталистовъ-банкировъ и земельныхъ князей... Только они получаютъ полную выгоду отъ этой грозной бойни... накопляютъ сотни тысячъ и десятки милліоновъ марокъ для своего потомства... не думая о томъ, что каждая марка—буквально, цѣна крови германскаго солдата... или—капля молока, отнятая отъ устъ голоднаго ребенка, которому не можетъ дать груди изголодавшаяся, больная мать!.. Я видѣлъ ихъ, голодныхъ, изнуренныхъ. Мы видѣли и здѣсь, въ городахъ—эти толпы фурій, подымающихъ вой... бунтъ... Мы слышали залпы, которыми солдаты разгоняютъ бунтующихъ, усмиряютъ «мятежъ» голодной толпы!.. И это уже теперь... на 14-мъ мѣсяцѣ безумной войны!.. Что-же будетъ дальше?.. Поспѣемъ-ли мы во в р е м я побѣдить?!. Чтобы... Я не хочу досказывать... Слишкомъ тяжело мнѣ... и ясно, думается, безъ дальнѣйшихъ словъ. У насъ скоро не хватитъ хлѣба для войскъ. А по Багдадской дорогѣ, мѣшаясь съ военными грузами, потекутъ крохи, которыя не вольютъ жизни въ двѣ огромныхъ, обезкровленныхъ Имперіи: нашу и Австро-Венгерскую... Мы гибнемъ... Простите, государь... Я, можетъ быть, говорю нехорошо... но я говорю то, что думаю... Вѣрнѣе, то, что накопилось въ сердцѣ... что давило меня!.. Скажу прямо: я готовъ отдать послѣдній свой пфеннигъ, продать послѣднюю медаль на моей груди, чтобы только накормить лишняго голоднаго ребенка и его мать... Не видѣть блѣдныхъ лицъ у юношей и мужчинъ, принужденныхъ питаться не до-сыта... Я согласенъ отдать свой палашъ, стать за прилавокъ и мѣрять холстъ, какъ послѣдній приказчикъ, только бы этотъ холстъ не шелъ больше на саваны лучшему цвѣту германскаго народа... Только бы прекратилась эта страшная война теперь, сейчасъ-же!.. Если это возможно безъ униженія и позора для родины? Но кто мнѣ скажетъ, что впереди—побѣда и слава?.. а не тотъ-же, еще худшій позоръ, пораженіе?!. И, самое страшное: вырожденіе цѣлаго народа, великаго нѣмецкаго народа!.. А я боюсь и этого... я...

— Да, что онъ говоритъ, государь?!—не выдержавъ, прервалъ фонъ-Тирпицъ горячую, взволнованную рѣчь Мекензена. — Если бы это говорилъ не тотъ, кого мы всѣ знаемъ. я бы сказалъ, что всѣ подобные страхи подсказаны трусостью! Или... Ужъ, прошу меня извинить!..

— Да, да, можно ли такъ, ваше величество? Что съ вами, генералъ?—подалъ голосъ фонъ Гинденбургъ: — Если м ы т а к ъ будемъ думать... или—чувствовать, все равно... это передастся и арміямъ. Тогда, конечно, пораженіе неизбѣжно... Одумайтесь генералъ!

— И такіе обвиненія!—заговорилъ, молчавшій до того, фонъ Яговъ:—Какъ будто война ведется ради интересовъ крупныхъ «земельныхъ князей», а не ради народнаго блага!.. Если эти мысли проникнутъ въ массы?.. Если бы враги и нейтральныя страны узнали, что здѣсь возможны подобныя рѣчи? Это-же демагогія!

— Нѣтъ, только—плохой расчетъ!—съ наружнымъ спокойствіемъ, но весь насторожившійся, затаенно-враждебный, вмѣшался фонъ Бетманъ: — Не 10—15 тысячъ человѣкъ использовали до сихъ поръ обстоятельства, вызванныя этой страшной войною... Наши рабочіе, которыхъ почти 7 милліоновъ, не считая женъ и дѣтей,—они гребутъ сотни марокъ въ мѣсяцъ. Наши хитрые крестьяне—дерутъ вчетверо за все, что припасли въ своихъ кладовыхъ и амбарахъ. Туго приходится «мозгу страны», его интеллигенціи, какъ людямъ со среднимъ достаткомъ... и тѣмъ, кто не хочетъ, не умѣетъ, или—не въ силахъ работать на нужды войны... Если это—женщины, старики и дѣти... ничего не подѣлаешь! Законъ природы таковъ и его никакими ламетаціями не измѣнить: при столкновеніи большихъ массъ—выживаютъ сильные, гибнутъ слабые... Хотя бы имъ, по волѣ случая,—и удалось пробиться въ ряды повелителей, даже—героевъ!.. Слабость—присуща душѣ человѣческой подъ разными соусами... Отважные въ пылу боя, иные храбрецы плачутъ по-бабьи, увидя дома, какъ ребенокъ раскровянилъ себѣ носъ!..

А нападки на «королей биржи?».. Это-же не ново. Товарищи-эсдеки взяли себѣ привилегію на этотъ видъ спорта,—забывая, что накопленіе милліардовъ требуетъ такихъ-же, особыхъ дарованій, смѣлости и затраты силъ, какъ умѣнье побѣдить врага, особенно, испытывающаго недостатокъ въ снарядахъ и орудіи!.. Я никого не хочу обижать... Это, просто, такъ: моя случайная мысль... А что милліарды, которые даютъ «короли биржи»,—необходимы для борьбы?.. Ну, не буду и говорить о такихъ избитыхъ истинахъ!... Все-же, мы довольны, что слово сказано... Миръ намъ необходимъ. Допустимъ. Но, кто спорилъ противъ этой геніальной догадки? Всѣ мы твердимъ о томъ же. Цѣль у насъ одна... Только—р а з н ы е пути... И о нихъ надо бы столковаться... что бы не плодить новыхъ затрудненій... Ихъ и безъ того довольно у правительства и у нашего верховнаго вождя... Вотъ, мое мнѣніе...

Успокоенный своей рѣчью, неуклонно-примирительной подъ конецъ,—фонъ Бетманъ умолкъ, поглаживая свои холенные усы.

Мекензенъ, опустивъ голову, молчалъ, словно не въ него летѣли всѣ жгучіе укоры, оскорбленія...

— Вы слышали отвѣты на всѣ ваши вопросы, генералъ?—заговорилъ тогда Вильгельмъ. — Убѣдитъ ли васъ то, что сказано здѣсь—не знаю. Но я—согласенъ съ ними... Я говорилъ тоже, что сейчасъ сказали вамъ другіе. Однако... признаюсь: я согласенъ и съ тѣмъ, что говорили вы... Да, да... прошу не удивляться!.. Вашими устами—говорило сердце Германіи, устами остальныхъ—говоритъ ея спокойный, здравый разсудокъ. А это уже старая исторія, что сердце часто бываетъ въ разладѣ съ умомъ. И каждый—правъ по своему... Миръ намъ нуженъ. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, вы правы!.. Но... зачѣмъ же такъ остро ставить вопросъ?.. Стоитъ ли мѣтить въ лѣсу вѣковые дубы, которые и такъ бросаются намъ въ глаза?!. Вѣрьте, я думаю о мирѣ... не меньше васъ. И только не успѣлъ сообщить собранію... Фонъ Бюловъ вернулся изъ своей поѣздки къ союзнымъ государямъ. Онъ не только старался сгладить шероховатости... смягчить слѣды недовольства, какое замѣчалось въ послѣднее время по отношенію къ Пруссіи со стороны остальныхъ государей Германской Имперіи. Ему было поручено точнѣе намѣтить: какъ они смотрятъ на миръ?.. Могутъ ли еще длить борьбу безъ особаго напряженія?.. И затѣмъ тотъ-же Бюловъ, и многіе другіе вліятельныя лица, дипломаты, общественные вожди и высшіе сановники церкви... Они поѣдутъ въ нейтральныя страны... И тамъ поведутъ честную, открытую работу на пользу мира... А въ это же время—тысячи, десятки тысячъ надежныхъ людей начнутъ тайную проповѣдь свою въ странахъ, намъ враждебныхъ. Будутъ дѣйствовать тамъ, обильно—снабженные золотомъ, не стѣсняясь ничѣмъ въ поступкахъ и дѣлахъ. Объ этомъ мы сейчасъ подробнѣе потолкуемъ. Только прежде—постараюсь формулировать все, о чемъ здѣсь говорилось... Что бы мы могли вынести какое-нибудь общее рѣшеніе... хотя бы большинствомъ голосовъ, если не единодушно, какъ я ожидалъ. Къ сожалѣнію, мои надежды не оправдались... И такъ, вотъ что я намѣтилъ; полагаю, въ моихъ резолюціяхъ вопросы изложены подробно и достаточно широко...

Взявъ книжку, Вильгельмъ началъ читать строки, набросанныя имъ, пока въ залѣ совѣта шумѣла буря негодованія, вызванная скорбными словами Мекензена.

. . . . . .

Ясный августовскій день закончился ненастьемъ. Какъ здѣсь часто бываетъ, подулъ сѣверо-западный вѣтеръ, нагоняя тучи съ дождемъ. Отъ порывовъ холоднаго, влажнаго вѣтра въ дворцовомъ паркѣ трепались во всѣ стороны мокрыя вѣтви пожелтѣлыхъ, порѣдѣлыхъ древесныхъ вершинъ; проносясь по улицамъ, вѣтеръ косыми прядями дождя хлесталъ въ окна, поливалъ потемнѣлыя стѣны чистенькихъ домовъ, которые прямыми улицами тянулись отъ Потсдамскаго, городского дворца вплоть до предмѣстныхъ фабрикъ и полей за городскою чертой. На площадяхъ, гдѣ набѣжали блестящія лужи дождевой воды,—вѣтеръ словно не зналъ, куда ему кинуться, въ какую сторону повернуть? Покружившись, поднявъ водяную пыль съ мостовой, онъ, наконецъ, врывался съ легкимъ шелестомъ въ узкое ущелье ближайшаго переулка и мчался по немъ, шевеля вывѣски, громыхая желѣзомъ крышъ, пока снова не вырывался на просторъ другой площади, гдѣ завивался влажнымъ, холоднымъ вихремъ, заставляя рѣдкихъ прохожихъ кутаться плотнѣе въ пледы и плащи... Огни газовыхъ фонарей, потревоженные налетами вѣтра, начинали раскачиваться и мерцать, придавая живую игру блестящимъ, какъ полированная сталь, мокрымъ камнямъ мостовой и тротуара... А немеркнущій свѣтъ электричества казался глазу какъ-то ограниченнѣе, грубѣе, тѣлеснѣе теперь, когда его холодныя, ясныя волны должны съ усиліемъ проникать во влажную, вечернюю полутьму.

Отпустивъ фонъ-Тирпица, котораго послѣ совѣта пригласилъ побесѣдовать къ себѣ въ кабинетъ Вильгельмъ. задумавшись, стоялъ недалеко отъ окна, глядѣлъ на линію огней, двойною лентой искрящихся вдоль улицы, пересѣкающей дворцовую площадь. Онъ еще и еще разъ припоминалъ все, что

пронеслось передъ нимъ, что звучало въ его здоровомъ ухѣ за этотъ долгій, утомительный день... И изрѣдка, безотчетно потиралъ правою рукою затылокъ. Тупая боль, ощущаемая здѣсь, порою становилась нестерпимой.

Часы на каминѣ мягко, протяжно пробили 10. Вильгельмъ стряхнулъ съ себя тяжелую задумчивость, все еще глядя за окно на площадь, гдѣ было свѣтлѣе, чѣмъ въ этомъ обширномъ, высокомъ кабинетѣ, сейчасъ слабо озаряемомъ одною лампой подъ темнымъ абажуромъ, зажженной на письменномъ столѣ, у котораго сидѣлъ императоръ съ фонъ Тирпицемъ. Въ самой глубинѣ, у входной двери, въ углу—пылающій каминъ бросалъ багряныя, невѣрныя пятна и ленты свѣта на стѣны и на близкостоящую мебель, отчего мракъ какъ-бы сильнѣе и гуще сбѣгался по угламъ и подъ сводчатымъ потолкомъ длиннаго, неуютнаго покоя.

Едва умолкъ бой часовъ, Вильгельмъ ощутилъ въ себѣ какую-то невнятную тревогу. Ему почуялось, что кто-то вошелъ, стоитъ у него за спиною, вдали, и не сводитъ съ него упорнаго, напряженнаго взгляда...

Нетерпѣливо поведя плечомъ, онъ подумалъ:

— Какая глупость!.. до чего разыгрались мои нервы...

И, рѣшительно оглянувшись на входную дверь, пошатнулся, издавъ подавленный крикъ ужаса.

Тамъ, слабо-озаренная отблесками изъ камина, стояла женская фигура, вся къ бѣломъ и только, выше пояса, гдѣ сердце, что-то темнѣло и, казалось,—колыхалось, какъ вздрагиваетъ взволнованное сердце у живыхъ людей.

— Бѣла...

Онъ подавилъ свой крикъ, ища глазами ближайшую дверь, куда можно бы скорѣе уйти, чтобы не столкнуться съ незванной гостьей. Но сейчасъ же, устыдясь порыва трусости, сдѣлалъ шагъ къ бѣлому призраку... Это было тѣмъ болѣе кстати, что, навстрѣчу ему звучалъ знакомый, ласковый голосъ:

— Ваше величество... это я!.. Неужели не ждали?..

— Баронесса!.. Милая баронесса!.. Дорогая Мицци!.. Конечно, ждалъ! Но гораздо раньше... и скучалъ уже... и потому такъ... Но... вы озябли?.. Вечеръ отвратительный!.. Сюда... сюда... ближе къ камину... на диванъ. Здѣсь такъ уютно... Я сейчасъ дамъ свѣтъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, прошу васъ, ваше величество!.. Такъ лучше... этотъ полумракъ. Вы знаете: у васъ, съ вами—я люблю посидѣть вотъ такъ, помечтать въ полумракѣ,—глядя на золотисто-багряныя кучи рубиновъ, пылающихъ въ этомъ каминѣ... Милый, старый каминъ! Какъ хорошо мнѣ порою у твоего огня... Какіе чудные часы пролетаютъ здѣсь... хотя, такъ нечасто, къ сожалѣнію!.. Но что съ вами, ваше величество? Вамъ не по себѣ?.. Нездоровиться, можетъ-быть... Боже мой, я такъ всегда тревожусь за васъ всѣ эти мѣсяцы и дни... Правда, вы встревожены... Даже не присѣли ко мнѣ... Или я, можетъ-быть, мѣшаю... не во-время пріѣхала?.. Тогда я... простите...

— О, нѣтъ, нѣтъ, не вставайте!.. Вотъ и я сѣлъ. Вы же знаете: ходить мнѣ какъ-то привычнѣе, но съ вами... я люблю посидѣть... поболтать... Приласкать мою голубую птичку... И чтобы она меня... А, скажите, баронесса... Милая Мицци, почему вы нынче вся въ бѣломъ?.. И къ чему эти огромныя, яркія розы у корсажа?.. Я никогда раньше... Что за парадъ?.

— Ха-ха-ха!... звонко разнесся смѣхъ молодой женщины подъ сводами стариннаго покоя, такого загадочнаго въ этотъ мигъ.—Знаете, что мнѣ припомнилось? Сказка о Красной шапочкѣ...—«Бабушка, бабушка... зачѣмъ у тебя такіе острые зубы? Бабушка, а зачѣмъ у тебя такой большой ротъ?..» Ха-ха-ха!.. Въ бѣломъ я потому, что нынче —мой большой, долго-жданный праздникъ. Я увидѣла моего повелителя... господина моей души и тѣла... моего героя!.. Передъ нимъ склоняется цѣлый міръ. А онъ склоняетъ свою гордую голову на мое слабое плечо... А эти три розы. Онѣ такія-же багряно яркія, какъ моя любовь къ моему господину... И такія-же душистыя, какъ мои мысли о немъ. И такія же волнующія, опьяняющія, какъ его поцѣлуи, его ласки... Вотъ, теперь ясно?..

— Ясно, голубка... Но, бросьте... отколите!.. Дайте, я самъ, такъ! Кинемъ эти розы въ пламя камина, какъ жертву Кипрридѣ и Эросу... такъ!.. И... этотъ лифъ. Снимите... Вотъ вашъ мѣхъ, покройте имъ свои плечи... Меня сегодня раздражаетъ... именно-бѣлый цвѣтъ. И это платье... Мицци...

— Мой любимый... все, что хочешь!.. Вся твоя... Какъ сладко чувствовать твое властное, сильное прикосновенье... Милый!..

— Мицци!.. Ты—живая... не призракъ!.. Я вижу... Ты—женщина... Я осязаю твои плечи, грудь... А та...

— Та? Кто? Какая?.. Что говорите вы, государь? Или, есть другая у моего...

— Нѣтъ, молчите... молчите... Я хочу убѣдиться... Это—настоящая плоть и кровь... Не растаетъ, не распадется отъ прикосновенія... Да... да?..

— Настоящая?.. Вы же знаете: я врагъ всякихъ поддѣлокъ, мой другъ? Это вамъ скажетъ и мой мужъ, и... Ой... однако... мнѣ больно... Вы нечаянно сдѣлали мнѣ больно?!..

— Нечаянно?.. Да, нечаянно... Но... вы потерпите, если я... Ты потерпи, Мицци... Знаешь: какъ люблю, такъ и ласкаю!.. Это такъ пріятно чувствовать упругое тѣло въ своей рукѣ!.. И видѣть, что кровь сбѣгается подъ кожей отъ нажима... И... какъ хорошо!.. Потерпи... помолчи!..

— Я молчу... Но мнѣ очень больно... Ай, кровь... Ай... Что съ вами? Ваши глаза... Ай... помогите... Рудольфъ!.. Сюда... съ государемъ дурно!.. Сюда!..

Вырвавшись изъ конвульсивныхъ объятій друга, баронесса кинулась къ двери, не обращая вниманія на то, что грудь ея обнажена и на лѣвой сторонѣ на плечѣ краснѣютъ три глубокихъ царапины, точащіяся кровью. Пріоткрывъ двери, она снова негромко позвала:

— Рудольфъ, сюда!.. Скорѣе... смотрите!..

Камердинеръ, вбѣжавъ, кинулся къ софѣ, на которой, свѣшиваясь внизъ головой, съ посинѣлымъ лицомъ и съ налетомъ пѣны у рта, лежалъ Вильгельмъ.

— Ничего, ничего!—поправляя больного, подымая и укладывая на подушку его голову, успокоилъ старикъ полуобезумѣвшую женщину.—Это—одинъ изъ его припадковъ, очень рѣдкихъ!.. Внезапное безпамятство... Одѣвайтесь скорѣе... Я васъ выпущу по маленькой лѣстницѣ, гдѣ ждетъ вашъ моторъ. А докторъ сейчасъ явится... Онъ дежуритъ теперь постоянно... въ караульномъ помѣщеніи... И надо будетъ доложить императрицѣ... Вотъ ваша мантилья... боа!.. Успокойтесь... Поѣзжайте съ Богомъ... Опасности нѣтъ!

И онъ, обнявъ, какъ ребенка, повелъ ее къ выходу растерянную, потрясенную.

ЧАСТЬ II.

Къ новой Жизни.

— Блажени кротціи, яко тіи наслѣдуютъ землю.

* * *

— Кто сѣетъ вѣтеръ,—пожинаетъ ураганъ!

В. Шекспиръ.

Ряды могилъ печальныхъ,—неужель
Вы—новой жизни колыбель?

Л. Ж.

Глава I.

На переломѣ.

Фонъ-Бетманъ пригласилъ Геца въ свое купэ; но сюда же вошелъ начальникъ генеральнаго штаба, фонъ-Фалькенгайнъ, а за нимъ—фонъ Яговъ и генералъ Шметговъ, спѣшившіе съ этимъ поѣздомъ вернуться въ Берлинъ.

Завязался оживленный разговоръ о резолюціяхъ, предложенныхъ императоромъ. Фонъ-Лауперъ прислушивался внимательно, но принять участіе въ бесѣдѣ высокихъ сановниковъ, а тѣмъ болѣе,—дружески побесѣдовать со своимъ «наставникомъ», какъ онъ звалъ фонъ-Бетмана,—и думать было нечего.

Только у себя, снявъ мундиръ, усѣвшись въ мягкомъ креслѣ у камина, дымя душистой сигарой, Бетманъ облегченно вздохнулъ:

— Хвалу Творцу!.. Мы—дома. Теперь—поболтаемъ. Главное, что могло васъ интересовать, т.-е. какія рѣшенія были вынесены,—вы, конечно, слышали... Уяснили себѣ изъ оживленной бесѣды, какую я велъ съ моими сотоварищами во время пути, Спрашивайте, если что-нибудь вамъ еще неясно. Я буду отвѣчать. А тамъ чередъ за вами.

— Къ услугамъ, дорогой докторъ, весь и всегда! А спросить?.. Что же? Я почти все разобралъ. Развѣ, подробности... Напримѣръ: на чемъ основана увѣренность императора и другихъ лицъ, что предстоящая кампанія кончится до зимы... и вполнѣ для насъ удачно? Затѣмъ: что могло бы заставить Россію уступить намъ Курляндію... Прибалтику?.. Дать полную автономію Польшѣ, не увеличенной Познанскими областями?.. И еще кое-что... Но, полагаю, если вы обрисуете первое начало, остальное выяснится само по себѣ... И потому—весь обращаюсь въ одно вниманіе...

— Внимайте, сынъ мой!.. Это будетъ небезынтересно для такого опытнаго политическаго работника, какъ вы... Почему они увѣрены въ успѣхѣ?.. Да, вы же... и тѣ, кто работаетъ въ одномъ направленіи съ вами, даютъ намъ поводъ надѣяться... Извѣстія изъ Россіи вполнѣ опредѣленно говорятъ, что раньше весны будущаго года тамъ не успѣютъ подготовиться ни къ новымъ серьезнымъ ударамъ, ни къ тому, чтобы воспротивиться нашему натиску. И мы воспользуемся этимъ. А за куски, отхваченные у нихъ по берегамъ Балтики,—будетъ подъ рукою предложена щедрая расплата... конечно, изъ владѣній Габсбурговъ! Пусть снова русскіе войдутъ въ Галицію... до Кракова!.. Мы имъ очень мѣшать не станемъ. Австрійцы же? Мы ужъ видѣли: что они могутъ сдѣлать безъ насъ противъ напора съ Востока. Они уходятъ на юго-западъ. Съ Богомъ! Если «лоскутная монархія» будетъ раздернута по клочкамъ? Въ добрый часъ. Намъ тоже достанется хорошая простынка: всѣ старыя германскія земли, теперь обезсиленныя, тонущія въ морѣ венгерскихъ и чешскихъ областей. Получится настоящая, единая, сильная Германія... Ну, и тамъ, кой-какія новыя, хорвато-венгро-славян-

скія комбинаціи, совершенно не опасныя для насъ. Какъ и остальные мои сотоварищи, я полагаю, Россія тоже пойметъ свою выгоду: вмѣсто тревожной, бурливой католической Польши—получить родную, смиренную, трудолюбивую Галицію, не менѣе богатую, чѣмъ Привислинскій край...

— А какъ же съ нимъ? Съ этимъ краемъ?

— Усиленный Краковскимъ герцогствомъ, всѣми владѣніями австрійской Польши,—онъ останется въ вѣчной уніи съ Россіей... на манеръ австро-венгерскаго единенія... довольно неудачнаго, какъ мы видѣли порой... Но, это ужъ не наша забота... Германская имперія не желаетъ повторять старыхъ ошибокъ. Довольно съ нея и Познани... Тѣмъ болѣе, что съ образованіемъ автономной Польши, есть надежда, большинство познанскихъ и силезскихъ поляковъ, эти гнѣзда жгучихъ осъ, переселятся въ новое свое Крулевство и наши задачи насажденія культуры на освобожденныхъ земляхъ облегчатся немедленно.

— Не глупо.. если бы оно такъ и случилось.!. Но... русскіе—плохіе политики... Они больше живутъ чувствомъ и не захотятъ уступить ни клочка земли,—хотя бы даже и за щедрое возмѣщеніе...

— Полагаю такъ и я... но... не напрасно же, мой милый докторъ, вы и многіе другіе собираются навѣстить далекую Московію... да еще въ такое, неудобное для визитовъ, время... Вы, конечно, постараетесь тамъ кое-что подготовить... въ видѣ общественнаго мнѣнія... и въ видѣ »движенія народныхъ массъ?» А, неправда ли?

На этотъ осторожный вопросъ отвѣтъ получился не сразу.

Фонъ-Лаунеръ оглядѣлся, какъ бы желая убѣдиться: не можетъ ли кто-нибудь ихъ слышать. Потомъ, затянувшись сигарой, выпустилъ дымъ почти въ огонь камина, посмотрѣлъ, какъ тамъ свивались его кольца, пронизанныя багровымъ отсвѣтомъ горящихъ углей, и, наконецъ, негромко заговорилъ:

— Да, я собираюсь... И вернуться меня просили поскорѣе... Я кое-что сдѣлаю... кой о чемъ разузнаю... подготовлю кой-что... Но... является и у меня вопросъ, не совершится ли въ это время... или, даже, ранѣе... у насъ, дома,—что-нибудь такое, что лучше всякой нашей работы, лучше новыхъ сотенъ тысячъ жизней, посланныхъ на убой... ускоритъ развязку міровой трагедіи...и—совершенно неожиданнымъ образомъ!?.

— Гм... вотъ какъ?!. Признаюсь, кое-что мерещится и мнѣ!..—сразу насторожившись, замѣтилъ Бетманъ. Но, какъ опытный дипломатъ, не сразу приступилъ къ главной сути дѣла, къ важнѣйшему вопросу, ради котораго и пригласилъ на бесѣду своего гостя. Пустивъ пару колецъ дыму, онъ спокойно продолжалъ: — Мы еще объ этомъ успѣемъ поболтать, не правда ли? Теперь вернемся къ нашимъ «баранамъ»... или барашкамъ, какъ хотите? Въ нѣсколькихъ словахъ постараюсь изложить на чемъ основаны «прочныя ожиданія» нашего... геніальнаго вождя и государя?.. Отчасти по собственному вдохновенію, но—больше подъ вліяніемъ дѣловыхъ компаньоновъ и друзей—Балина, Круппа и графа Цеппелина, нашъ «Непобѣдимый и Неукротимый»—порѣшилъ, что, если намъ становится тяжело сверхъ силъ, если мы пришли къ послѣдней грани нашихъ силъ и возможностей, несмотря на многолѣтнюю подготовку... несмотря на выдержку и суровую выправку, слѣпую покорность, какую проявляетъ до сихъ поръ германскій народъ. То у враговъ—дѣла обстоятъ еще хуже, и они только умѣло скрываютъ то, чего не надо показывать никому... Правда: тамъ больше живой силы... тамъ—свои запасы всего, что необходимо для современной войны, не говоря уже о хлѣбѣ и мясѣ... Но—врагамъ надо не только сражаться; имъ приходится перестраивать во время борьбы весь внутренній укладъ жизни, пересоздавать военные порядки, создавать огромныя армій изъ своего людскаго матеріала... А это—куда труднѣе, чѣмъ выдержать натискъ, или самому ударить на врага всей силою кулаковъ, съ всѣмъ отчаяніемъ потрясенной души... Такъ полагаетъ онъ!

— Это не совсѣмъ такъ, наставникъ!

— И я полагаю... что это не совсѣмъ такъ, но...

Бетманъ пожалъ плечами.

— Почему же вы не попытаетесь сказать... вразумить... переубѣдить этого... нашего «геніальнаго» вождя и государя?—повторилъ язвительную похвалу фонъ-Лаунеръ.

— Почему?!. Вы имѣли случай наблюдать этого... великаго человѣка... Развѣ его можно въ чемъ-нибудь переубѣдить, если раньше другіе сумѣли хорошо настроить впечатлительную душу и... глубокій умъ великолѣпнаго кайзера. Только потеряете его послѣднее довѣріе, лишитесь остатковъ расположенія, какія выпадаютъ на долю порядочныхъ, разсудительныхъ людей, а не такихъ... грамофоновъ, отражающихъ голоса Вильгельма Гогенцоллерна, Круппа, Балина и К-о, какимъ является нашъ адмиралъ, фонъ-Тирпицъ!.. Слышали бы вы его нынче... Это было великолѣпно! Сидитъ въ Кильской

своей... щели... Въ этомъ... проходномъ каналѣ... А разговариваетъ такъ, какъ будто уже дважды его эскадры разгромили Лондонъ и по Сенѣ—доплывали до Парижа!.. Видитъ прекрасно, какъ зарвалась эта вся компанія, группа нашихъ финансистовъ, дворянъ-богачей и военно-заводчиковъ съ ихъ негласнымъ главою, кайзеромъ—на челѣ!.. А, все же не унимается, толкуетъ о «счастливомъ исходѣ» предупредительной войны!.. Какая наглость и... словъ не подыщу!.. И всѣ остальные, кто не имѣлъ счастія входить въ эту... компанію,—должны терпѣть, нести убытки... и впереди—видѣть призраки еще большихъ бѣдъ!.. Но, виноватъ. Я уклонился... Это—къ дѣлу не идетъ. Итакъ, нашъ вождь—надѣется на усталость враговъ, на работу дипломатіи явной и тайной, т.-е.—на васъ и на вашихъ друзей... Я имѣю понятіе о томъ, что возложено на васъ... и на тысячи другихъ лицъ, которые уже тамъ, въ предѣлахъ враговъ. Или—еще собираются проникнуть въ эти предѣлы...

— Для васъ, конечно, докторъ, это не можетъ быть тайной... Мы должны пробраться въ главные центры враждебныхъ странъ. Особенно—въ столицы... О террорѣ... о взрывѣ заводовъ, мастерскихъ, о подъемѣ массъ—говорить не буду... Враги тѣмъ же отплачиваютъ намъ. Есть еще болѣе вѣрный, тихій и широкій путь... Надо сѣять слухи, подрывать вѣру въ будущее.. въ армію... Указывать на всѣ преимущества, какія есть у насъ, подчеркивать недостатки, какихъ не мало, конечно, у враговъ и въ военной средѣ, и въ гражданскомъ быту... Словомъ, постараемся создать уступчивое настроеніе, оно перекинется и на войска... О правящихъ кругахъ и говорить нечего... Тѣ—давно устали, какъ и наши «господа»... Но... этого мало... У враговъ, между всѣми четырьмя-пятью державами, существуютъ прочныя соглашенія... Эти соглашенія постоянно, упорно подтверждаются и парламентами, и государями враждебныхъ странъ. Какъ быть съ этимъ? Что говоритъ нашъ... «мудрый» вождь? На что онъ надѣется?

— На разладъ, конечно, какимъ оканчивается всякое «согласіе» на свѣтѣ!.. Движеніе на Балканы сыграетъ рѣшающую роль. Онъ такъ говоритъ. Если мы прочно сядемъ въ Константинополѣ,—это шахъ и матъ Россіи... Если Россія успѣетъ занять Босфоръ,—это неизбѣжное начало разлада между нею и ея союзниками... особенно—Англіей.

— Но, вѣдь, обѣ державы: Франція и Англія—рѣшили пустить туда Россію... Отдать ей «Царьградъ», какъ называютъ славяне...

— «Градъ», но не проливъ. Онъ, по мнѣнію тѣхъ же друзей Россіи, долженъ остаться международнымъ, то-есть—это будетъ вѣчной открытой дверью въ сердце Имперіи, которая, прочно осѣвъ на Босфорѣ, у Дарданеллъ, у выхода на просторъ южныхъ морей и океановъ,—несомнѣнно, перенесетъ и центръ тяжести своей страны на берега Чернаго моря... И пожелаетъ имѣть въ рукахъ ключи отъ пролива, ведущаго въ самое лоно страны...

— О, да! Двухъ мнѣній быть не можетъ, докторъ!

— Вотъ, готовъ уже и «даръ Пандоры»... Ларецъ со всѣми тайными и явными разладами... Такъ думаетъ императоръ. И, если Богиня Войны, т.-е.—Богиня Удачи не дастъ намъ прямыхъ успѣховъ... Онъ надѣется, что враги перегрызутся еще до исхода борьбы и тогда мы ихъ пересилимъ, перекусимъ горло каждому поодиночкѣ... Не глупо, а, для нашего «геніальнаго»?

— Да, это же вздоръ!.. Великія державы—не мелкія стаи балканскихъ народностей, которыя готовы пожирать даже другъ друга даже въ виду явной гибели, какъ Болгарія и Сербія... Или—Греція и другіе мелкіе народы этого полуострова. Если пойдетъ вопросъ о дѣлежѣ?.. Земля велика... Оттиснувъ насъ,—враги получатъ такіе жирные куски, что хватитъ всѣмъ по два Царь-града, не по одному... Плохіе надежды и расчеты у нашего вождя...

— Что же, и «генію» свойственно ошибаться... Вѣдь даже Великій Корсиканецъ...

— Докторъ... уважаемый наставникъ! Неужели и вы ставите нашего... «геніальнаго» на одну доску съ Корсиканцемъ?—Вильгельмъ, по вашему,—тотъ же Наполеонъ?

— Да!.. Да! Только—н а и з н а н к у! Я сегодня рѣшилъ договориться съ вами до конца... И потому—оставлю экивоки... Да, Вильгельмъ Гогенцоллернъ—это Наполеонъ на изнанку!.. Оффенбаховскій.

— Прекрасно сказано... Начинаю улавливать вашу мысль...

— Да, и ловить здѣсь нечего. Дѣло ясно!.. Я хочу вернуть себѣ полное ваше расположеніе, милый мой другъ. Я давно замѣчаю: васъ удивляло, что я, сынъ моей семьи... внукъ того, кто написалъ цѣлые тома о «законности и правовомъ порядкѣ, какъ о текущей задачѣ человѣчества»... Я, Бетманъ-фонъ-Гольвегъ, — не только не борюсь съ массовымъ безуміемъ, владѣющимъ нашими добрыми тевтонами... А порою—словно и поощряю, или стараюсь оправдать необдуманные порывы нашего... «геніальнаго вождя»... Хотя и въ четвертомъ колѣнѣ, но я—сынъ народа Израильскаго, вѣчно стре-

звенья величія родной земли... они помогли даже своимъ уходомъ. Вотъ первый, прочный выигрышъ въ этой борьбѣ... Дальше. Не секретъ для всѣхъ, а тѣмъ болѣе для насъ, что главный нервъ войны—деньги. Ихъ мы собрали мньго. Надо еще. И ихъ дадутъ намъ тѣ, кто ихъ скопилъ, нажилъ милліоны на этой-же войнѣ, цѣною крови народной. Да, говорю прямо. И не «государственный соціализмъ» даетъ отзвуки въ моихъ словахъ. Это—разумная политика, полезная всѣмъ, даже тѣмъ, кто будетъ платить! Промышленность Германіи—ея главная сила!.. Она процвѣтаетъ и, только, ушла пока въ одно-два главныхъ русла, а не разливается тысячью ручьевъ, какъ во дни мира. Теперь за 1 кило продукта фабрикантъ беретъ 10 марокъ, наживая въ пять разъ больше, чѣмъ тогда, когда онъ бралъ 10 марокъ за десять кило и платилъ рабочему четверть настоящей цѣны... Не лучше-ли это для промышленности? Вотъ—моя финансовая система. Военный налогъ далъ много... Онъ долженъ быть развитъ, усложненъ и дастъ новые милліарды, необходимые для борьбы... Дадутъ ихъ и короли биржи... охотно дадутъ, особенно, послѣ того, что скоро должно произойти... Я—ручаюсь въ этомъ!..

Лицо Вильгельма, блѣдное, усталое, теперь оживилось; глаза загорѣлись прежнимъ блескомъ. Еще сильнѣе поднявъ голосъ, онъ продолжалъ:

— Въ чемъ главная опасность, грозящая намъ? Мы—задыхаемся въ своихъ предѣлахъ. Намъ не хватаетъ простору, что-бы развернуть всѣ силы сразу и кончить дѣло однимъ ударомъ. У насъ нѣтъ довольно хлѣба для черни и металловъ для нашихъ смѣлыхъ бойцовъ. Мы мечемся, какъ осажденные въ огромной крѣпости, именуемой Германіей... Враги надѣются задавить насъ, взять изморомъ. Этого не будетъ!.. Близокъ часъ. Черезъ Софію, черезъ Константинополь—мы выйдемъ на свѣжій воздухъ, на просторъ. Силы наши воспрянутъ... Увидимъ, что будетъ тогда?!. Я не слова говорю, не утѣшаю себя и васъ! Я не отважнѣе, не безразсуднѣе моихъ министровъ и генераловъ, хотя понимаю и цѣню ихъ благоразуміе и осторожность... Только, надо помнить одно... Если на нихъ лежитъ отвѣтственность передо мною и передъ народомъ,—то на меня возложена еще болѣе тяжкая отвѣтственность: не только передъ тѣмъ-же народомъ, но и передъ Богомъ, передъ исторіей, передъ моей династіей, наконецъ! Я уже раньше здѣсь сказалъ: неудача войны—паденіе Гогенцоллерновъ! И я, все-таки, говорю: впередъ! Желая обезпечить надолго миръ нашей родинѣ,—будемъ вести войну всѣми силами и расширять ея поле безъ страха! Чего бояться? Особенно—вамъ, въ лицѣ которыхъ я вижу олицетвореніе всего народа! Пусть—неудача. Жертвой искупленія буду я... Пораженіе можетъ только ослабить вилу напряженія, упорство сопротивленія тевтонскаго народа. Но ядро останется... оно—нерушимо!.. Ни одинъ побѣдитель не сотретъ ни единой черты съ нашей народной души... И мы воспрянемъ, окрѣпшіе вдвое. Въ этомъ я согласенъ съ канцлеромъ. Но—пораженія не будетъ. Вспомнимъ прошлые, недавніе дни!.. Пали стальные форты Перемышля... Австрія, разгромленная, молитъ о помощи насъ, насъ, трижды пережившихъ тройной откатъ отъ незащищенной Варшавы... Англія и Франція тяжкими снарядами своихъ дредноутовъ громятъ двери моего Константинополя... И мы не растерялись. Мы понимали: бѣда не такъ ужъ непоправима... Если начало несло за собою невольныя ошибки... такъ старательно подчеркнутыя въ рѣчи нашего уважаемаго канцлера,—то нашлось и лекарство противъ болѣзни. Зиму мы работали, какъ негры... И, что-же? Какая перемѣна декорацій?! Варшава—за нами... Мы у Риги, у Двинска... Англія дрожитъ за свою жемчужину, за Суэцъ. Франко-британскіе полки готовы оставить клочекъ Галипольскаго берега, стоившаго имъ 200—300 тысячъ жизней!.. Мы—всюду ширимся, растемъ на глазахъ цѣлаго міра, цѣпенѣющаго отъ страха!.. Болгары—связали съ нами свою судьбу, пошли на своихъ-же братьевъ. И мы скоро удивимъ еще больше этотъ ничтожный міръ предателей, трусовъ и торгашей!.. Чередъ теперь за Россіей. Не бойтесь. Я не повторю ошибокъ Наполеона. Остріе своего желѣзнаго клина онъ вонзилъ въ Москву и этимъ думалъ на щепы расколоть славянское царство. Клинъ врѣзался плохо, былъ вытолкнутъ обратно... Наполеонъ съ цѣлою арміей отброшенъ былъ далеко... И, черезъ Парижъ, черезъ Лейпцигъ и Фонтенбло—докатился до Св. Елены!.. Я не желаю подобнаго конца. Мы поступимъ иначе. Силъ у насъ хватитъ, хотя и говорилось здѣсь, что резервовъ и денегъ у насъ мало, что они истощены... Но подумайте: и враги не изъ сказочнаго мѣшка берутъ деньги и людей... Ихъ больше, вы правы. Но и земли ихъ шире... Тамъ сила народная—распыляется... У насъ—отъ тѣсноты она удваивается!.. Наконецъ, мы теперь проложимъ широкій путь въ Турцію, въ Персію... Тамъ ждутъ насъ. Оттуда потекутъ людскія волны... Каждый нѣмецкій солдатъ станетъ во главѣ роты персовъ, турокъ, арабовъ, словомъ, всей этой человѣческой пыли. Какъ боевой матеріалъ—они незамѣнимы. Ихъ можно, какъ русскихъ, вести на убой до послѣдняго, они не дрогнутъ. У Дарданеллъ узнали враги, что значитъ солдатскій фатализмъ турецкихъ аскеровъ! Съ помощью этихъ изувѣровъ мы оттѣснимъ еще дальше враговъ на ихъ земли... Займемъ Суэцъ, Египетъ. А противъ Россіи?.. Тамъ мы

развернемся сплошною стѣной... Войдемъ въ Москву, въ Петербургъ. Дойдемъ до Кіева... Тогда посмотримъ, скажетъ-ли снова этотъ упорный народъ: «Борьба до конца!» Конецъ дадимъ мы, это будетъ—наша побѣда! Тогда снова чередъ за Франціей... И ужъ потомъ—сведемъ свои старые счеты съ британскими торгашами!.. Настанетъ ихъ чередъ! Вотъ наши лозунги и планы на послѣдній періодъ борьбы... Вотъ мое рѣшеніе. Будемъ же готовы къ работѣ... И, Богъ на помощь!.

Негромкимъ, но сильнымъ боевымъ звукомъ закончивъ послѣдніе слова, Вильгельмъ умолкъ, обводя глазами сидящихъ, очевидно, ожидая одобренія со стороны большинства,—готовясь выслушать неизбѣжныя возраженія со стороны двухъ-трехъ изъ числа «непримиримыхъ», и даже его пальцы почти непроизвольно взялись за карандашъ, лежащій на раскрытой записной книжкѣ, чтобы отмѣтить: кому и что надо возразить въ видѣ послѣдняго отвѣта?

Но всѣ 15—16 человѣкъ, сидящихъ вокругъ,—глядя въ свою очередь на него,—не издали ни звука, дѣлая видъ, что ждутъ продолженія рѣчи, которая, по ихъ убѣжденію, еще не закончена, а только прервана посрединѣ. Съ различнымъ выраженіемъ, но лица первыхъ сановниковъ имперіи, всѣ, казалось, говорили одно:

— Мы слушаемъ дальше! Продолжай...

Этотъ безмолвный, но тѣмъ болѣе сильный отпоръ на мгновеніе смутилъ даже Вильгельма, который рѣдко смущался или терялъ самообладаніе, несмотря на всю порывистую нервность, присущую ему. За четверть вѣка царствованія не мало тяжелыхъ, даже унизительныхъ минутъ приходилось переживать императору и королю тевтоновъ. Но сейчасъ особенно ясно почувствовалъ онъ, что только серьезность минуты и тяжелое положеніе дѣлъ не позволяетъ людямъ, сидящимъ противъ него, высказаться такъ, какъ бы они хотѣли... И, конечно, рѣчи ихъ звучали бы не одобреніемъ...

Но, пользоваться положеніемъ диктатора Вильгельмъ на этотъ разъ не пожелалъ, даже—не рѣшился. Онъ понялъ, какъ необходимо дать выходъ тому, что таится подъ общимъ молчаніемъ. Едва сдерживая свое раздраженіе, карандашемъ, который такъ и плясалъ у него въ пальцахъ, отодвинулъ онъ свою, пока—безполезную книжку и почти рѣзко задалъ вопросъ:

— Что-же? Или никто не желаетъ больше высказаться? Мы ждемъ... просимъ!..

Настало новое молчаніе, но болѣе краткое и не такое уже напряженное.

— Я просилъ бы... если ваше величество и всѣ гг.. члены пожелаютъ. Я хотѣлъ бы подѣлиться тѣмъ, что меня смущаетъ сейчасъ... Поставить вопросы, на которые желалъ бы получить, если возможно, отвѣтъ!—первымъ подалъ голосъ генералъ фонъ-Мекензенъ, сидящій на дальнемъ концѣ стола, противъ Вильгельма.

Очевидно, онъ очень волновался, почти робѣлъ. И это было такъ странно въ человѣкѣ, отвага котораго и выдержка, хладнокровіе въ самыя опасныя минуты вошли въ поговорку среди военныхъ.

Красивый, крутой и высокій лобъ храбреца, сильно —нависающій надъ глазами, покрылся крупными каплями пота. Почти страданіе написано было на лицѣ, съ грубоватыми, крупными чертами, съ суровымъ, даже жестокимъ выраженіемъ. Лицо это напоминало старыхъ служакъ-фельдфебелей. Его скрашивали большіе, голубые глаза, скорбные, мечтательные, какъ будто взятые совсѣмъ у другого человѣка, съ нѣжною, чуткой душой, и вставленные въ глубокія глазницы подъ густыми, ровными, нависающими сверху бровями.

По лицу генерала видя, что онъ готовится возражать и довольно рѣшительно, императоръ, все-таки, обрадовался, что тяжелое молчаніе, наконецъ, нарушено.

— Прошу васъ, говорите... Мы слушаемъ, генералъ!—торопливо пригласилъ онъ и усѣлся удобнѣе въ креслѣ, повернувъ правое ухо навстрѣчу голосу Мекензена.

Нервно, безо всякой надобности поправляя орденъ Желѣзнаго Креста подъ короной, висящій у него на шеѣ, генералъ заговорилъ негромко, даже порою обрывая рѣчь, словно не сразу находя выраженія, или взвѣшивая мысли, наплывающія слишкомъ поспѣшною, бурной чередой.

— Я, ваше величество, хотѣлъ бы... Мнѣ кажется, если бы всѣ, сидящіе здѣсь, не знали навѣрное, что я каждую минуту готовъ... что не побоюсь отдать всю кровь... вмѣстѣ съ жизнью за счастье Германіи... за моего государя... Я бы не сказалъ того, что хочу... Но, всѣ знаютъ, какъ велъ я полмилліона людей, словно живую стѣну, противъ стѣны изъ огня и стали, которою встрѣчали насъ враги... И самъ не колебался... И не дрогнули мои батальоны, видя, что я ничего не боюсь!.. Чувствуя мое убѣжденіе, что надо идти впередъ, хотя сотни тысячъ людскихъ тѣлъ оставляла за собою наша стѣна-фаланга, какъ широкій, неизгладимый изъ памяти, слѣдъ. Всѣ видѣли... знаютъ! И, если снова придется идти... будьте увѣрены: мы пойдемъ... И будемъ гибнуть, если ужъ такъ необходимо. Тысячами будутъ замерзать наши храбрецы зимою въ окопахъ... Съ пѣснями пойдутъ на убой... Но мы

ете: на каждомъ мѣстѣ нуженъ свой человѣкъ. А Вильгельмъ, онъ не на своемъ мѣстѣ... Это теперь ясно. Онъ сгубитъ нашу родину...

— Да, это Рокъ... Рокъ дѣлаетъ свое, вы правы, докторъ... Но, когда народъ и войско убѣдятся... увидятъ, поймутъ, какъ дѣло плохо... Вѣдь тогда?.. Докторъ...

— Тогда—нѣсколько плохихъ часовъ придется пережить нашему... «геніальному» кайзеру... Это ясно, какъ пламя въ каминѣ... Онъ—въ положеніи романиста, который придумалъ завязку, вывелъ героевъ. Но теченіе романа и развязка — зависятъ не отъ него. Здѣсь все—зависитъ отъ желѣзныхъ законовъ логики.

— Значитъ, если хотѣть скорѣе конца... надо помогать его... промахамъ?.. А не остерегать отъ нихъ?.. Я начинаю понимать, докторъ...

— Я ничего не сказалъ еще прямо... Хотя... промахи идутъ одинъ за другимъ. Вотъ, нынче, напримѣръ, во время бесѣды передъ Совѣтомъ... онъ мнѣ, какъ своему единственному другу намекнулъ, что группа банкировъ и капиталистовъ, не вошедшая по нѣкоторымъ причинамъ въ ту компанію, которая своимъ негласнымъ главою—избрала его... Что эти богачи не должны обижаться... На всѣхъ хватитъ выгодъ послѣ войны... А пока мы должны больше отзываться на нужды имперіи... По его мнѣнію, германскіе и австрійскіе Ротшильды недостаточно патріотичны! Ихъ кузены во Франціи и въ Англіи, чтобы смыть съ себя пятно родства съ германскимъ корнемъ,—даютъ десятки милліоновъ на войну! Слѣдовательно, и нашимъ, особенно, тѣмъ банкирскимъ семьямъ, которыя наживались и отъ Германіи... и отъ ея враговъ...

— Это—намекъ, докторъ?

— И довольно грубый, на то, что Бетманы изъ Франкфурта—были издавна банкирами Россійскаго Правительства... Словомъ, мы—мало еще платимъ за право дышать воздухомъ родины и лицезрѣть нашего геніальнаго...

— Безумца!—досказалъ за хозяина фонъ-Лаунеръ.

— Тутъ все найдется: и отъ безумія, и отъ разсчета... Отъ человѣка, и отъ звѣря... Все перепуталось въ одинъ клубокъ. Хотя—больше отъ звѣря... Я давно наблюдаю за нимъ. За моимъ «единственнымъ» другомъ!..

— Нынче—и я удостоился этого названія, наставникъ.

— О, я знаю. Онъ любитъ покупать людей дешево: любезными словами... Ремесло повелителя—изучилъ онъ хорошо за эти 26 лѣтъ. И—тѣмъ онъ опаснѣе... Да, да! Лаунеръ, говорю вамъ прямо... Богъ знаетъ, чѣмъ грозятъ намъ новыя авантюры этого человѣка... Онъ порою бываетъ непостижимъ. Я допускаю: каждый, самый уравновѣшенный человѣкъ можетъ быть злымъ, бездушнымъ, безпощаднымъ. Но—для этого необходимы причины огромной силы и важности... И, затѣмъ, самое яркое настроеніе вражды, жестокости у нормальнаго человѣка слабѣетъ, выдыхается... гаснетъ.. Но есть иныя души... отъ рожденія жестокія, безпощадныя ко всему окружающему... умѣющія жалѣть—только себя... Такимъ тяжело быть... или казаться человѣчными, когда этого требуютъ условія обычной жизни. Когда же нарушается стройный ходъ человѣческаго бытія... Когда можно проявить всю кровожадность и злобу... Тогда эти люди счастливы... горды тѣмъ, что даже звѣри могутъ уступить имъ въ лютости... Къ такимъ принадлежитъ и нашъ императоръ и король, милостью Божіей, грядущій повелитель полуміра,—Вильгельмъ Гогенцоллернъ...

— Нѣтъ!—неожиданно страстно вырвалось у фонъ-Лаунера.—Если бы даже Судьба, слѣпая и бездушная, послала этому... безумцу успѣхъ... Этого—не будетъ! Онъ не используетъ своей удачи... Слушайте, докторъ! Я рѣшаюсь вамъ сказать... послѣ того, что слышалъ отъ васъ. Въ Германіи—много людей... Сотни тысячъ... Нѣтъ, милліоны, которые думаютъ подобно вамъ и мнѣ... Вильгельмъ Гогенцоллернъ снялъ маску... Открылъ свое лицо. Отъ ногъ до головы онъ забрызганъ, залитъ родною и чужой человѣческой кровью... И не мѣсто на этой головѣ ни для какой короны, не только—священной, Римской и Германской имперіи!.. Это—надо измѣнить...

— Словами... мечтами, Лаунеръ?

— Нѣтъ, руками... дѣлами!.. Въ арміи теперь сорганизованы, слиты стойкіе кадры... Партія соціаль-демократовъ безъ различія оттѣнковъ,—пойдетъ за кличемъ: «Свободная Германія—для народа! Народъ для свободной земли, гдѣ, по старому, должна процвѣтать наука и миръ!..»

— Хорошія слова! Почти позабытыя, къ сожалѣнію, Лаунеръ.

— Ихъ вспоминать началъ германскій народъ. Увидите, докторъ... Силы есть... Нужны вожди... и...

— Деньги?.. Понимаю... Что-же: предпріятіе широкое... и при удачѣ—можетъ принестихо-

рошіе проценты на затраченный капиталъ... Я... побесѣдую кой съ кѣмъ. Подумаю... то-есть... взвѣшу... всѣ данныя за... и противъ. И дамъ вамъ знать... Скажите: какъ?

— Вотъ здѣсь двѣ брошюры, дорогой наставникъ!—быстро проговорилъ Гецъ, вынимая два тоненькихъ отчета по дѣятельности городского попечительства о бѣдныхъ въ Лодзи. — Одна — мнѣ, другая вамъ. Цифры—будутъ означать: страницу, строчку и букву. Остальное...

— Само собою понятно. Адресъ?

— Пока—вотъ этотъ!—подалъ ему лоскутокъ бумаги фонъ-Лаунеръ.—Потомъ я дамъ знать, если перемѣню его...

— Прекрасно!.. А пока... чокнемтесь... Бокалы наши выдохлись... Выпьемъ за успѣхъ вашихъ затѣй!..

— Отъ всей души, докторъ! Чтобы скорѣе намъ избавиться отъ этой смѣси... звѣря и маніака...

— Гмъ да... невкусное снадобье... Mais il le faut avaler!.. Знаете, мой другъ... quand le vin est tiré...

— По-французски развѣ у васъ говорятъ, наставникъ?

— Pardon! Забываю все... Ну, такъ чокнемся молча... безъ всякихъ тостовъ!..

Въ номерѣ гостиницы, въ Берлинѣ, гдѣ фонъ-Лаунеръ остановился вмѣстѣ съ Франке, юноша уже крѣпко спалъ, когда его товарищъ, около часу ночи, вошелъ осторожно въ комнату, щелкнулъ затворомъ, но электричество не вспыхнуло.

— Чортъ побери! Я и забылъ, что Берлинъ сберегаетъ уголь!—пробормоталъ онъ, зажигая свѣчу и озаряя ею среднюю часть номера, замѣняющую гостиную и отдѣленную легкими перегородками отъ двухъ альковов, гдѣ стояли кровати.

У окна, посреди комнаты—стоялъ небольшой письменный столъ, куда прежде всего кинулъ взоръ фонъ-Лаунеръ. Тамъ, на темной покрышкѣ небольшого бювара—бѣлѣли три-четыре конверта различной величины,—почта, которую, очевидно, онъ поджидалъ.

Сбросивъ мундиръ, фонъ-Лаунеръ, досталъ изъ бокового кармана небольшую тетрадку въ клеенчатомъ переплетѣ, вродѣ ученическихъ.

Прочитавъ первое письмо, онъ раскрылъ тетрадку на извѣстномъ мѣстѣ и внесъ сюда рядъ какихъ-то цифръ, напоминающихъ химическія формулы, перемежающіяся съ буквами. Такъ поступилъ онъ и съ остальными письмами. Тетрадка Лаунера была подѣлена на двѣ половины; на первомъ листкѣ была надпись: «Старыя формулы».—Алхимія.—Здѣсь онъ отмѣчалъ то, что относилось къ его работѣ по шпіонажу служебному.

Въ срединѣ тетрадки, тоже на отдѣльномъ листкѣ—стояла вторая надпись:

— «Новыя формулы» —Химія прежняя и новая.—Здѣсь—велась запись таинственныхъ дѣлъ, творимыхъ фонъ-Лаунеромъ за свой рискъ и страхъ.

Первое письмо, подписано было двумя буквами: A. N. Въ отдѣлѣ—«Новыя формулы» Лаунеръ нашелъ листокъ, на которомъ по-латыни написано было:

— Argent. Nitric., т.-е. «Азотистое серебро».

Здѣсь прежде всего стояла римская цифра V, въ качествѣ ключа. Она указывала, что буква A переносится на пятую букву азбуки, т.-е. на E. Дальше шли столбцы и цѣлыя строчки цифръ, перемежающіяся съ плюсами, минусами и другими математическими отмѣтками и химическими формулами, вродѣ H_2O; 2 Fer. bichlor.; Alumen. Acet. и проч.

Никакому жандарму и въ голову не могло прійти, что это—особая тайнопись, при помощи которой фонъ-Лаунеръ отмѣчалъ наиболѣе важное, что надо было сохранить въ памяти изъ его обширной переписки.

Отмѣтивъ въ тетрадкѣ всѣ прочтенныя письма,—онъ сжегъ самые листки на рѣшеткѣ камина. Потомъ—ногой притопталъ и растеръ пепелъ, зная, что слѣды чернилъ остаются даже на обугленной бумагѣ.

Около часу прошло, пока закончилъ свою работу опытный заговорщикъ. Потомъ, осторожно ...ся къ одному изъ альковов, онъ приподнялъ занавѣску, замѣняющую дверь, и негромко позвалъ:

— Юліусъ, дитя мое!.. Вы дрыхнете? Неужели еще не выспался, сурокъ этакой? А?

— Есть, г. капитанъ! Я давно не сплю, только не хотѣлъ мѣшать вашей работѣ... Удачно-ли съѣздили, г. капитанъ?

— «Такъ-танъ-танъ, да не тотъ кафтанъ!..» Чутья нѣтъ у васъ, дитя мое! Поѣхать во дворецъ

капитаномъ и вернуться имъ-же? Не стоило покупать желѣзно-дорожнаго билета въ Потсдамъ для подобной скаредной игры! Нѣтъ, я—подполковникъ его величества... пока еще онъ не успѣлъ нацѣпить мнѣ генеральскихъ эполетъ. Но и этого не долго ждать, мой чижикъ!

— Правда?—радостно откликнулся Франке, отодвигая ноги, чтобы очистить мѣсто для товарища, опустившагося на край постели.—Значитъ: дѣла идутъ хорошо?

— Превосходно. Уже вьются двѣ веревки. Которая раньше будетъ кончена одною изъ трехъ пряхъ, трехъ Сестеръ Рока,—на той и придется первому висѣть мнѣ... или... Ну, тамъ ужъ будетъ въ исторіи отмѣчено это уважаемое имя... Не станемъ предупреждать событій. А у васъ глаза такъ и разгорѣлись. Интересно знать: какъ и что? Ну, слушайте!..

Попыхивая зажженной сигарой, фонъ-Лаунеръ сжато, но обстоятельно и красочно описалъ свое посѣщеніе дворца, передалъ бесѣду съ Вильгельмомъ.

Франке слушалъ внимательно, молча. И только заволновался, когда Гецъ закончилъ сообщеніемъ, что завтра они оба должны ѣхать на свиданіе съ кайзеромъ:

— Зачѣмъ, ну, зачѣмъ?! Къ чему вы это такъ устроили, докторъ?—искренно смущенный, недовольный, проговорилъ онъ.

— Надо было, дитя мое! Какъ вы не понимаете? Я спасалъ себя... Вы-же слышали: на меня былъ доносъ.

— Но при чемъ тутъ моя особа?.. Почему я замѣшанъ?..

— О, наивность!.. Слушайте... Помните краснорожаго Нидермайера, моего сосѣда по палатѣ въ варшавскомъ госпиталѣ?

— Который все Библію читалъ?! Какъ-же, отлично помню...

— Да, Библію! И читалъ особенно усердно, когда мы съ вами вели безконечные, надо признаться, довольно зеленые споры... Однажды, этотъ сосѣдъ вышелъ изъ палаты, а я заинтересовался его Библіей. Думаю: нѣтъ ли въ ней соблазнительныхъ картинокъ, какія особенно любятъ разглядывать такіе краснорожіе ханжи?.. Усердное чтеніе это давно казалось мнѣ подозрительнымъ. Перелистываю книгу,—ничего... Библія, какъ Библія... Только, въ одномъ мѣстѣ—лежитъ два листочка чистой почтовой бумаги, словно наготовѣ. И огрызокъ карандаша... Былъ, очевидно, и третій листокъ, но онъ убранъ, исписанный... Только на листкѣ, который раньше былъ подъ исписаннымъ, а теперь лежалъ сверху,—на немъ остались ясные нажимы, слѣды буквъ, выведенныхъ тяжелой, грубой рукой... Первыя слова, составленные изъ этихъ слѣдовъ—такъ и кольнули меня въ глаза... Вотъ этотъ листокъ.

Изъ объемистаго портмонэ фонъ-Лаунеръ досталъ листокъ почтовой бумаги, развернулъ его, положилъ передъ Франке на ночномъ столикѣ, уронивъ на бѣлую поверхность листка пепелъ своей сигары, и осторожно пальцемъ растеръ эту кучку пепла по всей поверхности. Получились слабыя, но довольно разборчивыя очертанія буквъ.

На первой строкѣ—стояли имена: «Юліусъ Франке, рядовой 13-го пѣхотнаго. Гецъ фонъ-Лаунеръ, онъ-же —Отто Кнауэръ, оберстъ.

Дальше шли отрывочныя фразы изъ бесѣды, которую вели оба друга.

— Такъ этотъ толсторожій негодяй?!—воскликнулъ Франке, разобравъ строки.

— Одинъ изъ шпіоновъ, которыхъ такъ много въ нашей арміи. Конечно, императору пошелъ объ насъ подробный докладъ. Теперь вамъ ясно, что я первый вынужденъ былъ заговорить о васъ, передать кайзеру то, о чемъ мы толковали... Я почти не преувеличилъ вашихъ симпатій, которыя вы открыто высказывали по отношенію къ Вильгельму, къ его политикѣ... Только пояснилъ, что умышленно выпытывалъ васъ, сбивалъ съ пути... словомъ выступилъ въ роли провокатора, чтобы лучше васъ вызнать, проникнуть къ вамъ въ душу... И поручился моему державному начальнику, что лучше и полезнѣе васъ слугу—ему трудно отыскать!.. Вотъ и все...

— Далеко не все... Слугой быть я никому не желаю... кромѣ родины и своего народа! Мои основныя убѣжденія... вы ихъ знаете!.. Какъ же вы могли?..

— Не сердитесь, дитя мое! Я вамъ сказалъ открыто: я спасалъ себя... это—разъ. Второе... Слушайте!.. Если вы, дѣйствительно, хотите служить своей родинѣ и народу... То вы должны помочь мнѣ... еще въ одномъ направленіи... Клянусь вамъ: то, что я затѣялъ, о чемъ мы съ вами говорили... Это сбудется... скоро... И приведетъ къ умиротворенію родины, къ счастію и величію Германіи... Но мнѣ нужно имѣть здѣсь человѣка, на котораго я могу положиться, пока буду тамъ, въ Россіи, исполнять свои... «служебныя обязанности»... Понимаете? Вильгельмъ если заинтересуется человѣкомъ,—онъ первое время то и дѣло старается его вызнать, бесѣдуетъ, вызываетъ на откровенность, дѣлая видъ, что и самъ все говоритъ безъ утайки... И вы должны мнѣ сообщать все, что будете видѣть во

дворцѣ... и слышать отъ самого кайзера... Это мнѣ необходимо... Ну, что-же, неужели еще будете упрямиться, мой милый мечтатель? Когда является возможность принести настоящую пользу дѣлу возрожденія отчизны!..

— О, если бы такъ!..

— Это такъ, вѣрьте мнѣ! Клянусь... головою... моей замученной невѣсты!.. Можетъ ли быть иначе? Всѣ недовольны. Всѣ устали... Всѣ ждутъ конца войны... ищутъ выхода... И не тамъ, гдѣ ищетъ его нашъ кайзеръ. Онъ заботится о себѣ... о своей династіи... О тѣхъ милліардахъ, которые вложены имъ самимъ и его друзьями въ эту гибельную аферу, въ ужасную войну!.. Не говоря о военныхъ заводахъ, пароходныхъ компаніяхъ и колоніальныхъ обществахъ, гдѣ первымъ стоитъ имя коронованнаго пайщика, Вильгельма Гогенцоллерна... Намъ же необходимо—спасеніе родины... Кромѣ того, есть же и другіе интересы у стомилліоннаго народа.. Есть другія группы финансистовъ и промышленниковъ. Есть мелкое земельное дворянство, которое разоряется... И этихъ больше, чѣмъ авантюристовъ-юнкеровъ, готовыхъ проливать кровь нѣмецкихъ крестьянъ и горожанъ ради личныхъ корыстныхъ цѣлей!.. Эти--всѣ примкнутъ къ намъ. Это--яснѣе дня... Даже—Бетманъ понялъ это и далъ полусогласіе...

— Самъ канцлеръ!.. Быть не можетъ!..

— Почему же нѣтъ. Явится-ли у насъ новая династія, или мы изберемъ президента Соединенныхъ Германскихъ Штатовъ Центральной Европы... При всякомъ правителѣ странѣ нужны будутъ и канцлеры, и министры... На этомъ и ловимъ мы въ разныхъ департаментахъ нашихъ господъ, которые особенно необходимы намъ теперь. Они—лучше всѣхъ знаютъ недостатки правительственной машины... и даютъ намъ въ руки могучіе рычаги... Вообще, безъ этихъ господъ въ цилиндрахъ намъ никакъ не обойтись!.. Вы должны были убѣдиться: народъ, въ широкомъ смыслѣ слова,—не способенъ къ разумной, руководящей дѣятельности, къ творческимъ начинаніямъ. Оно и понятно. Изъ вѣковыхъ рабовъ чаще всего выходятъ или новыя жертвы... или—палачи, угнетатели прежнихъ собратій. Только очень рѣдко изъ темныхъ низовъ появляются одаренные геніемъ в о ж д и-освободители... Либералы и говоруны изъ правящихъ классовъ? Рѣдко иной изъ нихъ, подобно Лассалю,—по настоящему любитъ и понимаетъ громаду людскую... Это, «дурно-пахнущее» человѣческое стадо,—изнеможенное, безправное! Оттого такъ и замедляется поступательное движеніе прогресса, развитія человѣчества. Но я вѣрю: теперь настало время, когда можно найти новые выходы... Когда... Эхъ, да что толковать! Скажите, вы еще раздумываете, юный метафизикъ?

— О, нѣтъ, нѣтъ! Я вижу, вы правы... Завтра... везите... поѣду. И постараюсь... Только, боюсь, что не сумѣю... Придется явно лгать... лицемѣрить... А я совершенно не способенъ на это... Меня передергивало всего, когда я читалъ, какъ нашъ эс-декъ Фендрихъ въ своей книгѣ кадитъ грубой лестью этому странному человѣку... Я не сумѣю... Мнѣ претитъ отъ одной мысли...

— Пустое, дитя мое!.. Не даромъ сказано: «будьте чисты, какъ голуби, и мудры, яко зміи!» Въ настоящее время нельзя пускаться въ политическую работу при наличіи наивности душевной... Лучше отойти, чтобы не повредить и себѣ, и дѣлу... А для ободренія вашего и для примѣра разскажу вамъ недавній случай... Вотъ также пригласилъ Вильгельмъ къ себѣ на бесѣду одного вожака радикаловъ. Большого умницу, непреклоннаго человѣка! Больше часу юлилъ передъ нимъ, разсыпался, что называется, мелкимъ бѣсомъ... А подъ конецъ и спрашиваетъ прямо, въ упоръ, какъ только у него хватаетъ рѣшимости:—«Что-же, убѣдилъ-ли я васъ, уважаемый профессоръ?»

— Ну, и что-же тотъ отвѣтилъ? Солгалъ?

— Нисколько! Глядя въ глаза Вильгельму, тотъ отвѣтилъ: «О, ваше величество! Теперь у меня сложилось совершенно опредѣленное убѣжденіе. И, вѣрьте, оно соотвѣтствуетъ всей глубинѣ и, главное, всей и с к р е н н о с т и взглядовъ и мыслей, высказанныхъ вашимъ величествомъ во время этой бесѣды!..»

— Что-же Вильгельмъ на это?

— Что? Пристально поглядѣлъ на моего пріятеля... Ничего больше не спросилъ и простился съ нимъ очень любезно, надо замѣтить.—Самъ лукавецъ, онъ любитъ встрѣчать проявленія гибкаго изворотливаго ума въ другихъ...

— Я не сумѣю... я совсѣмъ сумѣю!..

— Боже, какое отчаяніе!.. Не будетъ-ли слезъ? Не надо ли мнѣ спрятаться у васъ въ карманѣ, другъ мой, и оттуда суфлировать?.. Полагаю, что нѣтъ!.. Такъ оставьте-же эти гамлетовскія восклицанія... Помните: Германія на краю гибели... и надо ее спасать... Больше не скажу ни слова... И, вообще, пора на отдыхъ!.. Ровно въ 8 утра я велѣлъ насъ будить... Доброй ночи!..

Крѣпко пожавъ руку Юлію, фонъ Лаунеръ ушелъ въ свой альковъ.

Огромный роскошный вокзалъ во Франкфуртѣ на Майнѣ принялъ совершенно особенный видъ, необычный для него даже за всѣ эти 15 мѣсяцевъ боевой страды.

Уже въ началѣ августа съ западнаго фронта, особенно изъ 4-ей арміи фонъ-Эйнема, стали поступать въ Главный штабъ тревожныя вѣсти: французы, около года смирно сидѣвшіе въ землѣ, ограничиваясь обороной, занятыхъ ими позицій,—вдругъ зашевеллиись весьма угрожающимъ образомъ. Всѣ признаки говорили о подготовкѣ къ могучему удару, къ широкому наступленію со стороны притаившагося было врага...

Эти дурныя вѣсти особенно были непріятны для Вильгельма и его генераловъ теперь, когда они задумали новый, великолѣпный ударъ на востокѣ. Но приходилось считаться и съ починомъ враговъ... Дни и ночи сидѣли надъ картами вожди армій... Въ штабахъ работали по суткамъ безъ сна... Были спѣшно выработаны новыя начертанія, планы, путевыя расписанія... Отъ Западной Двины до передовыхъ окоповъ во Франціи, по всей средней Германіи было пріостановлено всякое частное движеніе, грузовое и пассажирское, одинаково. И потянулись въ обѣ стороны бекзонечные воинскіе поѣзда съ людьми, снарядами, со всѣмъ тѣмъ, что нужно сотнямъ тысячъ вооруженныхъ людей, перебрасываемыхъ спѣшно съ одной линіи боя на другую, за нѣсколько сотъ верстъ отъ прежнихъ стоянокъ. И, въ то-же время,—сотни поѣздовъ со всѣхъ сторонъ подвозили на главный путь безъ конца резервы изъ тѣхъ ближнихъ и дальнихъ городовъ, гдѣ собирался и обучался могучій потокъ новыхъ людей, обреченныхъ въ извѣстный часъ стать на мѣсто выбывшихъ бойцовъ и стоять тамъ, пока ихъ не скоситъ смерть... Пока не очистятъ они мѣста для новой лавины свѣжихъ человѣческихъ существъ... И такъ безконца!..

Съ перваго взгляда казалась безцѣльной переброска боевыхъ единицъ съ востока на западъ и обратно, если убыль можно пополнить изъ готоваго людского запаса... Но вожди убѣдились, что надо освѣжать, если не самыя кадры, то ихъ настроеніе; поэтому бойцовъ, усталыхъ отъ жизни среди русскихъ степей, лѣсовъ и болотъ, безчисленные поѣзда переносили на благодатный западный фронтъ, гдѣ глубокія подземныя крѣпости и окопы германскихъ армій извивались среди веселыхъ, зеленѣющихъ равнинъ, тянулись по сосѣдству съ уютными городами и селеньями; гдѣ виноградныя лозы нависали надъ свѣтлыми кровлями привѣтливыхъ домовъ.

Здѣсь забывали усталые бойцы свои лишенія, испытанія, пережитыя на востокѣ. Нервы успокаивались, отходило въ даль воспоминаніе объ упорномъ, неодолимомъ порою, врагѣ въ сѣрой шинелѣ и папахѣ... И съ новой, удвоенной силой готовы были, пришедшіе съ Востока,—батальоны ударить на французовъ, которыхъ не считали опасными...

Наоборотъ, войска, на покоѣ много мѣсяцевъ сидѣвшіе въ окопахъ на западѣ, начинали скучать по «настоящей войнѣ»!.. И эту настоящую войну давалъ имъ восточный фронтъ, куда перебрасывались части западныхъ германскихъ корпусовъ и дивизій.

И во Франкфуртѣ на Майнѣ, на его вокзалѣ, стоящемъ на перепутьи главнѣйшихъ дорогъ, въ самомъ сердцѣ страны, здѣсь теперь стихійно скоплялись потоки человѣческихъ существъ, однообразно-одѣтыхъ и вооруженныхъ. Эти потоки заполнили все пространство подъ высокими сводами вокзальныхъ зданій, разливались по верхнимъ и нижнимъ платформамъ, галлереямъ и путямъ. Они выплескивались за предѣлы вокзальнаго городка, цѣлымъ моремъ головъ и тѣлъ разливаясь по сосѣднимъ улицамъ, площадямъ, до отказа заполняя и сосѣднія зданія, обращенныя въ казармы, переполняя особые бараки, построенные для проходящихъ войскъ...

Отыскать въ этомъ однообразномъ потокѣ солдатъ обликъ штатскаго человѣка—казалось такимъ же страннымъ, какъ въ обычное время увидѣть на бархатныхъ диванахъ, въ буфетѣ I-го класса солдатскіе мѣшки и ружья, сейчасъ грудами сваленные здѣсь, пока ихъ владѣльцы наскоро, чѣмъ попало, утоляютъ свой голодъ у стойки, теперь опустѣлой, залитой лишь пивомъ, гдѣ сиротливо пестрѣютъ простые подносы и блюда съ тонкими ломтями колбасы на черномъ хлѣбѣ, съ пирамидами яицъ, вареныхъ въ крутую...

Эта грубая утварь замѣняетъ хрусталь, фарфоръ, которымъ прежде была уставлена стойка и всѣ столы въ залѣ... Простая, скудная ѣда поглощается съ такою жадностью, съ какой никогда здѣсь не смаковали самыхъ жирныхъ устрицъ и откормленныхъ каплуновъ завзятые обжоры, упитанные господа изъ купэ перваго класса, заходившіе въ буфетъ подкрѣпить силы, полакомиться въ пути...

Нѣсколько офицеровъ, усѣвшись за столами особнякомъ,—питаются нѣсколько лучше. Тутъ видны бутылки съ виномъ, порціи рыбы, дичи,—даже «русская икра», какимъ-то чудомъ изъ враждебнаго края проникла въ эти стѣны и смачно сѣрѣетъ въ небольшихъ хрустальныхъ чашахъ. Смѣхъ и громкій разговоръ несется отъ столиковъ, занятыхъ начальствомъ.

Но отдѣльные эти островки тонутъ въ колыхающейся толпѣ людей, одѣтыхъ въ сѣро-зеленыя ткани, молча, торопливо поглощающихъ все, что за дорогую плату въ первыя минуты можно еще найти въ буфетахъ вокзала или въ сосѣднихъ харчевняхъ, магазинахъ и временныхъ лавкахъ, устроенныхъ всюду, гдѣ есть удобный уголокъ, клочекъ свободной земли...

А черезъ нѣсколько минутъ по приходѣ воинскихъ поѣздовъ, которые, скользя съ разныхъ сторонъ, сразу по нѣсколько являются подъ сводами вокзала,—самое большое—черезъ четверть часа, ни на вкзалѣ, ни кругомъ, на разстояніи полуверсты, нельзя найти чего-нибудь, что могло бы утолить голодъ и жажду.

Казенная пища бываетъ готова въ извѣстные часы... А въ пути—люди питаются вообще неважно. И тучей саранчи является для Франкфуртскаго вокзала и его окрестностей публика каждой серіи поѣздовъ, которые почти непрерывной цѣпью приходятъ и отходятъ отсюда цѣлыя сутки...

Отойдутъ грохочущіе поѣзда... Запасы быстро пополняются повсюду, въ буфетахъ, въ лавкахъ, въ ресторанахъ. И къ новому нашествію саранчи—готовы новыя груды кусковъ плохого хлѣба, сдобреннаго чѣмъ-нибудь, запасы яицъ, вареныхъ въ крутую, соленой рыбы или чего-нибудь подобнаго...

Поѣздъ, съ которымъ Юліусъ Франке и свыше тысячи его сотоварищей по траншеямъ на востокѣ мчались на западный фронтъ,—уже болѣе часу стоялъ у одной изъ платформъ центральнаго вокзала и еще часа полтора оставалось ждать, пока онъ тронется въ дальнѣйшій путь.

Консервы и немного свѣжей провизіи, запасенной во время большой остановки въ Галле, избавляли Франке отъ непріятной необходимости спѣшить со всѣми за скудной казенной ѣдой въ одинъ изъ питательныхъ пунктовъ, какіе здѣсь устроены для проходящихъ отрядовъ, или толпиться въ буфетѣ, устраивая у стоекъ настоящую давку.

Искренній народолюбецъ по убѣжденіямъ, Франке не любилъ шумной, суетливой, жарко-дышащей и пахнущей дурно толпы вообще, а солдатской—въ особенности. Подобно Лассалю, онъ могъ бы назвать себя «демократомъ въ бѣлыхъ перчаткахъ», отъ рожденія чувствуя влеченіе къ порядку, къ уюту и красотѣ, ко всему созвучному и ласкающему въ жизни.

Но, кромѣ безотчетной нелюбви къ большимъ людскимъ сборищамъ,—теперь, послѣ испытаній, перенесенныхъ за долгіе мѣсяцы боевой жизни, Франке испытывалъ особое мучительное чувство, когда видѣлъ массы солдатъ, направляемыхъ куда-нибудь на линію боя. Они казались ему обреченными на убой... какимъ-то стадомъ людскимъ, которое, добровольно на видъ, но съ отчаяніемъ въ душѣ, стремится туда, гдѣ ждетъ его гибель.

Это настроеніе доходило до болѣзненныхъ видѣній, до мгновенныхъ галлюцинацій. Франке порою казалось, что онъ видитъ ихъ уже мертвыми... Лица—темныя, сине-багровыя, сѣровато-блѣдныя у всѣхъ, какъ у тѣхъ труповъ, которые сотнями валялись въ теченіе недѣль передъ окопами тамъ, на востокѣ... Кровавыя пятна на лицѣ отмѣчали мѣста, куда попали осколки снарядовъ, или вонзились пули... И эти мертвецы—все-таки, двигались... ѣли, пили, шумѣли, торопясь вернуться на поѣздъ и мчаться туда, гдѣ снова ждетъ ихъ смерть и гибедль...

Эти насильственныя, мучительныя представленія угнетали Франке.

— Пріѣду на мѣсто,—думалъ онъ:—надо будетъ поговорить съ врачемъ, если попадется порядочный среди военныхъ. Или къ частному, къ французу обращусь въ попутномъ городкѣ...

Товарищамъ и своимъ врачамъ Франке стѣснялся говорить объ этихъ галлюцинаціяхъ, чтобы такое нервное состояніе не приписали его трусости.

Сейчасъ, сидя въ полу-опустѣломъ вагонѣ, Франке старался даже не глядѣть въ окно, чтобы не видѣть суеты и толкотни, разлитой кругомъ.

Спадали сумерки. Сентябрьскій дождливый вечеръ заволакивалъ водяной туманной сѣткой оконца вагона, тускло-озареннаго извнутри рѣдкими фонарями... И снаружи, всѣ платформы и помѣщенія огромнаго вокзала были скудно освѣщены, такъ какъ газовыя и электрическія станціи Франкфурта и другихъ городовъ Германіи работали съ наименьшимъ напряженіемъ, какое безусловно необходимо только для военныхъ нуждъ. Недостатокъ топлива и людей вынуждалъ къ самой скаредной экономіи тепла и свѣта.

Укрѣпивъ на вагонномъ столикѣ звжженный огнрокъ собстзенной свѣчи, Франке раскрылъ записную книжку, внесъ нѣсколько путевыхъ замѣтокъ въ свой дневникъ, потомъ, перебросивъ рядъ страницъ, въ концѣ нашелъ листки, на которыхъ набрасывалъ отдѣльныя мысли и цѣлыя стихотворенія, созвучныя строки, все еще роившіяся, рождавшіяся порою въ его напряженномъ мозгу.

Отыскавъ стихотвореніе, набросанное сегодня утромъ,—онъ началъ перечитывать его сначала про себя, потомъ вполголоса, чтобы уловить недостатки ритма или неясность выраженій и поправить ошибки...

— Что это, Франке, псалмы читаешь отъ скуки, что-ли?—спросилъ товарищъ, унтеръ-офицеръ, дежурящій въ вагонѣ.

— Да... нѣтъ!.. Такъ, стихи вспомнились... Отъ нечего дѣлать, перечитываю... Не хочешь-ли послушать? Какъ тебѣ понравится?

— Стихи? Громъ и молнія! Этого не хватало! Тутъ барышень нѣтъ, чтобы ихъ угощать такими миндальностями... А, впрочемъ, валяй... Все не молчать будемъ.

— Конечно!—печально улыбнулся Франке и началъ медленно читать:

Два огненныхъ потока
Клубятся по снѣгамъ:
На насъ одинъ ,съ Востока...
Другой—отъ насъ, къ врагамъ.
Грохочутъ два вулкана,
Пылаютъ, какъ въ аду...
Земля—сплошная рана,
Куда я ни пойду!
Въ поляхъ кругомъ могилы,
Куда ни погляжу...
Народовъ цвѣтъ и силы —
Упали на межу.
Пылаютъ, какъ солома
Селенья, города.
Бѣглецъ остатковъ дома
Не сыщетъ никогда!..
И памяти былого
Огонь не подаритъ.
Что было намъ святого, —
Все въ пламени сгоритъ!
Отъ ужаса—застыли
Недвижные глаза...
Всѣ превосходитъ были
Кровавая гроза.

* * *

Борьбѣ—конецъ настанетъ,
Какъ есть конецъ всему...
Средь дыму солнце встанетъ,
Разсѣивая тьму...
Два огненныхъ потока,
Другъ-друга поглотя, —
Угаснутъ!.. Издалека,
Какъ робкое дитя, —
Миръ свѣтлый по пустынѣ
Съ улыбкою пройдетъ.
Все, что мертво здѣсь нынѣ, —
Воскреснетъ, зацвѣтетъ!
И... только тѣ не встанутъ,
Кто долженъ тлѣть во мглѣ...
Ихъ имя лишь помянутъ
Со славой на землѣ!..

— Здорово, право!—живо отозвался товарищъ, едва умолкнулъ Франке.—Знаешь: ясно и все понятно, такъ что и на стихи совсѣмъ не похоже... Вотъ, какъ-будто простая, деревенская пѣсня, которую поютъ наши дѣвушки и парни... Или, какъ наша солдатская... Только—того!.. Не лихая, печальная очень... Но это ничего... Про славу—ловко пущено... И про миръ. Охъ, скорѣе бы!.. А, вотъ, только... я не совсѣмъ понялъ...

— Что такое? Говори, Шмидеке... Это сочинялъ мой товарищъ. Я ему передамъ. Интересно, говори, что думаешь?

— Я скажу... Тутъ этотъ самый сочинитель такъ выражается, какъ-будто ему всѣхъ жаль: и своихъ, и чужихъ? Это не годится! Пусть тѣ, тамъ на Востокѣ и на Западѣ,—жалѣютъ другъ дружку... А мы—о своихъ печаловаться должны... И... гдѣ взялъ твой товарищъ, что наша земля—одна могила?

Что у насъ горятъ деревни и города? Это у враговъ! Такъ намъ радоваться надо!.. Нагонимъ имъ побольше страху, они скорѣе миру запросятъ!..

— Ты думаешь? Не совсѣмъ такъ, Шмидеке... Но... это не важно... Вспомни: и враги побывали у насъ. Я видѣлъ эти края... Восточную Пруссію... Тамъ—моя родина... И тоже не мало пожжено и разорено тамъ врагами, какъ мы у нихъ равняли жилища съ землею... И много-много могилъ осталось, забытыхъ на поляхъ отъ Остерродэ до самаго Кенигсберга, гдѣ колыхались раньше тучныя колосья... А теперь—темнѣютъ одинокіе кресты...

— Гм... да... это вѣрно... Что дѣлать: война!.. Да мы за каждаго нѣмца можемъ насчитать съ десятокъ русскихъ и польскихъ головъ, которыя скошены нашими пулеметами и шрапнелью... Убиты въ бою или, просто, повѣшены, пристрѣлены, гдѣ только былъ удобный случай. Выходитъ: мы квиты съ излишкомъ!

— Странно, Шмидеке... Выходитъ, по твоему?.. Скажи: у тебя кто-нибудь близкій погибъ въ бою?

— Дядя Карлъ. Младшій братъ отца... Славный парень былъ. Мы съ нимъ вотъ какъ хорошо, душа въ душу жили... А что?

— Ну, вотъ, если бы тебѣ предложили: ты пристрѣлишь или, даже, повѣсишь безоружныхъ, безъ риску, десятокъ враговъ. А за это—враги убьютъ твоего дядю... Если бъ тебя спросили, согласился бы ты? Былъ бы доволенъ такой мѣной!

— Ни за что бы не согласился... Какая тамъ мѣна! Мнѣ мой дядя сотни русскихъ былъ дороже...

— Я такъ-же думаю... Значитъ: расплаты, о которой ты толковалъ, быть не можетъ! Сотня чужихъ смертей—не искупаетъ потери одного близкаго человѣка... Оно и правильно. Смертью утежеляется, а не облегчается смерть... Какъ думаешь, Шмидеке?

— Пожалуй, и такъ. Да... я не про то и хотѣлъ. А, только, не могу же я равнять каждаго глупаго поляка или безграмотнаго московита со своимъ товарищемъ, германцемъ. Особенно еще, если онъ нашъ, эс—декъ. Мыслящій пролетарій-нѣмецъ! Помнишь, самъ Марксъ училъ, что мы, нѣмцы, передовые носители великихъ истинъ, необходимыхъ для просвѣщенія народовъ, для устроенія міра на новыхъ лучшихъ началахъ! А эти темныя славянскія массы—онѣ годны только быть питательной средой, черноземомъ для чудеснаго дерева Истины и Познанія, какимъ, по волѣ Провидѣнія, расцвѣтетъ надъ человѣчествомъ нашъ германскій народъ? Ты же знаешь... И самъ на собраніяхъ говорилъ не разъ...

— Знаю... читалъ, говорилъ. Но на многое эта война научила меня смотрѣть иначе!.. Многое я сталъ понимать яснѣе и глубже, чѣмъ раньше зналъ по книгамъ, по рѣчамъ партійныхъ вождей... Слушай, Шмидеке, скажу тебѣ просто... какъ это мнѣ теперь самому стало понятно... Марксъ—мудрый семитъ. Онъ чудесно зналъ, чѣмъ и какъ можно сильнѣе подѣйствовать на людей... На тѣхъ, которые были ему необходимы для проведенія въ жизнь его мыслей. Ты понимаешь меня, вѣришь, что я не хочу тебя обмануть... потому, что я говорю языкомъ тебѣ понятнымъ. А если бы я, вдругъ, заговорилъ съ тобою по-польски, а?

— Я бы тебя къ чорту послалъ!..

— Навѣрное! Хотя бы на этомъ чужомъ языкѣ я говорилъ тебѣ самыя прекрасныя, самыя справедливыя слова!.. Такъ и Марксъ. Свое «Трудовое Евангеліе» онъ проповѣдывалъ намъ, нѣмцамъ. Потому и внушалъ, что мы—избранный народъ. Какъ внушалъ тоже самое Моисей народу Израильскому. А пришлось бы старому нашему учителю жить и дѣйствовать среди славянъ,—онъ сталъ бы имъ толковать объ ихъ призваніи... И насъ, тевтоновъ,—обрекъ бы на рабство и подчиненіе сосѣдямъ съ востока! Вѣрь мнѣ! Онъ сталъ бы говорить своимъ послѣдователямъ о—«Божественномъ назначеніи славянства и Россіи», призванной возродить древній міръ!.. Старый семитъ зналъ, что стоитъ только внушить народной громадѣ, будто въ ней говоритъ Высшій Разумъ, Божественное Начало,—и она способна, на самомъ дѣлѣ,—совершить чудеса... Величайшіе подвиги добра... и зла!.. Все зависитъ отъ того: кто поведетъ за собою всколыхнувшуюся тьму темъ, эту силу неодолимую? На какую цѣль направятся ея удары: на полезную... или на пагубную для людей?.. Если бы ты зналъ исторію получше... Но вспомни: Мавры, Турки... Гунны со своимъ Аттилою—«Бичомъ Божіимъ»... Чего они ни натворили на свѣтѣ! А, съ другой стороны—нашъ Лютеръ, Кальвинъ, Гуссъ; Марксъ, Лассаль... Бебель и Либкнехтъ. Ты знаешь силу нашей партіи? Изъ девяти милліоновъ солдатъ Германіи—около трети—принадлежитъ къ нашимъ союзамъ... У насъ собраны десятки милліоновъ денегъ. Издаются сотни газетъ. Мы владѣемъ зданіями, не уступающими лучшимъ дворцамъ богачей въ Берлинѣ! И все это сдѣлано старымъ евреемъ Марксомъ, по почину другого семита, Лассаля... А мы, германцы, повѣрили имъ и достигли

своей силы только потому, что они намъ сказали: «изъ германскаго народа, изъ рабочихъ низовъ—блеснетъ свѣтъ новой жизни для усталаго міра, какъ изъ темной пещеры, служившей загономъ рабоча скота,—возсіялъ свѣтъ новой Истины для всего Человѣчества!..» Такъ, надо же помнить, что основа нашего ученія: братство народовъ, а не гибель и вражда... И преступенъ тотъ, кто ведетъ людей на вражду и гибель... какъ бы блестящи ни казались его поступки и слова!... Они не высушатъ моря народныхъ слезъ, не остановятъ потоковъ крови, льющейся кругомъ. Не покроютъ убійства... братоубійства между людьми... хотя бы накинули на всѣ поля сраженій свою королевскую мантію!

— Пожалуй, и правъ ты, Франке... Но теперь... каша заварилась! Надо расхлебать ее до конца. Не остановиться же на половинѣ?.. Столько потерь... и вернуться къ старому корыту... знаешь, какъ въ сказкѣ? Не охота, товарищъ!

— Хорошо, если придется вернуться къ старому, Шмидеке... Правда, твоя, дѣло еще въ половинѣ... И первая половина—не такъ сложилась, какъ намъ обѣщали... Какъ ждала Германія. Парижъ намъ не достался... Кіевъ, Москва, Петроградъ!.. Сколько разъ намъ уже обѣщали, что мы войдемъ туда съ распущенными знаменами послѣ одной-двухъ хорошихъ битвъ. А было ихъ много! И мы едва-едва вошли въ Варшаву... И—чего это намъ стоило, знаешь-ли, Шмидеке?

— Да, порядочно побито народу... Какъ начнешь читать списки убитыхъ, раненыхъ,—и въ глазахъ рябить, и тошно дѣлается, вотъ, словно, отравы выпилъ. Право!.. Много не хватаетъ товарищей...

— Много?!. Страшно много, Шмидеке... Больше двухъ милліоновъ нашихъ братьевъ-пруссаковъ, саксонцевъ, баварцевъ и другихъ нѣмцевъ пало въ бояхъ. Можешь ли себѣ представить эти груды труповъ? Это—горы... Это... Слушай! Ты знаешь Берлинъ хорошо?

— Ну, еще бы... Родился на Гензештрассе...

— Вотъ и представь себѣ, что на зарѣ ты входишь въ заставу Берлинскаго предмѣстья на востокѣ отъ Руммельсбурга. И заходишь въ первый домъ, и въ слѣдующій... и въ сотый... и въ тысячный. И всѣ, кто тамъ жилъ,—лежатъ мертвые!.. Ты идешь дальше... Обходишь всѣ дома огромной столицы... отъ подваловъ до чердаковъ. И всѣ предмѣстья... До самыхъ полей и рощъ, обѣгающихъ Старый и Новый Кельнъ, и центръ Берлина, и Моабитъ, и Шарлотенбургъ, Ораніенбургъ. Словомъ: рядъ дней и рядъ ночей ты будешь обходить всѣ сорокъ тысячъ зданій, расположенныхъ по берегамъ твоей родной Шпрее. И всюду будутъ одни мертвецы!.. Вотъ сколько жертвъ у ж е унесла война... И втрое унесетъ она еще... И ты будешь убитъ, и я... А что получится для родины цѣною этихъ жертвъ.? Никто не знаетъ! Даже тотъ, кто затѣялъ этотъ ужасъ. Затѣялъ, не спрося никого... Насъ, народъ,—обманывали... Если бы насъ спросили... Вотъ, хоть, тебя. И объяснили все честью... Неужели, ты согласился бы начать эту неслыханную бойню?.. Даже ради самыхъ богатыхъ выгодъ?

— Я? Ни за что!.. Такой ужасъ. Такой грѣхъ! Теперь —мнѣ стало ясно... Я понялъ. Такой грѣхъ!

— Великій грѣхъ. Преступленіе внѣ мѣры и числа!.. И оно лежитъ на совѣсти тѣхъ, кто подкинулъ мечъ!.. И кто отъ меча долженъ гибнуть!..

— Гмъ... вотъ что?!. Такъ, ты полагаешь, пріятель, что?..

Шмидеке, оглянувшись, не досказалъ.

Чьи-то внимательные глаза изъ дальняго угла, направленные на говорившихъ, поблескивали въ сумракѣ вагона...

Франке невольно кинулъ взглядъ туда-же, куда поглядѣлъ товарищъ, и больше ничего не сказалъ.

Сдѣлавъ товарищу молчаливый знакъ, что: «молъ, послѣ договоримъ!»—Франке порылся въ карманѣ, досталъ открытку, набросалъ нѣсколько строкъ, надписалъ адресъ тихаго померанскаго городка, Грабова, гдѣ, послѣ смерти отца, поселилась его старуха мать съ двумя дочерьми, малюткой Цилли и красавицей Лизбетой.

Больше двухъ мѣсяцевъ не имѣлъ онъ вѣстей изъ дому и тосковалъ съ каждымъ днемъ все сильнѣ. Какое-то ожиданіе, недоброе и неотступное ни на мигъ, тѣснило ему грудь.

Сразу очутившись въ живомъ потокѣ людей, едва съ площадки вагона пришлось ступить на платформу,—Франке пересѣкъ перронъ, миновалъ тормазную площадку вагона въ поѣздѣ, стоящемъ рядомъ, опять пересѣкъ платформу и еще поѣздъ, пока очутился у высокой вокзальной двери, гдѣ висѣлъ почтовый ящикъ.

Опустивъ письмо, онъ задержался здѣсь на мигъ, словно собираясь съ духомъ прежде, чѣмъ нырнуть въ шумливый водоворотъ, который особенно сильно спирался и кипѣлъ здѣсь, у выходныхъ дверей.

Франке глядѣлъ и думалъ: какъ не похожи на настоящихъ солдатъ, какихъ онъ видѣлъ на фрон

тѣ,—эти бородатые, обрюзглые горожане или совсѣмъ зеленые юнцы, желающіе во что бы то ни стало казаться положительными, опасными воинами!

Первые батальоны, куда попалъ Франке въ началѣ войны,—состояли изъ молодцовъ, какъ на подборъ, одинъ къ одному. Даже лица у всѣхъ, бритыя, съ залихватскими усами, сдавалось, были отлиты изъ одной формы и люди отличались немного только по величинѣ: первый взводъ—покрупнѣе... Дальше—все мельче.

А теперь, кромѣ одежды,—ничего нѣтъ общаго между людьми, вотъ, хотя бы, этой колонны, которая выстраивается на краю платформы,—видимо, готовясь маршировать на питательный пунктъ. Рослые рядомъ съ низенькими, полные—тѣснили тощихъ сосѣдей и всѣ имѣли какой-то особенно-унылый, мирно-обывательскій видъ. А про ту толчею, которая кипѣла кругомъ, про тысячи солдатъ, мелькающихъ взадъ и впередъ,—и говорить нечего. Всѣ шагаютъ они по-военному, стараются держаться бодро... Но какой-то затаенный разладъ сквозитъ во всемъ.

Почему-то припомнился Франке давно минувшій, осенній грустный день. Онъ былъ еще мальчикомъ. Братъ, Карлъ, лѣтъ на семь старше, баловавшій малыша-братишку, гдѣ-то еще весною—раздобылъ и подарилъ ему соловья. Птичка, сначала долго молчавшая, понемногу стала привыкать къ неволѣ и такъ хорошо запѣвала иногда, что у мальчика сердце отъ восторга трепетало въ груди.

Птичку надо было кормить и ѣла она лишь самый отборный кормъ. Всѣ свои сбереженія истратилъ Юліусъ на это... Ихъ скоро не стало. И онъ самъ рѣшилъ добывать муравьиныя яйца, которыми особенно охотно питался чудесный пѣвецъ.

Вооружившись небольшой лопаткой, какъ всегда, въ осенній тихій день пошелъ Юліусъ на добычу... Въ сосѣдней рощѣ было много большихъ кучъ... Не одну изъ нихъ разорилъ уже мальчикъ. Но въ этотъ день почему-то особенно кинулось ему въ глаза: какъ всполошились крошечные обитатели подземнаго жилища, когда мальчикъ своею лопаткой врѣзался въ наружный холмъ и раскрылъ всю постройку, такую сложную, мудро-задуманную, сооруженную цѣною огромныхъ усилій въ теченіе долгихъ лѣтнихъ дней...

Муравьи-воины, стражи, большіе, крупные,—шли кучками, словно рядами, словно готовясь отразить нападеніе непостижимаго, огромнаго врага... Мелкіе, работники,—тащили запасы, или волокли въ одну кучу яички съ будущей дѣтворой, причемъ, эти бѣлые шарики были въ нѣсколько разъ больше самого муравья.-носильщика..

Разрытый холмъ, вся земля кругомъ сразу почернѣла отъ роя муравьевъ. Они метались, какъ отравленные, толкали, роняли другъ друга... Но не разбѣгались, чтобы избавиться отъ явной опасности...

И, вотъ, сейчасъ,—неугомонное движеніе роя людскихъ существъ, эта толчея вокругъ напомнила Франке разоренный муравейникъ на опушкѣ увядающей рощи въ тусклый осенній день... Братъ Карлъ, отецъ... вся семья—вдругъ припомнилась ему такъ живо, болѣзненно-остро... Сердце заныло больнѣе.

Онъ поспѣшилъ врѣзаться въ толпу, чтобы скорѣе вернуться въ свой вагонъ; но чье-то грузное, большое тѣло перерѣзало ему путь... Крупный, бородатый пѣхотинецъ-солдатъ, очевидно, торопясь къ почтовому ящику, чуть не сшибъ съ ногъ тщедушнаго Франке.

— Тише вы, носоро...

Онъ не докончилъ. Лицо его озарилось улыбкой и, кидаясь къ бородачу, Франке крикнулъ:

— Карлуша... Ты!..

— Юліусъ!.. Вотъ счастье... Я только что думалъ о тебѣ... Видишь: и тебѣ открытка... Получай... А это—нашимъ, въ Штеттинъ.

— Въ Штеттинъ?—машинально принявъ письмо, повторилъ Франке.—Развѣ мама и сестры не въ Грабовѣ?

— Нѣтъ. Мама и Цилли въ Штеттинѣ. Тамъ мама нашла мѣсто... А Лизбета...

Бородачъ почему-то смутился, нахмурился и не договорилъ.

— Гдѣ-же Лизбета? Почему не съ мамой? Или, она вышла замужъ? Я такъ давно не имѣю отъ нихъ вѣстей... Изъ Берлина меня не пустили домой... Видишь: этотъ желѣзный крестъ—навѣшенъ мнѣ самимъ императоромъ. И это видишь?..

Онъ съ горькой усмѣшкой показалъ на свои унтеръ-офицерскія нашивки.

— Вижу, вижу... Ты молодецъ! Я всегда говорилъ, что ты умнѣе меня... Такъ, тебя не отпустили на побывку? Жаль... Наши писали тебѣ, я знаю... Но, должно быть, васъ гоняли съ мѣста на мѣсто, на этомъ проклятомъ восточномъ фронтѣ... Куда теперь везутъ и насъ на убой... Вотъ, ты и не полу-

чалъ. Лизбета не пошла замужъ, нѣтъ. Она осталась въ Грабовѣ... у аптекаря... у старика Фризе, знаешь?

— У стараго развратника... наша красавица-Лизбета прислугой! Какъ мать согласилась? Неужели ужъ такая нужда? Выдавали-же ей что-нибудь за насъ?.. За нашу кровь—неужели не хватило подачки изъ казны, чтобы мать и сестры могли купить хлѣба?..

— Охъ, Юліусъ... Ты давно изъ дому... Не знаешь! Все такъ безумно вздорожало... А порою и, за деньги даже, куска хлѣба нельзя найти, не то что рыбы или мяса... А мать хворала... сильно хворала.... тосковала по тебѣ, по насъ. Нужно лекарство... да то, да се... Лизбета и пошла къ Фризе... Она—не служанкой... Служанку онъ держитъ особо... старую Кицце, знаешь?.. А Лизбетта... она долго не хотѣла... Но онъ обѣщалъ, что, можетъ быть, и женится... А лекарство такъ дорого стоитъ... И все...

— Вотъ что!—со стономъ словно выдавилось изъ горла у Франке.

Блѣдный, какъ стѣна, напряженный, хрустнувъ до боли пальцами, онъ застылъ, какъ будто въ столбнякѣ, глядя куда-то передъ собою глазами, потемнѣлыми, полными слезъ.

— Юликъ! Юликъ! Ну, перестань!.. Не мучь себя!—не выдержавъ, послѣ короткаго молчанія негромко заговорилъ Карлъ. — То ли бываетъ? Люди поважнѣе и получше насъ! Знаешь жену пастора Энкеля? Она прямо переселилась къ помѣщику Штромайеру... И жена директора прогимназіи открыто живетъ съ полковникомъ, который со своимъ штабомъ расположился въ Грабовѣ... И всѣ его офицеры... у каждаго есть барышня... даже изъ самыхъ лучшихъ домовъ. Всѣ ужъ теперь такъ. Война все перевернула, самъ понимаешь... Что-же ты?!. Успокойся... Лизбета умная дѣвушка... Кончится война... дѣло войдетъ въ свою колею... и мы заживемъ по старому... Женихъ Лизбеты вернется, если будетъ живъ. И они повѣнчаются... Онъ же парень умный... онъ пойметъ...

— Да... да!—словно во снѣ откликнулся Юліусъ:—все будетъ по старому... Только... то, что есть... Этого быть не должно!.. Пусть все, что угодно... самое худшее, только не то, что есть...

— Ну, вотъ, конечно... Ты самъ понимаешь... Только бы кончилась война, Юликъ...

— О, да...Скорѣе, скорѣе надо ее закончить... Силъ больше нѣтъ!

— Ага, братишка!—довольный, подхватилъ бородачъ: — И ты сдаешься! А, помнишь, какъ стремился воевать!?. Усталъ? А про меня—и говорить нечего... Послѣ смерти брата...

— Какъ! И Руди убитъ?!—блѣднѣя еще больше, тихо переспросилъ юноша.

— А ты и не зналъ, бѣдняжка? Уже два мѣсяца... Миръ душѣ его!.. На моихъ глазахъ. Наповалъ. Я до сихъ поръ успокоиться не могу. А ты куда теперь? — На западъ? Тамъ хорошо... Хотя—тоска заѣдала... Сидишь недѣлями подъ землею... А теперь—и опасно стало. Французы сильно насѣдаютъ. Понимаешь, Юликъ: новыя пушки у нихъ. Мы разузнали: 44-хъ сантиметровыя... И на 9 километровъ швыряютъ свои «апельсины»... Эти фрукты, вѣсомъ въ нѣсколько пудовъ, падаютъ отвѣсно, разбиваютъ самыя прочныя прикрытія... убиваютъ насъ подъ землею... И столько теперь у французовъ снарядовъ, какъ будто они ихъ изъ земли лѣпятъ. Ей-ей!.. Дышать не даютъ ни днемъ, ни ночью... Мы очень устали... А на востокѣ, говорятъ,—еще опаснѣе... еще тяжелѣе... А?

— Да... тамъ страшно!.. Но... все равно: смерть вездѣ и повсюду... Отъ нея не уйти никому... Такъ, все равно... Умереть скорѣе... либо кончить!..

— Ахъ, если бы кончить!.. Ты не слыхалъ: есть надежда?

— Никакой!.. Враги рѣшили дѣло вести до конца... Пока не вымотаютъ изъ насъ всѣ силы... не выпьютъ послѣднюю кровь!..

— Такъ, какъ-же?.. А ты говоришь: «кончить бы скорѣе!».. Развѣ, ты думаешь, мы, наконецъ, одолѣемъ нашихъ враговъ?

— Нѣтъ. Вѣрнѣе: намъ придется платить за все...

— Такъ, какъ-же?.. Ты, вотъ, сказалъ?.. «Конецъ надо скорѣе»...

— Надо... да!.. Мы сами должны сдѣлать... Здѣсь, въ войскахъ, и тамъ, дома... Слушай, братъ! Насъ слышать не могутъ. Всѣ заняты своимъ. Слушай: въ войскахъ собрано не мало товарищей. Если насъ поддержитъ народъ... Если ему надоѣстъ голодать, торговать собою... честью своихъ женъ и дочерей за кусокъ хлѣба... Если...

— Надоѣло... всѣмъ надоѣло, Юлій. Я, когда былъ дома... Я говорилъ со многими... Вотъ, до этихъ поръ надоѣло!.. Ужъ и въ Берлинѣ бывали вспышки...

— Знаю... знаю...

— И здѣсь, недавно еще... Мнѣ говорилъ одинъ мѣстный... онъ ѣдетъ съ нами на востокъ. Войска едва разогнали толпу... Убито до сотни человѣкъ. Больше—женщины... дѣти!..

— Женщины... дѣти!—словно простоналъ негромко Франке: — Тоже: «неизбѣжныя жертвы войны!».. Да, видно, часъ приспѣлъ. Такъ, помни-же!.. Работай, братъ. Осторожно, чтобы не наскочить на доносчика. Ихъ въ арміи больше... чѣмъ блохъ у насъ на тѣлѣ бывало въ траншеяхъ!.. Опасайся, Карлуша!.. Выбери двухъ-трехъ изъ нашихъ, эс-дековъ. Растолкуй имъ. Они, каждый, скажутъ еще троимъ. И такъ дальше. А тебя другіе и знать не должны.

— Не бось, я не совсѣмъ ужъ такъ простъ, какъ съ виду кажуся... Надѣйся на меня... Но, какъ мы спишемся?

— Ты только узнавай: кто готовъ приняться за дѣло? И, набравъ нѣсколько именъ,—сообщи ихъ мнѣ, какъ будто-бы это мои пріятели-солдаты, награжденные орденомъ Креста... Такъ, время отъ времени—и посылай мнѣ списки «отличившихся»... То есть, вступившихъ къ намъ въ союзъ для подготовки переворота...

— Понимаю! Отлично! Никто не догадается... А потомъ?..

— Пока старайся набрать больше публики, которая устала и недовольна вконецъ! Потомъ я сообщу: что дѣлать дальше?.. Ну, пока прощай... Мнѣ пора!.. Скоро поѣздъ тронется въ путь... И офицеръ идетъ уже туда, который у насъ начальникомъ. Славный парень, хоть и наивный черезъ чуръ. Видишь: совсѣмъ мальчикъ на видъ... И такихъ много у насъ.

— Всѣхъ взяли, Юлій... У насъ и мужчинъ почти не осталось въ Штеттинѣ, не только въ Грабовѣ... Одни мальчики и старики... Ну, прощай. Поѣзжай благополучно... Дай Богъ свидѣться!..

— Дай Богъ пережить!.. А тамъ? Будь, что будетъ!.. До свиданья, Карлуша! Я напишу скоро...

Крѣпкое объятіе... и братья разстались...

Карлъ долго слѣдилъ взоромъ, какъ тонкая, гибкая фигура брата пробиралась въ толпѣ, пока его не стало видно среди потока людей, слабо озаряемыхъ рѣдкими фонарями...

Тогда бородачъ вздохнулъ, весь сразу опустился, сгорбился, словно въ одинъ мигъ сталъ старше на 10 лѣтъ. Оживленіе, вызванное встрѣчей съ братомъ, угасло и снова въ лицѣ и во всѣхъ движеніяхъ проявилась страшная усталость, какую испытывалъ этотъ крупный, сильный человѣкъ послѣ ряда тяжелыхъ дней, пережитыхъ на западномъ фронтѣ...

Опустивъ голову, медленнымъ, влачащимся шагомъ направился Карлъ къ своему поѣзду, стоящему въ другомъ концѣ вокзала...

. . . . . .

— Тата-та! Тата-та!..

Погромыхивая на стыкахъ, поѣздъ довольно быстро скользитъ на западъ.

Франке, какъ всѣ, почти, остальные товарищи по вагону,—протянулся на своей лавкѣ и начинаетъ дремать. Въ мозгу юноши недавнія, дѣйствительныя событія, его думы и планы, переплетаясь съ первыми грезами полудремоты,—свиваются въ причудливо-многообразную и многоцвѣтную цѣпь... Вотъ—кабинетъ въ Потсдамѣ, гдѣ у стола темнѣетъ напряженно-стойкая, угловатая фигура Вильгельма... Бросая отрывистыя фразы, кайзеръ сверлитъ своимъ взглядомъ Франке, словно въ душу ему хотѣлъ бы заглянуть и прямо оттуда получить правдивый отвѣтъ на вопросы, которыми осыпалъ юношу...

— Родина и я, мы не забудемъ твоей заслуги, мальчикъ!—звучитъ хриповатый голосъ властно; но и вкрадчиво какъ-то, совсѣмъ необычно для повелителя большой имперіи въ бесѣдѣ со своимъ солдатомъ, хотя бы и народнымъ представителемъ, даровитымъ писателемъ, членомъ вліятельной политической рабочей партіи.

— Работай и дальше на пользу отечества, во славу германскаго оружія... Подымай духъ въ товарищахъ, которые слабѣютъ среди боевыхъ лишеній, внушай повиновеніе долгу!.. Учи, какъ надо служить величію Германіи... И самъ не останешься въ накладѣ! Вѣрь словамъ своего государя... Теперь—каждая песчинка въ великомъ зданіи нашей имперіи несетъ удесятеренный гнетъ и заслуживаетъ особаго вниманія, удвоенной награды. Иди съ Богомъ! Если что найдешь необходимымъ сообщить мнѣ,—пиши прямо, минуя начальство... Ступай...

Голосъ смолкъ...

Кабинетъ исчезъ... Франке видитъ небольшія двѣ комнатки въ деревянномъ домѣ кистера Яунера, въ Грабовѣ, гдѣ жила его мать съ двумя сестрами...

Циля сидитъ у стола, озаренная свѣтомъ лампы, учитъ урокъ на завтра. Темнорусая головка Лизбеты склонена надъ какою-то работой... Мать, вооружившись очками, оставшимися отъ покойнаго отца, вслухъ читаетъ старый номеръ «Гартенлаубы»...

И этой картины не стало.

Дѣйствительность вторгается въ полугрезу юноши. Онъ отчетливо слышитъ высокій тенорокъ франта и хвастуна, сосѣда по вагону, Пиффке.

Лежа на скамьѣ, ухарь разсказываетъ двумъ, еще не спящимъ, товарищамъ, какъ онъ провелъ хорошо эти два-три часа стоянки во Франкфуртѣ.

— Понимаете: поѣлъ. Хочу платить... А хозяйка мнѣ и говоритъ: «Съ ума вы сошли, г. военный! У меня свой сынъ на войнѣ... Стану я съ васъ брать!..» Я сказалъ: «мерси-съ!».. и кончено... А племянница старушки такъ и стрѣляетъ глазенками... Старуха вышла... Я, не долго думая, чмокъ ее... красоточку!.. Она разсердилась и... вдвое мнѣ отдала... Я еще... Она еще... Эхъ!.. Не вернулась бы скоро старуха,—полакомился бы всласть Пиффке... Дѣвочка, видно, безъ хорошихъ кавалеровъ давно сидитъ. Наголодалась и только случая ждетъ хорошаго... Помѣшала не во время старушенція...

Обрывается негромкая, рокочущая рѣчь Пиффке... Куда-то отошелъ его самодовольный голосъ и смѣхъ, словно ватой накрыли губы хвастуну.

Видитъ Франке, что онъ уже на западномъ фронтѣ... Все тоже тамъ, что и на востокѣ, ему пришлось пережить... Безконечно-длинные, полураскрытые сверху, могильные рвы окоповъ. Сотни тысячи людей видны въ этихъ рвахъ, кое-гдѣ, у амбразуръ, или кучками сбились въ блиндажахъ во время смѣны... И смерть, незримая, но ощутимая до ужаса близко,—рѣетъ надо всѣмъ...

Въ полуснѣ сердце стало рости въ груди у Франке... Словно желѣзные пальцы сдавили его... А другіе—сжимаютъ горло... Трудно дышать... Мысли о гибели его самого и тысячи людей, ему подобныхъ,—изъ мозга онѣ, какъ будто, перелились въ самое тѣло и стало трудно дышать...

Какой-то голосъ, вдругъ, мѣрно, печально и безнадежно проговорилъ на ухо Франке первую строфу стихотворенія, новаго, еще нечитаннаго имъ, но уже знакомаго...

Изнемогаетъ духъ! Не стало силъ страдать...—

Вѣско, гулко проговорилъ голосъ, словно ударили тяжелымъ языкомъ въ мѣдную, звучащую грудь набатнаго колокола...

И Франке, въ томъ-же полуснѣ, какъ бы предупреждая голосъ, продолжалъ:

...И жизнь, и смерть—ничто! Смѣшались міра звенья...
Уснуть на долго-бы, что-бъ бурю переждать...
Нѣтъ сна и нѣтъ забвенья!..

Сдѣлавъ усиліе, сбросилъ онъ со своей души оцѣпенѣніе полусна... А голосъ все еще звучалъ, только теперь не въ ушахъ, а у него въ душѣ... гдѣ-то въ самой глубинѣ сознанія... Взявъ карандашъ, онъ набросалъ первыя строки. А потомъ быстро сталъ писать дальше... Иногда рука останавливалась, словно бы мысль обрывалась... Порой онъ зачеркивалъ написанное, поправлялъ. Снова прислушивался къ тому, что звучитъ въ душѣ...

Закончивъ, Франке сталъ перечитывать съ того мѣста, на которомъ проснулся... Первыя строки, созданныя въ полуснѣ, не требовали поправокъ. А остальное, окончательно имъ исправленное, стихотвореніе вылилось такъ:

Усталъ не я одинъ. Весь истомленъ народъ.
Собратьямъ тяжко такъ живется,
Такъ давитъ грудь всеобщій, грозный гнетъ,
Что сердце скоро разорвется!

Сердца усталыя въ столицахъ и въ глуши,
Отравлены, заражены враждою.
Что было добраго во глубинѣ души
Народной, — смыто, какъ водою...

Цвѣтъ жизни падаетъ на нивахъ боевыхъ;
А въ городахъ—нужда, отчаянье и стоны.
Возврата мертвымъ нѣтъ! Жизнь—бремя для живыхъ...
Всѣ рушатся священные законы.

Какъ великанъ-боецъ, ожесточенъ въ борьбѣ
Народъ израненный... Врага—терзать руками,
Душить его, готовъ! Все доброе въ себѣ
Онъ гаситъ, что дано вѣками!

Какъ отъ грозы стога зажженные,—кругомъ
Пылаютъ города и бѣдныя селенья...
Ручьями хлещетъ кровь... Хохочетъ пушекъ громъ,
Въ отвѣтъ на жалкія моленья!

Сознанье шепчетъ:—«Жди безропотно конца:
Не остановитъ молнія удара!..»
. . . . . .
Но молятъ трепетно смятенныя сердца:
— Скорѣй бы завершилась кара!..

Перечитавъ раза два все, Франке остался недоволенъ, особенно концомъ.

То, что онъ пережилъ сейчасъ, въ полуснѣ,—казалось неизмѣримо болѣе значительнымъ и сильнымъ. Слова, звучавшія въ дремлющемъ сознаніи, образы, пугавшіе душу, отрѣшенную отъ чаръ дѣйствительности,—были такъ грозны и прекрасны... А то, что вылилось на бумагу, не давало и приблизительнаго понятія о созвучіяхъ, созданныхъ въ полугрезѣ. Онъ уже хотѣлъ вырвать исписанный листокъ, уничтожить его... Но почему-то стало жаль.

— Пусть остается... Я буду читать то, что здѣсь написано... И каждый разъ стану вспоминать, что слышалъ въ этой грезѣ моей... сегодня?!. Мама... Лизбета... Карлуша... Цилли! Спокойной ночи вамъ! И всѣмъ доброй ночи, кто отходитъ ко сну!..

На этой мысли, сунувъ книжку подъ изголовье, онъ уснулъ...

А колеса поѣзда, погромыхивая на стыкахъ, баюкали его и спутниковъ своей незатѣйливой, однозвучной, размѣрной пѣсенкой:

— Тата-та! Тата-та! Тата-та!..

. . . . . .

На разсвѣтѣ быстро промелькнулъ въ окнахъ поѣзда веселый Триръ съ его высокими, островерхими кровлями, съ темными, стройными очертаніями старинныхъ соборовъ и церквей. Къ вечеру—большая остановка задержала поѣздъ въ красивомъ, зеленѣющемъ садами, Люксембургѣ.

Здѣсь тоже, какъ и въ Германіи, не только на вокзалѣ, но и на улицѣ города почти не видно штатскихъ. Мѣстные горожане, подданные герцогини, живущей подъ опекою пруссаковъ, словно въ плѣну,—неохотно появляются гдѣ-нибудь безъ настоятельной нужды. Женщины—прячутся отъ назойливыхъ, грубыхъ ухаживаній со стороны солдатъ и офицеровъ, снующихъ повсюду. Мужчины избѣгаютъ возможныхъ столкновеній съ непрошенными, безцеремонными гостями.

По горькому опыту извѣдали мирные люди, какъ тяжело отзываются на нихъ всякія «недоразумѣнія», возникающія порой. Все равно, какъ бы ни былъ правъ горожанинъ,—нѣмецкія военныя власти стоятъ на сторонѣ «бошей», какъ называютъ германцевъ веселые, насмѣшливые обычно, люксембуржцы, подражая въ этомъ французамъ и бельгійцамъ. И стоитъ поглядѣть, какими сочувственными взглядами провожаютъ они изъ оконъ рѣдкихъ плѣнныхъ «союзниковъ», какія нѣжныя улыбки шлютъ имъ женскія уста, чтобы понять: на чьей сторонѣ тайное сочувствіе мѣстныхъ людей, вся ихъ душа?

Опасаясь кары, обѣщанной за помощь плѣннымъ, обитатели маленькой столицы стараются, незамѣтно отъ «бошей», украдкою—немного хотя-бы облегчить участь плѣнныхъ, усладить ихъ тяжелую долю въ полуголодномъ жестокомъ германскомъ плѣну.

Чуя затаенную вражду къ себѣ,—проходящіе нѣмецкіе отряды и не выходили за черту вокзала, обширнаго, красиваго, теперь—обращеннаго на половину въ казарму, на половину—въ укрѣпленный пунктъ.

Утонулъ, растаялъ вдали Люксембургъ. Поѣздъ, погромыхивая, мчится впередъ и впередъ! Вотъ и Монмиди... Пройдена французская граница. Близка безконечная линія западнаго фронта; вокругъ особенно замѣтны слѣды шаговъ двухъ страшныхъ сестеръ: Смерти и Войны. Обѣ онѣ провлачились здѣсь, сметая краями желѣзной одежды зеленый покровъ съ груди страдающей Матери-Земли. Накаленной сталью ядеръ нанесли глубокія язвы, избороздили темными морщинами ея чело, прежде золотисто-розовое отъ кустовъ цвѣтущаго шиповника, отъ полей, покрытыхъ зрѣющими хлѣбами...

Грустью, еще болѣе глубокой, чѣмъ раньше, повѣяло въ душу Франке при видѣ разрушенныхъ домовъ, сожженныхъ садовъ, при видѣ перелѣсковъ, обращенныхъ въ щетинистую равнину, покрытую короткими, расщепленными, обломанными остатками древесныхъ стволовъ, между которыми мертвенной грудою желтой листвы валялись, зеленыя когда-то, трепетныя, живыя вершины, срѣзанныя потокомъ стали и свинцу...

Ему вспомнились сходныя картины тамъ, среди родныхъ полей Восточной Пруссіи. Но это воспоминаніе не потушило жалости и грусти, вызванной видомъ разоренія и разгрома въ землѣ врага...

— Нынче—мы здѣсь громимъ. Но... можетъ... даже неизбѣжно настанетъ день... Силы наши изсякнутъ даже для той упорной борьбы, которую такъ жестоко ведемъ мы теперь на окраинахъ чужихъ земель... Враги вторгнутся къ намъ, потрясенные всѣмъ, что видѣли у себя... Возбужденные жаждой возмездія... жаждой мести!... что будетъ тогда?!

Послѣднюю мысль Франке выговорилъ почти вслухъ.

— Что такое? О чемъ ты?—откликнулся унтеръ-офицеръ, «Гуго Фелльнеръ, новый сосѣдъ по скамьѣ вагона, приземистый, плотный, краснолицый силачъ и забіяка, что-то уплетающій изъ запаса провизіи, которою набитъ у него большой коробъ, полученный изъ дому, во Франкфуртѣ, сутки тому назадъ.

— Нѣтъ, такъ я!.. Думается: что будетъ, когда у насъ не станетъ силы сдерживать на всѣхъ фронтахъ безчисленныхъ враговъ?.. И они хлынутъ къ намъ такою-же, все сожигающей, все разрушающей лавиною, какою мы сейчасъ проносимся по ихнимъ пашнямъ и лугамъ?!

— Мда... Подумать даже непріятно!—передернувъ плечами, уронилъ Фелльнеръ.

Рука съ поднятымъ кускомъ остановилась у самыхъ его полныхъ, красныхъ, лоснящихся сейчасъ губъ и безсильно упала на колѣно, круглое и сильное, какъ у верблюда.

— Да, нѣтъ! этого не будетъ!—рѣшительно тряхнулъ крѣпышъ своею головой, съ коротко-стриженными, но, все-же, густыми, вьющимися, непокорными вихрами. — Быть не можетъ! Пруссаки не дадутъ никому войти на нашу землю... Скорѣе...

— Что: скорѣе? Какъ видно, Фелльнеръ, ты, свободный ганзеецъ,—сталъ любить пруссаковъ? Вѣришь въ ихъ силу больше, чѣмъ въ силу полуміра, который ополчился на насъ?! Давно-ли это?

— Да... какъ сказать?.. Все думается разное... Не кукла-же я, чтобы одно твердить всегда: «па-па!.. ма-ма!»... Не люблю я пруссаковъ. Знаю: подло это, что они разоряютъ Бельгію, Францію... Люксембургъ. Тутъ—каждый клочекъ—стоилъ тысячелѣтняго труда десяткамъ тысячъ людскихъ существъ. Ну, скажемъ: Польша?.. Или, вѣрнѣе: Курляндія... Россійскія западныя земли. Онѣ почти пустуютъ. Тамъ нашихъ нѣмцевъ и теперь больше живетъ, чѣмъ тупоголовыхъ поляковъ и московитовъ. Тамъ мы могли бы еще развернуться, избавиться отъ нашей тѣсноты. Но здѣсь? Сюда насъ не пустятъ, какъ и мы не пустимъ никого на наши тѣсныя, родныя, политыя кровью и потомъ поля, хотя-бы пришлося лечь до послѣдняго человѣка въ бою! Зачѣмъ же здѣсь такъ дико орудовать? Ты правъ: это слишкомъ жестоко, по-прусски! Но, чтобы пруссаки пустили въ Германію враговъ? Нѣтъ! Дудки! Они насъ пошлютъ на убой до послѣдняго горбуна... Сами дадутъ себя перебить... Но сумѣютъ отстоять родную землю... Я ихъ знаю. Мы, во Франкфуртѣ—хорошо знаемъ пруссаковъ!.. Слыхалъ-ли, что дѣлали они тамъ лѣтъ 50 тому назадъ? Въ родной Германіи... когда нашъ вольный городъ—воевалъ съ Пруссіей?.. Не слыхалъ, должно-быть?

— Помнится что-то... Франкфуртскій заговоръ, неудачный?..

— Нѣтъ. Совсѣмъ другое! Было это въ самую чудную пору, въ іюлѣ, въ 1866-мъ году. Прусскіе батальоны вошли побѣдителями, какъ и теперь, но не въ чужой край, а въ нѣмецкій городъ, въ нашъ богатый, людный и торговый Франкфуртъ. Генералъ Фалькъ фонъ-Фалькенгайнъ велъ полки... Дѣдъ теперешняго начальника Главнаго Штаба... А мой дѣдъ, тоже, Гуго Фелльнеръ, былъ оберъ-бургомистромъ. Богатый, честный и горячій старикъ. Отцу уже было десять лѣтъ. Онъ потомъ мнѣ говорилъ. Онъ хорошо помнилъ эту исторію... Вошли «завоеватели»... Здорово пограбили на первыхъ порахъ. А потомъ и трудиться не захотѣли даже для этого. Аресты начались, посыпались обвиненія, подлыя, лживыя, самыя нелѣпыя... Вотъ, какъ ты говорилъ, въ Польшѣ и въ Бельгіи теперь... И кто хотѣлъ уцѣлѣть,—тотъ откупался. Самъ вносилъ припрятанные дукаты до послѣдняго геллера... А на весь городъ, своимъ чередомъ, разъ пять, если не шесть,—накладывались огромные поборы... То—откроютъ заговоръ небывалый противъ коменданта... То ихній-же, «шпицель», провокаторъ солдатъ изъ пруссаковъ, переодѣтый въ штатское, высунется изъ окна богатаго дома и пальнетъ на воздухъ въ ту сторону, гдѣ идетъ патруль прусскій... То... Э, что и говорить! По призыву генерала,—ратманы немедленно являлись къ нему и слушали приказъ: «За покушеніе на моихъ ребятъ—городъ долженъ внести... 50 или 100 тысячъ!..» Сколько грабителю вздумается... Иначе: подъ растрѣлъ, или—въ петлю и на сучья перваго каштана!..

— Какая мерзость!.. И, что-же? Вносили?

— Попробуй не внести!.. Да этого мало! Всѣмъ смазливымъ дѣвицамъ и женщинамъ—словно учетъ былъ сдѣланъ этими... пруссаками... И родственники сами вынуждены были отводить ихъ «побѣдителямъ», оставлять въ холостыхъ квартирахъ, для «веденія хозяйства!»

— Мерзавцы!.. Своихъ-же нѣмокъ они?.. Я и не зналъ!..

— А мы... во Франкфуртѣ,—еще и теперь мы не забыли этого!.. И... когда дѣдъ убѣдился, что всѣ его усилія защитить согражданъ напрасны... Когда его собственную дочь... Она—утопилась... А онъ—пулю себѣ въ лобъ!.. О, я помню прусскую расправу... Они ни передъ чѣмъ не остановятся и въ родной землѣ, не то въ чужой... Такъ, гдѣ-же врагу одолѣть этихъ «косматыхъ»!.. Косматыхъ сердцемъ и отважныхъ до ужаса!..

— Ты думаешь, Фелльнеръ? А, представь, иначе думалъ 100 лѣтъ тому назадъ—французскій императоръ, Наполеонъ. Не такъ думали и сами пруссаки, какъ ты сейчасъ. Они... Лучшіе люди среди нихъ: ученые профессора, важные дворяне!.. Совѣтъ Лепцигскаго университета—назвалъ созвѣздіе Оріона—«Звѣздою Наполеона»—послѣ Тильзитскаго мира, по которому третья часть прусскихъ владѣній была отрѣзана врагами... А Берлинъ въ эти самые дни—устроилъ роскошную иллюминацію... Берлинскія дамы по личной охотѣ—развлекали, какъ могли, французовъ, попадавшихъ въ столицу разгромленнаго королевства... Рогоносцы, прусскіе мужья лебезили передъ побѣдителями, одинаково неотразимыми и на поляхъ битвъ, и въ бюргерскихъ опочивальняхъ. Силу—чтутъ пруссаки!.. И въ день, когда прольются послѣдніе потоки германской крови... Когда враги—задавятъ насъ числомъ, а мы, отступая передъ несмѣтными полчищами, откроемъ имъ свободный путь на Вѣну, на Буда-Пештъ.. На Карлсруэ... На Дрезденъ... На Берлинъ... О, увидишь, товарищъ, какъ смиренно пруссаки согнутся передъ силой... И предадутъ немедленно—прежнихъ своихъ союзниковъ, помощниковъ: турокъ, болгаръ, саксонцевъ, баварцевъ; а венгровъ и австрійцевъ—раньше всего.

Увидишь, товарищъ, какъ главный... тотъ, кто заварилъ кашу, всѣхъ предастъ, только бы отстоять свою корону... Сберечь наслѣдье для своей династіи...

— Если это будетъ такъ!—весь багровѣя, глухо, негромко заговорилъ Фельнеръ:—Я... я... не знаю, на что рѣшусь!.. Я доѣду... дойду... ползкомъ доберуся туда... въ Берлинъ, на площадь, гдѣ дворецъ. Войду... и самъ потребую отчета, у кого слѣдуетъ! А... если не удастся... Я... я буду кидаться на каждаго встрѣчнаго пруссака... Стану душить... рвать... горло буду грызть... за то, что они со своимъ главаремъ втравили Германію въ эту пропасть! Если бы только найти выходъ, Франке?! Неужели, нѣтъ исхода?

— Онъ есть... Я вижу его тамъ, гдѣ ты видишь бѣду и горе... Если бы... представимъ, мы всѣ... Вся Германія и ея воины во главѣ другихъ, сказали: «Довольно! Миръ заключимъ навсегда со всѣми!.. И пусть все идетъ хорошо, дружно, по старому... Каждому—свое!» Вѣрь, злѣйшіе враги смягчатся... Съ народомъ честнымъ и миролюбивымъ не захотятъ сводить кроваваго счета, какой они всѣ подадутъ кой-кому изъ нашихъ главныхъ, когда придетъ пора... Вѣрь, такъ было бы лучше всего, Фелльнеръ!

— Что-же... можетъ, ты и правъ? Я подумаю... И, если рѣшусь?.. Я долго думать не буду. Насъ не мало, изъ Франкфурта. Въ этомъ поѣздѣ—двѣ роты... Еще сзади тянется роты четыре... Я поговорю... Меня всѣ знаютъ, слушаютъ. Я сумѣю, не ожидая долго, устроить хорошій сюрпризъ прусскому начальству, которое выжимаетъ изъ насъ послѣдніе соки!.. А сами эти, одноглазые, грудастые лейтенанты всегда подальше держатся отъ огня... Я своими глазами видѣлъ. И говорили мнѣ товарищи...

— Да, пруссаки-офицеры берегутъ себя. Говорятъ: «солдатскаго мяса, пушечнаго—много; а офицеры, молъ, нужны... руководить стадами... сѣраго, безрогаго скота!» Это—нами, Фелльнеръ.

— Къ чорту бы провалились эти руководители!.. Ладно! Я подумаю... А теперь... ѣсть захотѣлось мнѣ больше прежняго... Не желаешь ли и ты со мною? Мать-старуха мнѣ тутъ напрятала... До самой Африки, до Камеруна доѣхать хватитъ. Поѣшь... а?

— Пожалуй!—согласился Франке:—время перекусить...

Оба принялись за ѣду.

Фелльнеръ, какъ всегда, ѣлъ сосредоточенно, смакуя каждый кусокъ, медленно пережевывая пищу, какъ это дѣлаютъ быки, протянувшіеся въ полдень на пастбищѣ подъ тѣнью случайныхъ деревьевъ и зеленѣющихъ кустовъ. Но мозгъ его продолжалъ упорно работать и рѣзкая складка пролегла между ровными, густыми бровями, глубоко западая въ кожу на его красномъ, мясистомъ лбу...

Раненые на западномъ фронтѣ—кружнымъ путемъ, черезъ Дуэ-Лилль-Остенде отправлялись на родину, въ Германію. Такимъ образомъ, оставался свободенъ главный путь, по которому текли на фронтъ войска и военные припасы въ безчисленныхъ поѣздахъ. Кромѣ того,—видъ тяжело-раненыхъ, искалѣченныхъ товарищей, вереницы вагоновъ, переполненныхъ «отработаннымъ матеріаломъ», выбывшими изъ строя, негодными людьми,—это могло плохо повліять на свѣжіе резервы, направляемые туда, откуда везли больныхъ и калѣкъ...

Но, все-таки часть возвращаемыхъ на родину, несчастливцевъ, попадала и въ тѣ поѣзда, которые, довезя на фронтъ войска, возвращались пустыми въ Германію за новымъ запасомъ живой силы, за новыми сотнями тысячъ снарядовъ, за грудами пороху, за десятками милліоновъ пуль, необходимыхъ двумъ милліонамъ солдатъ, которыхъ выставила Германія на западной чертѣ, отъ самаго моря до границъ Швейцаріи.

Эти, по большей части, легко-раненые, при каждой встрѣчѣ, охотно вступали въ бесѣду со здоровыми товарищами, ѣдущими на фронтъ. Много страшнаго разсказывали они «новичкамъ»...

— Съ ума спятили, видно, «космачи»!—басилъ какой-то грузный баварецъ-артиллеристъ, инвалидъ безъ руки, высунувшись изъ окна вагона и обращаясь къ кучкѣ пѣхотинцевъ изъ молодежи, выученной недавно и отправленной на западъ.—Эти французишки взбѣсились просто! Еще въ августѣ, числа съ 20-го... или, попозже малость, какъ принялися жарить. День и ночь! Сто ядеръ въ минуту на одно мѣсто, если не больше, валилось съ неба прямо на насъ... И, видно, есть среди нашихъ «шпицели» французскіе... Сигналы даютъ врагамъ, гдѣ наши батареи, гдѣ блиндажи, гдѣ—что поважнѣе,—туда и жарятъ треклятые!.. Тысячу снарядовъ въ минуту...

— Тысячу, а не сто? Каждую минуту?—прозвучалъ нерѣшительный голосъ изъ толпы слушателей.

— Да, что я считалъ ихъ?—обиженный критическимъ отношеніемъ къ своимъ словамъ, огрызнулся баварецъ:—Мы сами стрѣляли... А только, хоть и дѣломъ занятъ человѣкъ, все же могу я видѣть: сыплются орѣшки, какъ желуди осенью въ лѣсу, со всѣхъ сторонъ! И гдѣ только прячутъ они, стервецы, свои батареи? Всю линію вдоль и поперекъ по квадратамъ, бывало, мы исхлещемъ у нихъ нашими «тетками»... И тяжелыми палимъ. А они не унимаются, словно бы подъ землею гдѣ глубоко всѣ ихъ пушки спрятаны и нашъ огонь для нихъ—пустая забава!.. Мерзость, больше ничего! А тутъ еще толки пошли, что готовится получше еще сюрпризецъ для насъ отъ «мохначей»...

— Что?.. Что такое? Когда?

— Какой еще сюрпризъ? Что тамъ они готовятъ?

— Къ нашему пріѣзду, видно?

Взволнованные голоса засыпали вопросами баварца.

— Д-да, видно, вамъ хлебать придется супъ, который варится теперь... за окопами у враговъ—протянулъ баварецъ.—Мнѣ братъ говорилъ. Онъ писаремъ въ нашемъ штабѣ. Всѣ, самыя секретныя бумаги пишетъ, или читаетъ, если хочетъ. Большое наступленіе готовятъ французики... Меня Богъ счастливо унесъ. Новыя пушки у нихъ. Бьютъ такъ, что и подъ землею не спрятаться. Нащупали нашу батарею... Мы мѣнять мѣсто стали. Очень ужъ невтерпежъ пришлося. Бумъ! Ящикъ одинъ зарядный взлетѣлъ. Троихъ на мѣстѣ, четырехъ ранило... Я подаю лошадей къ номеру къ моему... Вдругъ еще подарочекъ. Трахъ!.. разорвался у самыхъ колесъ орудія. Осколкомъ острымъ мнѣ руку почти у плеча и отхватило... На кускѣ мяса держалась. Нашему доктору и работы было не много. И крови совсѣмъ мало ушло, потому что осколокъ совсѣмъ раскаленный... Такъ прижгло мясо, когда ударило, что даже зашипѣло... Видно, «Король Меча» помогъ!—доставъ на груди амулетъ, показалъ онъ «новичкамъ» изображеніе рыцаря.—Вышло, какъ докторъ сказалъ: чѣмъ меня ушибло, тѣмъ и полечило... А то, отъ потери крови я бы могъ умереть... И, смѣшное дѣло, товарищи! Руки нѣтъ. А мизинецъ на ней—часто болитъ и сводитъ, потому что прежде отъ ревматизма сводило его. Такъ и хочется потерѣть больной палецъ. Погляжу: а его и съ рукой нѣту!.. Ха-ха-ха !..Къ погодѣ всегда ноетъ! Ха-ха-ха!.. Пустое мѣсто!..

Улыбнулись и слушатели. Но чей-то тревожный голосъ остановилъ словоохотливаго баварца, готоваго распространиться на счетъ своей руки:

— Ты, говорилъ, товарищъ, готовится сюрпризъ? Какой еще тамъ? А?

— А это мнѣ братъ по секрету открылъ. Три милліона солдатъ собираетъ Жоффръ противъ насъ. Хочетъ гнать изъ Франціи...

— Три милліона? Да, откуда они возьмутъ. Едва-едва и полтора милліона собрали... А ты...

— Не одни французы... Теперь англичане ввели у себя воинскую повинность... Милліонъ головъ высаживаютъ въ Калэ... Половина бѣлыхъ, половина темнокожихъ, изъ Индіи... И французы своихъ черномазыхъ подсыпали изъ Африканскихъ войскъ. А третій милліонъ изъ Японіи плыветъ. Пять тысячъ пароходовъ нагрузили этими обезьянами... Маленькіе они, а, говорятъ, драться такіе мастера, что и сенегальцамъ не уступятъ!..

— Милліонъ японцевъ?! Ну, тогда, конечно... намъ не удержаться!—безнадежно откликнулись голоса изъ толпы.

— А, развѣ... эти... сене... кальцы? Они такіе страшные?—особенно тревожно зазвучалъ одинокій чей-то, молодой, почти мальчишескій голосъ.

— Увидишь... попробуешь... узнаешь!—многозначительно отозвался баварецъ, шевеля густыми, сдвинутыми бровями.—Это—звѣри, не люди! Когда войдутъ въ ражъ, зубами горло перегрызаютъ и кровь пьютъ! Это у нихъ—обычай на войнѣ такой... Противъ насъ, какъ разъ,—стояли эти черти черномазые... Прознали они какъ-то, что мы въ послѣднемъ бою, когда захватили ихнихъ товарищей,—не захотѣли возиться съ ними. И такъ довольно плѣнныхъ въ Германію отправлено. Начальство говоритъ: «дома-де и своимъ не всегда кусокъ найдется!.. А отъ плѣнныхъ—какая выгода?.. Лучше ихъ—не брать!..» Мы и старались такъ. Кто сдается, а мы и не слушаемъ. Штыкомъ пырнешь... либо—прикладомъ по башкѣ... И конецъ! Вотъ и весь плѣнъ!..

— Какой ужасъ!—сорвалось у Франке, который вмѣстѣ съ Фелльнеромъ подошелъ къ группѣ послушать, о чемъ здѣсь говорятъ?

Фелльнеръ только поморщился. Вздрогнули многіе изъ «новичковъ», но не сказали ничего.

Баварецъ, поощряемый явнымъ вниманіемъ слушателей, попыхивая трубкою, продолжалъ:

— Вотъ, значитъ, сенегальцы и прознали какъ-то о нашей расправѣ съ ихними людьми... Видно, недобитый кто остался, а потомъ къ своимъ уползъ, либо унесли его они... И, что-же вы думаете? Въ слѣдующій разъ, когда наши кинулись занять воронку отъ мины, взорванной у ихнихъ окоповъ... Эти сенегальцы, словно бѣшеные,—безъ приказанія начальства своего, ринулись впередъ мимо французскихъ солдатъ. Наши ощеломѣли, какъ увидали этихъ звѣрей... Черные... губы красныя... зубы и глаза—бѣлые... Страхъ! и смяли они нашихъ... Тѣ—домой, въ окопы... Черномазые—за ними... Прямо скачутъ въ траншеи къ намъ. Ножи кривые, короткіе, въ рукахъ. Порютъ животы людямъ, душатъ, горло грызутъ! Мы изъ первой линіи во вторую... Еле ушли отъ нихъ. Наши пушки и давай жарить по окопамъ, по нашимъ-же, гдѣ эти черти ворвалися... Едва ихъ выжили!.. Право... Много товарищей полегло тогда .. Изъ трехъ ротъ и половины не осталось!.. Да!..

Инвалидъ умолкъ, словно опять переживая полузабытыя волненія прежнихъ боевъ.

Молчали и «новички». Имъ чудилось, что въ эту минуту впервые показала имъ свое, обагренное кровью, лицо грозная богиня войны, о которой они раньше думали на половину съ тревогой, на половину радостно, предвкушая возможность пережить новыя, сильныя ощущенія...

Газеты въ Германіи громко вѣщали о непрерывныхъ побѣдахъ, объ уничтоженіи цѣлыхъ армій непріятеля, при чемъ нѣмцы отдѣлывались самыми незначительными потерями. Читать безконечные списки убитыхъ и раненыхъ мало кому было охоты... Тѣмъ болѣе, не было нужды подводить итоги... Да и самыя крупныя цифры убитыхъ, «чужихъ» людей, хотя-бы и соотечественниковъ, онѣ—слабо затрагивали мысль...

А тутъ они сами, юные и пожилые, недавно оторванные отъ мирной жизни, всѣ они сейчасъ стояли на дорогѣ, ведущей скорѣе въ могилу, чѣмъ обратно, домой.

И каждое слово о томъ, что дѣлается тамъ, впереди, за синею далью, куда везутъ ихъ поѣзда, малѣйшая вѣсть—съ особою силой вонзалась въ слухъ и въ душу «новичковъ»...

Глядя на баварца, лицо котораго стало значительнымъ и строгимъ, они молча выжидали: что скажетъ онъ еще?

— А... скажите, товарищъ,—нарушилъ тишину Франке:—кронпринцъ, онъ, вѣдь, тамъ. Какъ онъ? Слыхали, что-нибудь? Можетъ, видѣли его сами на фронтѣ гдѣ-нибудь? Разскажите.

— Кроон-прии-инцъ!—какъ-то особенно протянулъ баварецъ, выпячивая нижнюю губу.—Видѣлъ ли я его на фронтѣ? Да развѣ видѣлъ его тамъ кто-нибудь? Даже, наши генералы? А? Развѣ на линіи, вблизи траншей—есть хорошенькія барышни и шампанское? Зачѣмъ-же тамъ быть кронпринцу? Васъ вотъ везли черезъ Люксембургъ. Вы тамъ не видали-ли его сами? Тамъ онъ теперь. Одинъ товарищъ долго тамъ находился... и видѣлъ не разъ крон-принца... на балконѣ его дачи... рядомъ съ пухленькой бабеночкой, которая такъ нѣжно склоняла свою крашеную мордочку ему на плечо и стрѣляла взглядами въ молодого да щедраго красавчика!.. А на фронтѣ? Да... за кого вы его считаете? Ха-ха...

— Вотъ какъ? Значитъ, правду говорятъ о немъ въ Берлинѣ и вездѣ... Что онъ больше воюетъ съ дѣвочками и съ винными бочками, чѣмъ съ врагами?—подалъ голосъ Фелльнеръ.—И не жалѣетъ денегъ на веселье...

— Истинная правда!.. Онъ не только денегъ не жалѣетъ. Братъ, писарь—говорилъ, что отъ него частенько приходятъ секретные приказы... Упреки командирамъ, если мы долго не продвигаемся впередъ. Приказы: не щадить солдатъ! Особенно теперь, передъ большимъ займомъ, который объяв-

ленъ на сентябрь. Надо гдѣ-нибудь одержать хорошую побѣду, тогда и свои нѣмцы, дадутъ денегъ. И нейтральные раскошелятся... Можетъ-быть, даже американцы переложатъ гнѣвъ на милость... Ихніе доллары намъ очень нужны... При моемъ братѣ толковали офицеры, что принцъ пишетъ: «чего-бы ни стоило, сколько бы ни уложить солдатъ... а надо продвигаться впередъ повсюду!..» И поэтому начальники зачастую нашего брата шлютъ зря на убой!.. Благо, сами могутъ оставаться позади, гдѣ имъ безопасно...

— Вонъ каковъ кронпринцъ!—кривя губы въ улыбку, порывисто заговорилъ Фелльнеръ, обращаясь къ «новичкамъ», солдатамъ своего взвода:—Въ отца, значитъ! Тотъ поднялъ половину людей противъ другой половины человѣчества... А сынокъ приказываетъ выстилать поля Шампани нашими трупами, только бы успѣшнѣе прошелъ новый заемъ!.. Хорошо поетъ юноша!..

— А, что-же?—невозмутимо отозвался безрукій баварецъ:—не даромъ у насъ и поговорка старинная существуетъ: «какъ старые скворцы поютъ, и птенцы такъ голосъ подаютъ!..»

— А какое у васъ начальство?—продолжалъ задавать вопросы Фелльнеръ, очевидно, рѣшивъ, для своихъ цѣлей использовать случайный разговоръ.

— Да, какъ и вездѣ!.. Хорошихъ мало. Плохими, хоть болото засыпай!.. Имъ бы попить, поспать подольше да укрыться получше отъ огня... О насъ мало кто и думаетъ. Пріѣдетъ инспектирующій,— всѣ подтягиваются... Уѣдетъ,—опять снова —здорово... Если близко городокъ, селеніе—туда сами офицерики норовятъ, или оттуда дѣвчонокъ везутъ, утѣшаются... А мы ужъ сами, какъ хотимъ... Раньше, хоть вольнѣе было. Случалось, и намъ подъ руку попадали красотки... и вещи хорошія тоже немимо шли. Теперь — не позволяютъ. Что бы не писали про насъ худо, не называли нѣмецкую армію воровской шайкой... Будто не все равно... Мы не возьмемъ, такъ вездѣ теперь грабителей, мародеровъ цѣлыя банды развелись съ голодухи да отъ развала... Въ Бельгіи, говорятъ, какъ и здѣсь... А изъ дому пишутъ, что и тамъ не мало грабежей да разбоевъ теперь. Правда-ли, товарищи? Вы—недавно изъ дому... Что тамъ?

— Да, не важно!—отозвался одинъ изъ «новичковъ».—Правда, шайки стали проявляться не только въ захолустьяхъ и въ большихъ городахъ. Ловятъ ихъ, судятъ. Вѣшаютъ даже многихъ.

— Да, всѣхъ не перевѣшать... Понимаютъ и судьи, что голодъ—не свой братъ!..

— Да!..—пробасилъ баварецъ, поникая головой.

И у него теперь, впервые, вмѣсто радостнаго ожиданія встрѣчи съ родными мѣстами и людьми,— стала шевелиться въ груди смутная тревога: «что-то дома ждетъ?»

Письма онъ получалъ. Но сжатыя, пропущенныя черезъ цензуру. Тамъ стояло коротко: «Всѣ здоровы. Все благополучно. Умеръ дядя Фрицъ. Все вздорожало. Дѣти цѣлуютъ».

Эти строки, доходя въ окопы, на фронтъ, словно озаряли тусклую, полную опасностей, жизнь. Думалось: «нѣтъ вѣстей,—добрыя вѣсти...»

А теперь иныя мысли столпились въ тѣсномъ черепѣ медлительнаго баварца, подъ его, невысокимъ, мясистымъ лбомъ.

— Э-эхъ, миръ бы скорѣе!—вдругъ неожиданно вырвалось у него изъ глубины груди; какъ будто противъ воли душа высказала свое, самое затаенное желаніе.

Остальные, безъ словъ—только дрогнули согласно, словно все въ нихъ откликнулось на это пожеланіе и подтвердило его.

Фелльнеръ, прищурясь, оглядѣлъ всѣхъ и спросилъ безрукаго:

— А тебѣ же что за особая печаль теперь: скоро, не скоро-ли миръ? Ты свои 20 марокъ будешь аккуратно изъ казны получать... Можетъ, еще и въ партійной кассѣ застрахованъ? Ты—изъ партіи?

— Да... эс-декъ...

— Ну, такъ чего-же? И службу подыщешь по силамъ, или торговлей займешься... Чего тебѣ печалиться: скоро, не скоро миръ? Ты—свое получилъ?

— Получилъ? Глупо говорите, г. унтеръ-офицеръ!.. Что я, не человѣкъ? Или—сладко мнѣ— безрукимъ приживальщикомъ у другихъ на шеѣ торчать?.. И думать: сколько еще такихъ будетъ?».. Тѣхъ не считая, кто... и вовсе домой не вернется... только оставитъ сиротъ и жену... или старыхъ родителей безъ помощи... Или, я не человѣкъ по вашему? У насъ, вотъ есть 137-й полкъ. Въ немъ—3000 комплектъ. А изъ него уже—12 тысячъ убитыхъ! Пятый разъ обновляется полкъ? Пора кончить! Не я одинъ. Вся партія наша постановила, что пора бы заключить миръ. Конечно, безъ ущерба для насъ... Для всей Германіи... Вотъ, со мною и нумерокъ. Вы читали, должно-быть?

Онъ досталъ номеръ «Vorwarts»—гдѣ былъ обнародованъ текстъ «программы условій мира»,

выработанной партійнымъ совѣтомъ и фракціей соціалъ-демократовъ рейхстага въ одномъ изъ послѣднихъ соединенныхъ засѣданій.

Одной рукою, неловко, кое-какъ развернулъ медлительный баварецъ свой, уже сильно-потрепанный, газетный листъ, помогая при этомъ себѣ даже головой и ртомъ.

Затѣмъ сталъ читать; смакуя каждое слово:

«Считаясь съ національными интересами и правами собственнаго народа и принимая во вниманіе жизненные интересы всѣхъ народовъ, германская соціалъ-демократія стремится къ заключенію мира, который носилъ бы въ себѣ залогъ длительности и привелъ бы европейскія государства къ болѣе близкому общенію на почвѣ права, народнаго хозяйства и культуры. Соотвѣтственно этому, мы устанавливаемъ слѣдующія руководящія положенія для заключенія мира:

1) Обезпеченіе политической независимости и интактности Германской имперіи требуетъ отклоненія всѣхъ завоевательныхъ посягательствъ враждебныхъ намъ государствъ на территоріальную неприкосновенность Германіи. Это относится и къ требованію возсоединенія Эльзаса-Лотарингіи съ Франціей въ какой бы то ни было формѣ.

2) Для достиженія свободнаго экономическаго развитія нѣмецкаго народа мы требуемъ:

«Открытыя двери», т.-е. равное право для экономической дѣятельности во всѣхъ колоніальныхъ областяхъ.

Включеніе права наиболѣе благопріятствуемой державѣ въ мирный договоръ со всѣми воюющими державами:

Содѣйствіе экономическому сближенію путемъ возможнаго устраненія таможенныхъ и иныхъ отграниченій;

Уравненіе и улучшеніе соціально-политическихъ условій въ смыслѣ цѣлей, преслѣдуемыхъ рабочимъ интернаціоналомъ;

Свобода морей должна быть обезпечена международнымъ договоромъ, для чего надлежитъ упразднить право морскихъ призовъ и установить интернаціонализацію важныхъ для міровой торговли проливовъ.

3) Въ интересахъ безопасности Германіи и ея экономической свободы на юго-востокѣ мы возстаемъ противъ всякихъ военныхъ цѣлей враждебныхъ намъ державъ, клонящихся къ ослабленію или расчлененію Австро-Венгріи и Турціи.

4) Принимая во вниманіе, что аннексія чуженародныхъ областей нарушала бы право на самоопредѣленіе народовъ и, кромѣ того, лишь ослабила бы внутреннія единство и силу нѣмецкаго національнаго государства, вмѣстѣ съ тѣмъ осложняя и подвергая постоянной опасности его международное политическое положеніе, мы протестуемъ противъ соотвѣтствующихъ плановъ близорукой завоевательной политики.

5) Ужасающія страданія и разрушенія, которымъ подвергла человѣчество настоящая война, привлекли къ идеалу длительно-обезпеченнаго международными правовыми институтами мира сердца новыхъ милліоновъ. Стремленіе къ этой цѣли должно быть высшимъ нравственнымъ долгомъ для всѣхъ, призванныхъ въ выработкѣ условій мира. Мы требуемъ поэтому созданія международнаго суда, которому впредь должны быть подсудны всѣ возникающіе интернаціональные конфликты.»

Окончивъ баварецъ обвелъ побѣдоноснымъ взглядомъ слушателей, какъ будто это онъ самъ сейчасъ все порѣшилъ, сочинилъ, отпечаталъ и впервые прочелъ этимъ людямъ. А между тѣмъ, по крайней мѣрѣ, у половины изъ нихъ—лежалъ въ карманѣ этотъ самый номеръ, читанный и перечитанный много разъ...

Но объ этомъ никто не подумалъ даже. А инвалидъ, уткнувшись своими круглыми, блестящими глазами въ газету, объявилъ:

— Тутъ еще отъ редакціи есть кое-что... Вотъ... Кхмъ!..—«Считаемъ своимъ долгомъ сообщить нашимъ читателямъ, что по извѣстнымъ причинамъ;—мы лишены возможности, сообщить полный текстъ постановленія нашей партіи!..» Еще-бы! Понятно, дворянская цензура не позволяетъ народу открыто подать свои голоса... Но, мы еще посмотримъ! А? Что скажете, товарищи?..

«Новички», молодые и солидные, заговорили перебивая порою другъ друга. Всѣмъ хотѣлось подать свой голосъ... Зазвучали знакомыя имена: Карлъ Либкнехтъ, Клара Цеткинъ, Бернштейнъ, Потгофферъ, Фендерихъ, Гейне и другія...

Франке, которому все это было ужъ такъ знакомо, отошелъ. Фелльнеръ остался, слушалъ разсѣянно, изрѣдка подливая масла въ огонь ѣдкими намеками и шуточками...

Въ небольшомъ палисадникѣ, который тянулся вдоль перрона этой маленькой станціи, еще не совсѣмъ отцвѣли вьющіяся розы, пестрѣли левкои, рдѣли лакъ-фіоли, цѣлыми куртинами стояли георгины, астры и другіе осенніе цвѣты. Франке зашелъ сюда и сталъ мѣрять шагами дорожки, покрытыя хрустящимъ пескомъ, еще влажнымъ отъ недавняго дождя.

Ему хотѣлось размяться немного послѣ ряда дней, проведенныхъ въ вагонѣ, и разобраться яснѣе въ причудливой вереницѣ спутанныхъ ощущеній и мыслей, какая наполняла умъ и душу его эти послѣдніе дни.

Тамъ, въ Варшавѣ и, особенно, въ Берлинѣ—ему казалось, что тайные, смѣлые планы и надежды фонъ Лаунера мало осуществимы. Правда, общественная гражданская жизнь столицы Германской имперіи почти замерла... Улицы, кромѣ главныхъ, пустынны особенно по вечерамъ, когда городъ погружается въ полумракъ плохо разгоняемый рѣдкими огнями... Иные, узкіе старые переулки и даже, цѣлые кварталы—принимаютъ тогда совсѣмъ такой-же видъ, какъ имѣли въ далекіе прежніе вѣка, когда на берегахъ мутной Шпрее, изъ двухъ деревенекъ: Кельна и Берлина—стали создаваться крѣпкій Бургъ и Новый городъ—будущій центръ могучаго государства...

Но цѣлый день военная сила такимъ ключемъ кипитъ въ стѣнахъ этой столицы, кафе такъ оживлены, жизнь идетъ такъ стройно, что и подумать нельзя, будто весь порядокъ которымъ жила страна вмѣстѣ со своею столицей—близится къ концу...

И, только, проѣхавъ поперекъ Германію, слыша повсюду одно и тоже, попавъ сюда, на западный фронтъ, стоя почти лицомъ къ лицу съ новыми врагами—Франке видѣлъ, что Лаунеръ не ошибся. Онъ чутко уловилъ общее настроеніе и по причинамъ не совсѣмъ яснымъ еще для Франке, рѣшилъ ускорить обвалъ поторопить разрушеніе стараго строя и этимъ помочь германскому народу создать лучшую жизнь на новыхъ началахъ!..

Самъ Франке радовался возможности увидѣть на дѣлѣ осуществленіе идей, которыя положены въ основу программы народной партіи... Но умъ юноши отказывался сразу изобразить, какъ это совершится? Въ какія новыя рамки уложится многообразная жизнь многомилліоннаго народа, когда старое уйдетъ?..

Отъ этихъ общихъ вопросовъ онъ перешелъ, къ себѣ къ состоянію собственнаго духа.

— Вотъ, Фелльнеръ хорошо сказалъ: — «Я не кукла, чтобы не мѣняться!..» Вѣрно!.. Человѣкъ всегда мѣняется,—если онъ живетъ. Только, надо мѣняться, переходя отъ худшаго къ лучшему, отъ простого, малаго—къ болѣе сложному и обширному... Вотъ въ чемъ суть!.. И я такъ мѣнялся всю жизнь!—порѣшилъ юноша, мысленно, быстро окинувъ взоромъ минувшіе года.—Какая это простая штука! А раньше, почему-то ,не пришла мнѣ въ голову... Ребенкомъ—я видѣлъ все въ моей мамѣ, въ отцѣ... Любилъ братьевъ, сестеръ... и нашъ уголъ. Потомъ понялъ красоту и жизнь нашего сада съ его корявыми деревьями да шаловливыми травинками. Полюбилъ лѣсъ и рѣку. Мнѣ казалось, что міръ огромное существо, живое, чудесное. А я—его частица!.. Потомъ школа... Товарищи... Я сталъ другой... Споры, книги... Желаніе спасти міръ, забыть себя и служить людямъ. Мечты о добрѣ, о счастьи людей... О личной славѣ... Все существующее—было только отраженіемъ души моей, которая стояла въ центрѣ. Это уже былъ новый Юлій... Но и прежніе, они жили во мнѣ... И живутъ. Теперь — я узналъ жизнь настоящую... Все мнѣ кажется такимъ ненадежнымъ, случайнымъ, призрачнымъ! Но хочется и мнѣ выполнить крупицу огромной работы, совершаемой человѣческимъ разумомъ, хочется ввести хотя немного смысла и свѣта въ путаницу житейскихъ дѣлъ и отношеній. Правда, я теперь больше прежняго думаю о себѣ. Во мнѣ проснулось стремленіе къ радостямъ своей семьи. Да, да... хочется личнаго счастья, тихаго уюта... А, все-же, я не продамъ моихъ прежнихъ высокихъ грезъ за личныя блага... Я готовъ жертвовать собою для высшаго порядка, который возможно осуществить на землѣ еще теперь!.. А эта война?.. Какъ много я успѣлъ понять съ тѣхъ поръ, какъ она вспыхнула... по волѣ одного безумца... котораго толкали усилія кучки жадныхъ захватчиковъ, потомковъ прежнихъ нашихъ рыцарей и князей, полувоиновъ, полу-разбойниковъ... Да! А... что будетъ потомъ? Если я останусь живъ и состарѣюсь? Неужели угаснетъ въ душѣ все, чѣмъ горитъ она сейчасъ? Нѣтъ! Не можетъ быть!.. Мнѣ думается, утративъ личныя стремленія, я еще тоньше и глубже почувствую окружающій меня міръ...

Охваченный сомнѣніями и думами, долго шагалъ Франке въ увядающемъ саду, пока не увидѣлъ, что товарищи бѣгутъ къ поѣзду, готовому тронуться въ дальнѣйшій путь...

— Мѣрно стучатъ колеса поѣзда... Въ вагонѣ—говоръ и гомонъ. Накурено. Но Франке не замѣчаетъ ничего. Подъ рокотъ колесъ и гомонъ товарищей мысли вьются четко, и узорной вереницей, нарождаясь и уплывая свободно и легко.

Думая о минувшихъ дняхъ, обо всемъ, что случилось за прошедшіе 14 мѣсяцевъ, онъ начинаетъ понимать: отчего война потеряла интересъ и прежнее значеніе для него? Почему стала нестерпимо-тяжела для большинства изъ тѣхъ, кого за послѣдніе мѣсяцы видѣлъ онъ на восточномъ фронтѣ, и тамъ, на родинѣ, и здѣсь теперь. Раньше—надежды на скорую побѣду, купленную цѣною незначительныхъ, сравнительно, потерь и жертвъ людьми—окрыляли всѣхъ... Словамъ императора, статьямъ газетъ свято вѣрили, потому что каждый обыватель думалъ тоже самое... А о войскахъ—и говорить нечего.

Отборная молодежь, воспитанная въ духѣ стараго солдатства, упоенная воспоминаніями о побѣдахъ Германіи, одержанныхъ такъ легко и скоро назадъ тому 45-ть лѣтъ, — эта огромная, хорошо выученная армія почти въ три милліона человѣкъ, рвалась къ бою...

И цѣлый народъ стремился за нею душой... Каждому казалось, что онъ будетъ радъ и счастливъ, въ случаѣ надобности, занять мѣсто выбывшихъ бойцовъ. Чтобы могучимъ потокомъ «вооруженнаго нѣмецкаго народа»—докатиться до земли обѣтованной, взять себѣ новыя земли, новыя блага жизни, какъ побѣдный лавръ, какъ награду за подвиги и отвагу...

Дѣйствительность скоро показала, какъ обманчивы были расчеты вождей и надежды германскаго народа, который, измѣняя прежнимъ богамъ, сталъ искать выхода изъ нужды не въ упорномъ, разумномъ трудѣ, не въ научныхъ достиженіяхъ, а, по старому, пожелалъ—«побѣдить и захватить» готовое, чужое... Пожелалъ писать свои законы міру не письменами творческаго духа, а остріемъ штыковъ и осколками картечей!..

Быстрыя завоеванія не удались... Планы, лелѣянные десятки лѣтъ, обдуманные умнѣйшими людьми въ тишинѣ и тайнѣ, они не удались и, при свѣтѣ солнца, — были признаны неудачными, даже преступными, со стороны чуть ли не всего міра...

Посланная впередъ сильная молодежь, цвѣтъ германскаго и венгерскаго народа, самое отборное войско, мощные удары котораго должны были принудить врага признать надъ собою волю побѣдителей,—эти живыя стѣны солдатъ, впереди которыхъ клубились завѣсы изъ огня, стали и удушливыхъ газовъ,—они разбились о сопротивленіе враговъ, рухнули отъ встрѣчнаго натиска и отвѣтнаго удара другихъ «вооруженныхъ народовъ», хотя и не подготовленныхъ къ борьбѣ, но стойко рѣшившихъ скорѣй погибнуть, чѣмъ уступить!..

Пришлось строить новые планы борьбы... Парижъ, Лондонъ, Москва и Петроградъ, эти священные очаги жизни вражескихъ народовъ не могли быть захвачены первыми,наиболѣе грозными усиліями многомилліонной германской рати... Самый составъ ея измѣнился, пополняясь резервами, плохо подготовленными, на спѣхъ обученными порой... Запасы, боевые и пищевые, копившіеся десятки лѣтъ, стали изсякать... Моря—закрылись. Колоніи потеряны. Арміи враговъ не уменьшаются, какъ свои, тевтонскія, а ростутъ, потому что у враговъ больше человѣческаго матеріала...

Но Германія и Австро-Венгрія, даже обманувшись въ своихъ завоевательныхъ расчетахъ, даже потерявъ лучшіе, линейные батальоны,—все же являютъ грозную силу въ мірѣ! И молча началась иная борьба. Постепенно раздвигая поле военныхъ дѣйствій,—теряя сотни тысячъ жизней,—приходится довольствоваться тѣмъ, что разгрому подвергаются чужія земли, не германскія... А потомъ, въ послѣднемъ счетѣ, если придется кончать игру въ ничью?.. Если за всѣ области, занятыя прочно во вражескихъ предѣлахъ германцами, имъ не пожелаютъ вернуть колоній и свободныхъ морей?.. Пусть такъ! Добромъ—не оставятъ нѣмцы того, что ими захвачено... Бельгія, Польша, богатый сѣверъ Франціи... Они тамъ укоренились... тамъ и останутся... А кто пожелаетъ, или посмѣетъ, пусть придетъ и выгонитъ.

Ужъ если этого не сдѣлано было врагами на первыхъ порахъ, тѣмъ труднѣе будетъ сдѣлать теперь, когда каждая пядь земли—полита нѣмецкой кровью, изучена и укрѣплена германцами, изрыта траншеями, увѣнчана земляными крѣпостями, для усиленія которыхъ созданы огромныя подземныя крѣпости, склады для боевыхъ припасовъ и для всего, что необходимо войскамъ...

Такъ рѣшили вожди... Но Франке видѣлъ, что войска и народъ думаютъ иначе.

Войско теперь на три четверти состоитъ ихъ тѣхъ, кто никогда не надѣялся попасть въ солдаты и нести всю тяжесть борьбы. Эти лавочники, мастеровые, студенты, приказчики, писатели, ученые и франтики, живущіе отцовскими капиталами,—они готовы сочувствовать солдатамъ, давать понемногу денегъ на военныя нужды, не прочь говорить зажигательныя рѣчи, даже одѣть форму защитнаго цвѣта и гулять въ ней по улицамъ Берлина или захолустнаго Крэвинкеля, прижимая къ груди ручку смазливенькой особы, сердце которой горячѣе бьется, если къ нему прижимается китель цвѣта «хаки».

Но жить мѣсяцами въ окопахъ, голодать, стынуть въ морозы, гибнуть отъ ядеръ и пуль?.. Это

совсѣмъ не по нутру каждому обыкновенному обывателю, какъ бы ни былъ онъ воинственно и патріотично настроенъ на словахъ. А тутъ еще и дома, безъ войны,—сотни тысячъ женщинъ, дѣтей—терпятъ лишенія, голодъ. За деньги часто нельзя добыть куска мяса, ломоть сноснаго хлѣба, не говоря уже о румяныхъ булочкахъ, о хорошихъ сливкахъ и маслѣ, обо всемъ, съ чѣмъ привыкъ пить свой утренній кофе каждый нѣмецъ, уважающій себя мало-мальски...

И все тяжелѣе для народа гнетъ затянувшейся войны... Побѣды, о которыхъ порою трубили газеты, онѣ возвѣщали прозрѣвшимъ милліонамъ людей, что узелъ запутывается все туже и конецъ все дальше. Въ настоящую побѣду никто не вѣрилъ давно. А гнетъ становился все непосильнѣе... Налоги росли вмѣстѣ съ дороговизной... Военные займы достигли страшныхъ цифръ... Народъ усталъ!

И фонъ Лаунеръ, какъ тысячи другихъ, понялъ это раньше, чѣмъ сами недовольныя громады народныя увидѣли, что дольше тянуть не хватаетъ силъ.

Франке теперь только убѣдился, что дѣло, затѣянное его старшимъ другомъ,—дѣло роковое, необходимое для цѣлой страны. Чтобы предупредить гибельныя проявленія стихійнаго произвола въ минуту грознаго взрыва, близкаго и неизбѣжнаго, фонъ Лаунеръ, какъ и тысячи его соумышленниковъ, рѣшилъ постепенно и своевременно наладить дѣло такъ, чтобы въ рѣшительный мигъ власть попала въ руки разумнымъ, честнымъ людямъ; чтобы неизбѣжный переворотъ пошелъ по пути великаго возрожденія страны, а не разлился дикимъ пожаромъ безначалія, не хлынулъ потоками крови и огня!..

— «Переворотъ, но не бунтъ!»—такъ говорилъ ему самъ Лаунеръ.

И теперь Франке понялъ, что другъ говорилъ о неизбѣжномъ, о томъ, что должно очень скоро осуществиться...

Вечеръ готовъ былъ спуститься на землю, когда поѣздъ остановился у станціи, откуда прибывшія войска отправлялись къ своимъ мѣстамъ въ автомобиляхъ или, при нехваткѣ ихъ,—походными колоннами.

Линія непріятельскихъ передовыхъ окоповъ была въ какихъ нибудь пятнадцати километрахъ. Въ тихую погоду, какъ и въ этотъ осенній, теплый вечеръ, слышны были издалека удары тяжелыхъ орудій своихъ и непріятельскихъ, отзвуки которыхъ долетали сюда короткими, тяжкими вздохами, вылетающими изъ необъятной груди самой Матери земли...

Тучи, сгрудясь на западѣ,—укорачивали этотъ, полусвѣтлый промежутокъ недолгаго осенняго дня, мѣшая косымъ, пурпурнымъ, послѣднимъ лучамъ бросать пятна багроваго пламени на окна домовъ, на вершины уцѣлѣвшихъ деревьевъ...

Два воздушныхъ развѣдчика, возвращаясь къ нѣмецкой линіи, зачернѣли высоко-высоко, подъ самыми облаками, изъ-за которыхъ вырывались косые лучи, пронизывая оба аэроплана и снова утопая въ пеленѣ ближайшихъ тучъ. Словно двѣ огромныхъ стрекозы скользили тамъ, слегка позванивая и жужжа моторами...

Франке и нѣсколько его товарищей стояли на лужайкѣ, куда собирались прибывшіе отряды раньше, чѣмъ ихъ направятъ на ночлегъ. Вооружившись биноклемъ, онъ заглядѣлся на двѣ черныя продолговатыя точки, какими казались аэропланы издалека наблюдателямъ, стоящимъ у станціи, на плоской возвышенности, переходящей далѣе въ цѣлую цѣпь невысокихъ отлогихъ холмовъ.

Аппараты быстро приближались. На сѣромъ фонѣ облаковъ можно уже было различить рѣзкія очертанія крыльевъ и корпуса обоихъ Альбатросовъ .Плавно, какъ бы по намѣченной для нихъ въ воздушномъ просторѣ, невидимой никому другому, колеѣ—неслись оба летуна прямо на востокъ, къ своему гнѣзду, къ «парку», изъ котораго вылетѣли еще утромъ.

Вдругъ, совершенно неожиданно, словно замѣтивъ нѣчто важное внизу, въ расположеніи французскихъ войскъ, передовой аппаратъ сразу измѣнилъ направленіе, быстро снизился, забирая влѣво...

Нѣсколько мгновеній спустя, изъ за ближнихъ холмовъ, раздѣляющихъ оба враждебныхъ фронта,—грохнуло нѣсколько выстрѣловъ, очевидно, изъ орудій крупнаго калибра.

Въ воздухѣ, близко-близко отъ Альбатроса, показалось небольшое облачко разрыва. Дымъ, сначала брызнувшій не большимъ, кудрявымъ клубкомъ,—росъ и темнѣлъ, колыхаясь на мѣстѣ и давая возможность вражеской батареѣ опредѣлить положеніе летчика въ просторѣ небесъ...

— Что за дьяволъ!—вырвалось у приземистаго сапера, изъ роты, давно расположенной недалеко отъ станціи. Вмѣшавшись въ толпу пріѣзжихъ онъ распрашивалъ ихъ, что дѣлается въ Германіи? И вмѣстѣ съ ними наблюдалъ полетъ своихъ развѣдчиковъ, не отрывая отъ глазъ превосходный Цейссовскій биноклъ.

— Что такое, товарищъ?—спросилъ Франке, стоявшій рядомъ съ саперомъ.

— Да, вотъ, палятъ за этими холмами... Французы... да еще изъ большихъ дудокъ! А мы знаемъ, что съ этой стороны у нихъ и не пахло артиллеріей... Когда только они успѣли подвезти? Какъ могли установить, что наши не замѣтили? Смотрите, смотрите, какъ здорово пристрѣливаются къ нашему-то!.. Новые снаряды у нихъ. Разорвется первая оболочка... А оттуда десятки меньшихъ снарядовъ. И каждый опять рвется на клочки... Стоитъ какому нибудь осколочку попасть въ моторъ, или въ бакъ... съ бензи... Глядите, готово!

Злобой, досадой, безсильной яростью прозвучалъ послѣдній выкрикъ.

Франке видѣлъ, что съ аппаратомъ случилась бѣда. Несмотря на то, что онъ снова круто сталъ забирать вверхъ, въ тоже время бросаясь изъ стороны въ сторону, мѣняя направленіе и высоту,— послѣдній снарядъ успѣлъ осколкомъ пробить бакъ съ бензиномъ. Блеснуло пламя... Аппаратъ, окутанный дымомъ и паромъ, сталъ падать внизъ, какъ камень... Грохотъ донесся сюда съ высоты. Вѣроятно, взорвалась одна изъ бомбъ, которыми снабженъ былъ летчикъ... А когда пылающіе остатки Альбатроса вдали рухнули на обнаженную, безлѣсную вершину пологаго холма, прогрохотало еще два удара отъ взрыва двухъ остальныхъ бомбъ. Словно похоронный салютъ двумъ смѣльчакамъ, погибшимъ вмѣстѣ со своей стальною птицей!..

За ближайшими холмами орудійный рокотъ утихъ также неожиданно, какъ и прозвучалъ. Только дальнія батареи тяжелыхъ орудій у врага ухали размѣренно и сильно, все чаще и чаще, словно торопясь до наступленія темноты выпустить положенное на сегодня количество снарядовъ.

Нѣмецкія батареи не отвѣчали.

Быстро настала ночь и сразу воцарилась тишина, тѣмъ болѣе полная и жуткая, чѣмъ грознѣе ударяли за четверть часа передъ тѣмъ непріятельскія пушки...

Небольшой, красивый городокъ, у котораго раскинулась станція,—на половину былъ разрушенъ снарядами, когда шли бои за эти мѣста. Дома нѣсколько разъ были разграблены проходящими нѣмецкими войсками.

Сначала, наступая, нѣмцы выбивали отсюда враговъ. Потомъ французы долгое время осыпали снарядами свое прежнее пепелище, думая выкурить оттуда «бошей»... Но тевтоны усѣлись прочно, зарылись въ землю и, мало-по-малу, линія боя отодвинулась, отошла на зададъ... Въ полуразрушенныхъ, но лучше другихъ уцѣлѣвшихъ, домахъ и расположились на ночь прибывшія, свѣжія войска.

Свои, постоянно находящіяся здѣсь, резервныя части—все лѣто ютились по баракамъ, въ отдѣльныхъ зданіяхъ, стояли и лагеремъ, въ палаткахъ, пока было тепло. Но съ наступленіемъ дождей и ночныхъ холодовъ ихъ перевели въ болѣе теплыя помѣщенія. Даже использовали обширные подвалы при сосѣднихъ усадьбахъ, гдѣ въ прежнее время въ огромныхъ бочкахъ выстаивалось и бродило игристое вино Шампаньи, а потомъ переливалось въ бутылки и хранилось до вывоза въ особыхъ помѣщеніяхъ.

Франке плохо спалось на новомъ мѣстѣ. Пробудясь задолго до сигнала, онъ всталъ и вышелъ на утренній воздухъ, свѣжій и прохладный, который былъ такъ отраденъ для его больной груди послѣ тяжелаго, спертаго воздуха, которымъ пришлось дышать всю ночь, лежа на нарахъ, въ обширной, невысокой комнатѣ, гдѣ размѣстилось больше пятидесяти человѣкъ.

Умывшись во дворѣ, у каменной ограды стариннаго колодца съ ведромъ на желѣзномъ барабанѣ, онъ взглянулъ на небо. За ночь—облака прошли. Западъ еще сѣрѣлъ, но на востокѣ трепетала уже янтарно-розоватая предразсвѣтная мгла. Франке захотѣлось пройти по тихимъ, пустыннымъ совершенно, улицамъ этого чужого городка, такого непохожаго на родные, захолустные уголки... Но, въ тоже время, что-то знакомое, близкое было въ этихъ домикахъ и домахъ. Въ палисадникахъ и садахъ, которыми окружены веселыя постройки... И. даже эта церковь на площади, которую такъ хорошо видно въ раскрытыя ворота съ ея колокольней, разрушенной выстрѣлами,—и она говорила о чемъ-то далекомъ, но родномъ.

— Куда? Зачѣмъ? Пропускъ есть?—остановилъ Франке въ самыхъ воротахъ часовой, дремавшій до сихъ поръ и прокинувшійся при звукѣ одинокихъ шаговъ, гулко отраженныхъ плитами, устилающими дворъ.

— Пропускъ?..—переспросилъ Франке, пожалъ плечами и вернулся назадъ.

Въ это время гдѣ-то вдали, какъ невнятный кличъ разсвѣтнаго пѣтуха, прозвучалъ рожокъ. Сигналъ повторился въ другомъ концѣ. Часовой у воротъ тоже подалъ голосъ. Въ домѣ, обращенномъ временно въ казарму, послышалось движеніе.

Скоро люди высыпали гурьбою къ колодцу, съ шутками, со смѣхомъ. И только нѣсколько человѣкъ «бородачей», изъ семейныхъ, были угрюмы и молчаливы...

Утренній туалетъ скоро былъ законченъ. Послѣ легкаго завтрака стали строиться въ ряды, чтобы начать упражненія.

— Франке!—позвалъ вдругъ ротный писарь, появляясь во дворѣ съ бумагой въ рукѣ.—Вотъ телефонограмма. Тебя требуютъ къ генералу. Автомобиль съ двумя адъютантами сейчасъ ѣдетъ въ штабъ. Онъ стоитъ у станціи. Торопись, чтобы офицеры тебя тамъ не ждали...

Взявъ листокъ, Франке быстро пробѣжалъ его глазами, ничего не сказалъ и, обдернувъ на себѣ одежду, быстро скрылся за воротами.

Обширное помѣстье одного изъ крупнѣйшихъ мѣстныхъ винодѣловъ раскинулось цѣлымъ городкомъ зданій, жилыхъ и хозяйственныхъ помѣщеній, конюшенъ, подваловъ и погребовъ въ трехъ километрахъ отъ городка.

Рядомъ когда-то былъ еще другой центръ мѣстной жизни: большой стеклянный заводъ, гдѣ выдѣлывались бутылки для готоваго вина. Теперь—груды кирпичей остались не только отъ двухъ высокихъ трубъ завода, но и отъ прочныхъ его построекъ...

Въ сосѣдней усадьбѣ тоже пострадали строенія, особенно тѣ, которыя стояли на юру, открыто, не залегая въ небольшой ложбинѣ, гдѣ протекала свѣтлая рѣченка и зеленѣли деревья сада и парка, тоже пострадавшія порядкомъ отъ случайныхъ снарядовъ, залетавшихъ сюда...

Несмотря на ранній часъ, пушки французовъ часто и вызывающе ухали уже за холмами. Нѣмецкія батареи отвѣчали; но какъ-то неохотно, сдержанно, словно по обязанности, довольно непріятной..

Во дворѣ усадьбы замѣчалось усиленное движеніе. Выѣзжали и пріѣзжали автомобили, мотоциклисты въ одиночку и вдвоемъ, съ «колясочкой»... Изрѣдка показывались всадники: офицеры верхомъ или вѣстовые-кавалеристы...

Странно казалось постороннему глазу, что вся вереница людей, снующихъ здѣсь, направлялась не къ дому, еще довольно хорошо уцѣлѣвшему, и выходила не изъ него, а всѣ стремились къ черному зѣву большихъ дверей, зіяющихъ въ насыпи среди двора, ведущихъ куда-то внизъ, словно въ обширное подземелье.

Здѣсь только былъ входъ въ подвалы, которые, одинъ за другимъ, тянулись подо всѣмъ домомъ и шли дальше, минуя уголъ сада, забираясь подъ землею и въ предѣлы виноградниковъ, ближайшихъ къ дому.

Въ этой части —можно было видѣть, какъ узловатые корни старыхъ, могучихъ виноградныхъ кустовъ, пробуравя землю и каменные своды подвала, свисали внизъ, словно хвосты длинныхъ, черныхъ змѣй...

Въ одномъ изъ подваловъ, болѣе близкомъ къ выходу, гдѣ воздухъ былъ не такъ спертъ, какъ въ дальнихъ отдѣленіяхъ, размѣстился штабъ арміи генерала фонъ-Эйнема.

Переднее отдѣленіе, отграниченное отъ второго сводами, служило телеграфною и телефонною станціей. Десятки проводовъ, словно нервы, извлеченные наружу, со всѣхъ сторонъ сходились сюда, оканчиваясь десяткомъ аппаратовъ телефонныхъ, телеграфныхъ, установленныхъ кое-какъ на простыхъ столахъ, на небольшихъ боченкахъ, замѣняющихъ недостающую мебель. Антены радіотелеграфа, установленныя снаружи, заставляли здѣсь звучать пріемные аппараты, когда издалека доходила сюда волна, безпроволочно-пущенной, электрической силы... На другихъ столахъ, подальше—устроены были аппараты для посылки радіотелеграммъ. Люди, сидящіе у всѣхъ этихъ аппаратовъ, то и дѣло что-то выслушивали, записывали, сами говорили или выстукивали рычажками ритмическую, беззвучно-понятную гдѣ-то, рѣчь... И все, здѣсь полученное,—немедленно передавалось въ сосѣднее, болѣе обширное и свободное помѣщеніе, гдѣ работалъ генералъ со своимъ штабомъ.

Вочки отсюда были унесены или выкачены въ другія отдѣленія. Изъ дому снесли сюда столы, диваны, кресла .. Походныя электрическія лампы ярко озаряли своды невысокаго подвала, его темныя стѣны, теперь по возможности убранныя, прикрытыя коврами, занавѣсями, а то и просто, кусками сукна, чтобы скрасить ихъ неприглядность и пустоту.

Мебель и рабочіе столы генерала и его помощниковъ были разставлены въ одной половинѣ подвала, а въ другой, на полу—бѣлѣла и пестрѣла огромная карта западнаго фронта, той части Шампани, гдѣ развернулась армія фонъ-Эйнема.

Всѣ подробности, малѣйшія неровности и углубленія, способныя содѣйствовать или мѣшать военнымъ дѣйствіямъ, мызы, рощицы, ручьи и овраги—все было здѣсь обозначено, какъ на панорамѣ.

И, кромѣ своихъ позицій,—почти также подробно нанесены траншеи, полевыя укрѣпленія, блиндажи и выслѣженныя батареи врага. Гдѣ подозрѣвались только его пушки, тамъ стояли особые знаки.

Блестящій царедворецъ, отчаянный наѣздникъ, извѣстный личной, почти безразсудной отвагой, еще молодой и красивый, фонъ-Эйнемъ, казалось, по недоразумѣнію попалъ въ этотъ мрачный подвалъ, гдѣ часами стоялъ надъ картой, подъ лучами электрическихъ лампъ, свисающихъ со свода... Тѣнь его, короткая и широкая при такомъ освѣщеніи, подолгу оставалась неподвижной, пока онъ вглядывался и вдумывался въ линіи, нанесенныя на карту... Затѣмъ онъ отходилъ и тѣнь, становясь длинной, узкой, забѣгала впередъ, колыхаясь, пока генералъ перекидывался короткими, отрывочными фразами съ полковникомъ, начальникомъ своего штаба, или съ артиллерійскимъ генераломъ, часто пріѣзжающимъ на совѣщанія сюда.

Выслушавъ доклады двухъ адъютантовъ, пріѣхавшихъ отъ станціи, окончивъ совѣщаніе съ полковникомъ, фонъ-Эйнемъ задумался. И, вдругъ, подымая голову, рѣшительно заговорилъ:

— Сомнѣнія быть не можетъ! Ударъ направленъ будетъ на насъ. Безконечная пальба по всему нашему фронту... на разстояніи сотенъ верстъ... Это уловка, дорого стоющій маневръ, чтобы ввести насъ въ заблужденіе... Они стараются вызнать наши батареи, наше расположеніе... Траншеи—и безъ того на виду у ихнихъ развѣдчиковъ, особенно, у воздушныхъ...

Проклятая, мѣловая почва Шампани! Ее никакъ не замаскируешь... Гдѣ окопы—тамъ тянется бѣлая полоса... Но... это пустое! Если намъ пришлютъ достаточно людей, мы отбросимъ этихъ... пожирателей лягушекъ, какъ сухую листву!.. Только-бы не опоздали резервы! Узнайте, Фельзенъ, что слышно отъ кронпринца? И нѣтъ-ли, наконецъ, отвѣта изъ Берлина?.. Васъ, полковникъ, я пока не удерживаю... Уже время питаться... Затѣмъ, снова вернемся сюда... До свиданья!... А вы, Мантайфель, пошлите мнѣ сюда этого... Франке, что-ли?—заглянувъ въ записку, лежащую на столѣ, распорядился генералъ.—Мнѣ доложили, онъ уже здѣсь...

— Такъ точно, генералъ. Я привезъ его съ собою. Вчера только ихъ эшелонъ прибылъ на станцію.

— Отлично. Зовите.

— Франке, унтеръ офицеръ 13-го пѣхотнаго полка, 10-го армейскаго корпуса. По приказанію вашего превосходительства!

— А... явился! Хорошо, хорошо!—кивнулъ головою фонъ-Эйнемъ, быстрымъ, внимательнымъ взоромъ окидывая тонкую, хрупкую фигуру Юліуса, который застылъ, вытянувшись въ струнку, на положенной дистанціи.—Мнѣ писали... сообщили изъ Берлина... Это ты... вы... удостоенный особаго пріема у нашего государя?..—задалъ онъ вопросъ, видимо, не сразу соображая, какъ обращаться къ этому нижнему чину, на ты, или на вы. Потомъ, рѣшивъ избѣгать прямого обращенія, продолжалъ:—И этотъ крестъ навѣшенъ его величествомъ лично?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

Генералъ и солдатъ пристально вглядывались, словно изучали одинъ другого. Минуту тому назадъ, стоя въ ожиданіи, пока его позовутъ къ генералу, Франке не зналъ, какъ будетъ себя держать, что станетъ говорить. Придется, навѣрное, выражать совсѣмъ не то, что думаетъ и ощущаетъ онъ теперь.

Ложь была противна чистой, открытой душѣ юношѣ. Но, когда онъ, какъ вкопанный, сталъ за четыре шага передъ начальствомъ, глядя въ лицо щеголеватому, надушенному даже въ этотъ мигъ, въ этомъ подвалѣ, свитскому генералу, у Франке, словно свернулось что-то, сразу угомонилось въ напряженной, взволнованной груди. Онъ понялъ, что передъ нимъ чужой, враждебный его убѣжденіямъ, человѣкъ, имѣющій право располагать даже его жизнью... И какъ надо быть спокойнымъ, хладнокровнымъ въ рукопашномъ бою, въ смертельной стычкѣ съ врагомъ, такъ-же надо сохранить полное самообладаніе, равновѣсіе въ бесѣдѣ съ генераломъ, который показался Франке слишкомъ самоувѣреннымъ и надменнымъ.

— Только ограниченные люди такъ кругло смотрятъ, такъ рѣшительно говорятъ. Его не стоитъ и опасаться!—рѣшилъ въ умѣ Франке. И это убѣжденіе отогнало всѣ прежнія сомнѣнія и мысли о томъ, что и какъ надо говорить.

А фонъ-Эйнемъ, расправляя пышные, надушенные, нафабренные усы, продолжалъ:

— Я радъ, когда въ мою армію попадаютъ люди, преданные родинѣ, отважные... и, главное, талантливые, способные вліять на болѣе отсталыхъ товарищей... Сейчасъ это особенно необходимо и важно. Столько мѣсяцевъ люди сидѣли спокойно; у нихъ создалась увѣренность въ собственной безопасности, въ неприступности нашихъ позицій... И—они правы... Но... колебаться такъ свойственно

слабой человѣческой душѣ!.. Вотъ, ужъ три недѣли враги не даютъ намъ отдыху... Что-то затѣвается большое. Конечно, впередъ мы ихъ не пустимъ ни на шагъ!.. Ты—кхм!.. сегодня-же слѣдуетъ ознакомиться съ нашимъ расположеніемъ. Я ужъ сказалъ, чтобы унтеръ-офицера Франке записали... зачислили въ санитарный отрядъ. Раненый въ бою, награжденный—имѣетъ право на болѣе безопасное мѣсто... Затѣмъ, это дастъ возможность передвигаться по фронту... Наши позиціи неприступны, неодолимы, даже съ меньшими силами, чѣмъ мы имѣемъ сейчасъ Но надо, чтобы люди оставались спокойны на мѣстахъ... А если явится паника... тогда и сильнѣйшія позиціи не стоятъ ломаннаго геллера, не такъ-ли?

— Такъ точно, ваше превосходительство...

— Ну, вотъ! Очень пріятно, что ...такое согласіе во взглядахъ... между начальствомъ и подчиненными... И надо, чтобы всѣ... особенно, кто колеблется... Тутъ слѣдуетъ говорить... убѣждать, напомнить о долгѣ... о родинѣ... о великой миссіи нашего народа... Ну, словомъ, все что нужно!.. Если это говоритъ пасторъ, или даже офицеръ... Все это не такъ вліяетъ. А слово товарища... и тѣмъ болѣе извѣстнаго въ своей средѣ, какъ... человѣка пера... Ну, словомъ, вы понимаете меня!—вдругъ рѣшительно переходя на вы, заключилъ фонъ-Эйнемъ.

— Готовъ къ услугамъ, ваше превосходительство...

— Кхм... гм... Вѣрю, вѣрю!.. Мнѣ такъ хорошо пишутъ. Мы еще будемъ имѣть случай потолковать... Если что нужно будетъ,—скажите, что бы мнѣ доложили... Я васъ приму... А теперь ступайте... отдохните... и за работу!.. Дѣло предстоитъ большое... Вы, конечно, сами поняли, мой юный другъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

Этотъ несложный отвѣтъ мало сказалъ генералу. Но ему не хотѣлось слишкомъ ужъ снизойти къ этому «красному краснобаю», какъ въ умѣ онъ назвалъ Франке, соціалъ-демократа, партійнаго вожака, судя по письму изъ Берлина. И онъ не сталъ больше вызывать его на разговоръ.

— Ну, радъ. Хорошо. Ступай... ступайте!..

Откозырявъ, Франке четко сдѣлалъ поворотъ налѣво кругомъ и вымаршировалъ изъ подвала...

Рота, въ которой четвертымъ взводомъ командовалъ Фелльнеръ, и другая, тоже по большей части состоящая изъ франкфуртцевъ, послѣ обѣда выведена былъ на площадь городка, куда черными впадинами глядѣли разбитыя окна пустующихъ, разграбленныхъ нѣмецкими отрядами, домовъ, словно слѣпые глаза, залитые «темною водой»...

Въ ожиданіи автомобилей, въ которыхъ придется двинуться дальше, на позиціи, «бородачи» негромко бесѣдовали кучками, вспоминая домъ и семью. А молодежь занялась игрою въ чехарду, или, просто, люди возились, какъ ребята, что бы размять усталыя тѣла, которымъ, послѣ долгой дороги, ночевка на твердыхъ нарахъ въ душномъ помѣщеніи, не принесла полнаго отдыха.

Фелльнеръ, очень сильный, упорный и порывистый, но неуклюжій, какъ двухмѣсячный медвѣжонокъ,—вызывалъ общее веселье грузными прыжками, промахами, всѣми ухватками. Разгоряченный, съ потнымъ, багровымъ лицомъ онъ самъ ничего не слышалъ, не замѣчалъ и, увлеченный игрой, выходилъ изъ себя, если не успѣвалъ перепрыгнуть черезъ наклоненнаго товарища, и сваливая его, самъ валился на пыльную и грязную мостовую.

Въ опустѣлыя помѣщенія уже вступили новые отряды людей, подвезенные на станцію очередными поѣздами.

Время шло, а машины съ позицій не являлись. Издалека, отъ фронта удары орудій долетали все чаще и чаще. Порою казалось, что отдѣльные выстрѣлы сливаются въ одинъ непрерывный рокотъ, въ раскатъ, подобный рокотанью отдаленныхъ громовъ въ сильную грозу.

Разыгравшіеся «новички» не обращали вниманія на грозные голоса войны, и, даже, не услыхали шума подъѣзжающихъ грузовиковъ, ихъ рявканья, которымъ шофферы давали знать, что слѣдуетъ очистить дорогу.

Одна за другою,—15 машинъ выкатили на площадь и остановились передъ большимъ зданіемъ бывшей мэріи, надъ которымъ теперь вѣялъ Красный крестъ. Тогда только, люди обѣихъ ротъ готовыхъ къ отправленію, кинулись гурьбою къ поѣзду.

Но, не доходя нѣсколькихъ шаговъ,—эти сотни людей остановились, какъ остолбенѣлые.

Открытыя, широкія платформы грузовиковъ, приспособленныхъ для перевозки солдатъ,—явились не пустыми. На нихъ лежалъ живой, страшный грузъ...

На влажной, кровью залитой, соломѣ, тѣсными рядами сложены были раненые, тоже покрытые свѣжей кровью, сочившейся дорогой изъ плохо перевязанныхъ ранъ, изъ остатковъ рукъ и ногъ, наскоро замотанныхъ кусками марли, а то и, просто, старой рубахой, разорванной на широкія полосы. Очевидно, перевязки дѣлались на-спѣхъ и не хватало бинтовъ.

Раненые болѣе легко, или не пожелавшіе лежать въ общей, окровавленной грудѣ тѣлъ. которую везли, какъ возятъ съ бойни телятъ,—эти несчастные усѣлись на не высокія, досчатыя стѣнки, которыми обнесена каждая платформа. Держась другъ за друга, чтобы не упасть при неожиданномъ поворотѣ, или на выбоинѣ пути, когда машина ныряетъ и выскакиваетъ изъ ямы, колыхаясь на узкомъ сидѣньи, какъ колышутся спѣлые плоды на вѣтвяхъ, мотаемыхъ бурею,—доѣхали они до мѣста и старались скорѣе сойти съ платформъ, взобраться на нѣсколько ступеней, ведущихъ въ первый этажъ мэріи, гдѣ устроенъ перевязочный и сортировочный пунктъ.

Нѣсколько санитаровъ, которые тоже, какъ на насѣстѣ, устроились на обносѣ платформъ, между ранеными, соскочили первыми. Къ нимъ присоединилось пять-шесть человѣкъ высланныхъ изъ дома. Неторопясь, осторожно стали они переносить изъ платформъ сначала раненыхъ наиболѣе тяжело. Эти—молчали, какъ будто тряска въ пути и потеря крови лишила ихъ сознанія... Одинъ безмолвный страдалецъ, снятый раньше другихъ, безногій, съ широкой повязкой на окровавленной головѣ,—оказался уже мертвымъ, остывающимъ трупомъ... Такіе-же сюрпризы, конечно,—ждали на другихъ платформахъ.

Между тѣмъ, раненые менѣе тяжко, стонали, звали на помощь... Проклинали или громко молились, призывая Бога, если не смерть!..

Слезы показались на глазахъ у многихъ изъ тѣхъ, кто тѣсною стѣной обступилъ роковыя платформы... Запахъ крови, острый и приторный, смѣшивался съ тяжелымъ запахомъ гноя, вытекающаго изъ ранъ, запущенныхъ почему-либо, не перевязанныхъ во-время. И такихъ было не мало.

Санитары, словно сговорившись, оставили молчаливыхъ «тяжелыхъ», и старались поскорѣе увести, или унести на пунктъ хотя и легко раненыхъ, но стонущихъ, призывающихъ на помощь...

Зрители поняли поведеніе санитаровъ. Нѣсколько человѣкъ, болѣе опытныхъ выступили и, не говоря ничего, принялись осторожно подымать и переносить въ домъ тяжело-раненыхъ.

Одинъ изъ легко-раненыхъ съ повязкою санитара на рукѣ, окруженный толпой «новичковъ», молодыхъ и бородачей, опустясь на скамью у крыльца мэріи, какимъ-то усталымъ, надорваннымъ голосомъ отвѣчалъ на вопросы, которыми его засыпали со всѣхъ сторонъ.

— Гдѣ набило столько людей? Боже мой!.. Тамъ... у проклятыхъ холмовъ Тагюра... Боже мой!.. Представить себѣ невозможно: что тамъ творится сейчасъ!.. Какой адъ! Я былъ у Прасныша... Былъ на Ипрѣ, на каналахъ, когда насъ густыми рядами бросали на врага... И мы шли, теряя десятки тысячъ человѣкъ на протяженіи каждаго километра... Я дрался тамъ, гдѣ вода замѣнилась потоками крови. А плотина изъ труповъ, перемѣшанныхъ съ ранеными, еще недобитыми товарищами,—мѣшала этимъ потокамъ пройти... И они выплескивались изъ береговъ, широко разливаясь цѣлыми озерами красной влаги, дымящейся въ вечернемъ воздухѣ, какъ дымится клубами пара кровь на бойнѣ. Но... и тамъ не было такого огня, какой сейчасъ у Тагюра... и дальше развели французы противъ насъ!

— Страшнѣе Ипра!—послышался чей-то подавленный полувопросъ, полуокликъ испуга.

— Во много разъ! Тамъ мы шли стѣна на стѣну... Косили насъ пулеметы... Какъ чудовища, налетали блиндированныя машины съ ихъ митральезами и пушками. . Но все-же мы двигались куда-то... Мы—шли впередъ! Видѣли дорогу, видѣли врага!.. Сами наносили удары! Клали тысячи жизней и брали пулеметы, овладѣвали пушками, даже—этими дьявольскими блиндирными машинами, если только раньше ихъ не разбивали, либо не отгоняли пушки нашихъ батарей! А здѣсь?!.. Дождь стали и свинцу!.. Снаряды падаютъ, понимаете-ли, одинъ за однимъ, сплошной стѣною... въ одно мѣсто, начиная спереди, съ проволочной ограды, бѣгущей передъ нашими рвами... И все ближе... ближе!.. Вотъ ужъ начинаютъ засыпать нашу линію окоповъ этимъ градомъ смертей... Пока все не обратится въ кашу: брустверы траншей, самые рвы, блиндажи, пулеметы... люди и—бѣлая земля, размолотая въ комки, въ пудру... И кровь людская... наша кровь—окрашиваетъ бѣлую пыль широкими пятнами , сбѣгается лужами... Куски тѣлъ валяются здѣсь и тамъ. Вотъ и все! Бѣлое...—и красное... куда ни посмотри!.. Наши жизни уходятъ; спрятаться—нельзя нигдѣ... Вотъ, эти всѣ, на четырехъ платформахъ... и я... Двумя снарядами сразу—взорвало у насъ подземный погребъ, складъ ядеръ и пороху... Бетонъ, камни, балки, снаряды,—все къ чорту... Все на воздухъ! И насъ 60 душъ покалѣч да столько-же зарыто тамъ, на мѣстѣ! Хотѣли было поѣздъ везти позднѣе, чтобы не показывать при-

бывающимъ людямъ такого ужаса... Но пришли приказанія машины подать немедля, чтобы, везти на фронтъ подкрѣпленія... Вотъ повезли и насъ... сюда... на покой!..

— Какой ужасъ!..

Одно слово пробѣжало по рядамъ слушателей, словно вырвалось изъ одной груди.

— Ужасъ, товарищи!.. Главное, что не видишь: откуда летитъ твоя смерть? Мы готовы ринуться, рубить, стрѣлять... гибнуть,—но въ бою!.. Не такъ, какъ крысы, загнанныя по темнымъ норамъ!.. Эти проклятыя «дудки» французовъ, несущія намъ смерть,—имъ нѣтъ числа!.. И онѣ далеко; такъ укрыты хитро, что наши батареи никакъ не могутъ ихъ даже нащупать... А имъ словно подсказываетъ кто... Будто предатели есть на нашемъ фронтѣ, которые руководятъ стрѣльбою врага... И мы беззащитны!.. Наши пушки не могутъ намъ помочь!..

— Гдѣ ужъ тамъ?!—угрюмо вставилъ, присѣвшій рядомъ, раненый артиллеристъ, ожидающій, пока его поведутъ наверхъ.—Правду сказать: и снарядовъ уже немного у насъ остается. Приказано—беречь каждую штуку... для послѣдней минуты... передъ атакой врага.

— Вотъ!—какъ-то безнадежно заключилъ санитаръ и умолкъ.

— Атака, значитъ, на Тагюрскіе холмы, куда намъ ѣхать?—нарушилъ короткое молчаніе отрывистый вопросъ Фелльнера.

— Кто знаетъ? Вѣрнѣе всего,—туда... Теперь уже вторую линію нашихъ окоповъ засыпаетъ ядрами проклятый врагъ!.. Чтобъ не могли мы подвезти людей на подмогу. Не знаю, какъ васъ и провезутъ? Мы проскочили подъ выстрѣлами, мчались во всю мочь. И то—двое на ново ранены въ пути... Слышно, по всей линіи, отъ Массижа до Свишпа, километровъ на 30,—на 40 идетъ такая-же сумасшедшая пальба... Что будетъ! Что бу.....

— Ну, довольно болтать!—послышался рѣзкій окрикъ молодого офицера, появившагося на крыльцѣ и слышавшаго конецъ бесѣды.—Ступай наверхъ. Еще—санитаръ! Подаешь примѣръ безпорядка. Что за клубъ здѣсь устроили? По мѣстамъ! Вотъ ужъ машины почти всѣ свободны... Садитесь... поѣзжайте!..

Часть солдатъ, больше изъ пожилыхъ, медленно, понуро двинулась къ машинамъ, освобожденнымъ отъ прежняго груза. Солома, пропитанная кровью, сброшенная здѣсь-же, на мостовую, слегка дымилась... Пятна крови рдѣли на доскахъ платформы, куда забирались солдаты, отправляемые на смѣну «отработанному» матеріалу...

Пока съ трехъ-четырехъ послѣднихъ платформъ снимали и уносили раненыхъ, Фельнеръ о чемъ-то горячо толковалъ съ товарищами, солдатами своего взвода, и съ другими, обступившими его тѣсной толпою.

Молодой офицеръ, завѣдующій отправкой, покосился на сборище, но ничего не сказалъ. Выждавъ, когда послѣднія платформы освободились, онъ рѣшительно прикрикнулъ:

— Ну, вы тамъ, ораторы!—довольно кудахтать!.. По мѣстамъ!

— Сейчасъ ѣхать опасно... Всѣ мы слышали... Надо дождаться хоть ночи...—вдругъ изъ толпы прозвучалъ взволнованный голосъ Фельнера:—зачѣмъ насъ везутъ на убой... безъ всякой надобности? Надо доложить полковнику... Мы сейчасъ не поѣдемъ... Будемъ ждать темноты... Вѣрно говорю! Вотъ, какъ сегодня среда, 22 сентября, день святой Бригитты... Клянусь: мы засвѣтло не поѣдемъ!.. И конецъ!..

— Что? Что такое?!—весь затрясся мальчикъ,-офицеръ, услышавъ возраженіе, котораго и ждалъ, и не могъ допустить.

Онъ опасался, что малѣйшій безпорядокъ будетъ поставленъ ему самому въ вину. Припишутъ это его молодости, неумѣнью обойтись съ людьми. И потому рѣшилъ сразу положить конецъ исторіи, которая затѣялась такъ неожиданно.

— Везъ разговоровъ. Въ ряды стройсь!.. Къ платформамъ шагомъ маршъ! Занимай мѣста. А кто посмѣетъ слово сказать—пулю въ лобъ!..

Револьверъ блеснулъ въ бѣлой, нѣжной, еще юношеской совсѣмъ, рукѣ, которая замѣтно дрожала.

— Тебѣ пулю первому!—неожиданно, теряя самообладаніе, весь багровѣя, прорычалъ какъ-то глухо Фельнеръ, давно переполненный сдержанной яростью.

Быстро прилежился винтовкой къ плечу... Щелкнуло коротко, словно бичемъ ударило въ воздухѣ... И офицеръ, протяжно застонавъ, роняя браунингъ, прижавъ обѣ руки къ животу, осѣлъ на мостовую. Изъ простреленнаго живота показалась, потекла по платью на землю, тонкая струйка крови.

Выстрѣлъ подѣйствовалъ на всѣхъ потрясающимъ образомъ. Но тутъ-же сторонники Фельнера зашумѣли, закричали со всѣхъ сторонъ:

— По дѣломъ!.. Онъ не смѣлъ, мальчишка!.. Хотѣлъ стрѣлять въ насъ. Мы—защитники родины... не дворянчики-бѣлоручки, которые прячутся за нашими спинами... Капитана... Полковника сюда!.. Мы скажемъ. Мы не хотимъ. Мы не поѣдемъ. Пусть здѣсь насъ перестрѣляютъ лучше, чѣмъ ѣхать подъ снаряды... чтобы враги перебили насъ въ повозкахъ, какъ барановъ, на пути!.. Полковника сюда!..

Болѣе пожилые, семейные солдаты, видя, что дѣло приняло грозный оборотъ, тоже сошли съ платформъ, на которыхъ сидѣли; но они держались особливой толпою, въ сторонѣ отъ обѣихъ бунтующихъ ротъ, состоящихъ больше изъ молодежи.

Звать начальство и долго ждать его не пришлось.

Изъ оконъ мэріи выглядывали десятки головъ, наблюдая посадку «новичковъ». Едва прозвучалъ отказъ солдатъ садиться на мѣста, по телефону было дано знать въ полковой штабъ. Когда-же хлопнулъ роковой выстрѣлъ,—въ мэріи и въ нѣсколькихъ домахъ на площади, гдѣ размѣщались солдаты, телефонъ заработалъ отчаянно...

Не прошло и десяти минутъ, какъ изъ домовъ вышли отряды солдатъ съ ружьями, и стали занимать мѣста вокругъ площади по указанію офицеровъ.

Отъ станціи—показался сильный патруль, поспѣшающій бѣглымъ шагомъ на мѣсто бунта. И, наконецъ, по дорогѣ, ведущей въ загородный домъ, гдѣ расположенъ былъ артиллерійскій штабъ,—прозвучалъ ревъ сирены. Быстро приближаясь, росъ среди надвигающихся сумерекъ бронированный автомобиль. На немъ рядомъ съ офицеромъ, исполняющимъ обязанности шоффера,—сидѣлъ старый, сухой, съ тонкой шеей, генералъ-маіоръ, артиллеристъ. Два офицера стояли внутри машины, у пулеметовъ, готовыхъ въ дѣло.

Четыре гвардейскихъ офицера, выйдя изъ временныхъ казармъ на площадь, сами изготовили здѣсь къ бою два пулемета, направленныхъ противъ бунтующихъ, и, блѣдные, суровые, поглядывали вокругъ, какъ-бы стараясь угадать: приметъ еще кто-нибудь участіе въ безпорядкахъ, затѣянныхъ пріѣзжими солдатами, или дѣло обойдется укрощеніемъ двухъ строптивыхъ ротъ?

— Товарищи, любуйтесь!—хрипло выкрикивалъ между тѣмъ Фелльнеръ, поводя вокругъ глазами, налитыми кровью, потряхивая головой, какъ быкъ, готовый нанести ударъ рогами:—Вотъ какое дѣло! Тамъ, гдѣ гибнутъ товарищи, не хватаетъ снарядовъ и пулеметовъ, чтобы отогнать насѣдающихъ враговъ. А здѣсь...вотъ сколько дулъ глядитъ на насъ! Ужели мы струсимъ? А вы, солдаты!—закричалъ онъ тѣмъ, которые стояли, молчаливые, понуренные, рядами на углахъ улицъ, уходящихъ отъ площади во всѣ концы:—Вы неужели станете стрѣлять въ своихъ, вотъ какъ изготовились господа дворянчики?.. Не вѣрю!..

Мы ничего дурного не хотѣли... Мы хотимъ сберечь наши жизни для боя съ врагомъ... А намъ грозятъ разстрѣломъ. И вы тоже? Вы, нѣмцы,—рѣшитесь стрѣлять въ братьевъ?!..

Солдаты вдали молчали. Но офицеры поняли, что они не станутъ стрѣлять въ своихъ, а если, даже, по приказу, дадутъ залпы,—пули полетятъ высоко надъ головами...

Понялъ это и старикъ-генералъ, сидящій въ бронированномъ автомобилѣ.

Высокій, костлявый, онъ поднялся во весь ростъ на своемъ мѣстѣ и, опираясь, на опущенную сейчасъ, переднюю, стальную раму, заговорилъ сильнымъ, совсѣмъ молодымъ голосомъ, который звучалъ совершенно спокойно.

Только лицо, изсиня-блѣдное, словно восковое, и нижняя, часто вздрагивающая, губа выдавали волненіе, которое онъ переживалъ.

— Солдаты!—обратился къ обѣимъ ротамъ старикъ:—Что вы дѣлаете? Какой позоръ! Теперь, когда тамъ начался, быть можетъ, послѣдній бой... Здѣсь, гдѣ кругомъ чужіе уши и глаза, гдѣ завтра-же все станетъ извѣстно врагамъ—и они порадуются, что бунтъ и раздоръ могъ вспыхнуть въ самомъ сердцѣ великой германской арміи!.. Этого вы хотите!.. Не вѣрю... Конечно, ужасно то, что вы сдѣлали... Но я допускаю самое крайнее... Безумный поступокъ совершенъ сумасшедшимъ. Пусть онъ выступитъ, сдастся... и остальные будутъ прощены...

— Нѣтъ! Нѣтъ!.. всѣ... Мы всѣ!—вдругъ зашумѣли франкфуртцы-солдаты, окружая Фелльнера, готоваго выступить впередъ.—Сумасшедшихъ нѣтъ среди насъ. Намъ грозили... Уже поднято было оружіе... И выстрѣлъ былъ данъ для защиты... Мы всѣ!..

— Насъ хотятъ везти на убой... Дорога засыпается снарядами... Мы хотимъ... Мы просили подождать до ночи... А насъ...

Крики слились въ общій гулъ.

Выждавъ, пока голоса смолкли, угасая понемногу, старикъ снова внушительно, громко заговорилъ:

— Ну, хорошо... вѣрю... Пусть такъ!.. Конечно, тому, что здѣсь свершено, нѣтъ имени, нѣтъ прощенія... Враги станутъ ликовать... они воспрянутъ духомъ. Позоръ падетъ на всю нашу армію... Родина... Что тамъ подумаютъ?.. Что будутъ чувствовать тамъ, когда дойдутъ слухи о бунтѣ... на фронтѣ... передъ самымъ боемъ!?.. Позоръ! Но... я не сдѣлаю того, что долженъ. Не прикажу разстрѣлять васъ этими пулеметами... какъ-бы слѣдовало... Васъ не тронутъ. Кладите винтовки... Ступайте подъ арестъ. Васъ завтра же повезутъ обратно... на восточный фронтъ. Если вамъ больше нравится умирать тамъ, а не здѣсь, гдѣ вы нужны!.. Безумцы!.. Не все ли равно?.. Мы всѣ должны лечь за родину на поляхъ сраженій.... Такъ васъ повезутъ на востокъ. Умирайте тамъ!..

— Ого!—насмѣшливо прозвучалъ голосъ Фелльнера, начинающаго приходить въ себя послѣ припадка слѣпой ярости.—Сдаваться? А вы насъ перевяжете и перестрѣляете потомъ, если не повѣсите всѣхъ разомъ! Знаемъ мы «слово» господъ пруссаковъ!..

— Что!?.. Кто смѣетъ сомнѣваться въ моемъ словѣ?!—блѣднѣя еще больше, до прозрачности,—поднялъ голосъ генералъ.—Я—старикъ. Мнѣ 66 лѣтъ. Моихъ два сына убиты въ бою... А ты, мальчишка, смѣешь?!.. Когда я клянусь своею честью... Памятью моихъ мальчиковъ, что кары вамъ не будетъ... Кто сомнѣвается? Ну?

Фелльнеръ молчалъ.

Тогда, постепенно, рядъ за рядомъ, почти всѣ люди обѣихъ ротъ потянулись вереницами туда, куда рукою указалъ имъ старикъ, складывали ружья на землю и понурою, растущей толпою сгрудились на другомъ концѣ площади.

Человѣкъ 15—20 остались на мѣстѣ, окружая Фелльнера, который, поговоривъ съ ними, вдругъ снова выступилъ впередъ:

— Чортъ подери!.. Что тамъ болтать... Правы-ли мы, виноваты... а назадъ нѣтъ повороту!.. Умирать, такъ все равно: здѣсь-ли, тамъ-ли, подъ чужими пулями и картечью... Стрѣляйте... а мы не сдаемся... и никуда ѣхать не хотимъ!.. Довольно бойни... Мы отсюда не уйдемъ...

— Молчать!—прогремѣлъ на всю площадь, окрѣпшій еще больше, голосъ старика, когда онъ увидѣлъ, что все кончается легче, чѣмъ можно было ждать.—Взять ихъ. Его, крикуна, прежде всѣхъ... живымъ, или мертвымъ!—приказалъ онъ взводу запасныхъ «бородачей», стоящихъ поближе и показывавшихся ему болѣе надежными.

Тѣ двинулись нерѣшительно впередъ.

— Ну, даромъ я не умру... дудки!..—снова теряя самообладаніе, захрипѣлъ Фелльнеръ.—Ты, проклятая палка... Пруссакъ-собака... Вотъ тебѣ!..

— Генералъ, въ васъ стрѣляютъ!—крикнулъ офицеръ сидящій на мѣстѣ шоффера, и даже толкнулъ его въ сторону...

Отдавая распоряженія, стоящему у автомобиля адъютанту, старикъ, не разслышалъ криковъ Фелльнера, не видѣлъ его движенія, когда тотъ взялъ на прицѣлъ.

Только слова сосѣда-офицера долетѣли до его слуха. Онъ дернулся, обернулся, хотѣлъ укрыться за переднимъ щитомъ автомобиля.

Было поздно.

Щелкнулъ выстрѣлъ. Прижавъ локоть къ груди, старикъ осѣлъ на мѣстѣ, широко раскрывая ротъ, ловя сухими губами воздухъ. Голова склонилась на бокъ, задергавшись какъ-то странно на тонкой шеѣ.

Изъ небольшой кучки, окружающей еще своего коновода, Фелльнера, въ то же самое время раздалось нѣсколько отдѣльныхъ, недружныхъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ словно непроизвольно, изъ подражанія первому удару...

Два офицера, стоящіе на другомъ концѣ площади, у пулеметовъ,—вдругъ упали, издавая стоны и громко призывая на помощь.

Двое другихъ уцѣлѣвшихъ, въ безотчетномъ, животномъ страхѣ,—пригнулись къ землѣ, опустились на четвереньки и такъ уползли за уголъ дома, гдѣ сознавали себя въ совершенной безопасности.

Только здѣсь, растерянные, смущенные, они выпрямились, глядя другъ на друга испуганными глазами.

Фелльнеръ въ это самое время, даже не обративъ вниманія: попалъ онъ или нѣтъ въ старика?—

исподлобья вглядывался въ подходящихъ солдатъ, которые, разсыпавшись цѣпью, обходили со всѣхъ сторонъ его и кучку товарищей, не сложившихъ оружія.

— Эхъ, вы... ослы подъяремные!—презрительно крикнулъ нападающимъ Фелльнеръ.—Васъ, какъ собакъ, посылаютъ на своего-же товарища... и вы идете!.. Стрѣлять васъ не стану. Вы, все-таки мои собратья... хотя и олухи... И колоть васъ жаль.. Вотъ вамъ мое ружье!—Далеко откинулъ онъ свою винтовку съ примкнутымъ штыкомъ.—Но... если кто изъ васъ меня коснется!?.. Смотрите!..

Сорвавъ съ ближайшей платформы барьерную, заднюю доску, сильными, короткими руками, онъ повертѣлъ ею надъ головой съ такой яростью, что свистъ пошелъ по воздуху.

Теперь нельзя было издали стрѣлять ни въ безумца, ни въ его товарищей, потому что, окружившіе ихъ люди подошли совсѣмъ близко. Но здѣсь, стоя густою цѣпью, они застыли, не рѣшаясь двинуться впередъ, чтобы не подвернуться подъ удары бѣшенаго силача.

Одинъ изъ солдатъ, пошептавшись со взводнымъ, стоящимъ немного позади,—выждалъ, когда Фелльнеръ, размахивая доскою, обернулся къ нему спиной.

Кинувшись на землю, онъ сразу подкатился къ ногамъ силача и неожиданнымъ толчкомъ успѣлъ повалить его на землю...

Въ тотъ-же мигъ—остальные кинулись на Фелльнера, на его товарищей, которые, по примѣру коновода не стрѣляли, а только отбивались прикладами своихъ ружей, дѣйствуя ими, какъ палицами.

Фельнеръ успѣлъ придушить одного, отбросилъ трехъ-четырехъ на камни мостовой такъ, что кровь полилась у нихъ изъ головы... А одинъ жалобно завылъ:

— Ай... нога... нога... ногу переломилъ, мерзавецъ!..

Остальные, обозлясь, разомъ навалились на силача и одолѣли, скрутили ему назадъ руки, связали ихъ. Опутали и ноги поясами и веревкой, которую кто-то подалъ въ гущу свалки, потому что ногами Фелльнеръ наносилъ страшные удары...

Такъ, при помощи почти сотни рукъ, были обезоружены и связаны эти 20 неукротимыхъ человѣкъ.

Избитый, окровавленный, стоялъ, тяжело дыша, Фелльнеръ; одежда на немъ, какъ и на всѣхъ остальныхъ, была изодрана, испачкана въ грязи...

Взводъ солдатъ окружилъ связанныхъ. Фелльнера чьи-то руки толкнули въ спину... Онъ, словно во снѣ, машинально двинулся впередъ. За нимъ остальные, окруженные конвоемъ. Сумерки быстро стали надвигаться надъ землей.

Въ это самое время на площадь въѣхалъ еще автомобиль, не грузовой. Въ немъ сидѣло нѣсколько офицеровъ изъ штаба арміи и, рядомъ съ шофферомъ,—Франке.

Захваченный необычнымъ зрѣлищемъ, онъ сразу узналъ Фелльнера среди арестованныхъ, связанныхъ солдатъ.

Ему хотѣлось крикнуть, спросить, что здѣсь случилось?

Но боязнь повредить себѣ, тому же Фелльнеру и, еще больше,—опасеніе за общее дѣло, которому они рѣшили служить, все это остановило Франке.

Онъ ждалъ, чтобы офицеры, пріѣхавшіе съ нимъ, начали разспросы; и тогда и онъ все узнаетъ. А Фелльнеръ, какъ разъ проходившій мимо автомобиля, тоже разглядѣлъ лицо друга, блѣдное, смущенное, растерянное...

Послѣ громаднаго подъема, послѣ той затраты силъ, которая ушла на драку, Фелльнеръ снова сталъ спокойнѣе въ эту минуту... И, криво улыбаясь, могъ кинуть мимоходомъ болѣе счастливому другу:

— Ave, Iulius! Morituri te salutant!..

Прошла два дня.

Сѣверо-западный вѣтеръ, сильными порывами дувшій въ пятницу весь день съ утра, къ вечеру сталъ затихать. Тяжелыя, дождевыя тучи, темною грядою одна за другой катясь на юго-востокъ, облегли кругомъ все небо, ниже и ниже спускаясь надъ холмами и долинами Шампани. Порою, когда вѣтеръ ослабѣвалъ, рваные края влажныхъ тучъ, лишенные воздушной опоры,—сразу отгибались къ землѣ и кропили ее крупными, частыми каплями холоднаго дождя. Но черезъ нѣсколько минутъ вѣтеръ начиналъ задувать съ новою силой и сквозистая полоса, туманно-синеватый пологъ дождевой загибался все круче по вѣтру... И, наконецъ, совсѣмъ рѣдѣлъ, исчезалъ, какъ-будто подброшенный снова туда, въ темное лоно тучъ, клубящихся и медленно-ползущихъ впередъ и впередъ неустанно.

Цѣпь отлогихъ, поросшихъ соснами, холмовъ, высотою отъ 150 до 200 метровъ, тянулась здѣсь

отъ лѣса Эшель до Сэнъ-Супле, и дальше, намѣчая собою вторую линію обороны для 3-ей германской арміи фонъ-Эйнема.

Передовыя траншеи пролегали по самому гребню холмистой цѣпи, господствующей надъ узкою долиной, шириною отъ двухъ до пяти километоръвъ, отдѣляющей вторую линію обороны отъ первой, отъ боевого фронта.

Если тамъ, впереди ничѣмъ нельзя было замаскировать окоповъ, бѣлая нить которыхъ явственно вилась въ открытыхъ поляхъ,—зато здѣсь, гдѣ изгибы почвы и стволы сосенъ служили естественнымъ прикрытіемъ,—только подойдя вплотную къ густой стѣнѣ проволочныхъ загражденій, къ волчьимъ ямамъ, и, наконецъ, къ самымъ траншеямъ, которыя шли тремя-четырьмя рядами, соединенныя подземными переходами,—только на самомъ близкомъ разстояніи можно было разобраться въ грозномъ лабиринтѣ надземныхъ и подземныхъ сооруженій, приготовленныхъ для встрѣчи врага.

При слабомъ свѣтѣ угасающаго дня можно было различить нѣсколько фигуръ, темнѣющихъ на обнаженной вершинѣ высокаго холма, извѣстнаго подъ названіемъ «Возвышенности Суэна, 199», откуда на много верстъ кругомъ виденъ былъ нѣмецкій и непріятельскій боевой фронтъ.

Отсюда генералъ фонъ Эйнемъ, окруженный нѣсколькими адъютантами и офицерами штаба, долгіе часы подъ рядъ слѣдилъ за дѣйствіемъ своихъ и французскихъ батарей, угадывая, что именно и накогда задумано врагами?

Подъ конецъ дня сюда же прибыли генералъ фонъ Геерингенъ, командующій сосѣднею арміей; генералъ-лейтенантъ фонъ-Флеккъ и генералъ-майоръ фонъ-Дитфуртъ, чтобы лучше и подробнѣе обсудить положеніе, намѣтить дальнѣйшій образъ дѣйствій. Живая бесѣда была необходима, несмотря на то, что цѣлый день всѣ начальники отдѣльныхъ частей по телефону и радіотелеграфомъ, какъ и полевымъ телеграфомъ, посылали подробнѣйшія сообщенія въ свои штабы для начальниковъ армій; а эти послѣдніе сообщались также непрерывно между собою...

Очевидно, бесѣда принесла мало утѣшительнаго. Отъ непогоды и отъ внутренняго безпокойства, молодцеватая фигура фонъ Эйнема въ непромокаемомъ плащѣ, казалось, осѣла, стала болѣе приземистой; его выхоленные усы поникли совсѣмъ печально.

Фонъ-Геерингенъ, сѣдой, съ полнымъ, розовымъ лицемъ, обрамленнымъ аккуратно-подстриженной бородкой, напоминалъ скорѣе ученаго изъ голландцевъ, чѣмъ боевого генерала. Но сейчасъ и его, постоянно веселые, бодрые глаза, слишкомъ молодые для сѣдинъ,—смотрѣли тускло, устало.

Фонъ-Эйнемъ продиктовалъ нѣсколько словъ своему адъютанту и тотъ направился къ автомобилю, стоящему у подножія холма и замѣняющему походно-полевую радіостанцію, антена которой на выдвижномъ, высокомъ стальномъ шестѣ была устроена тутъ-же, рядомъ, въ тѣни высокихъ сосенъ, ростущихъ по скатамъ и у подножья холма, чтобы меньше бросаться въ глаза французскимъ воздушнымъ развѣдчикамъ. Эти смѣльчаки до самой темноты, презирая опасность, шныряли надъ обѣими линіями защиты германцевъ, проникая и далеко въ тылъ...

Для большей безопасности—три Альбатроса рѣяли надъ холмомъ, чтобы во время предупредить, или отразить силою налетъ случайнаго вражескаго аппарата. Время отъ времени летчики давали радіотелеграммы о томъ, что интереснаго или важнаго, по ихъ мнѣнію, совершалось у враговъ. Всѣ донесенія говорили о скопленіи большихъ силъ по всей линіи фронта, конечно, для послѣдняго рѣшительнаго удара послѣ подготовки огнемъ, который такъ убійственно ведутъ день и ночь, неуловимыя, незримыя и безчисленныя, казалось, батареи французовъ!..

Вдоль траншеи спустившись къ подножью холма, гдѣ стояли наготовѣ автомобили для начальства и пять-шесть мотоциклетовъ для ординарцевъ и посыльныхъ-вѣстовыхъ, генералы задержались на нѣсколько минутъ, снова и снова возвращаясь къ вопросу, сейчасъ интересующему ихъ больше всего: скоро ли французы собираются нанести ударъ и хватитъ ли силъ его отразить?

— Этотъ проклятый вѣтеръ!—раздражительно, въ десятый разъ ворчалъ фонъ-Эйнемъ.—Онъ лишаетъ насъ сильнѣйшаго козыря... Наши снаряды съ газами... если ихъ пустить,—дымъ понесетъ сюда... будетъ душить нашихъ. А то показалъ бы я этимъ лягушатникамъ!..

— Но, кажется, вѣтеръ начинаетъ стихать!—пріятнымъ, картавымъ говоромъ замѣтилъ фонъ-Геерингенъ.—Вы не замѣчаете, генералъ?

— Это—тоже ничего намъ не легче!—попрежнему раздражительно откликнулся фонъ-Эйнемъ, плотнѣе кутаясь въ плащъ и жестомъ предлагая гостю занять мѣсто въ автомобилѣ.—Польетъ дождь, какіе только здѣсь умѣютъ проливаться въ эту противную пору!.. Газы будутъ осѣдать... Влага сбиваетъ ихъ къ землѣ, дѣлаетъ безвредными... Вы же знаете... Громъ и молнія! Дурацкій край... идіотская погода!

Онъ уже собирался занять свое мѣсто, когда по дорогѣ показался поѣздъ санитарныхъ и грузовыхъ машинъ. Пользуясь временнымъ ослабленіемъ непріятельскаго огня, съ аванпостовъ везли на перевязочные пункты второй, болѣе безопасной линіи, тѣхъ, кого наскоро успѣли перевязать тамъ, въ царствѣ смерти, гдѣ, одинъ за однимъ, падаютъ снаряды, сметающіе все вокругъ, уносящіе сотни и тысячи жизней каждый день...

Автомобили остановились на той же полянѣ, гдѣ стояли машины штаба.

Отсюда на рукахъ надо было переносить раненыхъ въ обширный подземный казематъ подъ бетонными сводами, гдѣ былъ устроенъ прекрасно-оборудованный перевязочный пунктъ. Здѣсь происходила разборка больныхъ. Тяжелыхъ направляли въ ближайшіе тыловые госпитали. Легкіе оставались въ околоткѣ. А остальные,—съ пораненіями, требующими долгаго ухода, или хроническіе больные, люди, подъ вліяніемъ ужасовъ боя впадавшіе въ помѣшательство, пораженные тяжкимъ, нервнымъ разстройствомъ,—такіе всѣ высылались въ Германію съ пустыми поѣздами, которые раньше безконечной цѣпью тянулись на фронтъ, переполненные «пушечнымъ мясомъ», подвозя новыя и новыя подкрѣпленія къ мѣсту ожидаемыхъ боевъ.

У санитара передняго автомобиля разспросивъ, откуда раненые, сколько ихъ и при какихъ обстоятельствахъ получены пораненія, фонъ-Эйнемъ кинулъ нѣсколько ласковыхъ, бодрящихъ словъ тѣмъ изъ несчастныхъ, кто казался еще способнымъ понять, что говорилъ генералъ. Большинство-же почти не подавало и признаковъ жизни.

Перейдя ко второму автомобилю, генералъ воскликнулъ:

— Франке! Вы здѣсь? Отлично! Очень радъ. Мнѣ сообщили: какъ самоотверженно вы работаете, пренебрегая смертью... Я не ошибался въ васъ, когда думалъ... Ну, Богъ въ помощь!.. А представленіе о васъ уже пошло. Можете быть увѣрены: заслуги ваши не пропадутъ. Патентъ на чинъ будетъ вами полученъ очень скоро. Я не забуду о васъ сообщить и въ Берлинѣ, откуда такъ лестно мнѣ писали о васъ. Ну, а какъ наши дѣла тамъ? Каково настроеніе? Вы сталкиваетесь съ разными людьми. Мнѣ доносятъ, люди упали духомъ. Правда-ли это?.. Неужели хлопушки французовъ могутъ испугать душу тевтона? Вѣрить не хочу!.. Что вы скажете, а? Откровенно... каковъ духъ арміи?

— Есть, конечно, ваше превосходительство... Попадаются слабонервные...

— Вотъ, вотъ! Чудесное слово: слабонервные!.. Нѣмцевъ трусовъ нѣтъ и быть не можетъ! Могутъ быть только слабонервные... Умно!.. Ну-съ, я слушаю...

— Но остальные... Всѣ понимаютъ, что надо умирать... и ничего тутъ не подѣлаешь... Къ этому всѣ готовы...

— Умирать... готовы? Великолѣпно.. Вражескіе пулеметы—впереди... Собственные—сзади!.. Они должны это помнить!.. Но... зачѣмъ-же такъ мрачно: умирать? Побѣдить! Вотъ какъ долженъ думать настоящій нѣмецкій солдатъ передъ боемъ. И мы побѣдимъ! Когда французы выплюютъ всѣ свои зубы... Дѣло вѣдь рѣшится не этою игрой въ желѣзные мячи... Имъ, если угодно чего-нибудь здѣсь добиться, они должны вылѣзть изъ своихъ норъ, гдѣ сидѣли смирно больше девяти мѣсяцевъ!.. Если эта беременность разродится однѣми стальными шишками,—толку не будетъ! Они должны пожаловать к ъ н а м ъ!

А мнѣ только того и надо! Резервы наготовѣ... Я не стану ихъ посылать безъ нужды въ огонь, туда, сейчасъ. Оттого и приходится людямъ въ окопахъ потерпѣть... А вотъ когда враги вылѣзутъ на ровное мѣсто, пойдутъ сюда—попадутъ подъ перекрестный разстрѣлъ нашихъ скрытыхъ орудій, наткнутся на фугасы, будутъ валиться въ ямы и, наконецъ,—остановятся у подземныхъ крѣпостей, какими является весь нашъ фронтъ! Вотъ, тогда... Мы ихъ примемъ! Мы бросимъ на нихъ лавину штыковъ, сотни бронированныхъ машинъ. Мы раздавимъ ихъ и на плечахъ разбитаго врага ворвемся въ его окопы!.. Вотъ что будетъ. Такъ и передайте товарищамъ. Пусть всѣмъ это объяснятъ тамъ, на линіи огня, чтобы люди не падали духомъ. Жертвы—неизбѣжны. Имъ приходится трудно, я знаю... Даже—пищу нельзя подвозить аккуратно... Но здѣсь свѣжія сотни баталіоновъ ждутъ знака... и отомстятъ за страданія своихъ братьевъ! Такъ скажите тамъ.

— Къ услугамъ, ваше превосходительство!—отчеканилъ Франке, глядя прямо въ лицо начальнику своими, усталыми сейчасъ, воспаленными глазами.

— Отлично!.. Сдавайте вашихъ раненыхъ, возвращайтесь туда и... дѣйствуйте такъ же лихо, какъ до этихъ поръ. Но, все-таки, берегите себя... Видъ у васъ плохой... Я все замѣчаю... И не оставлю безъ награды... Старайтесь, юноша... Родина требуетъ отъ насъ послѣдняго напряженія силъ... Молодцомъ!..

Потрепавъ по плечу Франке, фонъ-Эйнемъ наскоро обошелъ остальныхъ раненыхъ, вернулся къ своему автомобилю и, усаживаясь, обратился къ Геерингену:

— Простите, генералъ, за эту задержку... Вы понимаете?..

— О, да, конечно... Это—нашъ долгъ...

Машины штаба тронулись въ путь.

Пока солдаты убирали антену, отъ автомобиля, служащаго радіостанціей, отдѣлился молодой техникъ, работавшій у аппарата, голубоглазый, краснощекій, съ русыми волосами и маленькими усиками.

Онъ направился къ Франке, на котораго слегка походилъ лицомъ. Его мать, полька, была дальней родственницей матери Франке; оба они росли вмѣстѣ лѣтъ до 12.

— День добрый, Юликъ!—окликнулъ юноша товарища.—Или не узнаешь?

— Янекъ!.. Шубовъ!.. Узналъ, конечно... Ты нынче дежуришь!.. Радъ, что тебя встрѣчаю...

— И я радъ. Я такъ и надѣялся : увижу, думаю, либо черезъ людей передамъ. Вотъ, письмо тебѣ... Изъ Штеттина...

— Отъ мамы!.. Спасибо...—пряча въ боковой карманъ письмо, пожалъ руку товарищу Франке:— Ну, а отъ твоихъ какія вѣсти?

— Да, ничего... все ладно... Марця здорова... пишетъ: скучаетъ, меня ждетъ. Подождетъ. А отецъ и сестры—ничего... Марця часто къ нимъ заглядываетъ, все про меня толкуютъ.

— Да... понятно: невѣста... дай Богъ, чтобы вы повѣнчались благополучно... Тебѣ вѣдь не придется идти въ огонь... Ну, а что здѣсь слышно?

Понизивъ голосъ, Франке кивнулъ на антену, которую уже привязывали къ автомобилю.

— Что? Мало веселаго... Слышалъ я, что тебѣ пѣлъ тутъ генералъ. Да... вретъ онъ все!.. Не о томъ здѣсь думы, чтобы побѣдить, а какъ бы уцѣлѣть!?.. Если правда, что французы собрали здѣсь тысячъ четыреста штыковъ,—такъ насъ никакія подземныя крѣпости не спасутъ! Придется утекать съ переднихъ позицій... А, можетъ быть, и далѣе откатятъ, до самаго Меца!..

— Вотъ оно что... Да, почему?

— Потому... Кронпринцъ въ Аргоннахъ. Тамъ, что ни шагъ, то гора или пропасть... Можно бы туда меньше силъ... А ему, извѣстно, по первому слову шлютъ батальоны... Не глядя на то, что лучшихъ войскъ почти двѣсти тысячъ отсюда-же на востокъ перекинуто...

Для принца есть резервы... А намъ пишутъ: обойдитесь! Пулеметовъ прислали чортову гибель!.. Людей хотятъ ими замѣнить... Потѣха!.. Машины вѣдь сами не стрѣляютъ. А вонъ, какъ слышно, люди на фронтѣ напуганы... Эта проклятая, неустанная стрѣльба французовъ! Со стороны, издалека слышишь, какъ по вѣтру наноситъ тарахтѣнье дробное да удары тяжелыхъ «тетокъ»... Такъ и то тошно дѣлается!.. Что-же тамъ у васъ, впереди?!

— Ужасъ, Янекъ... Ужасъ!..

— То-то!..

— Понимаешь: ничего не спасаетъ. Знаешь вѣдь — какъ и здѣсь, земля тамъ изрыта на версты кругомъ съ нашей стороны... Словно кротовые ходы идутъ отъ траншей... Подземныя батареи, блиндажи... Передняя линія окоповъ нашихъ почти вся сметена... Шагъ за шагомъ орудія врага нащупываютъ наши укрытія и разрушаютъ до тла! Десятки людей гибнутъ, ихъ засыпаетъ землей, когда съ навѣса тяжелый снарядъ рухнетъ прямо въ окопы... Уцѣлѣвшіе люди уходятъ все дальше... все глубже... А смертельные щупальцы находятъ ихъ и тамъ, все ближе... Ужасъ!

— Ну, видишь, Юлій... А когда пойдутъ въ атаку эти бѣшеные французы, да ихъ черномазые черти—африканцы... бѣда! И не только здѣсь намъ плохо... Вѣсти такія отовсюду, что...

Шубовъ помоталъ головой.

— Что еще?

— Бельгія зашевелилась... Обрадовались тамъ, когда у береговъ, противъ нашихъ батарей, появились морскія чудища, новые корабли англичанъ. Мониторы съ плоскимъ дномъ, понимаешь? А пушки на нихъ—самыя огромныя, какихъ у насъ даже нѣтъ. Морскія орудія... И они разнесли насъ около Зеебрюгге... И подбираются дальше... Чортъ разберетъ: здѣсь-ли будетъ ударъ? Или въ Бельгіи?.. Тамъ даже по городамъ—населеніе заволновалось. Наши пороховые склады и арсеналы,— то и дѣло, взлетаютъ на воздухъ отъ поджоговъ. И найти не могутъ виновныхъ. Сотни воздушныхъ машинъ врага носятся каждый день у насъ въ тылу... Только, объ этомъ говорить нельзя... Засыпаютъ бомбами склады, военные заводы, станціи... Поѣзда не могутъ ходить отъ Меца... Да! Даже въ Мецѣ

побывали незваные гости!.. Въ Аахенѣ они зажгли пожары. Заводы Ротэ Эрде горятъ. Вокзалъ въ Валансьенѣ сгорѣлъ... Вузверская станція... И въ Штутгартѣ, въ Карлсруэ пришлось остановить движеніе поѣздовъ. Тамъ цѣлыя пробки теперь! Отъ Сѣвернаго моря до Швейцаріи—врагъ отрѣзали насъ отъ нашего тыла. Оттого и нѣтъ у насъ довольно людей... Французы не даютъ подвозить поѣздовъ. И здѣсь отъ нихъ вздохнуть невозможно... Какъ осы разозленныя, зашевелились повсюду... Что-то будетъ?!..

— Да... Что-то будетъ?!. Увидимъ!..—повторилъ, какъ эхо, Франке.

Вѣтеръ стихъ; хлынулъ проливной дождь и шелъ всю ночь до утра. Утромъ онъ утихъ; но тучи не прошли и сумрачный день зародился между сѣрыми тучами и потемнѣлой, влажной землей. Залитыя водой и грязью, дороги сѣровато-грязными лентами лоснились и вились между холмами и виноградниками...

Въ субботу утромъ, 25-го сентября, Франке, ночевавшій на перевязочномъ пунктѣ, въ подземной галлереѣ,—всталъ особенно рано.

Всю ночь даже здѣсь, глубоко подъ землею, подъ защитой толстыхъ бетонныхъ сводовъ, слышно было, какъ тяжко вздыхали большія орудія нѣмецкихъ батарей, отвѣчая на такіе-же тяжкіе, но болѣе частые вздохи французскихъ орудій.

Съ вечера онъ долго любовался на картину ночного артиллерійскаго боя. Въ непроглядной тьмѣ, впереди,—то здѣсь, то тамъ, вспыхивали гдѣ-то одиночные огни... Порою сразу вкалывалась во тьму цѣлая цѣпь красныхъ вспышекъ. Потомъ доносился слабый переливъ и рокотъ ударовъ. Еще немного—и въ воздухѣ вспыхивалъ снопъ голубого или розоваго огня при разрывѣ снаряда... И долетали внизъ рокочущіе отзвуки разрывовъ... Время отъ времени,—съ особымъ свистомъ прорѣзала тьму ракета, разрывалась, разливая потоки свѣта, на полкилометра озаряя холмы и нивы внизу подъ собой...

Этотъ летучій факелъ пылалъ долго и медленно опускался книзу, пока не догоралъ. Съ нимъ рядомъ сверкалъ другой... третій... десятый... И ночь на протяженіи десятковъ километровъ обращалась въ день...

Ракеты выпускались съ обѣихъ сторонъ, чтобы предупредить нечаянное нападеніе въ темнотѣ на окопы, полуразрушенные днемъ.

Ночью въ окопахъ шла горячечная работа. Франке видѣлъ, какъ сотни людей, съ лопатами и кирками въ рукахъ, въ полутьмѣ, подъ проливнымъ дождемъ, старались какъ можно безшумнѣе и быстрѣе исправить поврежденія, нанесенныя за день вражескими снарядами.

Руки землекоповъ покрывались кровавыми язвами; вздутыя отъ напряженія, мышцы напухали, гноились... Но люди, понимая важность работъ, напрягали послѣднія силы, пока не совершал и своего урока, или—падали отъ усталости. Ихъ уносили; а на смѣну становились новые мученики...

Здѣсь, на второй линіи, какъ и на всемъ пространствѣ впереди, несмотря на непогоду, шла и по ночамъ бѣшено-спѣшная работа при свѣтѣ особыхъ электрическихъ фонарей, лучи которыхъ падали только на то мѣсто, куда приходится попадать лопатою или киркой.

Рылись новые ходы, окопы, волчьи ямы... Закладывались фугасы, создавались подземные форты, изъ которыхъ можно боковымъ, продольнымъ огнемъ поражать врага, идущаго въ атаку на траншеи, проложенныя по вершинамъ холмовъ.

Вечеромъ, обойдя мѣста, гдѣ шла мучительная работа, Франке дѣлалъ наскоро перевязки, смазывалъ людямъ истертыя руки вазелиномъ изъ запаса, взятаго нарочно съ собою. Только къ 10-ти часамъ вернулся онъ въ свой уголъ и растянулся на койкѣ, предоставленной ему. Усталость отзывалась глухою болью во всемъ тѣлѣ. Но отъ переутомленія онъ еще долго не могъ уснуть.

А утромъ, до разсвѣта, онъ уже снова покинулъ подземную галлерею, торопясь узнать, что дѣлается тамъ наверху?..

Миновавъ нѣсколько переходовъ, слабо освѣщаемыхъ день и ночь фонарями,—Франке очутился у большой выемки, вродѣ подземной пещеры,—отдѣленной отъ прохода невысокимъ досчатымъ барьеромъ.

Десятка два лошадей полевой батареи, до времени также скрытой подъ землею, въ особомъ казематѣ,—были укрыты здѣсь отъ случайностей боя.

Нѣкоторыя дремали. Другія жевали свою дачу... А двѣ-три, услышавъ шаги человѣка, повернулись мордами къ барьеру и глядѣли, словно имъ было любопытно узнать: кто такъ рано проходитъ мимо нихъ?

— И васъ ждетъ гибель, глупыя!—подумалъ Франке, ласково проводя по челкѣ рукой гнѣдому, сильному коню, стоящему впереди другихъ. Потрепалъ его по шеѣ и двинулся дальше.

Наверху царило короткое, предразсвѣтное затишье. На востокѣ густо рдѣли края тяжелыхъ тучъ. Солнца изъ нихъ не было видно, даже, когда оно совсѣмъ выкатилось изъ-за края земли, гдѣ таилось всю ночь.

Батареи французовъ, обычно начинавшія утреннюю работу съ первыми лучами сейчасъ молчали.

Тихо было и на востокѣ, гдѣ, вблизи и издалека, хорошо укрытыя, нѣмецкія пушки весь день и часть ночи сердито рыкали въ отвѣтъ на непрерывную канонаду враговъ.

Молчаніе это казалось страннымъ, даже зловѣщимъ, пугающимъ душу послѣ всего, что пережито было за прошедшіе дни.

Автомобили, доставившіе сюда его и раненыхъ, ушли обратно ночью, въ темнотѣ, отвозя резервы на линію боя, куда грозитъ ударъ врага.

Сейчасъ, пользуясь затишьемъ, Франке рѣшилъ снова пробраться туда же, впередъ, гдѣ его помощь нужнѣе, чѣмъ здѣсь. Въ этотъ ранній часъ можно прямо пройти по дорогѣ, еще не осыпаемой снарядами; не прійдется пробираться лѣсными тропинками, далекимъ, кружнымъ путемъ, между рвами и кустами, какъ дѣлаютъ отдѣльные солдаты, вѣстовые, вообще, всѣ имѣющіе надобность пробраться на передовые посты и обратно днемъ, во время обстрѣла.

Четыре-пять километровъ впереди, отъ подножья холмовъ развернулись почти ровной долиной до передовыхъ нѣмецкихъ траншей. А еще дальше, за фронтомъ нѣмцевъ и французовъ, снова начинались цѣпи холмовъ, болѣе низкихъ, чѣмъ на этой сторонѣ.

Быстро миновалъ Франке долину, шагая по шоссе, еще залитому водой.

День совсѣмъ наступилъ. Въ небольшой рощицѣ, на опушкѣ которой проходили передовые окопы, укрывалась полевая батарея, высокая засѣка изъ срубленныхъ сосенъ, перепутанныхъ проволокой, ограждала ее со всѣхъ сторонъ, кромѣ восточной, съ тыла. Люди, недавно вставшіе, чистились, мылись. Рота пѣхотинцевъ расположилась тутъ же, подъ деревьями. Люди были одѣты, на-готовѣ. Но, пользуясь минутой затишья, сидѣли подъ навѣсомъ сосенъ, или лежали на сухихъ островкахъ мшистой земли у подножья старыхъ, развѣсистыхъ деревьевъ.

— Который часъ, товарищъ,—задалъ кто-то вопросъ Франке, когда онъ проходя, послалъ отвѣтное привѣтствіе солдатамъ.

— Семь безъ двухъ. А, что?

— Да, вотъ, сосѣди запоздали нынче со своею музыкой. Чтобы это значило?—прозвучалъ шутливый вопросъ изъ толпы пѣхотинцевъ, охраняющихъ пушки.

Но шутливыя слова покрывали глубокую тревогу, которую говорящій старался скрыть даже отъ себя самого.

— Ничего!.. Они свое наверстаютъ!.. Видно, нынче готовятся къ бенефису!—также громко, бодрящимъ голосомъ отвѣтилъ Франке.—Я, вотъ, иду... изъ передовыхъ окоповъ пошлю имъ телеграмму.... Пора, молъ!

— Не забудьте послать ее съ отвѣтомъ!—услышалъ Франке, уже достигшій узкаго хода, глубоко-укрытаго въ землѣ, ведущаго въ передовыя траншеи.

И въ ту же минуту что-то грозное сотнями стальныхъ гортаней грохнуло тамъ изъ-за рощъ и перелѣсковъ, а то и прямо изъ земли, гдѣ укрывались незримыя батареи врага...

Ни разу такого дружнаго, могучаго удара не слышалъ еще Франке даже за эти три дня ураганной канонады, разводимой съ обѣихъ сторонъ. Земля словно дрогнула слегка подъ ногами... Порывы вѣтра, слышные раньше въ вершинахъ деревъ, сразу смолкли, какъ будто и сама природа испугалась взрыва земныхъ орудій. Тысячью голосовъ запѣло, зазвенѣло что-то въ воздухѣ, высоко сперва, потомъ быстро снижаясь къ землѣ надъ самыми брустверами первыхъ окоповъ, тамъ, гдѣ сквозилъ на влажныхъ скатахъ густой, непроходимый переплетъ колючей проволоки, протянутой тройными, четверными рядами отъ одной сосны къ другому стволу. А гдѣ не было деревьевъ, тамъ проволока держалась на толстыхъ кольяхъ, потемнѣлыхъ, разбухшихъ отъ дождя...

Прошло нѣсколько мгновеній и Франке, застывшій на мѣстѣ, увидѣлъ, какъ на протяженіи двухъ-трехъ километровъ, тамъ, передъ нимъ, близко-близко, всего сотни за три шаговъ,—посыпался на землю настоящій градъ снарядовъ средняго и мелкаго калибра, судя по различной силѣ разрыва... Отъ земли сразу поднялась туча пару, грязи, стѣною вздымаясь ввысь тамъ, гдѣ стальной и чугунною стѣной упали раскаленные, адскіе бичи; разрываясь съ грохотомъ, разбрасывая осколки въ нѣсколько килограммовъ вѣсомъ; вслѣдъ за грязью и паромъ—посылая къ

небу болѣе глубокіе слои сухой земли, цѣлыя вершины деревьевъ, уцѣлѣвшихъ до этой минуты, спутанныя клочья колючей ограды, тяжелыя колья и камни...

А еще черезъ мгновенье, словно въ отвѣтъ первому удару бича Смерти, сливаясь съ грохотомъ нѣмецкихъ батарей, пославшихъ отвѣтный залпъ, грянули тяжкіе, глухіе удары, словно изъ глубины земли.... Подымая кверху новый вихрь пыли и камней, взорвались фугасы, заготовленные германцами впереди своихъ траншей для гибели нападающаго врага, когда онъ вступитъ на заранѣе опредѣленныя полосы земли. Тяжелые снаряды французовъ, глубоко взрывая влажную почву, добрались и до этихъ предательскихъ минъ. И онѣ взорвались раньше времени, разворачивая огромныя воронки въ землѣ, напоминающія отверстія кратеровъ. Вода и грязь, разлитая кругомъ, хлынула въ зіяющія раны земли и наполовину затянула ихъ жидковатымъ иломъ.

Не порошло и двухъ минутъ, какъ второй залпъ обрушился на землю, на этотъ разъ совсѣмъ близко къ первому ряду траншей... Остатки загражденій, брустверы, полуразрушенные раньше и наскоро поправленные за эту ночь, края траншей,—все дрогнуло, смѣшалось, взлетѣло на воздухъ.

По глубокимъ подземнымъ ходамъ, тѣсня, роняя другъ друга,—кинулись изъ поражаемыхъ окоповъ люди во второй и въ третій рядъ траншей... Франке видѣлъ, какъ эти траншеи ожили, когда и онъ, погоняемый ужасомъ, кинулся назадъ, подальше отъ стѣны стали и свинца, отъ разрушительныхъ ливней, которые черезъ каждыя двѣ минуты валились съ неба, надвигаясь все впередъ и впередъ.

Люди бѣжали, кричали... Но грохотъ выстрѣловъ, удары разрывовъ, обвалы фортовъ и блиндажей, обращаемыхъ въ груды извести, песку и камней,—эти звуки, напоминая ревъ изверженія или рокотъ бури, ударяющей бѣшеными валами въ ущелье скалъ, покрывали жалкіе людскіе голоса. Даже громовые раскаты пушекъ, безпрерывно ударяющихъ съ обѣихъ сторонъ, порою, казалось, слабѣли, покрытые шумомъ обваловъ, взрывами, грохотомъ разрушенія подземныхъ фортовъ.

Стараясь сохранить самообладаніе, Франке кинулся за толпою солдатъ внизъ, по узкому ходу, попалъ въ подземную галлерею, со всѣми вмѣстѣ катился долго, пока люди не достигли отдаленнаго, обширнаго каземата, вырытаго глубоко въ землѣ, гдѣ, казалось, можно было считать себя внѣ опасности.

Но и здѣсь, не только слухъ, самое тѣло людей—потрясали взрывы и грохотъ орудій врага. Казалось, работали не осадныя пушки, а гигантскіе пулеметы, способные вмѣсто малютокъ-пуль швырять за десятки километровъ снаряды въ десятки пудовъ вѣсомъ... Земля и здѣсь тихо вздрагивала... И это, можетъ быть, даже воображаемое, а не дѣйствительное колыханіе вѣчно-неподвижной земли, эти удары выстрѣловъ отдавались въ мозгу, во всемъ тѣлѣ, вызывая настоящую дурноту...

Принявшись перевязывать тѣхъ, кто былъ раненъ на бѣгу и теперь просилъ о помощи, Франке почувствовалъ, что руки плохо повинуются ему... Онъ готовъ былъ все оставить, кинуться прочь... Ему хотѣлось издать долгій, протяжный вопль и со стономъ бѣжать ночи и дни, только бы уйти такъ далеко, чтобы не слышать этихъ непрерывныхъ залповъ, не чувствовать слабаго, но мучительнаго колебанія почвы, отъ котораго являлись приступы тошноты, какъ на кораблѣ во время качки...

Вдругъ ухнулъ новый, глухой ударъ, близко-близко, тамъ, надъ головами... Тяжелый снарядъ пробилъ землю, разорвался надъ бетонными сводами этого каземата, но порушить ихъ не успѣлъ.

Въ безотчетномъ ужасѣ люди кинулись вразсыпную къ нѣсколькимъ галлереямъ, ведущимъ изъ подземной крѣпости на верхъ, туда, гдѣ опасность, можетъ быть, и больше, но тамъ все-таки можно видѣть, откуда надвигается смерть, и не придется гибнуть въ полутемной норѣ, какъ гибнутъ сурки, или крысы, заливаемыя водой...

Не успѣли люди очистить каземата, второй снарядъ, упавъ почти на то же мѣсто, гдѣ и первый, пробилъ своды и весь уголъ могучей, толстостѣнной постройки рухнулъ, обращенный въ груды камней, извести и земли... Тутъ же валялись и остатки людскихъ тѣлъ... Нѣсколько человѣкъ предпочли остаться въ блиндажѣ—и поплатились за это жизнью.

Отступая послѣ всѣхъ въ боковой выходъ, Франке видѣлъ, какъ дрогнули фонари, освѣщающіе казематъ, и погасли; но ихъ послѣдній лучъ позволилъ все-таки уловить картину разрушенія и смерти.

Наверху онъ и его спутники убѣдились, что главная опасность теперь не впереди, а сзади.

Первая линія окоповъ, разрушенная, обезвреженная, почти сметенная съ лица земли, оставлена была врагами въ покоѣ. Ураганъ смерти понесъ ливень снарядовъ на второй, на третій и четвертый рядъ окоповъ. Тяжелые снаряды рвались и далеко позади, у самой второй линіи обороны, на холмахъ, не позволяя ни единому человѣку двинуться оттуда, прійти на помощь защитникамъ передовыхъ укрѣпленій и траншей.

Франке не зналъ, сколько времени тянулась канонада. Онъ видѣлъ, солдаты, понуждаемые на-

чальниками, выбирались изъ подземныхъ галлерей, изъ фортовъ. Ихъ отрывали изъ блиндажей, гдѣ люди долгое время оставались засыпанные обвалами.

Кое-какъ приходя въ себя, солдаты протирали глаза, отряхали себя, свои винтовки и, пробираясь между обломками дерева, цемента, между мѣшками съ землею, снова занимали свои мѣста въ полуразрушенныхъ окопахъ, ожидая, что изъ-за пыльной завѣсы, поднятой ударами снарядовъ и еще не опавшей, каждую минуту могутъ появиться цѣпи врага, идущаго въ атаку. Это новое ожиданіе, новый ужасъ смертельной борьбы угнеталъ не меньше, чѣмъ грохотъ канонады.

Окопы уже почти не могли защитить солдатъ. Они прыгали, забирались въ тѣ самыя ямы, которыя кругомъ нарыты были снарядами французовъ. Хотя здѣсь приходилось сидѣть по поясъ въ жидкой грязи, но края глубокихъ воронокъ служили прекраснымъ укрытіемъ на случай боя.

Собравъ нѣсколькихъ товарищей-санитаровъ, Франке предложилъ имъ отправиться за ранеными, которые остались въ первомъ ряду траншей.

— Видите, огонь французовъ перенесенъ туда, къ намъ въ тылъ. Теперь впереди безопасно можно работать. Кое-какъ перетащимъ, кого успѣемъ, подальше отъ этой гибели.

— Идетъ, все равно... Впереди—французы... Сзади—ихъ снаряды и наши пулеметы!.. Я видѣлъ, наши же офицеры выстрѣлами гнали назадъ тѣхъ, кто пытался улепетнуть подальше отсюда... Идемъ, Франке!

Подъ грохотъ орудій усиленно работали товарищи и самъ Франке, чтобы отвлечь отъ себя мысли о гибели, холодившія кровь.

Нѣсколько сосенъ словно чудомъ въ этомъ разгромѣ уцѣлѣли за ближайшимъ холмомъ. Здѣсь складывали санитары тѣхъ, кого удалось живыми разыскать среди обломковъ и разрушенія, царящаго въ первыхъ линіяхъ траншей.

Одинъ, на видъ мальчикъ, лѣтъ 18, казалось, былъ не раненъ, а только лежалъ въ глубокомъ обморокѣ, потрясенный пережитыми страданіями.

Неся очереднаго раненаго, Франке съ другимъ товарищемъ подходилъ къ соснамъ, гдѣ устроили они импровизированный перевязочный пунктъ. Въ эту минуту юноша, сразу очнувшись, съ глазами, устремленными впередъ, поднялся, сдѣлалъ направо кругомъ и зашагалъ прямо на востокъ, вытягивая носокъ, совсѣмъ какъ на смотру... Крики, толчки, которыми хотѣлъ образумить юношу нагнавшій его санитаръ, не остановили безумца. Отмахнувшись съ необычайной силою, онъ далеко оттолкнулъ санитара и зашагалъ дальше, быстро, ровно, какъ автоматъ.

Франке хотѣлъ было кинуться, догнать, остановить человѣка, потерявшаго разсудокъ, но что-то помѣшало тронуться съ мѣста... Ему представилось, что если онъ нагонитъ, остановитъ, посмотритъ тому больному въ его стекловидные, безумные глаза, то и самъ потеряетъ послѣднія силы, послѣдніе проблески разума и съ воплями кинется отсюда прочь... далеко, далеко!..

Такъ прошло два часа. Неожиданно зазвучали сигналы по всей линіи врага, въ его передовыхъ окопахъ, которые кое-гдѣ подходили совсѣмъ близко къ нѣмецкимъ траншеямъ...

Громъ орудій умолкъ... Затихли взрывы. Пыль, поднятая выстрѣлами, брызги грязи и паръ стали осѣдать; пространство передъ нѣмецкой линіей снова открылось глазамъ.

А на этомъ пространствѣ, на протяженіи десятковъ километровъ, задвигались десятки тысячъ живыхъ существъ. Въ бинокль Франке ясно различалъ безконечныя цѣпи, которыя почти бѣгомъ надвигались на окопы нѣмцевъ.

Вдругъ, между этими окопами и надвигающимися цѣпями—заклубилась какая-то дымная завѣса, темно-синяго цвѣта... Это нѣмецкія батареи швырнули навстрѣчу атакующимъ снаряды съ удушливыми газами...

Но, какъ нарочно, вѣтеръ, стихшій передъ тѣмъ, снова подулъ сильными порывами и ядовитая завѣса поколебавшись, покатилась назадъ, на юго-востокъ, вмѣсто того, чтобы преградить путь французамъ, наступающимъ съ запада...

Франке различилъ, какъ надѣвали свои предохранительныя маски солдаты въ нѣмецкихъ траншеяхъ, куда теперь неудержимо катился ядовитый потокъ газовъ.

Но по пути онъ рѣдѣлъ, слабѣлъ. И только рваными полосами, отдѣльными клубами вернулась дымная отрава туда, откуда ее пустили противъ собратьевъ-людей.

Теперь Франке могъ ясно различить цѣпи нападающихъ. Почти всѣ они были въ маскахъ противъ газовъ и это дѣлало людей кошмарно-пугающими и забавными, въ то же время... Среди длинныхъ линій солдатъ съ бѣлыми лицами, которые, перебѣгая отъ куста къ кусту, отъ камня къ камню,—все двигались впередъ, стрѣляя на востокъ,—Франке различилъ черныя лица колоніальныхъ, африкан-

скихъ батальоновъ, нагоняющихъ, ужасъ на нѣмцевъ однимъ своимъ видомъ... Эти—опережали другихъ и, почти не прикрываясь, не припадая къ землѣ, бѣжали прямо на нѣмецкіе окопы, падали, подымались и снова бѣжали, оставляя по пути товарищей, пораженныхъ нѣмецкими пулями...

Атакующіе были еще въ полпути, когда защитники окоповъ, потрясенные всѣмъ, что пришлось испытать въ предыдущіе часы, охваченные стихійнымъ страхомъ, бросились назадъ, не слушая увѣщаній начальства, не останавливаясь и передъ поднятымъ дуломъ браунинговъ...

Только во второмъ ряду окоповъ, сохранившихся лучше перваго, остановились и снова начали размѣщаться потрясенные люди, ожидая врага...

Франке съ товарищами не рѣшились больше здѣсь оставаться... Они подняли раненыхъ, сколько можно было уложить на носилки, и понесли дальше въ тылъ, прямикомъ, черезъ виноградники. Потомъ, достигнувъ холмовъ, пошли полями, стараясь держаться подальше отъ проѣзжей дороги, которую французы продолжали осыпать снарядами, чтобы нѣмцы не могли подвезти людей и патроновъ туда, гдѣ завязался уже рукопашный бой...

Санитары, неся раненыхъ, достигли второй линіи траншей, поднялись на гребень холма и собирались спуститься внизъ, когда тяжелый снарядъ, прилетѣвшій откуда-то сбоку, разорвался совсѣмъ близко... Со звономъ и воемъ брызнули во всѣ стороны мелкіе и крупные осколки... Одинъ, большой,—врѣзался въ носилки, которыя съ одной стороны поддерживалъ Франке... Онъ и его товарищъ—вдругъ почувствовали странную легкость въ рукахъ... Носилки и двое раненыхъ, лежавшихъ на нихъ, ударомъ стали были разрѣзаны пополамъ. Франке и его товарищъ ощутили въ то же время, словно ихъ что-то обожгло и толкнуло въ въ сторону другъ отъ друга.

Оба упали, контуженные: Франке—въ ногу, товарищъ-санитаръ—въ бокъ.

Другихъ два санитара, оставя свои носилки, кинулись къ нимъ.

— Ничего!—успокоилъ Франке:—воздухомъ контузило... Я самъ сейчасъ справлюсь. Унесите подальше раненыхъ. Еще какой-нибудь шальной снарядъ можетъ упасть... Несите!.. Потомъ придете за нами... если мы сами не сумѣемъ добраться винзъ...

Санитары ушли.

Острая боль первыхъ минутъ прошла. Оставленные попробовали подняться; но удержаться на ногахъ не могли и усѣлись, прислонясь спиной къ остатку толстой сосны, вершина которой была начисто срѣзана попавшимъ снарядомъ...

Говорить не хотѣлось ни о чемъ. Глаза невольно обращались туда, гдѣ шелъ уже рукопашный бой...

Доставъ бинокль, Франке ясно видѣлъ, какъ за цѣпями пѣхоты надвигаются и полевыя батареи французовъ, какъ колеса ихъ орудій ныряютъ въ ухабахъ, пробираясь по дорогамъ и прямикомъ. Рвы, лежащіе на пути, французы быстро забрасывали чѣмъ попало: землею, вѣтвями, жердями изъ оградъ, когда-то тянувшихся между виноградниками и лугами... Все впередъ неслись кони и люди... Короткія свалки завязывались у самыхъ траншей... Батареи нѣмецкія старались остановить нападающихъ, осыпая ихъ гранатами, шрапнелью... Но тѣ шли и шли, не обращая вниманія на потери... Рѣдѣющія цѣпи врага снова пополнялись безпрерывно набѣгающей волной людей...

Вдругъ вниманіе Франке привлекъ отрядъ всадниковъ, мчавшихся на группу сосенъ, въ которой утромъ онъ видѣлъ нѣмецкую батарею.

И теперь, укрываясь за своими завалами, она посылала поочередно: то залпъ шрапнелей, то гранаты въ сторону враговъ.

Замѣтя, что эскадронъ безумцевъ-всадниковъ мчится прямо на жерла орудій,—нѣмецкая батарея стала осыпать ихъ картечью. Но всадники, разсыпавшись широкимъ полукругомъ, мчались впередъ, не обращая вниманія на неровности почвы, стараясь только скорѣе достигнуть той точки, гдѣ самая близость къ пушкамъ—создаетъ большую безопасность, особенно—среди сосновыхъ стволовъ теперь оголенныхъ, лишенныхъ послѣднихъ своихъ вѣтвей.

Пѣхотинцы, утромъ охранявшіе батарею, очевидно брошены были впередъ, на защиту окоповъ. Но батарея своими силами надѣялась остановить безумный наскокъ всадниковъ. Совершенно неожиданно, совсѣмъ въ тылу, съ востока,—послышался топотъ новой лавины кавалеристовъ. Полуэскадронъ съ лошадьми въ поводу, пробравшись между деревьями, зашелъ въ тылъ батареи и по широкой просѣкѣ мчался прямо на нее, сверкая обнаженными палашами...

Минуту спустя—прислуга орудій, изрубленная или захваченная въ плѣнъ,—очутилась во власти враговъ. Пушки нѣмецкія, заряженныя нѣмецкими снарядами, выпустили свой полный залпъ сперва впередъ, въ нѣмецкіе окопы, туда, гдѣ резервы, подоспѣвшіе изъ тыла, спѣшили на помощь

атакуемымъ... Потомъ—хоботы орудій повернулись на востокъ и второй залпъ, какъ вызывающій военный гимнъ,—прогремѣлъ, кидая угрозу защитникамъ второй линіи нѣмецкихъ траншей...

Слезы навернулись на глазахъ у Франке...

Его потрясла отвага враговъ. Ему стало жаль своихъ товарищей, гибнущихъ безцѣльно. Въ эту минуту мимо, по шоссе, вздымая грязь и разбрасывая комья земли, около десяти нѣмецкихъ грузовиковъ бѣшено промчались туда, къ мѣсту боя. Стоя плечо къ плечу, заполняли солдаты всѣ платформы. Новые резервы спѣшили на помощь... Но враги разстрѣливали людей въ упоръ, не давая имъ даже времени разсыпаться цѣпью...

Ясно было, что французы побѣждаютъ вездѣ... Вотъ уже густыя толпы нѣмецкихъ солдатъ бросаютъ оружіе и подъ надзоромъ враговъ—тянутся на западъ, въ плѣнъ!..

Еще болѣе густыя цѣпи, какъ овцы, гонимыя бурей, хлынули по всѣмъ путямъ и безъ путей, сюда, назадъ, подъ прикрытіе второй защитной линіи траншей, еще неразрушенныхъ губительной канонадой...

Нѣмецкія батареи бѣшено стрѣляютъ, чтобы задержать наступленіе враговъ и дать отступающимъ возможность уйти въ порядкѣ, безъ лишнихъ потерь...

Солнце, прорвавъ гряду порѣдѣлыхъ тучъ, стояло высоко въ небѣ, словно любуясь этою грозной, но и великолѣпной, вмѣстѣ съ тѣмъ, картинной борьбы между сотнями тысячъ людскихъ существъ... Насталъ полдень...

Когда Франке убѣдился, что французы окончательно побѣдили и рвутся впередъ, сюда... чтобы сразу захватить и этотъ, второй оплотъ германской силы, казавшійся неодолимымъ самимъ тевтонамъ и цѣлому міру,—двойное чувство снова стѣснило ему грудь...

Ряды труповъ передъ окопами, груда нѣмецкихъ тѣлъ—заставляли сердце сжиматься отъ боли...

— Бѣдная родина!—думалъ онъ:—сколько жертвъ!..

Вторая мысль—отчасти умѣряла боль, причиняемую душѣ печальнымъ зрѣлищемъ гибели собратьевъ.

— Этотъ разгромъ знаменуетъ конецъ владычеству Гогенцоллерновъ, конецъ произволу властныхъ баръ и торгашей, умѣющихъ прибирать къ рукамъ даже скипетры монарховъ. Этотъ разгромъ начало новой жизни для германскаго народа... Онъ служитъ порукой, что скоро настанетъ миръ и надолго воцарится на землѣ!..

Закрывъ глаза, чтобы не видѣть тяжелыхъ картинъ, Франке затихъ. Пробѣгающіе мимо солдаты замѣтили обоихъ санитаровъ, помогли имъ подняться и повели внизъ на перевязочный пунктъ.

Всю ночь съ субботы на воскресенье опять гремѣла канонада, хотя не такая бѣшеная, какъ утромъ. Очевидно, и у враговъ запасы снарядовъ стали уменьшаться...

Но ихъ атаки на вторую линію загражденій длились цѣлый день... Новыя и новыя цѣпи вступали въ бой; все ближе подбирались онѣ къ холмамъ, за которыми теперь—послѣднее убѣжище нѣмецкой силы....

155 пушекъ, большой запасъ снарядовъ, пулеметовъ, около 26-ти тысячъ плѣнныхъ за два дня попало въ руки французамъ... Больше двадцати тысячъ раненыхъ успѣли увезти и унести нѣмцы съ поля битвы... И столько же мертвецовъ осталось тамъ, на холодной, влажной землѣ, продолжая раскрытыми, стекловидными, невидящими глазами глядѣть въ далекое, ясное небо...

Эти вѣсти сообщилъ Франке Янекъ, который явился въ лазаретъ на зовъ недужнаго товарища...

Только одно сознаніе, что надо отстоять послѣдній оплотъ,—заставило нѣмецкія войска собраться съ силами и не пустить французовъ дальше подножья холмовъ, на которыхъ тянулись окопы второй линіи.

— Здорово насъ потрепали!—не то опечаленный, не то довольный, замѣтилъ Янекъ.

— Не насъ. Не мы... не народъ нѣмецкій—затѣялъ эту неправую войну... А тотъ, кто ее началъ, кто губитъ силу народа... воруетъ жизнь и деньги у милліоновъ людей... Тому подѣломъ, Янекъ! И будетъ ему еще хуже, помяни мое слово. Близокъ день расплаты!

— Да! И я такъ думаю, Юликъ. Кого ни послушаешь, всѣ его клянутъ... Но—боятся пока и за родину, и за себя. Какъ спасти Германію отъ гибели, если войну мы не выиграемъ? И, какъ спасти себя, если рѣшимся пойти противъ... него, безумнаго? Вотъ всѣ думаютъ о чемъ? Власть — у н е г о въ рукахъ...

— Власть въ рукахъ у Судьбы, Янекъ. У Всесильнаго Рока. А Онъ—не всегда бываетъ глухъ и слѣпъ, Янекъ. Вѣрь мнѣ! Вѣсы исторіи начинаютъ клониться въ сторону гибели насильниковъ... Хо-

тя бы двойной вѣнецъ священной Германской имперіи вѣнчалъ ихъ безумную голову... Вѣрь, Янекъ! И на мѣстѣ разгромленной имперіи Гогенцоллерновъ возникнетъ вѣчное царство свободнаго нѣмецкаго народа, узами братства и труда соединенное съ другими народами, населяющими Европу и цѣлый міръ. Вотъ что вижу я впереди очами души моей, Янекъ... Вѣрь—такъ оно и будетъ. Вѣрь, Янекъ!.. И станемъ работать для ускоренія этихъ свѣтлыхъ дней!..

ГЛАВА II.

Послѣдній день Гогенцоллерновъ.

Душный іюльскій вечеръ.

Готовясь встрѣтить новую годовщину великой міровой войны, Берлинъ, особенно затихшій, мрачный, почти безлюдный за послѣдніе мѣсяцы,—какъ будто собирается проявить нѣчто, похожее на прежнее оживленіе, когда около трехъ милліоновъ «своихъ» жителей тѣснилось въ столицѣ и ея пригородахъ, не считая полумилліона иностранцевъ, ежегодно наѣзжающихъ сюда, чтобы побывать у знаменитыхъ врачей, повеселиться на прусскій ладъ въ различныхъ Одеонахъ, Орфеумахъ и другихъ вертепахъ, блистающихъ мраморомъ, бронзою и позолотою стѣнъ. А ручьи настоящаго золота изъ полумилліона чужихъ, объемистыхъ кошельковъ непрерывнымъ потокомъ текли въ карманы берлинскихъ горожанъ.

Совсѣмъ иные дни настали теперь...

Полтора мѣсяца назадъ прусская столица справляла уже особеннымъ образомъ одинъ свой «высоко-торжественный день». 15-го іюня—какъ всегда, праздновалась годовщина вступленія на престолъ Вильгельма II-го, императора и короля. И вѣрноподданные, добрые берлинцы, почтили этотъ юбилей. Вѣрнѣе: берлинки, потому что, кромѣ многочисленнаго военнаго гарнизона, чиновниковъ да наѣзжихъ голландскихъ и шведскихъ купцовъ,—очень мало мужчинъ осталось въ стѣнахъ веселой когда-то, столицы на Шпрее.

Изъ тихихъ печальныхъ домовъ, въ этотъ іюньскій день,—повысыпали на улицу женщины всѣхъ сословій, кромѣ развѣ женъ банкировъ, военныхъ поставщиковъ и дамъ, имѣющихъ «свободный пріѣздъ ко двору» по должности своихъ мужей, или по личному, наслѣдственному сану.

Всѣ же остальныя, со всѣхъ концовъ города, всѣми улицами шли, тянулись группами, или по одной, стекались къ Тиргартену, гдѣ отдѣльныя толпы быстро сливались въ сплошное море головъ, исключительно женскихъ.

Такой приказъ на этотъ день былъ данъ отъ какого-то, неуловимаго для властей, но, несомнѣнно, существующаго «Комитета Народнаго Спасенія», о которомъ знали въ цѣлой Германіи, всѣ 75 милліоновъ людей, населяющихъ союзныя государства, не говоря уже о Берлинѣ, Дрезденѣ и другихъ столицахъ имперіи.

Несмотря на ранній часъ утра,—обширная лужайка, намѣченная для сборища, а также смежныя, широкія аллеи и площадки—запестрѣли очертаніями женщинъ, одѣтыхъ въ самые разнообразные наряды, отъ ситцеваго платьица служанки или портнихи, до бархатной, безвкусной кофты богатой лавочницы или кружевной косынки вдовы-чиновницы.

На свѣтломъ фонѣ лѣтнихъ нарядовъ, глубокими, рѣзкими пятнами, цѣлыми полосами темнили картину траурныя одѣянія, въ какія облачено было больше половины собравшихся старухъ, женщинъ и дѣвушекъ, даже—маленькихъ дѣвочекъ, которыхъ матери привели съ собою на этотъ—«Праздникъ Скорби»...

Предсѣдательница заняла мѣсто на пустой музыкальной эстрадѣ. По ея знаку смолкъ говоръ и шумъ, неразлучный съ такимъ скопленіемъ людей. И среди необычной, зловѣщей тишины,—начались рѣчи...

Вѣрнѣе сказать: послышались стоны, жалобы женскихъ, усталыхъ душъ. Жалобы на непомѣрное вздорожаніе того, что необходимо для жизни, на недостатокъ хлѣба, не говоря ужъ о чемъ-либо другомъ. Затѣмъ,—словно безконечный похоронный списокъ былъ развернутъ у слушателей передъ очами ихъ души. Потери, понесенныя безплоднс народомъ во время долгодневныхъ, безумныхъ приступовъ подъ Верденомъ, въ Арденнахъ, у Двинска—свѣжи были въ памяти. И, словно удары кладбищенскаго колокола, падали слова женщинъ, выступающихъ впередъ, одѣтыхъ въ черное и повторяющихъ безъ конца:

— Лишилась мужа...
— Братьевъ убили...
— Отца потеряла...
— Убиты сыновья!..

И снова, и снова эти жалобные вздохи, тихіе удары кладбищенскаго колокола падали на душу самимъ страдалицамъ и тѣмъ, болѣе счастливымъ изъ статысячной, женской толпы, у которыхъ близкіе люди уцѣлѣли, были лишь ранены, или томились на Востокѣ и на Западѣ въ плѣну долгій-долгій рядъ печальныхъ дней!...

Потомъ снова говорили застрѣльщицы. Онѣ просто отмѣтили, что здѣсь—собралась только одна тысячная часть германскихъ, австрійскихъ и венгерскихъ женщинъ. А если бы ихъ вопли собрать воедино... Если бы ихъ слезы слить вмѣстѣ... То облетѣли-бы, какъ отъ дыханья бури, всѣ листья на зеленѣющихъ деревьяхъ огромнаго парка... Всѣ его пруды и каналы—не вмѣстили-бы той жгучей, соленой влаги, которую проливаютъ изъ глазъ днями и ночами милліоны, десятки милліоновъ женъ, сестеръ и матерей...

Шуцманы изъ запасныхъ, большею частью раненные, получившіе свои мѣста для поддержанія жизни—слушали сначала, добродушно ухмыляясь. Но, понемногу, даже ихъ нарочито-суровыя лица какъ-то стали передергиваться... Что-то блеснуло въ глазахъ, которые тамъ, на поляхъ битвъ, не страшились глядѣть въ очи самой смерти!..

Это длилось недолго...

Подозрительные господа въ котелкахъ, съ тросточками, старавшіеся втереться поглубже въ толпу, ближе къ ораторшамъ,—и нѣсколько погибшихъ тварей въ крикливыхъ шляпкахъ, съ лицомъ, раскрашеннымъ ярче любой крыши,—эти «глаза и уши» власти—поспѣшили къ постовымъ телефонамъ...

Скоро въ паркѣ появилось начальство, сначала—полицейское, изъ главныхъ. Потомъ и взводы солдатъ, но безъ штыковъ у винтовокъ. А впередъ продвинулись цѣлые взводы другихъ, болѣе надежныхъ шуцмановъ стараго закала. Двигаясь сплошными квадратами, плечо съ плечомъ, старались они раздѣлить, разбить на части скипѣвшуюся толпу и понемногу разсѣять ее по всѣмъ аллеямъ и лужайкамъ огромнаго парка.

Истерическіе вопли, взвизгиванья и злобные окрики сначала прорѣзали воздухъ. Женщины возмущались противъ насилія и не уступали... Волновалась и небольшая кучка зрителей-мужчинъ, стоящихъ поодаль, то здѣсь, то тамъ.

Но, вдругъ , словно былъ брошенъ новый приказъ и неслышно расплылся по толпѣ. Она стала быстро таять... И снова мелкими ручьями потекла по улицамъ туда, къ центру, гдѣ возвышается Старый Королевскій дворецъ.

Здѣсь уже приняты были мѣры. Всѣ выходы на дворцовую площадь, улицы, мосты оказались занятыми полиціей. Войска, хотя и въ небольшомъ количествѣ, стояли также наготовѣ, сокрытыя по дворамъ, въ сосѣдствѣ съ площадью...

Но женщины настояли на своемъ.

— Мы идемъ безоружныя! Мы—женщины... Мы—ваши матери и жены... и сестры! Вы не смѣете намъ ничего сдѣлать! Мы не явились подымать шума. Вы сами затѣваете драку и позорный скандалъ. А мы хотимъ поздравить нашего государя съ его годовщиной, выразить ему свои пожеланія. Если его нѣтъ сейчасъ во дворцѣ,—ничего! Стѣны стараго королевскаго жилища—гулкія! Онѣ дадутъ свое эхо... и слабые женскіе голоса донесутся до Потсдама... Дайте-же намъ дорогу!..

И мимо смущенныхъ, грубыхъ шуцмановъ прорвались толпы женщинъ, старыхъ и молодыхъ, ринулись со всѣхъ сторонъ живыми потоками туда, ко дворцу... Какъ изъ единой, груди грянулъ крикъ, полный слезъ и надрыва:

— Довольно войны!.. Довольно крови... Мы хотимъ мира! Мы умираемъ съ голоду... Дѣти наши чахнутъ и гибнутъ отъ твоихъ затѣй, Кровавый Императоръ!

— Кровавый Императоръ, довольно войны!..

Трижды прозвучалъ вопль... и замолкъ... Стотысячная толпа стояла и ждала, какъ-будто изъ пустыхъ стѣнъ дворца могъ послѣдовать имъ отвѣтъ? Или онѣ надѣялись, что говорунъ-кайзеръ появится на знаменитомъ балконѣ и дастъ свой, настоящій откликъ на вопли женъ и матерей?..

Этого не случилось. Снова выдвинулись впередъ черныя роты шуцмановъ. Стали грубѣе, рѣшительнѣе прежняго разгонять толпу...

Но здѣсь, на площади, обставленной домами, сдѣлать это было гораздо труднѣе, чѣмъ въ Тиргартенѣ, на просторѣ его лужаекъ и аллей.

Едва фаланги шуцмановъ въ одномъ мѣстѣ успѣвали разрѣзать эту громаду людей,—она скипалась на другомъ концѣ и тамъ звучали уже рѣчи болѣе вызывающія, чѣмъ въ началѣ «юбилейнаго дня»...

Тысячи мужскихъ головъ смотрѣли на невиданное сборище изъ оконъ зданій, выходящихъ на площадь. Понемногу толпы мужчинъ наплывали отовсюду и окаймили толпу женщинъ живой стѣной, словно рѣшая оказать имъ поддержку противъ грубыхъ шуцмановъ.

Отъ университета показались группы студентовъ, какъ разъ собравшихся тамъ на сходку по случаю того же «высоко-торжественнаго» дня.

Полиція, чувствуя полную безпомощность,—сначала пустила въ ходъ свои жезлы... Но вопли женщинъ, которыхъ хотя бы слегка коснулись руки палочниковъ,—всколыхнули мужчинъ. Тѣ рѣшительно вмѣшались въ схватку...

Браунинги блеснули въ рукахъ у шуцмановъ. Браунинги выставили навстрѣчу имъ народныя толпы...

Тогда прозвучалъ военный рожокъ.

Не вѣря, что станутъ разстрѣливать женщинъ и дѣтей, толпа напирала все сильнѣе...

И неожиданно совершенно грянулъ первый залпъ. Крики ужаса огласили воздухъ далеко кругомъ. Женщины, даже не раненныя, падали безъ чувствъ. Раненые и убитые, мужчины и женщины,—затемнѣли цвѣтными пятнами на раскаленныхъ камняхъ мостовой, на асфальтѣ троттуаровъ.

А вся остальная громада, море скипѣвшихся тѣлъ,—ринулось врассыпную, прочь, тискаясь, опрокидывая одинъ другого даже въ широкихъ улицахъ, которыя мгновенно запрудились бѣгущими людьми.

Такъ закончился «торжественный, юбилейный день» 15-го Іюня передъ дворцомъ Вильгельма Гогенцоллерна, императора и короля, Божіею милостью и... волею германскаго народа, какъ это было провозглашено въ Версали, полвѣка тому назадъ, при нареченіи императора Вильгельма I-го Гогенцоллерна...

Полтора мѣсяца прошло съ этого утра.

Сегодня—31-е Іюля по новому стилю.

Завтра—настаетъ новая годовщина Великой Войны... «Войны за Миръ», какъ называютъ ее враги-союзники...

И чувствуется, что новый сюрпризъ «преданные» берлинцы въ этотъ знаменательный день намѣрены устроить своему повелителю:

Юліусъ Франке, много мѣсяцевъ пролежавшій въ одномъ изъ берлинскихъ лазаретовъ, гдѣ его лѣчили отъ вторичной раны, полученной у Арраса, и отъ крупознаго воспаленія, захваченнаго въ сырыхъ окопахъ,—немного оправившись,—вышелъ изъ госпиталя свободнымъ человѣкомъ, получивъ полную отставку вмѣстѣ съ первымъ офицерскимъ чиномъ, обѣщаннымъ ему уже давно фонъ-Эйнемомъ.

Изъ Штеттина вызвалъ онъ къ себѣ мать и младшую сестру, настоялъ, чтобы Лизбетта также вернулась въ семью... И на окраинѣ Моабитскаго предмѣстья, въ бѣдной, крохотной квартиркѣ поселились эти люди, когда-то такіе счастливые, жизнерадостные, теперь угрюмо-молчаливые, избѣгающіе порою глядѣть другъ другу въ глаза, какъ будто всѣ они совершили что-то преступное, такое, о чемъ не надо и вспоминать!..

Одно только смягчало жгучій стыдъ, опаляющій имъ душу: они знали, что кругомъ, почти во всѣхъ домахъ жили люди, задавленные клеймомъ позора, или прижатые къ землѣ пятою нужды и отчаянья... Но это сознаніе, неся утѣшеніе,—сжимало еще больше грудь тисками человѣческаго состраданія и скорби непосильной...

Каждый день съ полудня Франке уходилъ изъ дому и родные не знали, гдѣ пропадаетъ онъ до поздней ночи, порою откуда приходитъ возбужденный, усталый, блѣдный; но, очевидно, довольный, съ блестящими, сіяющими глазами...

Это тревожило старуху-мать не меньше, чѣмъ упорный, сухой кашель, отъ котораго каждое утро на разсвѣтѣ задыхался ея любимецъ-сынъ.

И даже офицерскіе погоны и крестъ на больной груди ея «мальчика» не могли вознаградить матери за потерю здоровья сына, за всѣ муки, какія онъ, очевидно, вынесъ на войнѣ. Отраженіе ея пламени видѣла старуха въ яркомъ, нездоровомъ румянцѣ, который рѣзкими пятнами алѣлъ на исхуда-

лыхъ щекахъ Юліуса... И посылала проклятія тому, кто все затѣялъ... И самому Року, допустившему цѣлый міръ до подобнаго безумія, до ожесточенія нечеловѣческаго!..

Но, что значатъ слезы и проклятія одинокихъ матерей въ водоворотѣ міровой борьбы?..

Противъ обыкновенія, цѣлый день просидѣвъ у себя за какими-то бумагами, Франке вышелъ изъ дому только къ вечеру.

Раскаленныя за долгіе часы дневнаго зноя, улицы казались душными, каменными корридорами, ведущими въ жерло близкой, накаленной печи, скрытой за сосѣднимъ поворотомъ.... Листья не шевелились на деревьяхъ. Птицы: проворные воробьи, голуби и грачи, ютящіеся въ сосѣднемъ паркѣ, уже отправились на покой.

Гудѣлъ гдѣ-то свистокъ недалекой фабрики, еще не закрытой, какъ сотни другихъ, за недостаткомъ топлива и сырыхъ матеріаловъ. Лѣниво шли люди въ городъ, или возвращались оттуда. Рѣдкіе вагоны трамвая высаживали горсть пассажировъ и гораздо медленнѣе, чѣмъ даже годъ назадъ,—пускались дальше въ путь... Электрическая сила давно на исходѣ въ столицѣ Германіи, когда-то пронизанной потоками электрическихъ лучей и волнъ...

Послѣ довольно длительнаго путешествія въ трамваѣ, Франке добрался до Луизенштадта, вышелъ на площади передъ огромнымъ, безвкуснымъ зданіемъ Орфеума, гдѣ на этотъ вечеръ назначено большое партійное собраніе.

Площадь такая людная въ прошлые года, казалась темною и пустой. Только вереницы людей, бредущихъ большею частью пѣшкомъ—тянулись къ нѣсколькимъ входамъ, ведущимъ внутрь зданія, въ мѣста для зрителей.

Частныхъ автомобилей давно нѣтъ въ столицѣ, также, какъ и безчисленнаго количества таксомоторовъ. Только рѣдкіе вагоны трамвая и еще болѣе рѣдкіе экипажи, влекомые исхудалыми, бракованными, плохо-подкормленными лошадьми,—доставляли сюда рабочую публику и депутатовъ Ландтага, Рейхстага... Кой-кого изъ «Палаты Господъ», кто, слѣдуя духу времени, рѣшилъ, что настала пора вспомнить и о народныхъ страданіяхъ, прислушаться къ голосу общественныхъ низовъ, могучихъ по своей численности и по значенію въ странѣ.

Боковымъ входомъ проникнувъ на сцену, обращенную въ эстраду для Президіума, Франке направился въ тотъ уголъ, гдѣ маячила сухощавая фигура фонъ-Лаунера, вблизи кулисъ толкующаго съ нѣсколькими, наиболѣе вліятельными депутатами лѣваго крыла Парламента.

— А, дитя мое! Явился... Радъ, радъ!—здоровою рукой крѣпко пожимая руку Франке, привѣтствовалъ его Лаунеръ, тоже недавно лишь вернувшійся изъ своей поѣздки на Востокъ.—Знакомы? Отлично. Мы, вотъ, бесѣдуемъ о порядкѣ завтрашняго дня. Все, какъ будто, готово... По крайней мѣрѣ, на счетъ военныхъ силъ могу сказать утвердительно. Почти весь гарнизонъ столицы за насъ! А, вотъ, какъ здѣсь? Ваши, гражданскіе легіоны? Наши уважаемые,—вотъ,—говорятъ, что народъ хорошо подготовленъ... Всѣ распоряженія сдѣланы... Вы что скажете, Юліусъ?

— Фабричные раіоны объединились сполна. Есть и оружіе... даже—пулеметы, если придется прибѣгнуть къ послѣднимъ средствамъ... Не говоря о скорострѣльныхъ магазинкахъ и тому подобныхъ подробностяхъ... А... Скоро ли начнется, засѣданіе? Народу еще немного. Залъ далеко не полонъ..

— Весьма понятно, мой другъ! Это—не старые времена, когда десятки способовъ передвиженія были къ услугамъ добрыхъ берлинцевъ. Подождемъ. А что еще вы хотите спросить? И словно не рѣшаетесь... Говорите, дитя мое.

— Увѣрены ли вы, что... о н ъ будетъ завтра у себя во дворцѣ, здѣсь, въ Берлинѣ. Конечно, его уже предупредили... И наше нынѣшнее собраніе, конечно, станетъ ему извѣстно... Что, если онъ остережется?..

— И это не бѣда!.. Тогда наши всѣ завтрашнія приготовленія явятся чѣмъ-то вродѣ генеральной репетиціи... Не даромъ же собрались мы въ зданіи... Орфеума...

— Вы шутите... въ такія минуты!

— Не вижу основаній печалиться, мой другъ. Успокойтесь! Почти съ математическою точностью, исключая, конечно, внезапную смерть, либо помѣшательство... Землетрясеніе или потопъ отъ грязныхъ водъ Шпрее, хлынувшихъ вонъ изъ своихъ гранитныхъ береговъ... Словомъ, съ приближеніемъ къ и к с у въ энной степени,—могу сказать: о н ъ будетъ завтра въ Берлинѣ... во дворцѣ... Въ обычное время, послѣ церковной службы покажется и произнесетъ одну изъ своихъ обычныхъ рѣчей. Хотя послѣ операціи голосъ у нашего «геніальнаго»—очень осѣлъ. Но онъ надѣется, что его добрые, вѣрноподданные берлинцы сумѣютъ такъ вытянуть свои длинныя уши, что ни одно словечко кайзера не про-

падетъ ни для нихъ, ни для потомства! А придворный «операторъ», по обыкновенію, отпечатлѣетъ на фильмѣ и оратора, и толпу, «потрясенную и полную восторга, обожанія къ своему монарху»... Ха-ха-ха!..

— Не смѣйтесь, фонъ-Лаунеръ! Дрожь пробираетъ меня ужъ и теперь... Но откуда вы знаете? Почему такъ увѣрены? О чемъ станетъ онъ говорить послѣ недавнихъ, отвратительныхъ сценъ, какія произошли въ Іюнѣ передъ его окнами, на той же самой площади дворцовой?.. Не понимаю, Лаунеръ!

— О! Рѣчь пойдетъ о великомъ событіи... О—«послѣднемъ»... военномъ займѣ. Да, да. Не удивляйтесь! Будетъ объявлено, что Рига наша, какъ Верденъ... какъ и Двинскъ. И, даже...

— Это вѣрно, докторъ?!

— Конечно, вздоръ! Но... онъ надѣется, что берлинцы и на этотъ разъ ему повѣрятъ. Онъ сообщитъ, что Петроградъ, обложенный нашими войсками, наканунѣ сдачи... Что въ Москвѣ—власть въ рукахъ Народнаго Правленія... И надѣется, что довѣрчивые берлинцы, а за ними—остальные нѣмцы австрійцы, и венгры, и другіе союзники—успѣютъ отсыпать не одну сотню милліоновъ марокъ въ дырявые сундуки его военнаго казначейства, раньше, чѣмъ правда выйдетъ наружу. А это—все, что ему и требовалось доказать! Вы еще мнѣ задали вопросъ: отъ кого идутъ такія вѣрныя свѣдѣнія? Отъ самого сына и наслѣдника!

— Отъ кронпринца? Я просто пораженъ!

— Какъ не трудно еще васъ поразить, мой юный другъ! Или забыта вами семейная черта Гогенцоллерновъ: вѣчная и неизбѣжная распря, глубокій разладъ между каждымъ царствующимъ папашей и его нетерпѣливымъ наслѣдникомъ? Эта милая, семейная черта не миновала и теперешнихъ нашихъ, благополучно и неблагополучно властвующихъ землею... А люди умные успѣли внушить ограниченному, развинченному принцу, что онъ одинъ можетъ спасти для династіи корону и власть, если пойдетъ навстрѣчу самымъ завѣтнымъ желаніямъ народа... Если какъ можно скорѣе дастъ Германіи миръ! Отреченіе больного старика-отца вещь самая нетрудная, какъ полагаетъ его достойный наслѣдникъ... И онъ работаетъ... на пользу общему дѣлу, какъ слѣпой оселъ, таскающій мѣшки на мельницу... но—получающій одинъ чертополохъ въ награду...

— Отрадно слышать, докторъ! Если сильнѣйшіе враги народа сами для себя роютъ яму, полагая толкнуть туда другихъ?! О, я готовъ трижды благословлять имя... тѣхъ... умныхъ... людей, которые способны такъ вліять на слабоумнаго принца. Но—тотъ?.. Другой?.. Неужели, онъ такъ и не опасается ничего? Доносятъ же ему о народномъ подъемѣ... обо всемъ, что творится даже въ войскахъ?.. Что же онъ?

— Смѣется!.. Криво улыбается своими, посинѣлыми теперь, безкровными губами... Ему самому успѣли доказать, что войска останутся вѣрны до конца. Что всѣ толки о военномъ переворотѣ подняли вы... лѣвые демагоги, желая запугать власть, противъ воли вырвать у нея кой-какія поблажки для массъ, если не успѣете принудить кайзера къ немедленному заключенію мира... Не забывайте: голосъ народа доходитъ къ нему только черезъ уста продажныхъ, глупыхъ, себялюбивыхъ лакеевъ власти, неспособныхъ думать ни о чемъ, кромѣ своихъ мелкихъ выгодъ и нуждъ. Или—онъ узнаетъ «истину» отъ людей, которые дѣлаютъ видъ, что служатъ насильнику; а работаютъ на пользу народа. Такова участь всѣхъ тирановъ. И, какъ это ни странно, за себя онъ нисколько не боится. Еще вчера онъ сказалъ со своимъ обычнымъ цинизмомъ и наглостью:—«Я не пугался и могучей Германіи, богатой, владѣющей полуміромъ! Мнѣ ли бояться теперь обнищалой, жалкой страны,—когда въ ней не осталось почти здоровыхъ, сильныхъ мужчинъ... Нѣтъ хлѣба, чтобы питаться до сыта... А пушки и ружья—всѣ у моихъ солдатъ въ рукахъ!..» Вотъ какъ думаетъ онъ. — Наглецъ... Regeat!—вырвалось только у Франке. До боли крѣпко стиснувъ руку пріятелю, онъ съ нимъ вмѣстѣ двинулся къ столу, гдѣ собрались уже почти всѣ руководители предстоящаго собранія.

Здѣсь Франке занялъ мѣсто на концѣ стола, рядомъ съ Лайнеромъ, который, не вслушиваясь въ первыя рѣчи общаго характера, принялся что-то вносить въ свою завѣтную записную книжку.

Окинувъ взглядомъ плохо-освѣщенный, набитый теперь сверху до низу людьми, обширный зрительный залъ,—Франке перевелъ глаза на тѣхъ, кто сидѣлъ съ нимъ вмѣстѣ за длиннымъ столомъ, накрытымъ театральной, суконной скатертью съ краями, отороченными золотой тяжелой бахромою.

Зналъ онъ здѣсь почти всѣхъ: вокругъ сидѣли ученые, популярные депутаты, адвокаты, врачи и журналисты, артисты, художники, представители финансоваго міра, которымъ ихъ милліоны не мѣшали питать состраданіе къ народу, а сердце, еще не зажирѣлое въ конецъ,—подсказывало, что пора положить предѣлъ общимъ страданіямъ...

Нѣсколько женщинъ писательницъ, художницъ, партійныхъ руководительницъ, сидѣло вмѣстѣ

съ мужчинами. Сѣдая голова предсѣдательницы «Всегерманскаго союза освобожденныхъ женщинъ» со своей мужской прической и суровыми чертами лица—прекрасно сочеталась съ головами посѣдѣлыхъ профессоровъ и даже «гехаймъ-ратовъ», тайныхъ совѣтниковъ короны, пришедшихъ на это тайное, по существу, засѣданіе народныхъ представителей и вождей...

Многіе сидѣли въ военныхъ мундирахъ, которыхъ не успѣли, или—умышленно не пожелали замѣнить штатскимъ сюртукомъ, отправляясь сюда.

Сначала, примѣняясь къ датѣ завтрашняго дня, къ знаменательной годовщинѣ,—ораторы нѣсколько академически толковали о «желательности и неизбѣжности немедленнаго заключенія мира».

— Кромѣ побѣды или пораженія—есть третій путь: разумно столковаться съ нашими теперешними врагами!—таковъ былъ основной смыслъ рѣчей...

Въ это время новыя лица появлялись на сценѣ и занимали пустующія мѣста, оставленныя для опоздавшихъ.

Бритый, сѣдой человѣкъ, похожій скорѣе на пастора для знати, чѣмъ на заядлаго ученаго,—появился изъ глубины кулисъ, со стороны Франке, и медленнымъ, увѣреннымъ шагомъ направился прямо къ свободному мѣсту рядомъ съ фонъ Лаунеромъ.

Узнавъ подходящаго, Франке слегка вздрогнулъ.

— Что это!.. Вѣрить ли глазамъ?—шепнулъ онъ Лаунеру:—Профессоръ Оствальдъ среди насъ, съ нами... на этомъ собраніи?!. Вѣрнѣйшій другъ «стараго порядка»... Лучшій слуга нашего... «геніальнаго» повелителя!.. Не сплю я, докторъ?

— Не удивляйтесь, дружокъ! Бывшіе враги—зачастую являются потомъ нашими лучшими друзьями... полезнѣйшими для насъ, по крайней мѣрѣ... Оствальдъ считаетъ, что имперія Гогенцоллерновъ мало уплатила ему за лакейскія услуги... и—ждетъ прибавокъ отъ... германской республики... Пускай! Одно появленіе здѣсь этого типа служитъ признакомъ... Нѣтъ! Является порукой, что за нами—обезпеченъ полный и скорый успѣхъ.

— Либо—висѣлица, на которую часто приводятъ друзей народа—ихъ ложные друзья. Но—я молчу, подчиняюсь... и—вѣрю чутью нашего мудраго руководителя, какъ вѣрилъ ему до этихъ поръ...

— Не ошибетесь и на этотъ разъ, Юліусъ!.. Позвольте васъ познакомить!—пожимая руку подошедшему Оствальду, проговорилъ фонъ Лаунеръ:—Юліусъ Франке, депутатъ. Нашъ извѣстнѣйшій профессоръ, фонъ Оствальдъ.

— Слышалъ, слышалъ!—со снисходительной любезностью подавая руку, процѣдилъ профессоръ, въ видѣ улыбки оскаливая свою блестящую вставную челюсть. — Слышалъ, какъ же! Юное свѣтило... Оракулъ милліона берлинскихъ пролетаріевъ и... иныхъ товарищей!.. Воскресшій духъ Фердинанда Лассаля... Очень радъ! Особенно хорошо, что «духъ» этотъ не изъ... еврейскаго Гэтто, а съ береговъ нашего Одера. Все-же, родная нѣмецкая кровь. Это пріятнѣе, чѣмъ семитическіе, геніальные отпрыски, привитые къ мощному дубу германизма... плющевидные... и—паразитарные по существу! Таково мое мнѣніе. Не даромъ говорится: «кровь не вода!».

— Раньше это была обычная поговорка... англичанъ, г. профессоръ, которыхъ вы, какъ всѣмъ извѣстно, ненавидите даже сильнѣе, чѣмъ... евреевъ!—раздражительно прозвучалъ отвѣтъ Франке, задѣтаго снисходительнымъ обращеніемъ зубра-профессора. — А наше... новое Евангеліе говоритъ: — «Единою братскою любовью и мыслью, Единымъ разумомъ человѣческимъ да будутъ крещены всѣ народы воедино!..» И на вѣки-вѣковъ!

Тусклымъ взглядомъ изъ подъ очковъ окинулъ его профессоръ, сдѣлалъ кислое лицо и процѣдилъ не сразу сквозь свою вставную челюсть:

— О... да, да...

Затѣмъ недовольно повелъ плечами и совершенно прямо усѣлся на своемъ стулѣ, глядя въ публику передъ собою...

. . . . . .

Очередной докладчикъ изъ Президіума оканчивалъ свою, довольно вялую рѣчь.

Выразивъ глубокое удовлетвореніе и радость при видѣ, какъ объединился цѣлый германскій народъ, приславшій сюда представителей не только отъ разныхъ слоевъ берлинскаго населенія, но и отъ всѣхъ крупнѣйшихъ и мелкихъ центровъ Пруссіи и другихъ союзныхъ государствъ, отъ различныхъ, наиболѣе мощныхъ народныхъ организацій и парламентскихъ партій, затѣмъ онъ помянулъ, конечно, о тѣхъ испытаніяхъ, лишеніяхъ и непосильномъ трудѣ, которые вынуждаютъ народъ по-

думать о своей собственной судьбѣ, не полагаясь на власть, не стоящую на высотѣ, отведенной для нея волею народа.

— Если и раньше были законные поводы къ недовольству,—говорилъ ораторъ:—все-таки, лица, высокостоящіе надъ нами, старались хотя-бы дѣлать видъ, что они раскаиваются въ собственныхъ промахахъ. Смѣнялись неудачныя министерства... мѣнялись политика... И, наконецъ,—были кой-какія и положительныя стороны во всемъ старомъ курсѣ... Денегъ и хлѣба, мяса и пива было много въ странѣ! Теперь—ничего этого нѣтъ! Существуетъ произволъ, военная диктатура... Засилье не одного, а нѣсколькихъ десятковъ людей, въ рукахъ у которыхъ—настоящая сила и власть! Называть ихъ, полагаю, не надо?

— Не надо!.. Не надо!.. Мы знаемъ имена...—гулко прокатилось по всѣмъ ярусамъ, залитымъ живыми цѣпями человѣческихъ головъ, блѣдными лицами, на которыхъ сверкали возбужденные глаза, или лицами, багровыми столько-же отъ духоты, сколько и отъ силы возмущенія, отъ негодованія, сдержанного до поры до времени въ напряженной груди.

— Такимъ образомъ,—продолжалъ ораторъ:—нашъ, скромный вначалѣ по размѣрамъ и замыслу, «Союзъ Обновленнаго Отечества» нынѣ является самой могучей общественной силою въ странѣ... Нѣтъ, даже за предѣлами ея! Потому что, въ числѣ посланцовъ народныхъ мы видимъ и представителей, родственной намъ по крови и духу, имперіи Габсбурговъ, многострадальной не меньше, чѣмъ наша родина. Здѣсь—и уполномоченные ото всего венгерскаго Парламента, делегаты Богеміи, Хорватіи... Словомъ, ото всѣхъ народовъ, населяющихъ богатый еще такъ не давно, трудолюбивый, промышленный центръ Европы, гдѣ сейчасъ разореніе, отчаяніе и нужда—блѣдными призраками въ окровавленныхъ пеленахъ бродятъ день и ночь на всемъ просторѣ, отъ Сѣвернаго моря до береговъ лазурной Адріатики!..

Легкій взрывъ одобренія покрылъ образную рѣчь. А говорящій, передохнувъ, продолжалъ:

— Но... оставимъ жалобы и поэтическіе выпады. Дѣйствительность слишкомъ тяжела и горька, чтобы ее можно было покрывать даже розами и лиліями, какія бросаютъ пережившіе на гробъ дорогихъ усопшихъ людей. Перейду къ языку цыфръ. Онъ суше, но болѣе выразителенъ и понятенъ большинству.

Что дала намъ война до настоящаго дня!? Рядъ Пирровыхъ побѣдъ, оплаченныхъ потерею десятой части мужского населенія цѣлой страны! О чрезмѣрной гибели дѣтей—я даже и не поминаю... Ради этихъ «побѣдъ»—дѣти, жены наши и мы сами должны жить впроголодь, подъ палкою военныхъ фельдфебелей!.. Плохое утѣшеніе при подобныхъ успѣхахъ! Они оплачиваются непомѣрно дорого и деньгами, кромѣ жизней и крови германскаго народа. Каждый день войны намъ, германцамъ,—н а м ъ о д н и м ъ стоитъ до 60-ти милліоновъ марокъ. То есть, каждый обитатель страны, безъ различія пола, возраста,—несетъ ежедневную дань по одной маркѣ. На семью изъ трехъ лицъ это дастъ 1095 марокъ въ годъ, если онъ не високосный!.. И кто-то бросаетъ цѣлыя горы народнаго золота, добытаго такимъ трудомъ, швыряетъ его въ пасть новому Молоху, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ старыя чудовища, чтимыя народами, еще не знавшими нашей высокой культуры; когда міръ не зналъ свѣтлыхъ, священныхъ завѣтовъ Спасителя-Христа! Можно ли дольше терпѣть этотъ ужасъ?

— Нѣтъ!.. Нѣтъ!—прокатилось по залу еще сдержанно, но много сильнѣе уже, чѣмъ звучалъ первый откликъ.

— Конечно, нѣтъ! Мы потеряли власть надъ лучшими уголками земли. За то пріобрѣли сомнительную выгоду и честь: быть въ тѣсномъ союзѣ съ болгарскимъ царькомъ и съ вѣковымъ гонителемъ христіанства, съ исконнымъ врагомъ Европы, съ турецкимъ султаномъ, почти изгнаннымъ изъ его европейскихъ земель тѣми-же болгарами и сербами... Этихъ самыхъ сербовъ, христіанъ, европейцевъ, близкимъ намъ по всему,—мы разгромили... во имя какихъ-то темныхъ цѣлей!.. И, наконецъ, нашими союзниками объявились даже разбойничьи главари персидскихъ шаекъ въ какомъ-то Хамаданѣ, предавшіе насъ еще до стычки съ врагомъ...

Блестящія дипломатическія побѣды!.. Особенно, если вспомнимъ, что могучая, богатая Америка, безшумно и напряженно готовящая новый флотъ, создающая сухопутную армію,—теперь открыто выражаетъ вражду не только къ зачинщикамъ міровой распри, но—и ко всей Германіи... А мы вѣдь помнимъ тѣсную дружбу, которая еще такъ недавно соединяла насъ и заатлантическую республику. Мы вѣдь знаемъ, что если — О т ц о м ъ Новаго Свѣта можно назвать Британскій народъ,—то Германія по праву считалась—М а т е р ь ю этой страны, которой отдавала свои лучшія силы въ лицѣ милліоновъ переселенцевъ, въ теченіе десятковъ лѣтъ!.. И теперь все пошло на смарку! Но... и это не самое главное. Если бы намъ не было такъ тяжело,—все можно было бы простить тѣмъ, кто довелъ

до разоренія бѣдную родину... Второй вопросъ: отчего намъ тяжело? Отъ одной-ли войны, которую ведемъ мы извнѣ почти съ цѣлымъ міромъ? Нѣтъ!..

— Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Свои есть, внутренніе враги... Предатели... грабители!—пронеслось бурею по залѣ.

— Да. О нихъ я и думалъ. Снова пусть говоритъ языкъ цифръ. У меня въ рукахъ любопытный перечень: только за первые два года войны—кому и какія выгоды принесла эта нестерпимая страда, несомая стомилліонными полчищами людей? Скажу сперва о нашей родинѣ, о Германіи. Коснусь наиболѣе жгучаго вопроса: хлѣба насущнаго, о которомъ ежедневно мы молимъ Провидѣніе и такъ часто неполучаемъ его теперь... За первые два года на одномъ хлѣбѣ, какъ мы называемъ клейкую смѣсь, плохо выпеченную изъ картофеля и еще чего-то... за этотъ «военный хлѣбъ» народъ нашъ переплатилъ свыше двухъ милліардовъ противъ прежнихъ цѣнъ. Два милліарда за плохой, непитательный хлѣбъ,—они ушли въ карманы поставщикамъ муки, бездушнымъ дѣльцамъ, создающимъ свои богатства изъ крови нѣмецкаго народа! Еще милліардъ переплаченъ скупщикамъ зерна всякаго рода... И около четырехъ милліардовъ, лишнихъ совершенно,—заработали скромные мельники, румяные булочники наши тогда, какъ мы худѣемъ и тощаемъ, граждане!

Несмотря на серьезное, повышенное настроеніе слушателей, легкій смѣхъ прозвучалъ кругомъ, но сейчасъ-же умолкъ.

— Да! Такова дѣйствительность! Въ итогѣ—получается грозная сумма въ семь милліардовъ марокъ, переплаченныхъ бѣдняками въ кассы обиралъ и кулаковъ... Не меньше ушло изъ кармана народовъ, населяющихъ Австро-Венгрію... Гдѣ-же эти излишки? Они ушли не на покупку орудій и снарядовъ, не на борьбу съ одолѣвающимъ насъ врагомъ! Они—украдены у народа! И должны быть возвращены по принадлежности!

— Да!.. Да!..—прокатился отзывный гулъ, какъ дальній громъ.

— Теперь—мясо... Еще четыре милліарда лишнихъ переплачено нами своимъ и чужимъ мародерамъ, грабителямъ,—за жалкіе куски тощаго мяса, изрѣдка лишь попадающаго въ желудки, отягченные вязкимъ картофельнымъ «хлѣбомъ войны»!.. Если сюда-же приложить новые четыре милліарда, украденные у потребителей-союзниковъ нашихъ,—цѣлыхъ восемь милліардовъ еще ложится на кости этого небывалаго счета! Да прежнихъ 14-ть... Получимъ 22 милліарда переплаты мошенникамъ и ворамъ! Но... это еще не все...

— Картофель!. Картофель!.. «Ка-ка-хлѣбъ»!.. Проклятый, горькій «хлѣбъ войны» изъ картофеля!.. Что онъ взялъ?—посыпались вопросы отовсюду.—Это-же интересно!..

— Да, картофель, больше всего идущій на нашъ знаменитый «ка-ка-хлѣбъ»... благодаря которому мы стали посмѣшищемъ цѣлаго міра! А наши дѣти отъ него блѣднѣютъ и чахнутъ, мрутъ, какъ отъ повѣтрія... Производители этого картофеля, милые поселяне—загребли лишнихъ милліардъ марокъ. А шайка перекупщиковъ сумѣла выжать еще столько же лишку изъ тощихъ кармановъ нищеты, которая теперь питается однимъ картофелемъ, да и то—впроголодь!.. Словомъ, только за два года—до 30-ти милліардовъ лишку украдено у народа въ обѣихъ союзныхъ имперіяхъ! Если же взять все остальное! Желѣзо, ткани... полотно, шерсть... Сотни милліардовъ излишнихъ высасываютъ пьявки-торгаши изъ страны... И эти милліарды,—они текутъ не изъ кошельковъ, нѣтъ!—прямо изъ жилъ нѣмецкаго народа!.. И этому—пора положить конецъ.

— Конецъ!.. Конецъ!—грозно рокотала теперь громада слушателей...

На эстрадѣ показался блѣдный, истомленный рабочій, еще не старый, одѣтый просто, но чисто.

— Прошу слова!—заявилъ онъ.—Я посланъ отъ полумилліона рабочихъ Берлина... Отъ тѣхъ, кому повезло, кто теряетъ силы, напряженно готовя новыя средства для истребленія себѣ подобныхъ! И отъ тѣхъ, которыхъ истребляетъ голодъ и нужда, потому что на военныхъ заводахъ руки ихъ оказались лишними... А фабрики и промышленные заводы закрываются день ото дня за недостаткомъ топлива, сырья и сбыта. Германія—окружена отовсюду... Она задыхается!.. И первые это чувствуемъ мы, руки и легкіе страны!.. Дѣло, я думаю, не въ цифрахъ, не въ милліардахъ марокъ, не въ томъ, сколько переплачено нами кому-то?.. Мы были очень бѣднымъ народомъ. И въ полстолѣтія успѣли стать самымъ богатымъ и промышленнымъ. И снова обнищали за эти короткіе, сравнительно, годы войны!.. Все сожжено, что копилось полъ-вѣка, хотя, какъ здѣсь сказано: милліарды народныхъ денегъ, они не ушли за рубежъ, они остаются у тѣхъ, кто затѣялъ эту неслыханную бойню,—именно, въ расчетѣ на поживу... если не отъ враговъ, то отъ собственнаго народа, несущаго послѣдній геллеръ за право дышать воздухомъ и глодать корку горькаго, военнаго хлѣба! И, я хочу сказать, дѣло въ томъ, что лучшая кровь народа льется на боевыхъ поляхъ. И гніетъ душа и тѣло наше здѣсь... въ полуголодѣ»

въ нищетѣ!.. Среди вѣчной тьмы взаимнаго озлобленія и вражды къ тѣмъ, кто ополчился противъ Германіи, благодаря безумнымъ замысламъ и дикому вызову со стороны людей, имѣющихъ верховную власть!.. Къ чему слова и цифры, даже—самыя ошеломляющія? Мы бы готовы и дальше голодать, видѣть гаснущими нашихъ дѣтей и женъ... Слышать о потерѣ милліоновъ жизней, лучшей силы народа... Мы все перенесли бы... все бы простили, будь малѣйшая надежда на успѣхъ! Если бы у насъ еще хватало силы!.. Но—силъ больше нѣтъ! И народъ нѣмецкій, бросая свой голосъ на вѣсы войны,—говоритъ: больше терпѣть онъ не можетъ! И зоветъ къ отвѣту тѣхъ, кто затѣялъ бойню, кто на гибель ведетъ страну!.. Презрѣніе имъ и позоръ!

— Презрѣніе!.. Позоръ!—прокатилось гулко по залѣ.

— И—возмездіе тѣмъ, кто изъ личныхъ выгодъ, оберегая себя и свои интересы,—длитъ безнадежную борьбу! Месть и возмездіе имъ!..

— Возмездіе и месть!.. Возмездіе!..

— И пора къ дѣлу. Я, какъ и мои товарищи,—не знаемъ: что можетъ принести разсвѣтъ грядущаго дня? Надо ко всему быть готовымъ. Надо практически рѣшить вопросы первой важности: что дѣлать сейчасъ? Кому вести за собою великую народную волну, если она подымется, все руша сокрушая на пути? Предвидѣть надо худшее... и потому—обсудимъ это. Затѣмъ, если бы совершился переворотъ, о которомъ думаемъ не только мы... Вотъ я вижу здѣсь—посланцы всѣхъ государствъ, входящихъ въ Германскій Имперскій союзъ. Какъ наладится тогда машина государственнаго управленія? Въ минуты стихійной тревоги и борьбы, которыми грозитъ наступающій день,—тогда трудно будетъ думать обо всемъ. Подумаемъ же заранѣе... на всякій случай! Это—наше право... если бы даже мы не принимали участіе въ томъ обвалѣ, который близокъ... рокотъ котораго проникаетъ и въ бѣдныя лачуги, какъ и во дворцы князей крови и «королей золота»... Вотъ... Я сказалъ!..

Гулъ одобренія покрылъ нервную, порывистую рѣчь депутата.

Поднялся предсѣдатель.

— Конечно, не предвосхищая событій, мы вправѣ академически обсудить этотъ вопросъ. Одно имя намѣчается въ различныхъ, наиболѣе вліятельныхъ кругахъ народа, какъ имя будущаго главы Новой, преображенной Германіи, получившей уже и свое новое имя: «Федераціи Соединенныхъ Штатовъ Средней Европы»... Лицо, о которомъ я говорю,—соединяетъ въ себѣ и расу прежнихъ повелителей земли... и симпатіи демократическихъ слоевъ Германіи. Это—король Баварскій!..

— Да здравствуетъ... будущій президентъ Штатовъ Центральной Европы!—прогремѣлъ кличъ, никогда не слыханный раньше не только въ этихъ стѣнахъ, но и подъ самымъ небомъ прусскаго королевства, гнѣзда насилія и гордыни человѣческой...

— Затѣмъ, нуженъ дѣловой руководитель... который впослѣдствіе можетъ войти однимъ изъ главныхъ членовъ въ составъ новаго Правительства... Общій голосъ говоритъ о томъ, кто сумѣлъ въ короткое время создать силу, какую чувствуемъ мы въ нашемъ Союзѣ, господа... Общій этотъ голосъ называетъ... Геца фонъ-Лаунера!—выдержавъ легкую паузу, сильно закончилъ Предсѣдатель, указывая на того, чье имя вознесъ сейчасъ такъ высоко.

Взрывъ апплодисментовъ, крики одобренія показали, что публика заранѣе ожидала услышать именно это имя.

Взрывъ апплодисментовъ, крики одобренія показали, что публика заранѣе ожидала услышать именно это имя.

Не успѣлъ еще подняться и попросить слова фонъ-Лаунеръ, какъ зазвучалъ скрипучій голосъ Оствальда.

— Прошу слова... къ порядку дня...

И сразу, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:

— Первый спѣшу принести поздравленія избраннику народному на столь высокій, важный и отвѣтственный постъ. Но полагаю: врядъ ли можно въ столь многолюдномъ и, главное, смѣшанномъ собраніи подымать вопросы столь большой важности, не предупредивъ, не огласивъ заранѣе списки кандидатовъ?

— Что за околичности?!—Педантизмъ!.. Сухой формализмъ!—зазвучали отовсюду голоса.

Но, по знаку Предсѣдателя, они смолкли, и Оствальдъ продолжалъ:

— Я говорю не о формальной сторонѣ. Насъ—много. Мы, дѣйствительно, являемся, какъ бы представительнымъ органомъ народовъ, населяющихъ обѣ нѣмецкія имперіи съ Венгріей заодно... Но... все же могутъ потомъ возникнуть нареканія, что мы поторопились... не спросили полномочій въ дѣлѣ выбора будущихъ вершителей нашей судьбы... Не спорю: лучшаго выбора сдѣлать было

нельзя! Кому и занять такой важный постъ, какъ не романисту, историческому писателю, умѣвшему въ цѣломъ рядѣ превосходныхъ книгъ—подвергнуть жесточайшей критикѣ старыхъ и новыхъ владыкъ міра, разгромить всѣ существующія системы управленія людьми!.. И эта критика являлась тѣмъ болѣе разрушительной, что она проводилась повсюду мягко, осторожно, въ художественной литературной формѣ, прикрывающей личные взгляды, убѣжденія, достоинства и недостатки даровитаго автора... А это—очень цѣнно, когда онъ самъ появится на подмосткахъ жизни въ качествѣ крупнаго государственнаго дѣльца, т.-е.—дѣятеля, хотѣлъ я сказать! Конечно, при старомъ режимѣ, помимо собственной воли, глубоко уважаемому подполковнику, доктору фонъ-Лаунеру приходилось занимать мѣста и въ войскахъ... и въ гражданскомъ вѣдомствѣ... вплоть до... Тайнаго Освѣдомительнаго Бюро, подчиненнаго самому императору. А теперь, когда дѣла могутъ пойти совсѣмъ иначе... Кому же быть вершителемъ судьбы всей страны, какъ не?..

— Ха-ха-ха!..

Громкій смѣхъ и—совершенно неумѣстный, казалось бы, въ такую минуту, въ этомъ собраніи,—прозвучалъ оттуда, гдѣ сидѣлъ фонъ-Лаунеръ.

Этотъ смѣхъ предупредилъ шумный взрывъ негодованія, которымъ готовы были разразиться слушатели въ отвѣтъ на ядовитые намеки и клеветы, на рѣчь завистника, сплетенную изъ яда и желчи...

Взоры, обращенные раньше на Оствальда, перенеслись на Геца. Ропотъ удивленія прокатился по залу. Публика ждала отвѣта со стороны любимаго вождя своего; но смѣхъ—былъ не тѣмъ отвѣтомъ, какого, по общему мнѣнію, заслуживалъ продажный честолюбецъ-профессоръ.

И фонъ-Лаунеръ, сразу оборвавъ свой смѣхъ, громко, серьезно заговорилъ:

— Прошу извиненія за свою невольную веселость!.. И за то, что прерываю оратора. Профессоръ, не трудитесь напрасно болѣе! Я искренно и разъ навсегда отказываюсь отъ этой, какъ и отъ всякихъ другихъ почетныхъ должностей и назначеній. Не мое это дѣло: засѣдать... вершить... судить да рядить о томъ, чего и самъ не знаешь порядкомъ порою... Въ чемъ послѣ приходится раскаиваться и всенародно являться... на искупленіе... въ Каноссу!..

Уколъ былъ понятъ всѣми и сразу улыбки самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ расцвѣли на лицахъ у слушателей.

А фонъ-Лаунеръ продолжалъ:

— Чтобы васъ убѣдить, что я не лукавлю... Вѣдь лукавство—первая добродѣтель государственныхъ людей, не такъ ли, профессоръ? Вотъ чтобы васъ окончательно... успокоить,—я назову своего кандидата... Господа уполномоченные германскаго народа и народовъ Австро-Венгріи! Предлагаю для высокаго поста вице-Президента будущихъ Соединенныхъ Штатовъ Европы—штатнаго профессора, тайнаго... совѣтника и кавалера, домовладѣльца столицы, ратмана, члена рейхстага, доктора медицины, Вильгельма фонъ-Оствальда!

Общій оглушающій хохотъ послужилъ отвѣтомъ.

Съ перекошеннымъ лицомъ, съ дрожащими руками сбѣжалъ Оствальдъ съ кафедры и быстро исчезъ въ тѣни кулисъ...

— «Оствальдъ демонстративно покинулъ собраніе!»—шутливо кинулъ фразу изъ репортерской замѣтки кто-то изъ журналистовъ, сидящихъ въ президіумѣ.

— «Писать статью-доносъ въ офиціальной «Крестовой Газетѣ» объ опасности, угрожающей отечеству отъ новаго Катилины!»—подхватилъ другой.—Оглашенъ будетъ часъ и мѣсто «незаконнаго сборища»... и всѣ «преступныя резолюціи», принятыя на немъ самозванными представителями германской націи и другихъ!..»

— Не успѣетъ!—успокоилъ всѣхъ Предсѣдатель, замѣчая, что шутка встревожила большинство публики. Завтра,—надѣемся, явятся уже другія газеты... И офиціальныя... и офиціозныя! А теперь—приступимъ къ дѣловой сторонѣ вопроса... Къ подробному обсужденію программы завтрашняго дня... если бы даже и разразились событія... которыхъ мы опасаемся... но—отвратить которыхъ будемъ не въ силахъ! Надо намѣтить по округамъ и по участкамъ—руководителей народныхъ силъ. Въ домахъ, близкихъ къ мѣстамъ, гдѣ могутъ произойти сборища,—во всѣхъ концахъ столицы будутъ установлены дежурства у телефоновъ для пріема и отдачи распоряженій и лозунговъ, для предупрежденія объ опасности, какая можетъ явиться со стороны... темныхъ силъ, полиціи... или другихъ... За работу, господа! Вотъ перечень того, что намѣчено Временнымъ Комитетомъ, которому поручено было собрать насъ сюда... Ознакомьтесь... и прошу желающихъ высказаться... Или—внести свои новыя предложенія...

Доставъ пачку свѣже-отпечатанныхъ листовъ съ подробнымъ наставленіемъ относительно пред-

стоящихъ на завтра дѣйствій, Предсѣдатель роздалъ листки всѣмъ, сидящимъ за столомъ и ютящимся кругомъ, на подмосткахъ, гдѣ только было мѣсто.

Десятки молодыхъ людей съ грудами такихъ же листковъ сновали уже по всѣмъ ярусамъ зрительнаго зала, который продолжалъ наполняться все больше и больше...

Рѣшающій день, 1-го августа, новаго стиля, насталъ.

Несмотря на предупрежденія съ разныхъ сторонъ, Вильгельмъ, упорный и неоглядчивый порою, какъ истерическая женщина,—не отмѣнилъ своего появленія въ Берлинѣ и сказалъ рѣчь, какъ предполагалось давно.

Народъ былъ допущенъ, конечно, на площадь передъ дворцомъ. Только патрули, обычно нарушающіе тяжелыми шагами спокойствіе затихшихъ улицъ столицы, были значительно усилены на этотъ разъ. Въ глубинѣ многихъ дворовъ, сосѣднихъ со дворцомъ,—черезъ широко распахнутыя ворота прохожіе могли видѣть отряды пѣхоты и конницы. Какъ будто случайно, бывшія на утреннемъ разводѣ, легкія батареи—медлили вернуться въ свои казармы.

Сперва казалось, что эти всѣ чрезвычайныя мѣры приняты были безъ достаточныхъ основаній.

Появленіе коронованнаго говоруна было встрѣчено кликами привѣта, не очень дружными, правда... Зато—голоса агентовъ охраны среди толпы — громко выкликали свое наемное:—«Hoch!»,—каждый—за пятерыхъ.

Какъ и постоянно въ послѣднее время,—въ толпѣ преобладали женщины и дѣти...

Сильно одряхлѣлый, совершенно постарѣвшій, тихо заговорилъ Вильгельмъ.

Порадовавъ свой «вѣрный» народъ вѣстями о новыхъ колоссальныхъ» побѣдахъ на Западномъ, Южномъ и, особенно,—на Восточномъ фронтѣ,—сообщивъ, что терпѣніе сѣверной группы нейтральныхъ державъ истощилось и онѣ готовы бросить свои тяжелые мечи на вѣсы войны... въ пользу Германіи, конечно,—противъ дикихъ московскихъ ордъ,—кайзеръ, однако, рѣшительно заявилъ, что время заключенія мира очень-очень близко.

— Одно послѣднее усиліе! Нѣсколько тоннъ нѣмецкаго золота... послѣднія капли нѣмецкой крови... Мощный, рѣшающій натискъ героической, всему міру вѣдомой, нѣмецкой доблести!.. И снова счастіе мира воцарится на всей землѣ, на долготу безконечныхъ дней! А черезъ нѣсколько лѣтъ обычной, покойной работы—всѣ раны будутъ исцѣлены. Прежній достатокъ воцарится въ каждой семьѣ, населяющей земли Германскія... Еще большій почетъ встрѣтитъ повсюду родина, а не только тамъ, гдѣ побѣжденные, раздавленные враги—будутъ почтительно сгибать чело передъ однимъ именемъ побѣдоноснаго тевтона!..

Глубокое молчаніе народа на площади явилось сначала отвѣтомъ державному фантазеру-болтуну на балконѣ дворца.

Но вдругъ изъ сотни тысячъ грудей, особенно женскихъ и дѣтскихъ, вырвался дружный, потрясающій кликъ:

— Мира!.. Немедленно мира!.. Довольно мученій и жертвъ!

— Довольно крови! Мира хотимъ мы, кровавый кайзеръ!..

Мгновенно не стало на балконѣ ни Вильгельма, ни блестящей свиты, окружающей его.

А стѣны шуцмановъ, ряды солдатъ съ наеженными штыками—стали оттѣснять толпы народа подальше отъ дворца, стараясь направить потокъ живыхъ тѣлъ въ сосѣднія улицы.

Громада людская не поддавалась, росла все больше, словно подымаясь изъ земли... Теперь уже не сто, больше трехсотъ тысячъ народу кипѣло, какъ море, вокругъ дворца. За женщинами и дѣтьми, образующими первые ряды,—безконечною цѣпью тянулись ряды какихъ-то калѣкъ, безногихъ, безрукихъ, съ лицами, носящими еще незажившіе шрамы отъ ударовъ стали и свинцу!.. Какъ будто «отработанный матеріалъ» войны, инвалиды всѣхъ минувшихъ боевъ, особыми поѣздами со всѣхъ концовъ Германіи собрались нынче сюда привѣтствовать своего жестокаго владыку!..

Дальше еще тѣснились, темнѣли и пестрѣли ряды горожанъ, незнающихъ: что имъ теперь начать? Просить защиты у начальства, или слиться съ темными, словно построенными побатальонно, рядами рабочихъ, молчаливыхъ пока... Но самое молчаніе это казалось зловѣщимъ...

А еще глубже, изъ казармъ, расположенныхъ за Университетомъ, на лѣвомъ берегу Шпрее, даже изъ дальнихъ концовъ столицы,—отовсюду наплывали кучки солдатъ. Они тоже, какъ будто не знали: что имъ придется сейчасъ дѣлать, вмѣсто того, чтобы весело погулять, пользуясь днемъ сверхурочнаго отпуска?..

Что ни мигъ,—какъ темные валы, отовсюду накатывались новыя громады людей, которые цѣ-

лое утро собирались толпами въ разныхъ мѣстахъ, устраивая летучія сходки для обсужденія одного и того же жгучаго вопроса: когда же настанетъ конецъ ненавистной войны? Когда пробьетъ часъ мира для измученной страны?

На самой площади и по ея сторонамъ, куда шуцманы и войска оттѣснили народъ,—тамъ тоже составился рядъ сборищъ, митинговъ. Ораторы старались подогрѣть, или успокоить толпу, смотря по тому: кто говорилъ? Делегаты народа, или наемные говоруны, подосланные въ гущу народную, чтобы отклонить, по возможности, ожидаемый взрывъ...

Свыше трехсотъ тысячъ народу прихлынуло сюда съ разныхъ сторонъ. И не только у памятника Фридриху Великому,—вокругъ обширной громады дворцовыхъ зданій и построекъ кишѣли возбужденныя толпы. Отъ почтамта, со стороны конюшенъ и гаражей, справа, отъ зданія оперы, дальше, къ Собору, къ музею, по берегамъ рѣки и на мостахъ, пересѣкающихъ ее, повсюду нельзя было ни проѣхать, ни пройти отъ скопившихся народныхъ массъ.

У заднихъ выходовъ изъ дворца, у всѣхъ воротъ и подъѣздовъ, кромѣ шуцмановъ и усиленной военной стражи,—какъ-то незамѣтно скопились и застыли правильные ряды рабочей молодежи, словно стоящей здѣсь на стражѣ, выжидающей чего-то...

— Пусть выйдетъ снова кайзеръ!.. Пусть выслушаетъ волю народа!—съ разныхъ концовъ одно и тоже рокотали народныя волны.

— Делегацію выбрать! Она передастъ кайзеру, что народъ желаетъ его видѣть!—Хотимъ сказать ему наше послѣднее рѣшеніе и услышать прямой отвѣтъ!..

Послы были выбраны.. Кое-какъ впустили ихъ во дворецъ, но очень скоро они вернулись оттуда, негодующіе, взволнованные до глубины души.

— Намъ приказано передать народу, что съ бунтующими толпами, со всякимъ сбродомъ императоръ не желаетъ вступать въ переговоры. И если по третьему сигналу рожка вы не начнете расходиться... Съ вами заговорятъ пулеметы и пушки! Васъ образумятъ выстрѣлы ружей, удары штыковъ. Такъ велѣно намъ передать тѣмъ, отъ кого мы были послами... Вамъ, граждане! Вамъ, представители германскаго народа!.. Вамъ, делегаты союзныхъ государствъ!

— Пулеметы... пушки?!. Стрѣлять въ громаду людей... Въ толпу изъ полумилліона живыхъ существъ!?. Это звѣрство!—звучали взволнованные, напряженные голоса.

— Звѣрь онъ, на самомъ дѣлѣ, что ли?! Это только угрозы!—Не звѣрь же онъ!—убѣждали другіе.

— Звѣрь!.. Звѣрь!..—вдругъ прорѣзалъ общій гулъ чей-то рѣзкій, женскій голосъ.

И, словно въ отвѣтъ, раскрылись ворота, ведущія во дворъ замка. Появился отрядъ кавалеріи съ саблями наголо... Рядъ пулеметовъ и пушекъ блестѣлъ подъ лучами солнца въ глубинѣ двора...

— А если бы и такъ!.. Если бы и звѣрь?!—сильно поднялъ голосъ фонъ-Лаунеръ, стоя посреди другихъ вожаковъ движенія на высокихъ ступеняхъ Собора, выдѣляясь надъ самою густою толпой, собравшейся здѣсь. — Если бы даже и звѣрь изъ бездны онъ былъ? Неужели, это васъ удивляетъ, граждане? Вотъ, видите вы: онъ не шутитъ. Слуги его идутъ, готовые рубить беззащитныхъ, защищая величіе нашего отважнаго и мудраго кайзера! Пушки его стоятъ передъ нами, оскаля пасти... Его сыновья—принцы ведутъ на васъ вашихъ же братьевъ и дѣтей!.. Принцъ Оскаръ и другіе. А кронъ-принцъ назначенъ командовать пулеметами, которые будутъ наводить на васъ офицеры гвардіи... Кайзеръ боится, что простые солдаты—не рѣшатся убивать беззащитныхъ людей, собственныхъ женъ и матерей, какъ лютыхъ волковъ... И поручилъ эту «грязную» работу цвѣту нашей знати!.. Или—это малая честь для «бунтующаго сброда»,—граждане, дѣти великаго прежде германскаго народа?!.

— Принцы?!. Они рѣшатся?..—пронеслись возмущенные голоса.

— Они рѣшились!—покрылъ всѣхъ снова голосъ Лаунера.—Они—дѣти своего отца. А онъ? Можетъ ли, смѣетъ ли онъ—быть инымъ? Наслѣдье Гогенцоллерновъ собиралось не любовью къ народу, не кротостью. Кровью и желѣзомъ, повелители-хищники, спаяли они свою королевскую и императорскую корону... Изъ крови и слезъ родного народа—ткали пурпуръ своихъ мантій и таларовъ!.. И нашъ кайзеръ—духомъ и тѣломъ Гогенцоллернъ!.. Деспотъ, бездушный, свирѣпый правитель, способный быть безпощаднѣе звѣрей! А его дѣти—е г о дѣти! Что для людей грѣхъ,—для него добродѣтель! Что ужасъ для насъ,—ему забава... Что для простыхъ душъ преступленіе, — для него удачный политическій ходъ, стратегическая система! Зачѣмъ же вы бранитесь? Время не терпитъ. Вамъ грозитъ гибель... Слышите: прозвучала первая труба... Хотя не такъ громко, какъ въ день Послѣдняго Суда—грянетъ въ уши нашему повелителю—труба архангела!.. Покоритесь же лучше и... уходите скорѣе!..

— Нѣтъ!.. Лучше умереть!—какъ изъ одной груди, вырвалось у всѣхъ, стоящихъ кругомъ.

И по всей площади прокатился тотъ же кличъ, какъ вопль отчаянья:

— Лучше умереть!..

И тамъ за мостами, далеко, гдѣ плескались послѣднія волны народнаго прибоя, замеръ такъ же рѣшительнѣ возгласъ:

— Лучше укереть!..

— О!—съ необычайною силою подымая голосъ, подхватилъ Лаунеръ:—если вы полны такою рѣшимостью,—вы будете жить покойно и счастливо!.. Тираны, самые геніальные и могучіе, проходятъ, какъ тѣнь, по землѣ... А народы—остаются... Вы — будете жить! Народъ, сознающій, что—больше терпѣть нельзя,—самъ является вершителемъ своей судьбы. И не повредятъ его кожи, не оцарапаютъ ее ни сталь, ни свинецъ насильниковъ!.. Если не хотите назадъ,—идемте впередъ!..

Онъ двинулся, поднятый на руки толпою, которая хлынула туда, къ окнамъ дворца, къ золоченнымъ его рѣшеткамъ и дверямъ.

Прозвучалъ второй сигналъ. Рѣзко пропѣла труба.

Но никто не дрогнулъ.

Только впередъ протиснулись женщины и дѣти, которымъ дала дорогу эта темная масса живыхъ тѣлъ, сжимаясь до невозможности.

Высокая, красивая женщина, ведущая остальныхъ сестеръ на гибель, заговорила, обращаясь къ солдатамъ:

— Вы—рѣшитесь?!. Будете стрѣлять въ насъ? Въ своихъ женъ, сестеръ и матерей!? Въ своихъ дѣтей!.. Пусть даже собственныя дѣти ваши не въ этой толпѣ... Но вы же знаете: другія руки ихъ поразятъ, какъ вы тутъ собираетесь поразить насъ!..

Безмолвны были блѣдные, смущенные ряды солдатъ... Всадники старались сдержать, отодвинуть назадъ коней, которые могли въ страшной давкѣ и тѣснотѣ ушибить копытами кого-нибудь изъ этой волны женскихъ, дѣтскихъ хрупкихъ тѣлъ, волны, все больше и больше накипающей кругомъ...

Офицеръ, ведущій отряды, старался укрыться сзади, словно его хлестали по щекамъ негодующіе взгляды старухъ и молодыхъ, смѣло стоящихъ передъ остріемъ опущенныхъ штыковъ...

Генералъ, издали командующій войсками, пошептался съ кронъ-принцемъ, который красовался тутъ же на своемъ конѣ, и подалъ знакъ. Ряды пулеметовъ выкатились изъ дворцовыхъ воротъ... Офицеры гвардіи стояли у затворовъ, за щитами.

Женщины не дрогнули... Ряды солдатъ, стоявшіе неподвижно, зашевелились... Они знали что пулеметы, наводимые офицерами, угрожаютъ столько же имъ, въ случаѣ неповиновенія, сколько и бушующей толпѣ...

Третій сигналъ прорѣзалъ воздухъ и замеръ...

Солдаты звякнули ружьями, взявъ на прицѣлъ...

Въ этотъ мигъ ряды женщинъ раздвинулись... Впередъ протиснулись десятки тысячъ инвалидовъ, стоящихъ тутъ же наготовѣ.

Срывая повязки съ полузаживленныхъ ранъ, кидая костыли, падая на землю, когда у нихъ, безногихъ, не стало поддержки,—они живой стѣною выросли между народомъ и дулами ружей и пулеметовъ... И кричали, потрясая руками:

— Мы!.. Мы—на первой очереди теперь!.. Съ насъ начинайте! Мы не уйдемъ!.. хотя бы и хотѣли!.. Мы—калѣки... безсильные... Безногіе, жалкіе!.. Но—мы не хотимъ уйти... хотя бы и могли!.. Добивайте же насъ! Какъ послѣ будутъ васъ добивать ваши братья, когда съ поля битвы вернетесь вы, израненные, искалѣченные во славу нашего Кроваваго Кайзера!.. На пагубу родной землѣ!.. Добивайте!.. Стрѣляйте! убійцы!

И они корчились, ползли по землѣ... хватали за руки солдатъ, рвали у нихъ ружья... Они облѣпили пулеметы, буквально закрывая своими тѣлами гибельныя, черныя глазки, откуда готовъ былъ уже хлынуть дождь свинца, сѣя гибель и смерть...

Ряды солдатъ не выдержали... Дрогнули, смѣшались, отступили назадъ, не думая о пулеметахъ, угрожающихъ имъ самимъ, не слыша новыхъ звуковъ трубы, долетающихъ отъ дворца...

Народъ, скорѣе душой, чѣмъ взорами, уловившій это колебаніе, этотъ невольный отходъ,—ринулся лавиною впередъ братаясь, цѣлуясь съ солдатами, снимая всадниковъ съ коней, отгоняя отъ пулеметовъ франтиковъ лейтенантовъ и поручиковъ, блѣдныхъ теперь, какъ стѣна...

И все тѣснѣе и ближе облегали народныя громады крѣпкія, высокія стѣны великолѣпнаго дворца.

Пулеметы, раньше глядѣвшіе во всѣ стороны своими черными глазками, теперь, словно чудомъ, повернулись, заглядѣвшись зловѣще въ большія зеркальныя окна затихшаго зданія... Офицеры-гвардейцы исчезли.

Люди въ штатскомъ платьѣ—заняли мѣста наводчиковъ. Но было ясно, что это все—бывшіе артиллеристы, хорошо знающіе ремесло.

А вдали, какъ изъ подъ земли,—выкатились еще пушки и пулеметы,—вытащенныя народомъ изъ сосѣднихъ казармъ, изъ частныхъ дворовъ, гдѣ они были укрыты до времени отъ взора властей...

Новый, грозный крикъ прокатился вокругъ дворца:

— Къ отвѣту Кроваваго Кайзера!.. Нарушителя мира!.. Губителя народа!.. Врага родины и своей земли!..

— Вотъ онъ!.. Вотъ онъ!—послышались неожиданно голоса со стороны почтамта.

Простой автомобиль, который, выѣхавъ изъ дворцовыхъ воротъ, пытался проскользнуть ближайшимъ мостомъ на ту сторону рѣки,—былъ задержанъ народною толпою.

Къ нему хлынули люди съ Оперной и Соборной площади... Главари движенія явились и заставили выйти изъ кареты старика, смертельно-блѣднаго, съ трясущеюся головой... Это была тѣнь прежняго Вильгельма... даже того, какимъ видѣли кайзера часъ тому назадъ на балконѣ дворца...

Здоровою рукою онъ вдругъ дернулся... Блеснуло дуло, наведенное на свой же черепъ... Но тутъ же силы измѣнили... Рука упала, пальцы, скрюченные судорогой отчаяннаго порыва, уронили оружіе, которое слабо лязгнуло, падая на раскаленныя камни мостовой.

— Судить его... Здѣсь, немедля!.. Казнить сейчасъ же!—гремѣли озлобленные голоса, женскіе въ особенности...

— Нѣтъ!—рѣшили народные вожди, тѣснымъ кольцомъ окружая раздавленнаго старика:—Нѣтъ!—Его будутъ судить по законамъ Божескимъ и человѣческимъ. Но не здѣсь. Граждане.!. Люди добрые!.. Мы требуемъ отъ васъ повиновенія во имя вашихъ же полномочій, данныхъ намъ! Во имя чести и славы вашей!.. Главное—свершено... Вы—свободны отъ стараго гнета... Миръ будетъ объявленъ немедленно!.. Будьте же благодарны судьбѣ... Не обагряйте рукъ своихъ кровью... хотя бы и такого преступника, какъ этотъ жалкій старикъ!..

Образумилась, утихать понемногу стала толпа... Весельемъ смѣнился грозный вой и рокотъ.

— Вильгельмъ Гогенцоллернъ, вы арестованы волею народа!—объявилъ потрясенному старику фонъ-Лаунеръ.—Отдайте вашу шпагу.

Словно не узнавая, поглядѣлъ Вильгельмъ на своего бывшаго «агента»...

Видя, что трясущаяся рука не слушается воли уничтоженнаго человѣка, фонъ-Лаунеръ далъ знакъ... Кто-то снялъ шпагу съ Вильгельма...

И подъ конвоемъ народнымъ, плѣнникомъ вернулся онъ во дворецъ, гдѣ былъ повелителемъ долгій рядъ лѣтъ!..

ВМѢСТО ЭПИЛОГА.

„Царству и міру—миръ".

Въ сентябрѣ того же года, на Всемірномъ Конгрессѣ въ Парижѣ, подписанъ былъ договоръ о вѣчномъ мирѣ между прежними врагами: «Четвернымъ Согласіемъ» съ одной стороны и «Соединенными Штатами Центральной Европы»—съ другой.

Вся Европа, полъ міра—вздохнуло легко, когда закончилась эта безпримѣрная, грозная бойня... эта—Война за миръ въ цѣломъ мірѣ, завершенная побѣдою романскихъ народовъ и славянъ надъ тевтонскими насильниками...

Старая вражда была сведена на нѣтъ. Свободный германскій народъ получилъ миръ на самыхъ почетныхъ условіяхъ, о какихъ не смѣлъ бы раньше и мечтать!

Все прежнее, мрачное было позабыто во имя началъ братства и любви, начертанныхъ на знамени новой Великой Республики тевтонскихъ народовъ, которые искренно отреклись отъ горделивой мечты о міровомъ господствѣ.

Но... военныя приготовленія не были вовсе оставлены, забыты въ Европѣ.

Что-то темнѣло на Востокѣ, въ Китаѣ, куда успѣли забросить свой ядъ начала бывшаго германскаго военнаго имперіализма...

На Востокѣ Азіи — 400 милліоновъ людей стало думать о томъ, что ему слишкомъ тѣсно въ его городахъ, что голодно живется отъ урожая, приносимаго родными полями... Раньше презираемое ремесло—солдата стало привлекать больше и больше головъ и рукъ.

И Бѣлое человѣчество, угадывая грядущія событія,—готовилось на всякій случай къ грозному столкновенію съ Людьми Желтой Кожи, чтобы въ рѣшительную минуту—отстоять и спасти достояніе тысячелѣтнихъ трудовъ, все что далъ міру человѣческій геній до самыхъ послѣднихъ дней...

Оглавленіе:

ЧАСТЬ I.

ПУТИ ГИБЕЛИ.

Глава I. Во дни удачи 3
» II. У Вильгельма 24

ЧАСТЬ II-я.

КЪ НОВОЙ ЖИЗНИ.

Глава I. На переломѣ 61
» II. Послѣдній день Гогенцоллерновъ 109

Вмѣсто эпилога.

«Царству и міру—миръ!» 123

Левъ Ждановъ:

Историческія повѣсти для юношества, изд. А. Ф. Девріена.

(Петроградъ, В. О., 4-я линія. д. 13).

Царь Іоаннъ Грозный, съ иллюстраціями акад. В. Лебедева. изд. 2-е. Ц. 3 р. 50 к. Въ пер. 4 р. 25 к.
Царь и опричники, съ иллюстрац. акад. В. Лебедева, ц, 3 р. 50 к, Въ пер. 4 р. 25 к.
Русь на переломѣ (Стрѣлецкіе бунты), иллюстраціи Апсита, 2 р. 50 к. Въ пер., ц. 3 р. 25 к.
Отрокъ-Властелинъ (Юный Петръ), иллюстр. Апсита; 3 р. Въ пер. ц. 3 р. 75 к.
На Малаховомъ Курганѣ. (Л. Жданова и Радича), иллюстр. Левитскаго, 80 к. Въ пер, ц. 1 р.

РОМАНЫ И ПЬЕСЫ:

Гипатія,— Мирра.—Историческія трагедіи. Безусл, дозвол. къ представленію. Ц; 1 р. 50 к.
Два милліона въ годъ. (Нищій-милліонеръ), фантастическій романъ съ цвѣтными иллюстрац. и рисунками въ текстѣ. Изд. 3-е; ц. 2 р. 50 к., въ пер. 3 р. (Для юношества).
Вѣнчанныя затворницы, истор. романъ изъ жизни Грознаго. ц. 60 к.
Санктъ-Питербурхъ, историч. пьеса Удост. одобренія Особ. Комис. Импер. Академіи Наукъ. Съ тремя фототипіями, ц. 50 к. (къ предст. дозволена).
Подъ колесомъ, пьеса въ 4 д., ц. 2 р. } Обѣ премированы на конкурсѣ СПБ. Литературно-
Милліоны въ огнѣ, ц. 2 р. } Художеств. Общ.
Въ Сѣверной глуши, пьеса въ 4 д. удост. одобренія на конкурсѣ имени Вучино. (Репертуаръ Московск, Импер. Малаго Театра), ц. 1 р.
Женскія тѣни. Сборникъ разсказовъ. Москва. ц. 50 к. (Распродано).
Святая душа, ком. въ 4 д. Одобрена С.-Петербургскимъ Театрально-Литер. Комитетомъ для постановки на Импер. театрахъ, ц. 2 р.
Вопросы чести. Драма изъ военной жизни. Удост. одобренія на конкурсѣ имени А. Островскаго, ц. 60 к.

ИСТОРИЧЕСКІЕ РОМАНЫ—ХРОНИКИ съ иллюстр. и портретами, издан. „ПРОМЕТЕЙ". Петроградъ, Поварской. д. № 10.

Въ стѣнахъ Варшавы. Кн. I. Изд. 2-е		1 р. 50 к.
Въ стѣнахъ Варшавы. Кн. II		1 „ 50 „
Осажденная Варшава. Кн. III		1 „ 50 „
„Сгибла Польша!" Кн. IV.		1 „ 50 „
Послѣдній фаворитъ. Кн. I	Изд. 2-е	по 1 „ 25 „
Послѣдній фаворитъ. Кн. II.	Изд. 2-е	по 1 „ 25 „
Былые дни Сибири. Кн. I.		1 „ 25 „
Былые дни Сибири. Кн. II.		1 „ 25 „
Третій Римъ.	Изд. 2-е	по 2 „ — „
Грозное время.	Изд. 2-е	по 2 „ — „
Новая Русь.		1 „ 50 „
Петръ и Софья.		2 „ — „

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Петръ Великій, историч. романъ-хроника въ 3-хъ книгахъ.
Книга жизни, сборникъ стиховъ.
На грани, пьеса въ 3-хъ д. съ эпилогомъ.
Царица изъ Царьграда.
Война за миръ. Романъ въ 3-хъ книгахъ.

Собраніе драматическихъ сочиненій, въ трехъ томахъ.

Томъ I.: РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Подъ колесомъ,—Санктъ-Питербурхъ, — Въ сѣверной глуши, — Милліоны въ огнѣ, — Врачи души и тѣла,—Тихія жертвы,—Святая душа.

Томъ 2.: ЕВРОПЕЙСКІЙ ТЕАТРЪ. (Переводы).

Г. ЗУДЕРМАНЪ, Родина, Огни на Ивана Купала, Г. ГАУПТМАНЪ, Михаэль Крамеръ, Коллега Крампгонъ, МАКСЪ ГАЛЬБЭ. Юность, Р. БУХГОЛЬЦЪ, Новая линія (Liebeszauber), А. ДОДЭ и БЭЛЛО. Сафо. ФР. КОППЭ.—Изъ-за короны (Изъ-за вѣнца!); тр. въ 5 д. въ стихахъ ФР. КЮРЕЛЬ. Живая кукла (La Figurante) В. САРДУ и Э. ДЕ НАНЖАКЪ. Сипріэна (Divorçons!).

Томъ 3-й. СОВРЕМЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

Святогоръ да Илья Богатыри, феерія-сказка въ 2 д. Наполеонъ, эт. въ 1 д. въ стихахъ (Л. Жданова и А. Федорова), Она жизнь поняла, др. эт. въ 1 д. На огонекъ, эт. въ 1 д. (обѣ изъ репертуара Импер. Московск. Малаго театра). Залетѣла! эт. въ 1 д.— Юбилей, др. эт. въ 1 д.—Братья-соперники, др. эт. въ 1 д.—Вернулась, др. эт. въ 1 д.

Цѣна каждаго тома до выхода въ свѣтъ, по подпискѣ 1 р. 25 к., по выходѣ цѣна тома 2 р.

Разрѣшено военной цензурой 16 мая 1916 г.

1 р. 75 к.

Складъ изданія: Кн-во „ПРОМЕТЕЙ", Петроградъ, Поварской 10; Т-во М. О. ВОЛЬФА, Кн. магазины „НОВАГО ВРЕМЕНИ" (Петроградъ, Москва и др. гор.). МЕЛЬЕ, КАРАБАСНИКОВА „ЗЕМЛЯ" (Нев. 55) и М. ПОПОВА (М. Яснаго), В. ФРЕНКЕЛЬ (Поварской, 9).